П. Н. Ардашевъ,

Профессоръ Императорскаго Университета св. Владиміра
по каѳедрѣ всеобщей исторіи.

КУРСЪ НОВОЙ ИСТОРІИ

для VII кл. мужскихъ гимназій

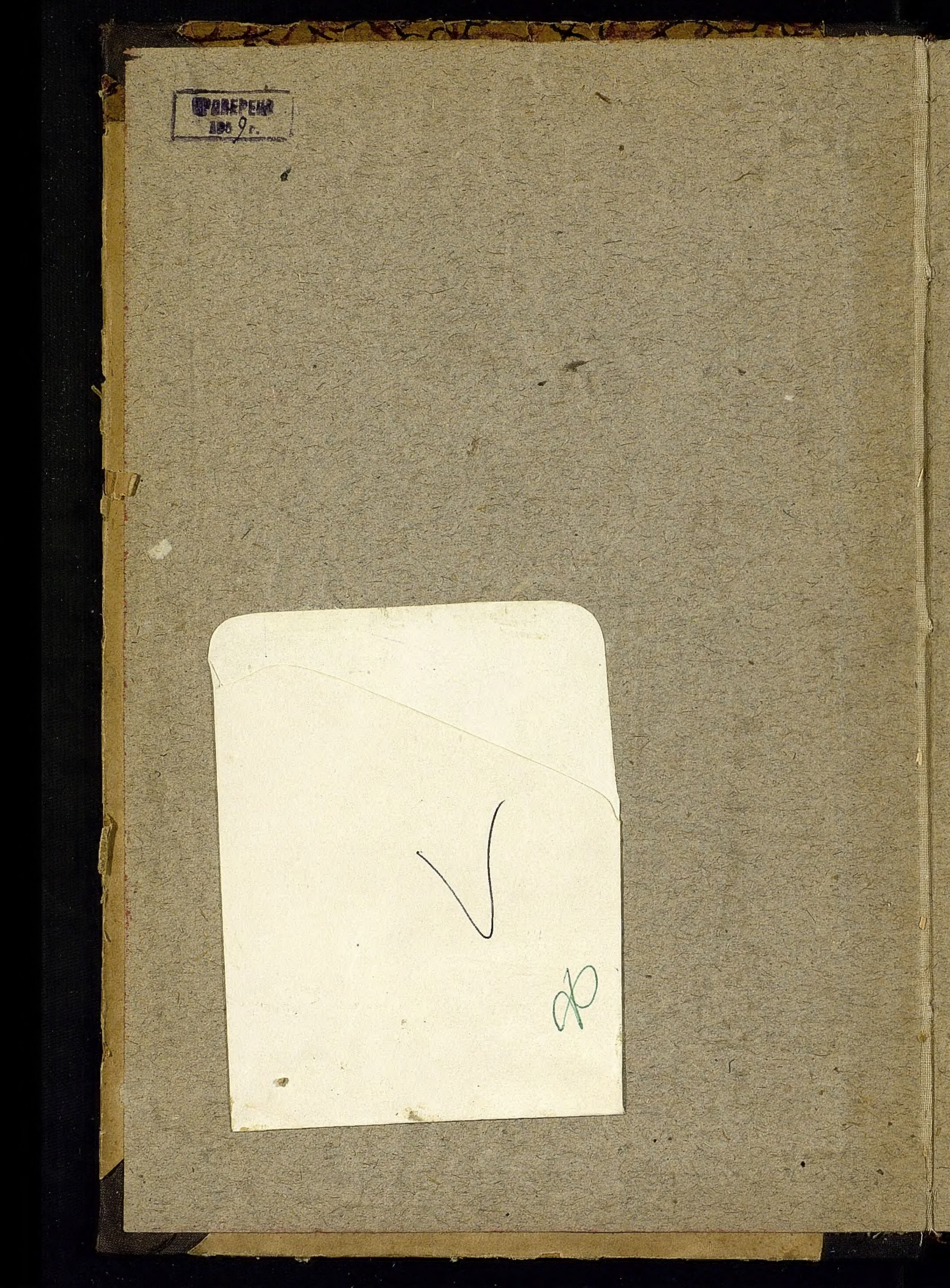
По программѣ, утвержденной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія
13 іюля 1913 года.

На конкурсѣ учебниковъ по новой исторіи въ 1915 г. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія удостоенъ половины большой преміи.

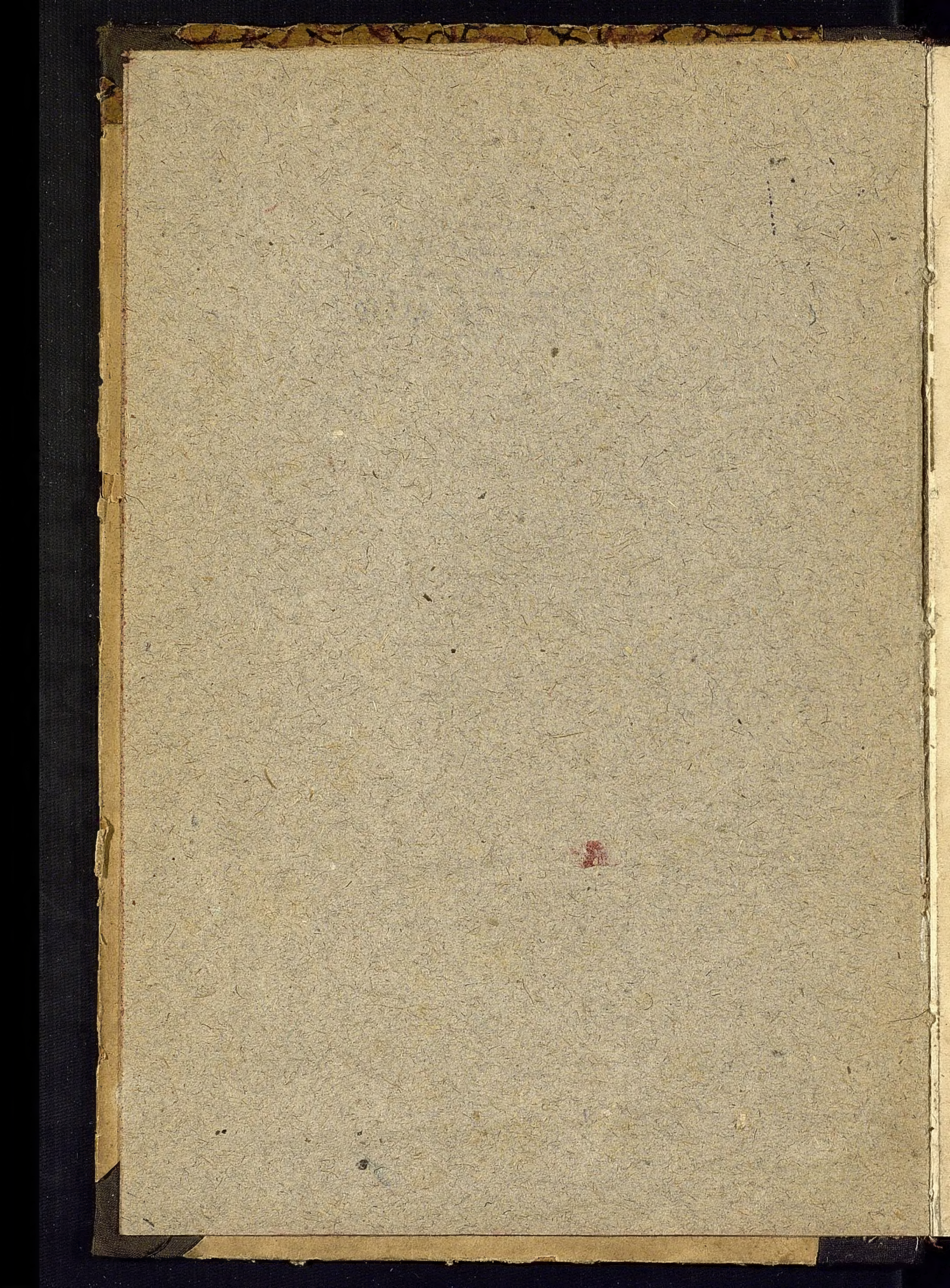
Цѣна 1 руб.

Кіевъ, 1915.

Продается въ книжномъ магазинѣ Леона Идзиковскаго въ Кіевѣ
(Крещатикъ, 29).

Проверено
193 9 г.

П. Н. Ардашевъ,

Профессоръ Императорскаго Университета св. Владиміра
по каѳедрѣ всеобщей исторіи.

КУРСЪ НОВОЙ ИСТОРІИ

для VII кл. мужскихъ гимназій

**По программѣ, утвержденной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія
13 іюля 1913 года.**

На конкурсѣ учебниковъ по новой
исторіи въ 1915 г. Ученымъ Коми-
тетомъ Министерства Народнаго
Просвѣщенія удостоенъ половины
большой преміи.

Цѣна 1 руб.

КІЕВЪ.
Типографія Кіевской 2-й Артели, Владимірская, 43.
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Гуманизмъ.

II. Великія изобрѣтенія и открытія.

III. Просвѣщеніе XVII—XVIII в. и главныя явленія государственной жизни Франціи и Англіи въ XVIII в.

IV. Основныя теченія девятнадцатаго вѣка.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выработанными въ 1913 г. новыми программами по исторіи для мужскихъ гимназій (утвержденными Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 13 іюля 1913 г.) имѣется въ виду, по объясненію Министерства (циркуляръ 31 іюля 1913 г.), „возможное усовершенствованіе получаемыхъ нынѣ (и часто недостаточныхъ) учебно-воспитательныхъ результатовъ изученія исторіи въ нашей средней школѣ, путемъ болѣе успѣшнаго и вдумчиваго усвоенія этого предмета и поднятія къ нему интереса со стороны учениковъ“. „Съ этой цѣлью“—продолжаетъ министерскій циркуляръ—„въ новыхъ программахъ вводится съ большею, чѣмъ раньше, опредѣленностью система повторительныхъ, постепенно углубляемыхъ, курсовъ по отдѣльнымъ частямъ исторіи, въ связи съ литературой и искусствомъ даннаго періода“.

Курсъ новой исторіи по новымъ программамъ раздѣляется на двѣ ступени. Первая ступень проходится въ пятомъ и первомъ полугодіи шестого класса, вторая ступень—въ седьмомъ классѣ (по два урока во всѣхъ классахъ). Вторая ступень по мысли составителей программы новой исторіи, должна состоять въ повтореніи политической и военной исторіи, составляющей главное содержаніе первой ступени, дополненномъ обстоятельными экскурсами въ область культурной исторіи, лишь слегка затронутой въ первой ступени. Исключеніе составляетъ лишь церковная реформація: хотя и попреимуществу культурное явленіе, но неотдѣлимое отъ политической исторіи эпохи, она отнесена къ первой ступени и потому во второй затрагивается лишь въ видѣ общей характеристики, въ связи, съ одной стороны—съ гуманизмомъ, съ другой—съ позднѣйшимъ культурнымъ развитіемъ Европы.

Составленная примѣнительно къ утвержденной Министерствомъ программѣ и сопровождающей ее объяснительной запискѣ (напечатаннымъ въ „Ж. М. Н. П.“ за августъ 1913 г.), настоящая книга является, поэтому, не столько повторительнымъ, сколько дополнительнымъ курсомъ къ курсу первой ступени, который и для седьмого класса сохраняетъ значеніе руководства при повтореніи политической и военной исторіи, а также исторіи реформаціи.

Настоящая книга была представлена въ рукописи на конкурсъ, объявленный Ученымъ Комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія на составленіе руководства, соотвѣтствующаго новой программѣ „второй ступени“ (VII кл.), и была въ маѣ текущаго года удостоена половины большой преміи. Хотя въ печати эта книга появляется въ исправленомъ и дополненномъ, согласно указаніямъ Ученаго Комитета, видѣ, и въ общемъ удостоилась его авторитетнаго одобренія, тѣмъ не менѣе авторъ далекъ отъ того, чтобы думать, что она не нуждается въ дальнѣйшихъ исправленіяхъ и дополненіяхъ, а, быть можетъ, и частичныхъ сокращеніяхъ. Въ этомъ отношеніи онъ позволяетъ себѣ разсчитывать на помощь и содѣйствіе преподавателей средней школы, которымъ угодно будетъ ознакомиться съ настоящею учебною книгою или даже испробовать ее въ качествѣ руководства для своего класса. Авторъ будетъ искренно признателенъ всѣмъ тѣмъ изъ педагоговъ, которые соблаговолятъ подѣлиться съ нимъ своими указаніями относительно замѣченныхъ ими или же обнаруженныхъ опытомъ недостатковъ ея и тѣмъ облегчить ему дальнѣйшую работу надъ ея усовершенствованіемъ. Въ виду невозможности слѣдить за обширной педагогической и литературной прессой, авторъ покорнѣйше проситъ присылать ему (по адресу: Кіевъ, Университетъ) не только письменныя замѣчанія, но также и печатные отзывы, или, по крайней мѣрѣ, указанія на рецензіи, появившіяся въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи.

Святошинъ, близъ Кіева,
14 августа 1915 г.

Павелъ Ардашевъ.

Извлеченіе изъ оффиціальной части „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" за іюль 1915 года:

Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

О конкурсѣ на соисканіе въ 1915 г. премій (двухъ большихъ и двухъ малыхъ) изъ суммъ Ученаго Комитета за лучшіе учебники для мужскихъ гимназій по средней и новой исторіи, каковыя преміи, согласно съ утвержденнымъ Министерствомъ 16-го мая опредѣленіемъ Ученаго Комитета, по размѣру и всѣмъ прочимъ условіямъ, вполнѣ отвѣчаютъ преміямъ Императора Петра Великаго.

Для соисканія означенныхъ премій были назначены слѣдующія темы: 1) Повторительный курсъ средней исторіи и 2) Повторительный курсъ новой исторіи.

Къ опредѣленному Ученымъ Комитетомъ сроку (1 ноября 1914 г.) были представлены три рукописныхъ сочиненія. Для ихъ разсмотрѣнія при ученомъ комитетѣ была образована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ приглашеннаго къ участію въ трудахъ Ученаго Комитета орд. проф. Императорскаго женскаго педагогическаго института А. А. Васильева, въ составъ коей вошли членъ ученаго комитета П. Г. Васенко и экстраорд. проф. Императорскаго женскаго педаг. инст. А. Г. Вульфіусъ.

Комиссія, обсудивъ на основаніи рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ на ея разсмотрѣніе сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ Ученый Комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи, какъ этого заключенія, такъ и отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) Рукописное сочиненіе: „Повторительный курсъ новой исторіи“ неизвѣстнаго автора, представленное подъ девизомъ: „L'Histoire c'est la résurrection (Michelet)“, признать заслуживающимъ половины (1000 р.) большой преміи (2000 руб.) изъ суммъ Ученаго Комитета, каковую сумму (1000 р.) и выдать автору по представленіи сочиненія въ исправленномъ и напечатанномъ видѣ

По вскрытіи въ засѣданіи Ученаго Комитета запечатаннаго конверта съ тѣмъ же девизомъ, авторомъ удостоеннаго преміи сочиненія оказался профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Павелъ Николаевичъ Ардашевъ.

2) Прочіе два представленныя на конкурсъ сочиненія признать преміи не заслуживающими.

Таковое опредѣленіе Ученаго Комитета утверждено г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Разборъ означеннаго сочиненія, представленный Ученому Комитету образованной для этого особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ проф. А. А. Васильева, напечатанъ полностью въ той же книжкѣ **Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія**. Ниже приводится извлеченіе изъ этого разбора.

Разборъ сочиненія, удостоеннаго въ 1915 году половины большой преміи изъ суммъ Ученаго Комитета.

Предлагаемый трудъ въ общемъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Авторъ прекрасно владѣетъ матеріаломъ, во всѣхъ частяхъ курса чувствуется знакомство съ новыми данными исторической науки; языкъ простой и вразумительный, хотя и несвободенъ иногда отъ нѣкоторой ученой сухости.

При всемъ этомъ авторъ умѣетъ эффектно и наглядно группировать факты, успѣшно пользуется противопоставленіями и выпукло выдвигаетъ главные моменты въ изображаемыхъ событіяхъ и явленіяхъ.

Въ видѣ примѣра можно было бы указать на удачное изображеніе различія гуманистическаго и средневѣковаго міровоззрѣнія, англійскаго и французскаго просвѣщенія, отчасти реформаціи и гуманизма. Образцомъ толковой исторической характеристики можетъ служить въ высшей степени ясное и систематическое изображеніе парламентской системы Англіи въ XVIII в.

Кромѣ того, авторъ очень умѣло пользуется цитатами изъ современныхъ источниковъ и тѣмъ самымъ придаетъ своему изложенію нѣкоторый историческій колоритъ.

Особенно удачны отдѣлы II и III, посвященные великимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, ихъ послѣдствіямъ, просвѣщенію, старому порядку и революціи.

I. ГУМАНИЗМЪ.

Гуманизмъ, какъ возрожденіе классической древности. Начало новаго времени отмѣчено широкимъ умственнымъ движеніемъ, которое возникло еще въ концѣ средневѣковья, въ Италіи, но затѣмъ, съ середины XV в., распространилось мало-по-малу по всему западно-европейскому міру и оказало глубокое вліяніе на все дальнѣйшее развитіе духовной культуры Европы. Это умственное движеніе извѣстно подъ двоякимъ названіемъ: *возрожденія* и *гуманизма.* Первое названіе указываетъ на тѣсную связь этого движенія съ такъ называемымъ „возрожденіемъ классической древности", то-есть пробужденіемъ интереса къ литературѣ, искусству и вообще къ культурѣ античнаго греко-римскаго міра; второе же названіе указываетъ на основной характеръ новаго умственнаго направленія. Если центръ тяжести умственныхъ интересовъ средневѣковаго человѣка лежалъ въ „божественномъ" (divina), то такимъ центромъ для представителя новой образованности, гуманиста, является „человѣческое" (humana). Другими словами, названіе *гуманизмъ* указываетъ на чисто свѣтскій характеръ новаго умственнаго направленія, въ противоположность церковно-богословскому характеру средневѣковой образованности.

Дѣйствительно, гуманисты одушевлены двумя основными идейными стремленіями: пріобщиться къ древне-классической образованности и отрѣшиться отъ образованности средневѣковой.

Средніе вѣка были временемъ почти полнаго забвенія классической древности. Культурныя связи съ послѣд-

ней, конечно, существовали, но онѣ либо вовсе не сознавались, либо сознавались крайне смутно средневѣковыми людьми. Связи эти существовали, во-первыхъ, въ разныхъ областяхъ *права*: въ *правѣ церковномъ,* которое сложилось на Западѣ подъ сильнымъ вліяніемъ правовыхъ понятій, созданныхъ римской имперіей; въ *правѣ государственомъ*, поскольку сохранялся титулъ (возстановленной) римской имперіи; въ *правѣ гражданскомъ*—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ входившихъ въ составъ римской имперіи частей З. Европы, которыя подверглись сильной „романизаціи", какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи и Испаніи, не говоря уже объ Италіи, гдѣ продолжало сохранять силу римское, или какъ его называли, *писаное право,* въ отличіе отъ неписанаго, *обычнаго права,* господствовавшаго въ остальныхъ странахъ. Затѣмъ, культурная связь среднихъ вѣковъ съ классической древностью продолжала сохраняться въ средніе вѣка въ *языкѣ.* Латинскій языкъ не умеръ съ прекращеніемъ римской имперіи. Онъ сохранился, во-первыхъ, какъ оффиціальный языкъ западной церкви. Латинскій переводъ Библіи, такъ называемая *Вульгата,* былъ оффиціально признаннымъ текстомъ св. Писанія, равносильнымъ по своей авторитетности съ подлинникомъ. На латинскомъ же языкѣ совершались всѣ богослуженія и требы; по-латыни произносились проповѣди. На латинскомъ языкѣ издавались папскія буллы, соборныя постановленія и вообще всѣ оффиціальные акты церковнаго законодательства и церковнаго управленія. Такъ какъ школа въ средніе вѣка находилась въ тѣсной связи съ церковью, то латинскій языкъ сдѣлался также и языкомъ преподаванія на всѣхъ его ступеняхъ; съ появленіемъ же университетовъ во второй половинѣ средневѣковья, латынь сдѣлалась языкомъ университетской науки вообще, не говоря уже о наукѣ богословской. Въ виду того значенія, какое латинскій языкъ получилъ въ церкви и школѣ, естественно, что онъ сдѣлался вообще языкомъ образованія и письменности въ средніе вѣка. Кромѣ вліянія церкви и связанной съ нею школы,

своимъ исключительнымъ положеніемъ и значеніемъ въ средніе вѣка латинскій языкъ обязанъ былъ также и тому обстоятельству, что въ теченіе почти всего средневѣковья ни одинъ изъ новыхъ языковъ не былъ настолько выработанъ, чтобы служить языкомъ литературы, науки и школы.

Однако значеніе римскаго права и латинскаго языка, въ качествѣ нитей, связывавшихъ классическую древность съ средневѣковьемъ, было крайне ограничено. Оно ограничивалось, во-первыхъ, однимъ лишь римскимъ міромъ и оставляло въ сторонѣ несравненно болѣе богатый культурнымъ содержаніемъ міръ древней Эллады; а во-вторыхъ, обѣ указанныя связи мало сознавались средневѣковыми людьми, какъ таковыя. Поэтому, хотя въ средніе вѣка учились по-латыни и писали по-латыни, но о классической римской литературѣ (не говоря уже о греческой) имѣли очень смутныя представленія. За предѣлами Италіи, занимавшей въ этомъ отношеніи нѣсколько особое положеніе (о чемъ — ниже) древнихъ писателей почти не читали, а люди благочестивые даже избѣгали такого чтенія, какъ опаснаго и несовмѣстимаго съ христіанскимъ благочестіемъ. Если иному набожному монаху случалось въ глубинѣ старинной библіотеки найти пергаментъ съ какимъ-нибудь древнимъ латинскимъ текстомъ, то онъ спѣшилъ смыть послѣдній, чтобы на очищенномъ такимъ образомъ драгоцѣнномъ письменномъ матеріалѣ записать какое-нибудь благочестивое сказаніе или церковное поученіе.

Но вотъ, къ концу среднихъ вѣковъ появляются новые люди, одушевленные живѣйшимъ интересомъ къ этому забытому міру классической древности и горящіе страстнымъ желаніемъ узнать его и прежде всего — читать тѣ самыя произведенія древнихъ авторовъ, которыя не только не интересовали, но и пугали средневѣковыхъ людей. Эти новые люди и были *гуманисты*.

Новые люди. Гуманизмъ, какъ проявленіе индивидуализма. Гуманизмъ, прежде чѣмъ стать общеевропей-

скимъ явленіемъ, имѣлъ вначалѣ характеръ мѣстнаго явленія. Онъ возникъ первоначально въ Италіи. Италія, ближе прочихъ странъ З. Европы стоявшая къ культурнымъ традиціямъ древняго Рима, являлась въ концѣ средневѣковья такой же передовой въ культурномъ отношеніи страной на Западѣ, какой была на Востокѣ — Византія, сохранившая главнымъ образомъ культурныя связи съ древней Греціей. Италія же изъ всѣхъ странъ Запада находилась въ средніе вѣка въ наиболѣе оживленныхъ сношеніяхъ съ Византіей— торговыхъ, политическихъ и культурныхъ въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Естественно поэтому, что и тѣ культурныя явленія, которыми характеризуется новое время въ отличіе отъ средневѣковья, мы встрѣчаемъ ранѣе всего на почвѣ Италіи. Можно даже сказать, что новое время въ Италіи началось ранѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ то время, какъ послѣдняя еще доживала послѣднія полтора столѣтія средневѣковья, Италія жила уже въ культурной атмосферѣ новаго времени, созданной новыми людьми — гуманистами.

Новый человѣкъ явился на смѣну средневѣковому раньше всего въ Италіи—потому, что здѣсь ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, явились новыя культурно-общественныя условія жизни на смѣну старымъ. Въ Италіи ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, рушился феодальный строй, который здѣсь вообще никогда не отличался прочностью. Ранѣе всего это произошло въ сѣверной Италіи, гдѣ разросшіеся и разбогатѣвшіе, вслѣдствіе торговой и промышленной дѣятельности, города начинаютъ, еще съ XI в., высвобождаться изъ-подъ власти своихъ феодальныхъ сеньеровъ и организоваться въ маленькія свободныя республики, подъ номинальной властью „священной римской имперіи“, но фактически совершенно независимыя. Въ этихъ автономныхъ городскихъ „коммунахъ“ общественно-политическая жизнь разыгрывается уже въ совершенно новыхъ рамкахъ, непохожихъ на то, что было создано феодальной іерархіей. Здѣсь не было болѣе ни *сеньера*, ни *вассаловъ:* были лишь *граждане*. Если власть фео-

дальнаго сеньера покоилась на вассальной вѣрности и на обладанiи землей (феодомъ или леномъ), то въ новыхъ городскихъ республикахъ она основывалась на народной волѣ—въ идеѣ, на народномъ избранiи—въ принципѣ, а на практикѣ—на борьбѣ партiй и личныхъ честолюбiй. Въ концѣ концовъ вопросъ о власти рѣшался зачастую захватомъ ея со стороны ли одного изъ вождей борющихся партiй, со стороны ли отдѣльнаго честолюбца. Въ случаѣ удачнаго захвата власти, республика превышалась въ *княжество* или *сеньерiю,* какъ называли сами итальянцы эти новыя воспроизведенiя древне-греческихъ тираннiй. Такой захватъ власти сдѣлался обычнымъ явленiемъ въ XIV и особенно въ XV в., такъ что къ концу этого столѣтiя изъ всѣхъ многочисленныхъ итальянскихъ республикъ сохранилась лишь одна—Венецiя; всѣ же остальныя превратились, если не по титулу, то по существу дѣла, въ меленькiя монархiи.

Однако сами *сеньеры* или *князья* находили нужнымъ считаться съ республиканскими навыками своихъ свободолюбивыхъ „согражданъ", какъ они называли своихъ подданныхъ. Зачастую предводитель или ставленникъ одной изъ партiй, „князь" естественно долженъ былъ поддерживать выдвинувшую его къ власти партiю или общественную группу. Борьба партiй продолжалась, иногда вела къ перевороту, къ сверженiю тиранна или замѣнѣ его новымъ. Не имѣя опоры въ традицiи и наслѣдственности, „князь" старался заручиться популярностью, заискивалъ передъ общественнымъ мнѣнiемъ и т. п. Въ результатѣ, замѣна республики принципатомъ мало измѣняла общiй характеръ общественно-политической жизни итальянскихъ городовъ, продолжавшей носить по-прежнему республиканскую окраску.

Новыя условiя общественно-политической жизни создали и новый, совершенно незнакомый средневѣковому феодализму, типъ человѣка. Это человѣкъ, для котораго очень мало значитъ то, что имѣло рѣшающее значенiе для средневѣковаго человѣка: *традицiя* и *корпорацiя.* Средневѣковый человѣкъ получалъ свое мѣсто въ обществѣ отъ сво-

ихъ отцовъ и дѣдовъ: сынъ сеньера становился сеньеромъ, сынъ ремесленника—ремесленникомъ. Онъ имѣлъ то или другое значенiе въ обществѣ въ зависимостн отъ своей принадлежности къ той или другой корпораціи: сословію, цеху, гильдiи. Совсѣмъ иное—*новый человѣкъ*. Онъ не получаетъ свою роль, какъ благопріобрѣтенное наслѣдство, отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, а создаетъ ее себѣ самъ, и не какъ членъ той или другой корпораціи, а какъ отдѣльная, самодовлѣющая личность. Новый человѣкъ—это въ полномъ смыслѣ слова fortunae suae ipse faber, „самъ кузнецъ своего собственнаго счастья, своей судьбы". Сила и значенiе новаго человѣка коренятся не въ историческомъ правѣ, не въ незапамятной традиціи, не въ вѣковой привилегіи, не въ пожелтѣвшемъ отъ времени пергаментѣ, а въ личныхъ усиліяхъ, въ личной энергіи, въ личномъ талантѣ. Словомъ, новый человѣкъ носитъ въ себѣ ярко выраженное *личное начало*. Отъ средневѣковаго человѣка новый человѣкъ отличается своимъ *индивидуализмомъ*. Нельзя сказать, чтобы индивидуализмъ былъ чуждъ и среднимъ вѣкамъ; но тамъ онъ является въ видѣ единичныхъ исключеній, здѣсь онъ—правило. Въ противоположность средневѣковому индивидуализму, который находилъ себѣ выраженіе либо въ отдѣльныхъ сильныхъ личностяхъ, либо въ особыхъ направленіяхъ религіозной мысли (мистицизмъ), *индивидуализмъ новаго времени носитъ широко общественный и при томъ чисто свѣтскій характеръ и находитъ себѣ выраженіе въ особыхъ соціальныхъ типахъ*. Главными по своему историческому значенію изъ этихъ *типовъ индивидуализма* являются въ сферѣ общественно-политической—итальянскіе *князья* XIV—XV в., въ области духовной культуры—*гуманисты*. Оба эти типа новыхъ людей, одинаково выдвинутые городской культурой, развившейся въ Италіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, появляются одновременно и отчасти вступаютъ во взаимодѣйствіе, въ особенности въ XV в., въ эпоху расцвѣта какъ гуманизма, такъ и принципата[1]). О по-

[1]) *Принципатъ*—отъ итал. principi—„князья".

слѣднемъ болѣе обстоятельно будетъ сказано ниже, а теперь остановимъ наше вниманіе на гуманизмѣ.

Открытіе античнаго міра. Новый человѣкъ приноситъ съ собой и новые умственные запросы, которые, естественно, не находятъ себѣ удовлетворенія въ традиціонной средневѣковой образованности. Образованность эта—чисто монастырская, проникнутая богословскими идеями, церковными тенденціями и аскетическими идеалами, совершенно чуждыми новому человѣку, который прежде всего—горожанинъ, продуктъ высоко развитой городской жизни, съ ея чисто „мірскими“, свѣтскими интересами и идеалами. Далѣе, средневѣковая схоластическая образованность чужда была новому человѣку потому, что она совершенно не интересовалась реальнымъ міромъ и въ частности человѣкомъ. Болѣе того, всякое стремленіе къ знанію разсматривалось, какъ праздное и даже грѣховое любопытство, если оно не имѣло своею конечною цѣлью познанія божественнаго. Послѣднее считалось единственно достойнымъ предметомъ познанія. Поэтому схоластическая наука интересовалась только „божественнымъ“, то-есть богословскими понятіями и предназначенными служить вспомогательнымъ орудіемъ богословской мысли логическими и метафизическими отвлеченностями—согласно извѣстному изреченію: „философія—служанка богословія“. Схоластика отличалась полнымъ равнодушіемъ къ реальному міру и къ самому человѣку, какъ предмету познанія. Напротивъ, новый человѣкъ, съ его живымъ интересомъ къ человѣческой личности и къ окружающему человѣка реальному міру, былъ одержимъ новой страстью, совершенно незнакомой средневѣковому человѣку: *страстью знанія, любознательностью.* Средневѣковый человѣкъ, воспитанный на схоластикѣ, не зналъ любознательности, потому что послѣдняя была чужда схоластической наукѣ. Въ основѣ этой науки лежала та принимавшаяся за аксіому мысль, что вся доступная для человѣческаго ума истина уже дана человѣку: она дана въ ученіи церкви. Истина не есть нѣчто *искомое,* она

есть—*данное*. А разъ такъ, то *искать* ее нѣтъ нужды, ее остается лишь *познать* и *понять* посредствомъ усвоенія и углубленія церковнаго ученія. Эту задачу и брала на себя схоластическая наука.

Такая наука, естественно, не могла удовлетворить новаго человѣка, съ его живымъ интересомъ къ реальному міру, къ природѣ, къ человѣку, наконецъ—къ своему собственному я. Не находившая себѣ удовлетворенія въ схоластической наукѣ любознательность, естественно, привела новаго человѣка туда, гдѣ онъ могъ разсчитывать на удовлетвореніе своей жажды знанія міра и человѣка, то-есть къ литературному и художественному наслѣдію классической древности. *Культурный міръ классической древности былъ первымъ великимъ открытіемъ человѣческой любознательности, стряхнувшей съ себя дремоту, навѣянную средневѣковой схоластикой.* Это было своего рода открытіе новаго міра духовнаго, предшествовавшее открытію новаго міра матеріальнаго („Новаго Свѣта"). Этотъ новый міръ, проникнутый живымъ интересомъ къ природѣ и человѣчеству и жизнерадостнымъ настроеніемъ, привлекалъ къ себѣ и увлекалъ гуманистовъ именно потому, что они сами были проникнуты тѣмъ же интересомъ и тѣмъ же настроеніемъ. Въ литературѣ, философіи и искусствѣ классической древности гуманисты находили вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое оружіе для борьбы съ отживавшей схоластикой и аскетическимъ міросозерцаніемъ, которымъ они объявили войну во имя новыхъ идей и идеаловъ.

Гуманизмъ въ Италіи. Античныя традиціи. *Гуманисты были именно тѣми изъ „новыхъ людей", которые за отвѣтами на свои духовные запросы и за оружіемъ для борьбы съ схоластической образованностью и аскетическими идеалами обратились къ идейному наслѣдію античнаго міра.* Гуманисты появились ранѣе всего въ Италіи. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что здѣсь ранѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ средневѣковой Европѣ, создались культурно-

общественныя условія сдѣлавшія возможнымъ появленіе „новыхъ людей“ (см. выше, стр. 3—4). Съ другой стороны, здѣсь же „новые люди“ нашли наиболѣе благопріятныя условія для того „возрожденія классической древности“, къ которому стремились. Античныя традиціи въ сущности никогда не умирали въ Италіи, которую связывало съ классической древностью столько и матеріальныхъ и духовныхъ нитей. Связующей нитью являлся, во-первыхъ, *Римъ*, со множествомъ памятниковъ и вещественныхъ остатковъ античной древности; да такими памятниками и остатками была усѣяна, можно сказать, вся почва Италіи. Многочисленныя развалины древнихъ сооруженій или сохранившіяся отъ древности храмы, общественныя зданія, гробницы, статуи, даже утварь— все это постоянно напоминало объ античномъ мірѣ. Образцы античнаго искусства никогда не переставали оказывать своего вліянія на искусство Италіи, которое продолжало въ теченіе всего средневѣковья носить, въ осбенности въ зодчествѣ, отпечатокъ римскихъ традицій: выработавшійся въ остальной Европѣ, независимо отъ античныхъ вліяній, готическій стиль въ Италіи не получилъ сколько-нибудь значительнаго распространенія.

Но и независимо отъ вещественныхъ памятниковъ античной древности, Римъ продолжалъ служить связующей нитью съ послѣдней, именно тѣмъ, что продолжалъ считаться столицею имперіи („Священной Римской имперіи“). *Римское право* продолжало играть роль дѣйствующаго права въ Италіи, и итальянскіе суды пользовались кодексомъ Юстиніана. Возникшіе въ XII в. первыя высшія школы въ сѣверной Италіи, родоначальницы будущихъ университетовъ, ставили своею главною задачей изученіе римскаго права, а вышедшіе изъ этихъ школъ ученые правовѣды („легисты“), проникнутые глубокимъ уваженіемъ къ римскому праву, какъ „писаному разуму“, настойчиво стремились къ систематическому проведенію въ жизнь римскихъ правовыхъ нормъ.

Далѣе, съ античной древностью связывалъ Италію *языкъ*.

Важно было не столько то, что итальянскій народный языкъ или точнѣе—народные говоры вели свое начало отъ говоровъ античной Италіи, сколько то, что *литературная латынь никогда вполнѣ не вымирала въ Италіи.* Кромѣ своего значенія, какъ языка книжнаго, латынь являлась оффиціальнымъ языкомъ католической церкви и богослуженія. На латинскомъ же языкѣ велось преподаваніе въ школахъ и университетахъ. Латынь же была языкомъ судебнаго дѣлопроизводства. О распространенности знанія латинскаго языка въ средневѣковой Италіи говоритъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что вплоть до XIII в. по-латыни произносились не только церковныя проповѣди, но иногда и политическія рѣчи, а среди простонародья были въ ходу латинскія пѣсни.

И къ античной литературѣ не было въ Италіи такого огульно отрицательнаго отношенія, какое господствовало въ остальной Европѣ. Въ итальянскихъ школахъ и даже монастыряхъ продолжали переписывать и читать нѣкоторыя изъ произведеній Цицерона, Овидія („Метаморфозы") и особенно Вергилія (Энеида"), а имена этихъ писателей, въ особенности Вергилія, пользовались въ средневѣковой Италіи большимъ уваженіемъ. Важно было не только то, что античныя традиціи были многочисленны и живы въ Италіи, но и то, что онѣ были связаны съ *любовнымъ отношеніемъ къ античной древности, какъ къ родной старинѣ,* притомъ связанной со столь славными воспоминаніями.

Данте. Предшественникъ гуманистовъ, знаменитый итальянскій писатель **Данте Алигіери (1265—1321)** родился во Флоренціи, одной изъ богатѣйшихъ и самой культурной изъ тѣхъ автономныхъ городскихъ республикъ, въ рамкахъ которыхъ развивалась въ это время общественно-политическая жизнь сѣверной Италіи. Здѣсь процвѣтала промышленность и торговля; Флоренція славилась своими тонкими сукнами и шелковыми тканями. Распространяя свои произведенія, флорентійскіе купцы вели оживленныя сношенія со всѣми странами Европы. Сосредоточивъ въ своихъ

рукахъ крупные денежные капиталы, они завели чрезвычайно выгодную въ тѣ сравнительно малоденежныя времена торговлю деньгами, кредитуя города, сеньеровъ, государей подъ высокіе проценты. Въ числѣ торгово-промышленныхъ корпорацій Флоренціи появляется особая корпорація банкировъ. Промышленно-торговый расцвѣтъ, способствуя росту богатства и внѣшнему блеску Фроренціи, имѣлъ своей оборотной стороной обостреніе внутренней соціально-политической борьбы. Богатѣющая и ростущая буржуазія, опиравшаяся на зажиточный ремесленный классъ, стремилась оттѣснить пользовавшуюся до того времени преобладающимъ вліяніемъ на дѣла республики знать, опиравшуюся на свои загородныя владѣнія и на свои многочисленныя свиты и челядь. Партія знати или *нобилей* находила себѣ поддержку со стороны императоровъ; по догдашней терминологіи они назывались *гибеллинами*. Противоположная партія, искавшая поддержки у папской куріи, съ которой флорентійское купечество, въ особенности же банкиры, были связаны многими денежными интересами, состояли изъ *гвельфовъ*. Опираясь на болѣе широкіе слои населенія, въ противоположность „нобилямъ“, парі я эта называла себя *народной* (*popolani*). Къ концу XIII в. народная партія взяла верхъ, и старый патриціанскій строй флорентійской республики былъ преобразованъ въ болѣе демократическомъ духѣ. Вліятельныя гибеллинскія фамиліи подверглись изгнанію изъ Флоренціи. Въ числѣ изгнанниковъ былъ и Данте, идейное сочувствіе котораго къ императорской власти дало поводъ приписать ему и политическія симпатіи къ гибеллинамъ. Съ тѣхъ поръ Данте ведетъ скитальческую жизнь. Онъ переѣзжаетъ изъ города въ городъ, путешествуетъ по Франціи, посѣщаетъ Парижъ, гдѣ принимаетъ участіе въ ученыхъ диспутахъ въ Сорбоннѣ. По возвращеніи въ Италію онъ, послѣ нѣсколькихъ новыхъ скитаній, поселяется наконецъ въ Равеннѣ, по приглашенію мѣстнаго сеньера, принадлежавшаго къ нарождавшемуся въ это время новому типу князей-меценатовъ, и здѣсь проводитъ послѣдніе пять лѣтъ своей жизни.

Хронологически Данте принадлежитъ еще всецѣло средневѣковью; но психологически и интеллектуально онъ уже болѣе, чѣмъ наполовину, человѣкъ новаго времени. Онъ еще не гуманистъ, но съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ *предшественникомъ гуманистовъ* и *предтечей гуманизма*. То, что принадлежитъ въ Данте среднимъ вѣкамъ, это, во-первыхъ—*богословское направленіе его мысли*, во-вторыхъ—*склонность къ догматизму*, далѣе—чисто *схоластическіе пріемы* его разсужденій и, наконецъ—встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ чисто *средневѣковыя идеи*. Чисто свѣтскія мысли онъ обосновываетъ ссылками на св. Писаніе; въ политикѣ, какъ и въ религіи, онъ ничего не признаетъ, кромѣ догматически формулированныхъ абсолютныхъ понятій, и обо всѣхъ вещахъ трактуетъ съ невозмутимымъ догматизмомъ. Въ своемъ трактатѣ *О Монархіи*, въ которомъ онъ защищаетъ и идеализируетъ имперію и императорскую власть, онъ стоитъ на совершенно средневѣковой точкѣ зрѣнія на императора, какъ на намѣстника Божія на землѣ, на ряду съ папой. Его *Божественная Комедія* полна чисто средневѣковыхъ переживаній, идей и символовъ. Уже самая тема поэмы—чисто средневѣковая: адъ, чистилище, рай, картины которыхъ пишутся поэтомъ въ чисто средневѣковыхъ краскахъ и тонахъ. Данте стоитъ на почвѣ средневѣковыхъ воззрѣній на роль и значеніе католической церкви, религіознаго аскетизма и схоластической философіи. Самъ во всей полнотѣ усвоившій средневѣковую ученость, Данте создалъ изъ своей поэмы своего рода энциклопедію средневѣковаго міросозерцанія.

Но на ряду съ чисто средневѣковыми элементами въ произведеніяхъ Данте бьетъ живая струя, отмѣченная совершенно инымъ характеромъ: въ ней чувствуется уже приближающееся новое время и грядущій гуманизмъ. Характерна уже та подробность, что въ путеводители по аду и чистилищу Данте беретъ не какого-нибуть святого, а древняго римскаго поэта, язычника Вергилія. Правда, входа въ рай Вергилій покидаетъ Данте, и поэта встрѣ-

чаетъ душа его умершей возлюбленной Беатриче, возносящая его въ небесныя сферы.

Еще болѣе опредѣленно вѣетъ новымъ временемъ отъ поэмы Данте тамъ, гдѣ онъ касается папства. Послѣднему онъ смѣло и рѣшительно отводитъ мѣсто въ преисподней. Нѣкоторыхъ изъ папъ онъ заставляетъ висѣтъ внизъ головой надъ пылающимъ пламенемъ. Напротивъ, древнимъ писателямъ и философамъ, язычникамъ, Данте отводитъ въ аду „мѣсто открытое, возвышенное и свѣтлое“. „Тамъ, прямо противъ насъ“,—расказываетъ онъ—„на изумрудной зелени, намъ показали тѣхъ великихъ людей, которые до сихъ поръ приводятъ меня въ трепетъ. Я увидѣлъ тамъ Сократа и Платона, Демокрита, Діогена, Анаксагора, Ѳалеса, Эмпедокла, Гераклита, Зенона, Орфея, Цицерона, Тита Ливія, Сенеку, Эвклида, Птолемея, Гиппократа, Авиценну“. Затѣмъ Данте совершаетъ торжественную прогулку съ тѣнями Гемера, Горація, Овидія и Лукіана. *Отношеніе къ античному міру у Данте можно назвать уже чисто гуманистическимъ*, хотя ему еще и не достаетъ того близкаго знакомства съ этимъ міромъ, какимъ отличались гуманисты.

Далѣе, у Данте мы находимъ зачатки того *индивидуализма*, который составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ въ физіономіи новаго человѣка вообще и гуманиста въ частности. Независимо отъ того, что самъ по себѣ Данте является чрезвычайно яркой и выдающейся личностью, индивидуальное начало проявляется впослѣдствіи у него и въ той поразительной *разносторонности*, которою отличались гуманисты, зачастую соединявшіе въ себѣ качества поэта, ученаго и философа, иногда также и богослова. Главное изъ его произведеній, *Божественная Комедія*, точно такъ же поражаетъ своей многосторонностью: она соединяетъ въ себѣ элементы поэзіи, науки, философіи и богословія. Содержаніе ея обнимаетъ весь міръ— внѣшній и внутренній, земной и загробный. Эта черта роднитъ Данте съ тѣмъ „всестороннимъ человѣкомъ“, который былъ идеаломъ эпохи гуманизма. Но эта же черта го-

ворить намъ и о той широкой *любознательности*, которая составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ духовной физіономіи новаго человѣка въ отличіе отъ средневѣковаго. Какъ и у гуманистовъ, у Данте любознательность эта направлена на реальный міръ, міръ природы и человѣка. Эта же любознательность, вмѣстѣ съ эстетическимъ интересомъ къ реальному міру, заставляетъ Данте совершать трудныя восхожденія на высокія горы, чтобы пережить новыя впечатлѣнія отъ созерцанія міра Божьяго. Онъ является едва ли не первымъ за все средневѣковье человѣкомъ, корый рѣшился на такого рода подвигъ, совершенно непонятный для средневѣковыхъ людей. Эта черта опять-таки роднитъ Данте съ гуманистами, и въ частности, какъ увидимъ, съ Петраркой. Индивидуализмъ выражается у Данте также въ его *стремленіи къ славѣ*: черта совершенно чуждая средневѣковому человѣку, въ частности — средневѣковому писателю, который пишетъ не для собственной славы, а „для славы Божіей", и озабоченъ чаще тѣмъ, чтобы скрыть отъ читателей и потомства свое имя, чѣмъ обезсмертить его. Данте не только не боится извѣстности, славы, но стремится къ ней, ищетъ ея; онъ не скрываетъ, что хочетъ слыть первымъ на своемъ поприщѣ и мечтаетъ о лаврахъ поэта, о „поэтическомъ вѣнкѣ". Эта черта опять-таки роднитъ Данте съ гуманистами, какъ послѣднихъ она роднитъ съ древними.

Наконецъ, человѣкомъ новаго времени является Данте, какъ представитель нарождающагося въ Европѣ *національнаго начала*, которому предстояло сыграть столь важную роль въ новой исторіи. Національное самосознаніе было чрезвычайно слабо развито у народовъ средневѣковой Европы; причиною этого было то, что народы эти не успѣли еще сложиться ни политически, ни культурно въ сколько-нибудь опредѣленныя національныя величины. Только къ концу средневѣковья стали складываться національныя государства и одновременно стали вырабатываться національные языки и намѣчаться національныя литературы. Что ка-

сается Италіи, то въ теченіе всего средневѣковья (какъ и въ теченіе всего новаго времени вплоть до XIX в.) она жила политически-раздробленной; долгое время отсутствіе общеитальянскаго литературнаго языка мѣшало также національному объединенію Италіи и въ культурномъ смыслѣ. Первые зачатки итальянскаго литературнаго языка, подъ вліяніемъ латинскаго на основѣ мѣстныхъ сѣверо-итальянскихъ говоровъ, главнымъ образомъ флорентійскаго или тосканскаго (Тоскана—древняя Тусція или Этрурія), относятся къ XI—XII в. Но языкъ этотъ игралъ лишь скромную роль, главнымъ образомъ, какъ языкъ мелкихъ поэтическихъ произведеній. Данте первый поднялъ народный говоръ на степень литературнаго языка, способнаго къ выраженію всѣхъ оттѣнковъ чувства и мысли, вплоть до самыхъ высокихъ понятій религіи, морали, политики и до самыхъ отвлеченныхъ идей философіи. Если Данте и не создалъ итальянскій литературный языкъ, подобно ваятелю, творящему художественное произведеніе изъ безформенной глыбы, то онъ наложилъ столь глубокій отпечатокъ своего творческаго генія на этотъ языкъ, подготовленный кропотливымъ и продолжительнымъ трудомъ цѣлой плеяды болѣе скромныхъ предшественниковъ, что мы имѣемъ полное право назвать Данте *отцомъ итальянскаго языка*, а слѣдовательно и однимъ изъ созидателей итальянской націи.

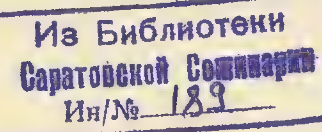
Данте былъ, быть можетъ, первымъ итальянцемъ, у котораго явственно звучитъ *національно-патріотическая нотка*. Она звучитъ и въ его восторженныхъ обращеніяхъ къ Риму, въ развалинахъ котораго онъ чтитъ не только память о былой высокой культурѣ, но и остатки великой родной старины. „Камни римскихъ стѣнъ“—пишетъ онъ—„заслуживаютъ уваженія, и почва, на которой стоитъ городъ, болѣе достойна почитанія, чѣмъ думаютъ люди“. Тотъ же голосъ итальянскаго патріота слышится и въ обращеніи Данте къ императору **Генриху VII (1308—1313)**, котораго онъ призываетъ, какъ освободителя Италіи. Онъ возлагаетъ на императора осуществленіе своей грандіозной мечты о всемірной монар-

хіи съ Италіей во главѣ. Эта послѣдняя черта роднитъ его съ Макіавелли, послѣднимъ гуманистомъ и первымъ великимъ патріотомъ Италіи, предвосхитившимъ въ своихъ политическихъ грезахъ въ началѣ новаго времени то, чему предстояло стать совершившимся фактомъ лишь въ прошломъ столѣтіи (національное объединеніе Италіи).

Начало гуманизма въ Италіи. Петрарка. Данте былъ предшественникомъ гуманизма и вмѣстѣ—современникомъ перваго гуманиста. Ему было около сорока лѣтъ, когда неподалеку отъ родной ему Флоренціи, въ небольшомъ старинномъ городкѣ Ареццо (родинѣ знаменитаго Мецената), родился въ 1304 г. будущій родоначальникъ гуманизма, **Франческо Петрарка (1304—1374).** Какъ и у Данте, родители его были флорентійцы и также подверглись изгнанію на почвѣ политической борьбы. Какъ и Данте, Петраркѣ съ дѣтства пришлось вести скитальческую жизнь, а въ зрѣломъ возрастѣ онъ много путешествовалъ уже изъ любви къ путешествіямъ. Кромѣ Италіи, которую онъ исколесилъ вдоль и поперекъ, Петрарка посѣтилъ Германію, Нидерланды, а во Франціи даже провелъ значительную часть своей жизни, именно—въ окрестностяхъ Авиньона, ставшаго въ ту пору резиденціей папскаго двора. Но послѣдніе годы своей жизни Петрарка провелъ въ Италіи, сначала при дворѣ миланскихъ герцоговъ Висконти, а зачѣмъ—въ тиши уединенія, въ окресностяхъ Павіи, гдѣ и скончался среди своихъ обычныхъ литературныхъ занятій, тихо склонившись надъ своимъ рабочимъ столомъ, въ 1374 г.

Если Данте можетъ быть названъ предшественникомъ гуманизма, то Петрарка уже гуманистъ въ полномъ смыслѣ этого слова; если Данте наполовину еще принадлежитъ среднимъ вѣкамъ, въ то Петраркѣ, хотя еще и не чуждомъ нѣкоторымъ средневѣковымъ идейнымъ навыкамъ, все-же преобладаетъ уже *человѣкъ новаго времени*. Если Данте еще отдаетъ дань средневѣковой схоластикѣ съ ея догматизмомъ, то Петрарка—непримимый врагъ и первой и

послѣдняго. Схоластику онъ обличаетъ и бичуетъ и въ пустословной аргументаціи Сорбонны, и въ псевдо-аристотелевской метафизикѣ, и въ суетномъ пустословіи тогдашнихъ университетскихъ диспутовъ. Діалектика должна быть, по его мнѣнію, не цѣлью, а средствомъ. Цѣль же образованія не въ диспутированіи, а въ научномъ мышленіи. Средневѣковые авторитеты не имѣютъ въ глазахъ Петрарки никакой цѣны. Единственный непререкаемый авторитетъ для него—разумъ. *Догматизмъ средневѣковаго человѣка, еще столь сильный у Данте, уступаетъ въ Петраркѣ мѣсто критицизму новаго человѣка.* При этомъ Петрарка относится критически не только къ средневѣковымъ авторитетамъ, но и къ авторитетамъ классической древности, хотя и преклоняется передъ ними. Онъ упрекаетъ своего излюбленнаго поэта древности, Вергилія, за слишкомъ легкія слезы Энея и слабости Дидоны; онъ журитъ Цицерона за слабохарактерность и сварливость; въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ онъ не слѣдуетъ рабски свидѣтельствамъ Тита Ливія и другихъ римскихъ историковъ, но старается критически разобраться въ нихъ, устранить изъ нихъ сомнительныя подробности, разногласія и противорѣчія. Критицизмъ, однако, отнюдь не мѣшаетъ Петраркѣ съ увлеченіемъ изучать римскихъ авторовъ, разыскивать и собирать рукописи ихъ сочиненій, переписывать ихъ, составлять на ихъ основаніи трактаты историческаго и біографическаго характера. Его любознательность въ этомъ направленіи положельно ненасытна. „Я спѣшу",—пишетъ онъ подъ старость одному пріятелю: „я похожъ на усталаго путника; день и ночь поперемѣнно читаю и пишу, отдыхая отъ одной работы съ помощью другой". Онъ едва удѣляетъ необходимое время для сна и ѣды, работаетъ до 16 часовъ въ сутки; просыпаясь ночью, пишетъ въ постели. На старости лѣтъ уже принимается онъ за изученіе греческаго языка. Его завѣтная мечта—читать въ подлинникѣ Гомера. Ему, однако, не удалось осилить трудности греческаго языка настолько, чтобы быть въ состояніи осуществить эту мечту. „Твой Го-

меръ“—пишетъ онъ собственнику рукописи гомеровскихъ поэмъ“—лежитъ нѣмъ около меня, а я сижу глухъ возлѣ него; но, не смотря на это, я наслаждаюсь глядя на него и часто цѣлую его“.

Но интересъ къ античной литературѣ у Петрарки является лишь однимъ изъ проявленій его, можно сказать, универсальной любознательности, стремящейся охватить весь доступный познанію міръ. И на первомъ планѣ въ этомъ мірѣ у него стоитъ *человѣкъ*, *человѣческая личность*, съ ея сложной душевной жизнью, и въ частности—собственное *Я*. Петрарка съ особенной любовью останавливается на изображеніи своихъ личныхъ душевныхъ переживаній, которыя стремится воплотить и закрѣпить въ художественныхъ образахъ. Въ своихъ сонетахъ онъ даетъ поэтическую исторію своей любви къ Лаурѣ; въ своихъ многочисленныхъ письмахъ, обращенныхъ частью къ современникамъ, частью, къ античнымъ писателямъ и другимъ героямъ древности, Петрарка даетъ подробную исторію своихъ литературныхъ и научныхъ занятій, своихъ мыслей и наблюденій. Его живо интересуетъ и внѣшній міръ, міръ природы, при томъ въ двоякомъ отношеніи: и въ научномъ и въ художественномъ. У Петрарки сильно развито почти незнакомое средневѣковому человѣку *чувство природы*, умѣнье понимать ея красоты и способность переживать глубокія эстетическія волненія отъ ихъ созерцанія. Ради того, чтобы пережить такія волненія, онъ совершаетъ трудное восхожденіе на гору Ванту, близъ Авиньона, произведшее на него глубокое впечатлѣніе, которое онъ подробно описалъ потомъ въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ писемъ.

Индивидуализмъ новаго человѣка сказывается у Петрарки и въ его ненасытной *жаждѣ славы*. Въ этомъ отношеніи онъ далеко оставляетъ за собой Данте и еще въ большей степени, чѣмъ послѣдній, получаетъ удовлетвореніе еще при жизни. Въ его деревенскомъ уединеніи, въ окрестностяхъ Авиньона, Петрарку посѣщаютъ разные высокопоставленные почитатели, въ томъ числѣ король

неаполитанскій Робертъ, самъ человѣкъ образованный и писавшій стихи, которыя онъ посылалъ иногда на судъ Петрарки. Императоръ Карлъ IV устраиваетъ ему въ Прагѣ чисто княжескій пріемъ и награждаетъ его титуломъ палатина (1356). Папы, которыхъ Петрарка не щадилъ въ своихъ канцонахъ, осыпаютъ его милостями, надѣляя его почетными духовными чинами (каноника и пріора) и доходными бенефиціями. Флоренція посылаетъ ему торжественное приглошеніе посѣтить ея нарождающійся университетъ. Родной городъ Петрарки, Ареццо, устраиваетъ ему пышную встрѣчу и принимаетъ постановленіе о сохраненіи дома, гдѣ онъ родился, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ во время дѣтства Петрарки. Апогеемъ славы Петрарки было торжественное коронованіе его лавровымъ „поэтическимъ вѣнкомъ“ въ Римѣ, въ присутствіи сената, римской знати и короля неополитанскаго Роберта. Это былъ первый случай въ европейской исторіи, чтобы человѣкъ достигъ такого почетнаго и вліятельнаго положенія исключительно обаяніемъ своего литературнаго таланта и своей учености, при томъ учености чисто свѣтской; это неизвѣстное средневѣковью совершенно новое отношеніе къ человѣку мысли, какъ таковому, является также знаменіемъ новаго времени.

Въ дѣлѣ выработки итальянскаго литературнаго языка и созиданія національной итальянской литературы Петрарка является продолжителемъ Данте. *Національно-патріотическая нота у Петрарки звучитъ еще сильнѣе, чѣмъ у Данте.* Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ, подобно древне-греческому философу Платону, благодарившему боговъ за то, что они судили ему родиться грекомъ, точно такъ же высказываетъ признательность Провидѣнію за то, что оно дало ему, Петраркѣ, родиться итальянцемъ. Какъ и Данте, Петрарка удрученъ зрѣлищемъ своей родины, раздробленной политически и раздираемой внутренними раздорами; патріотическая скорбь, звучащая во многихъ его произведеніяхъ и письмахъ, нашла себѣ особенно яркое и граціозное выраженіе въ концонѣ *Къ итальянскимъ властелинамъ.*

Италія моя! хотя не исцѣлитъ
Мой стихъ тѣхъ ранъ кровавыхъ,
Что губятъ тѣло чудное твое;
Но сердце такъ болитъ мое,
Что съ береговъ По величавыхъ
Мой вопль до Тибра прозвучитъ.
Не это ли страна родная?
Не это-ль гнѣздышко, гдѣ я
Въ любви возросъ, заботъ не зная?
Не это ли отчизна та моя,
Которая, какъ мать, любовно
Своей землей прикрыла ровно
Родителей моихъ?

Какъ итальянскій патріотъ, онъ бичуетъ эгоизмъ итальянскихъ князей, этихъ „вождей слѣпыхъ“, которые изъ-за своихъ взаимныхъ раздоровъ отдаютъ страну на растерзаніе варваровъ, то-есть нѣмецкихъ наемныхъ войскъ:

И если варварскій народъ
Культурною страною овладѣлъ,
Такъ это не въ порядкѣ вѣдь вещей земныхъ,
А плодъ позорныхъ нашихъ дѣлъ.

Та же нотка итальянскаго патріотизма звучитъ и въ пламенныхъ инвективахъ Петрарки, обращенныхъ къ папскому двору въ Авиньонѣ. Его возмущаетъ Авиньонъ, случайно ставшій столицей католическаго міра; его возмущаетъ и папскій дворъ, богатѣющій на счетъ разоряемаго имъ народа:

Да поразитъ тебя небесный громъ,
Негодный дворъ! Ты, бѣдныхъ разоряя
И крохи ихъ въ свою казну сбирая,
Богаче и сильнѣе съ каждымъ днемъ.

Петрарка мечтаетъ о возстановленіи былого величія Рима, какъ столицы Италіи, и Италіи, какъ властительницы міра. Когда въ 1347 г. произошелъ переворотъ, во главѣ котораго стоялъ **Кола-ди-Ріенци,** принявшій пышный титулъ „Божіею милостію трибуна свободы, мира и справидливости и освободителя священной римской республики“ и отчеканившій монету съ надписью *Roma caput mundi* („Римъ— глава міра“), то Петрарка въ восторженной канцонѣ привѣт-

ствовалъ „героя“, видя въ произведенномъ имъ переворотѣ шагъ къ возвращенію былого величія Рима:

Къ тебѣ взываю я, герой,
Могучій духомъ, твердый въ дѣлѣ
Служенія странѣ родной!
Ты насъ ведешь къ высокой цѣли;
Тебѣ судьбою жезлъ врученъ,
Чтобъ указать для Рима снова
Затерянную въ тьмѣ временъ
Стезю величія былого.

Послѣ плачевнаго конца предпріятія Ріенци, свои патріотическіе мечты о возстановленіи единства Италіи и ея былаго величія Петрарка переноситъ на императора Карла IV, котораго онъ привѣтствуетъ восторженными рѣчами во время его двукратнаго посѣщенія Италіи. Разочаровавшись вскорѣ и въ императорѣ, Петрарка переноситъ свои патріотическія надежды на папство. Онъ обращается къ папѣ Урбану съ пламеннымъ призывомъ возратиться изъ Авиньона въ Римъ. Возвращеніе папскаго двора въ 1378 г. Петрарка восторженно привѣтствовалъ, какъ зарю обновленія Италіи, которая, какъ онъ надѣялся, объединится вокругъ папскаго Рима.

Баккачіо. Другимъ выдающимся, хотя и менѣе яркимъ, представителемъ ранняго итальянскаго гуманизма является младшій современникъ, горячій почитатель и другъ Петрарки **Джіованни Боккачіо (1313—1375):** послѣдній былъ на десять лѣтъ моложе перваго, но пережилъ его лишь на одинъ годъ. По своему происхожденію Боккачіо былъ полу-итальянцемъ, полу-французомъ: отецъ его былъ флорентійскій купецъ, мать фрацуженка, и родился онъ въ Парижѣ. Отецъ готовилъ его сначала къ коммерческой дѣятельности, но убѣдившись въ совершенной непригодности къ ней сына, сталъ подготовлять его къ духовной карьерѣ. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ Боккачіо, дѣйствительно, вступилъ въ духовное званіе, не чувствуя, впрочемъ, никакого призванія къ нему. Какъ и Петрарка, онъ съ юныхъ лѣтъ увлекся античной наукой и литературой. Въ этой области Боккачіо

сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ Петраркой: *онъ первый изъ гуманистовъ изучилъ греческій языкъ* настолько, чтобъ имѣть возможность познакомиться съ нѣкоторыми изъ произведеній древнегреческой литературы, и въ частности—читать гемеровскій эпосъ, оставшійся для Петрарки запечатанною книгою. Онъ горячо проповѣдуетъ необходимость для всякаго образованнаго человѣка знать греческій языкъ. „Мнѣ остается только пожалѣть латинянъ, забывшихъ даже греческую грамоту“,—пишетъ онъ: „Въ союзѣ съ греческой литературой, латинская выигрываетъ въ блескѣ; да, вѣдь, и древніе римляне не все взяли у грековъ: осталось многое намъ неизвѣстное, познаніе чего было бы намъ полезно“.

Плодомъ его обширнаго знакомства съ римской и греческой литературой были три латинскіе трактата: *Генеалогія языческихъ боговъ*—первый опытъ систематическаго изложенія античной миѳологіи,—*О знаменитыхъ женщинахъ* и *О случаяхъ изъ жизни знаменитыхъ людей*; оба послѣдніе трактата составляютъ собраніе біографій выдающихся людей обоего пола. Если въ первомъ трактатѣ обнаруживается чисто гуманистическій интересъ къ античной культурѣ, то въ двухъ послѣднихъ сказывается интересъ къ человѣку, къ человѣческой личности, представляющій собою одно изъ проявленій того *индивидуализма*, который уже былъ отмѣченъ выше (стр. 6) какъ, одна изъ основныхъ характерныхъ чертъ гуманизма вообще.

По-латыни Боккачіо писалъ только ученыя сочиненія; сочиненія же, относящіяся къ области изящной литературы, онъ писалъ по-итальянски, продолжая, такимъ образомъ, дѣло Данте и Петрарки,—дѣло выработки національнаго литературнаго языка. Первымъ итальянскимъ произведеніемъ Боккачіо былъ романъ *Филоколо*. Уже заглавіе его, составленное изъ греческаго и латинскаго словъ, указываетъ на увлеченіе начинающаго писателя античнымъ греко - римскимъ міромъ; но еще болѣе говоритъ объ этомъ увлеченіи содержаніе романа, полное заимствовнnнныхъ изъ античной ми-

ѳологіи подробностей. Слѣдующимъ по времени итальянскимъ произведеніемъ Боккачіо была большая поэма *Филострато,* написанная стихами. По содержанію своему поэма эта представляетъ собою психологическій романъ на почвѣ автобіографическихъ воспоминаній автора. Въ двухъ другихъ поэмахъ—*Тезеида* и *Фіезольскій Нимфалъ*—Боккачіо даетъ романическую обработку античныхъ темъ, къ которымъ онъ неоднократно возвращается и въ другихъ итальянскихъ произведеніяхъ. За то въ романѣ *Фіаметта* и собраніи новеллъ, подъ заглавіемъ *Декамеронъ,* Боккачіо разрабатываетъ уже чисто національные и современные ему сюжеты.

Фабула *Декамерона* очень проста. Семь молодыхъ флорентинокъ и трое молодыхъ флорентинцевъ, въ разгаръ чумы, свирѣпствовавшей во Флоренціи въ 1348 г., удаляются въ окрестности родного города и проводятъ здѣсь, на лонѣ природы, десять дней. Для препровожденія времени и для поддержанія въ себѣ бодраго настроенія, они разсказываютъ по очереди другъ другу, каждый по одной „новеллѣ“ въ день. Такимъ образомъ получилось сто новеллъ, которыя и составляютъ содержаніе „Декамерона“ („Десятидневіе“—отъ греч. δέκα ἡμέραι). Разсказы эти, отличающіеся веселымъ, жизнерадостнымъ характеромъ, рисуютъ различные типы тогдашней Италіи и даютъ множество яркихъ бытовыхъ подробностей современной итальянской жизни.

Если латинскіе трактаты и отчасти романы и поэмы на античныя темы характеризуютъ Боккачіо, какъ гуманиста, со стороны его увлеченія античнымъ міромъ, то остальныя итальянскія произведенія его, въ особенности *Декамеронъ,* характерны для него, какъ гуманиста, съ другой стороны. При всей пестротѣ содержанія входящихъ въ составъ *Декамерона* ста новеллъ, во всѣхъ ихъ отчетливо звучитъ одна нотка: это—нотка протеста противъ традиціоннаго средневѣковаго міросозерцанія, противъ аскетическаго взгляда на человѣческую природу, какъ на заключающую въ себѣ самой нѣчто дурное, нуждающееся въ искорененіи,

въ „умерщвленіи“. Изъ каждой строчки *Декамерона* слышится какъ бы возгласъ: „Нѣтъ, человѣческая природа хороша и человѣческая личность имѣетъ право наслаждаться тѣми радостями, которыя въ состояніи дать ему земная жизнь“ Въ соотвѣтствіи съ этимъ жизнерадостнымъ и анти-аскетическимъ настроеніемъ, составляющимъ одну изъ сторонъ гуманистическаго индивидуализма, Боккачіо относится отрицательно къ монашеству, являвшемуся главнымъ носителемъ (въ принципѣ, по крайней мѣрѣ) аскетическихъ идеаловъ. Монахи выставлятся въ *Декамеронѣ* либо въ смѣшномъ, либо въ отталкивающемъ видѣ. Гуманистическій индивидуализмъ сказывается у Боккачіо также и въ томъ, что онъ, вслѣдъ за Петраркой, относится безусловно отрицательно къ традиціоннымъ представленіямъ о знатности. Онъ возмущается тѣми людьми, которые „желаютъ называться и слыть благородными и сеньерами, но которыхъ скорѣе слѣдуетъ называть ослами“. Благородство, по мысли Боккачіо, есть личное достояніе отдѣльнаго человѣка: оно связано съ личными качествами человѣка, съ личными талантами, съ личной доблестью.

Распространеніе знанія греческаго языка. Хотя греческій языкъ никогда вполнѣ не исчезалъ изъ Италіи, особенно на югѣ, на мѣстѣ древнихъ греческихъ колоній, но это былъ „новогреческій“, разговорный языкъ, сильно отличавшійся отъ языка классической греческой литературы. Послѣдній же вплоть до середины XIV в. былъ совершенно неизвѣстенъ итальянцамъ, и „возрожденіе“ классической древности ограничивалось первоначально лишь римской литературой. Данте совсѣмъ не зналъ греческаго языка; Петрарка началъ его изучать лишь въ зрѣломъ возрастѣ и не успѣлъ имъ овладѣть настолько, чтобы читать Гомера. Боккачіо былъ первымъ, кто на почвѣ Италіи проникъ въ тайны греческой литературы. По его почину во Флоренціи была учреждена первая въ Италіи каѳедра греческаго языка, которую занялъ калабрійскій грекъ **Ле-**

онтій Пилатъ, у котораго учился греческому языку самъ Боккачіо. Какъ человѣкъ мало образованный и самъ совершенно незнакомый съ греческою литературой, Пилатъ, котораго самъ Боккатіо называлъ за глаза „тупой головой", далеко не стоялъ на высотѣ выпавшей на его долю задачи. Поэтому, когда, около сорока лѣтъ спустя, флорентійскому университету посчастливилось привлечь на каѳедру греческаго языка блестяще образованнаго византійскаго грека **Мануила Хризолора** (1397), то въ гуманистическихъ кругахъ Италіи это событіе вызвало всеобщій восторгъ, и въ число слушателей Хризолора спѣшили записаться, на ряду съ молодыми людьми, и гуманисты съ именами, нѣкоторые уже въ почтенномъ возрастѣ; въ числѣ ихъ былъ 66-лѣтній канцлеръ флорентійской республики и одинъ изъ видныхъ гуманистовъ, **Колюччіо Салютати.** „Если позволено"—пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей—„питать надежду, что я смогу въ такіе годы осилить греческую письменность, то сколько терпѣнія потребуется отъ Хризолора, и сколько смѣха буду я вызывать своею неспособностью". Другой, болѣе молодой гуманистъ, **Леонардо Бруни** (ему было въ ту пору 32 года) немедленно бросаетъ свои занятія юриспруденціей. „Какъ!"—пишетъ онъ въ собственномъ дневникѣ: „когда тебѣ дана возможность позникомиться съ Платономъ, Гомеромъ, Демосѳеномъ и со всѣми поэтами, философами и ораторами, о которыхъ разсказываютъ столько удивительныхъ вещей,—когда дана возможность бесѣдовать съ ними и впитывать въ себя ихъ заслуживающія удивленія ученія,—можешь ли ты пренебречь такимъ случаемъ, посылаемымъ тебѣ Провидѣніемъ?.." Въ числѣ своихъ слушателей Хризолоръ имѣлъ и нѣсколькихъ видныхъ гуманистовъ, какъ **Никколо Никколи,** престарѣлый монахъ-гуманистъ **Амброджіо Траверсари**. Подъ вліяніемъ лекцій Хризолора богатый гуманистъ **Палласъ Строцци** выписываетъ изъ Византіи, какъ онъ самъ говоритъ, „безконечное количество книгъ". Аристократія, духовенство, купечество, сѣдыс старики рядомъ съ безбородыми юношами плотной

стѣной окружаютъ каѳедру ученаго византійца. И хотя профессорская дѣятельность Хризолора, покинувшаго Флоренцію и возвратившагося въ Византію въ 1400 г., продолжалась всего лишь около трехъ лѣтъ, посѣянныя имъ сѣмена дали пышные всходы. Нѣкоторые изъ учениковъ Хризолора ѣздили потомъ въ Византію, для усовершенствованія въ греческомъ языкѣ и затѣмъ возвращались на родину съ тѣмъ, чтобы обучать греческому языку своихъ соотечественниковъ.

Дальнѣйшій толчекъ распространенія греческаго языка въ Италіи былъ данъ флорентійскимъ соборомъ. На соборъ этотъ, созванный для рѣшенія вопроса о возсоединеніи церквей восточной и западной въ 1439 г., прибылъ византійскій императоръ Іоаннъ Палеологъ, окруженный своимъ блестящимъ дворомъ, высшимъ духовенствомъ и выдающимися византійскими учеными. Въ числѣ ихъ были восьмидесятилѣтній философъ **Плетонъ** и его ученикъ архіепископъ **Виссаріонъ,** глубокій знатокъ сочиненій Платона и восторженный поклонникъ его философіи. Плетонъ посвятилъ изложенію послѣдней рядъ лекцій, которыя собрали многочисленныхъ слушателей и заинтересовали гуманистическіе круги. Правда, Плетонъ вскорѣ покинулъ Италію, но Виссаріонъ остался и продолжалъ дѣло своего учителя.

Дальнѣйшему распространенію научнаго эллинизма въ Италіи способствовало взятіе Константинополя турками (1453). Послѣ этой катастрофы большинство греческихъ ученыхъ переселились въ Италію и тѣмъ увеличили число преподавателей греческаго языка, изученіе котораго, такимъ образомъ, сдѣлалось гораздо доступнѣе, чѣмъ прежде. Всего болѣе выиграла въ этомъ отношеніи Флоренція, успѣвшая завязать тѣсныя сношенія съ Византіей со времени церковнаго собора 1439 г. „Во Флоренцію“,—пишетъ одинъ современный гуманистъ—„какъ въ безопасную гавань, послѣ крушенія Греціи, укрылось все, что было въ ней просвѣщеннаго“.

Дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ распространенія знанія греческаго языка и изученія греческой литературы во Флорен-

ціи и вообще въ Италіи связанъ съ учрежденіемъ такъ называемой *Платоновской Академіи*, возникшей во Флоренціи въ 1460 г. подъ вліяніемъ лекцій Плетона и Виссаріона. Это не была академія въ современномъ значеніи этого слова; это былъ кружокъ гуманистовъ, ставившій цѣлью совмѣстное изученіе философіи Платона, которой успѣлъ ихъ заинтересовать византіецъ Плетонъ. Тѣ же гуманисты усердно работали надъ переводомъ на латинскій языкъ и другихъ греческихъ авторовъ, а также надъ изданіемъ текстовъ послѣднихъ. Многія первыя (со времени изобрѣтенія книгопечатанія) изданія греческихъ авторовъ вышли именно во Флоренціи, въ томъ числѣ и первое изданіе гомеровскихъ поэмъ (1488). Въ результатѣ всего этого, изученіе греческаго языка сдѣлало къ концу XV в. такіе успѣхи во Флоренціи, что онъ даже пересталъ быть исключительнымъ достояніемъ ученыхъ круговъ, а сталъ принадлежностью всякаго образованнаго человѣка. „Во Флоренціи",—пишетъ современный гуманистъ **Анджело Полиціано**—„дѣти лучшихъ фамилій говорятъ на аттическомъ діалектѣ такъ чисто, такъ легко и бѣгло, что можно подумать, что Аѳины не были взяты и разрушены варварами, а по собственному желанію переселились во Флоренцію".

Расцвѣтъ гуманизма въ XV в. Меценатство. Медичи во Флоренціи. Полнаго расцвѣта гумнизмъ достигъ на почвѣ Италіи въ XV в. Этому способствовали главнымъ образомъ три обстоятельства. Во-первыхъ, продолжавшійся ростъ городской жизни, которая, какъ мы видѣли, собственно и создала ту почву, на которой зародился гуманизмъ въ предыдущемъ столѣтіи. Во-вторыхъ—только что отмѣченный фактъ распространенія изученія греческаго языка и греческой литературы, несравненно болѣе богатой въ отношеніи идейнаго содержанія и въ отношеніи художественныхъ формъ, чѣмъ римская литература, менѣе оригинальная и въ значительной мѣрѣ зависѣвшая отъ греческой литературы, какъ своего первоисточника. Наконецъ, въ

третьихъ, расцвѣту гуманизма въ XV в. способствовало развитіе *меценатства*.

Главнымъ центромъ гуманизма въ XV в. продолжаетъ оставаться Флоренція, съ ея чрезвычайно оживленной политическо-общественной и культурной жизнью. Кромѣ того, еще съ конца предыдущаго столѣтія Флоренція становится центромъ научнаго эллинизма въ Италіи; и наконецъ, здѣсь же получаетъ широкое развитіе и новое меценатство.

Меценатство во Флоренціи связано съ именемъ фамиліи **Медичи**, или точнѣе—съ именами двухъ представителей послѣдней: **Козимо Медичи (1389—1464)** и его внука и преемника **Лоренцо Медичи**, по прозванію **Великолѣпнаго (1448—1492)**. Медичи, это была одна изъ старыхъ купеческихъ фамилій Флоренціи. Благодаря крупнымъ и удачнымъ торговымъ операціямъ, Козимо настолько увеличилъ свое фамильное состояніе, что сталъ самымъ богатымъ человѣкомъ во Флоренціи и однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Европѣ. Благодаря своему богатству, онъ создалъ себѣ обширную кліентелу: почти всѣ вліятельные люди Флоренціи были одни его должниками, другіе просто людьми чѣмъ-нибудь ему обязанными, третьи—людьми стремившимися попасть въ одну изъ этихъ категорій. Въ то же время Козимо пріобрѣлъ себѣ широкую популярность въ среднихъ и низшихъ слояхъ флорентійскаго населенія, благодаря своей доступности, простотѣ въ обращеніи, широкой щедрости. Самый богатый человѣкъ во Флоренціи, онъ одѣвался скромно и не любилъ пышности. Будучи самимъ вліятельнымъ человѣкомъ въ государствѣ, онъ держалъ себя, какъ простой гражданинъ; былъ вѣжливъ и привѣтливъ со всѣми; если на улицѣ встрѣчалъ пожилого человѣка, то почтительно уступалъ ему дорогу. У себя въ деревнѣ онъ запросто бесѣдовалъ съ крестьянами о хозяйственныхъ дѣлахъ, а на своей виллѣ самъ работалъ по утрамъ въ своемъ саду, прививалъ фруктовыя деревья, подрѣзывалъ виноградъ, поливалъ цвѣты.

Однако у Медичи было немало враговъ среди знат-

ныхъ фамилій Флоренціи. Въ 1433 г. имъ удалось даже добиться изгнанія Медичи, но это изгнаніе лишь увеличило популярность Козимо въ среднихъ и низшихъ слояхъ населенія. Опираясь на послѣдніе, партія Медичи уже въ слѣдующемъ году свергла своихъ противниковъ, и Козимо возвратился на родину настоящимъ тріумфаторомъ. Правда, онъ уклонился отъ тѣхъ овацій, которыя готовилось устроить ему населеніе Флоренціи, запрудившее улицы, по которой ожидался въѣздъ Козимо (онъ нарочно въѣхалъ въ городъ съ другой стороны, никѣмъ не замѣченный). Съ своими противниками, къ числу которыхъ принадлежало большинство знатныхъ фамилій Флоренціи, Козимо расплатился тою же монетой, которую въ свое время самъ получилъ отъ нихъ: изгнаніемъ. Этимъ былъ подчеркнутъ демократическій характеръ происшедшаго переворота, въ результатѣ котораго Козимо Медичи сталъ болѣе, чѣмъ вліятельнымъ, гражданиномъ: онъ сталъ фактически *сеньеромъ* Флоренціи, маленькимъ монархомъ, въ родѣ одного изъ тѣхъ „князей“, которые къ тому времени успѣли овладѣть властью путемъ открытаго или замаскированнаго захвата въ большинствѣ итальянскихъ *коммунъ* (городскихъ республикъ), превратившихся, такимъ образомъ, въ маленькія монархіи (тиранніи). Правительственный совѣтъ, состоявшій въ большинствѣ изъ ставленниковъ и кліентовъ Козимо, собирался на засѣданія въ его домѣ. Никакое государственное дѣло не рѣшалось иначе, какъ согласно его желаніямъ, а иностранную политику Флоренціи онъ велъ совершенно единолично и самовластно, и въ глазахъ иноземной дипломатіи имя Медичи значило гораздо болѣе, чѣмъ имя Флоренціи. Благодаря Медичи и его банку, Флоренція получила такой вѣсъ въ международной политикѣ тогдашней Европы, на который само по себѣ однюдь не могло разсчитывать столь незначительное по своимъ размѣрамъ государство. О степени престижа, которымъ пользовалась Флоренція въ эту пору можно судить хотя бы по тому факту, что когда въ Парижъ явилось чрезвычайное посольство флорентійской республики, то для встрѣчи

его король Людовикъ XI лично выѣхалъ далеко за городъ окруженный свитой придворныхъ. Правленіе Медичи было фактическимъ принципатомъ съ сохраненіемъ внѣшности республики, на подобіе принципата Августа въ Римѣ.

Ученикъ гуманистовъ и блестяще образованный, человѣкъ съ тонкимъ художественнымъ чувствомъ и широкой любознательностью, Козимо былъ влюбленъ въ искусство и науку, которую понималъ, конечно, въ чисто гуманистическомъ смыслѣ, и свое огромное богатство, соединенное съ властнымъ положеніемъ, онъ употребилъ въ значительной мѣрѣ на службу искусству и наукѣ и на самое широкое меценатство. Онъ украсилъ Флоренцію цѣлымъ рядомъ художественныхъ сооруженій, надъ постройкой и украшеніемъ которыхъ работали привлеченные имъ на службу Флоренціи лучшіе зодчіе, ваятели, живописцы Италіи. Онъ возстановляетъ старинную монастырскую церковь св. Марка, строитъ великолѣпный храмъ св. Лаврентія, сооружаетъ часовни и дворцы. Онъ не жалѣетъ денегъ на пріобрѣтеніе рукописей (первыя печатныя книги появились лишь подъ конецъ жизни Козимо), преимущественно сочиненій древнихъ классиковъ, въ особенности Платона, котораго онъ читалъ въ подлинникѣ: это былъ его любимый писатель. Онъ основываетъ во Флоренціи публичную библіотеку: это была первая публичная библіотека въ Европѣ. По его почину и при содѣйствіи видныхъ гуманистовъ эпохи основывается во Флоренціи первая Платоновская академія (см. выше, стр. 27). Онъ привлекаетъ на службу республики цѣлый рядъ выдныхъ гуманистовъ: **Никколо Никколи (1365—1437), Леонардо Бруни (1369—1444), Поджіо Браччіолини (1380—1494)** и др. Если въ XV в. Флоренція становится наиболѣе блестящимъ центромъ гуманизма, то этимъ она въ значительной степени обязана была личности Козимо Медичи, а также его внуку и преемнику **Лоренцо Великолѣпному.**

Лоренцо Великолѣпный. Принципатъ Медичи, продолжавшій по-прежнему уживаться съ республиканскими

формами, достигъ своего полнаго расцвѣта при второмъ преемникѣ и внукѣ Козимо, **Лоренцо Великолѣпномъ (1448—1494).** Не удавшійся заговоръ на жизнь Лоренцо въ 1478 г. только послужилъ къ окончательному упроченію его властнаго положенія. Съ этого момента онъ окружаетъ себя вооруженной стражей, заводитъ тайную полицію для надзора за наиболѣе вліятельными гражданами и усваиваетъ себѣ замашки настоящаго „князя". Онъ роднится съ папой, выдавая свою дочь за сына папы; одного изъ своихъ сыновей женитъ на дочери одного изъ членовъ старинной римской аристократической фамиліи Орсини, другого на одной изъ принцессъ королевскаго дома Франціи; для своего младшаго сына добываетъ кардинальскую шапку съ богатыми бенифиціями во Франціи и Неаполитанскомъ королевствѣ въ придачу. Онъ ведетъ дружескую переписку съ королемъ Людовикомъ XI французскимъ, а также съ королями Португаліи и Венгріи; принимаетъ посольства императора Фридриха III и обмѣнивается подарками съ султанами турецкимъ и египетскимъ.

Въ „великолѣпное" правленіе Лоренцо Медичи (1469—1494) достигаетъ своего апогея и гуманистическое меценатство во Флоренціи.

Лоренцо Медичи соединилъ въ своемъ лицѣ оба наиболѣе выдающіеся типа „новыхъ людей": *князя* и *гуманиста.* Въ отличіе отъ своего дѣда, онъ былъ не только княземъ-меценатомъ, но и гуманистомъ,—гуманистомъ не по воспитанію только, но и по своему личному активному участію въ литературномъ и художественномъ творчествѣ своего времени. Получивши блестящее гуманистическое образованіе, онъ владѣлъ въ совершенствѣ латинскимъ и греческимъ языками; хорошо изучилъ римскую и въ особенности греческую литературу, зачитывался Платономъ, предъ ученіемъ котораго преклонялся вмѣстѣ со многими современными гуманистами. Лоренцо былъ не лишенъ поэтическаго дарованія. На поэзіи Лоренцо, проникнутой свойственнымъ литературѣ возрожденія жизнерадостнымъ настроеніемъ, от-

разились въ частности и тѣ идейныя теченія, которыя обнаружились въ его время въ гуманизмѣ, а именно: *платонизмъ* (увлеченіе философіей Платона) и *національное возрожденіе* (о которомъ рѣчь ниже).

Тонкій знатокъ и цѣнитель искусства, Лоренцо Медичи и въ этой области не ограничивался однимъ меценатствомъ. Когда во Флоренціи былъ объявленъ конкурсъ на составленіе проекта художественнаго фасада для одной флорентійской церкви, то въ числѣ конкуррентовъ оказался, между прочимъ, и Лоренцо. Домъ Лоренцо, превратившійся въ пышный княжескій дворъ, дѣлается настоящимъ центромъ гуманизма и художественнаго возрожденія („ренессанса“). Здѣсь группировался кружокъ выдающихся художниковъ, образовавшій нѣчто въ родѣ художественной академіи. Въ этомъ кружкѣ подвизался выдающійся художникъ конца XV в. **Сандро Боттичелли (1447—1510)** и здѣсь же получилъ свое художественное развитіе знаменитый **Микель Анджело Буонаротти (1474—1564)**.

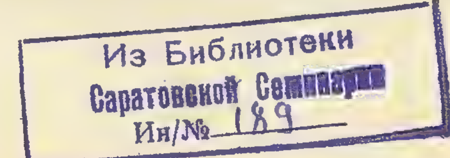
Платоновская академія. Философское направленіе въ гуманизмѣ. О значеніи Платоновской академіи въ дѣлѣ распространенія знанія греческаго языка и греческой литературы въ Италіи было уже сказано ранѣе (см. стр. 27). Но значеніе Платоновской академіи этимъ не исчерпывалось: она оказала болѣе глубокое вліяніе на итальянскій гуманизмъ.

Во-первыхъ, если до этого времени гуманисты изучали преимущественно римскую литературу, то теперь они переносятъ центръ тяжести своего научнаго и художественнаго интереса на литературу греческую. Во-вторыхъ, увлеченіе Платономъ даетъ новое, именно *философское* направленіе гуманистической мысли. Если ранѣе гуманисты подходили къ античной литературѣ главнымъ образомъ съ художествено-литературной и научно-филологической стороны, то теперь они начинаютъ въ гораздо большей мѣрѣ интересоваться идейнымъ содержаніемъ этой литературы, въ

особености начинаютъ интересоваться греческой философіей (преимущественно Платономъ). Въ частности, особый интересъ къ Платону подсказывался гуманистамъ извѣстными тактическими, боевыми соображеніями: философіи Аристотеля, на которую опиралась средневѣковая схоластика, надо было противопоставить равносильный авторитетъ изъ той же античной древности,—такой авторитетъ и былъ найденъ въ философіи Платона.

Самыми выдающимися и яркими выразителями этого новаго *философскаго направленія* въ гуманизмѣ являются два флорентійскихъ гуманиста: Марсиліо Фичино и Пико делла-Мирандола.

Марсиліо Фичино (1433—1499), знатокъ Платона и его восторженный поклонникъ, былъ настоящею душою Платоновской академіи. Его мысль вращается главнымъ образомъ въ области философскихъ и богословскихъ идей и вопросовъ. Его главныя сочиненія (оба на латинскомъ яз.): *О христіанской религіи* и *Платоновская философія*. Въ этихъ своихъ сочиненіяхъ Фичино стремится примирить свои христіанскія вѣрованія съ идеями платоновской философіи, какъ онѣ были развиты неоплатониками. Въ философіи Платона онъ видитъ какъ бы идейное прозрѣніе христіанскаго ученія. „Нашъ Платонъ“ - восклицаетъ онъ,—„съ своими пиѳагоровскими и сократовскими разсужденіями, слѣдуетъ закону Моисея и предсказываетъ законъ Христа“. „Нашъ Платонъ не что иное, какъ Моисей, говорящій на аттическомъ нарѣчіи“. Про Фичино даже разсказывали, будто онъ зажигалъ лампаду передъ изображеніемъ Платона, какъ передъ образомъ святого. Если, однако, этотъ разсказъ нельзя считать безусловно достовѣрнымъ, то имѣется другой, вполнѣ удостовѣренный фактъ въ томъ же родѣ: это—проповѣдь, произнесенная Фичино въ церкви св. Ангеловъ во Флоренціи о „религіозной философіи“ Платона. Приступая къ изложенію послѣдней, ораторъ-проповѣдникъ приглашаетъ своихъ слушателей къ „созерцанію божественной истины въ этомъ мѣстѣ пребыванія Ангеловъ“.

При этомъ Фичино далекъ отъ какого бы то ни было скептическаго или отрицательнаго отношенія къ католическому правовѣрію. „Во всемъ, что мною писалось въ томъ или другомъ мѣстѣ“,—заявляетъ онъ—„я не хочу высказывать ничего такого, что могло бы не быть одобрено Церковью“.

Пико дела-Мирандола (1462—1494), гуманистъ младшаго поколѣнія, сдѣлалъ смѣлую попытку выработать цѣльное и законченное религіозно-философское міросозерцаніе, которое бы соединило воедино христіанство, античную философію и религіозно-философскія ученія Востока. Съ этою цѣлью, изучивъ греческую философію, онъ принялся затѣмъ за изученіе древне-еврейскаго и другихъ языковъ древняго Востока. Преждевременная смерть оборвала эту работу на первыхъ ея шагахъ.

У Пико нашла себѣ особенно яркое выраженіе свойственная вообще гуманизму вѣра въ человѣческую природу, вмѣстѣ съ высокимъ представленіемъ о ея достоинствѣ и увѣренностью въ ея способности къ усовершенствованію. „Въ концѣ дней творенія создалъ Богъ человѣка“,—говоритъ Пико въ своемъ сочиноніи *О человѣческомъ достоинствѣ*,—„для того чтобы онъ позналъ законы вселенной, научился любить ея красоту и дивиться ея величію. Я—говоговорилъ Творецъ Адаму—не прикрѣпилъ тебя къ опредѣленному мѣсту, или одному какому-либо дѣлу, не связалъ тебя никакою обязательною для тебя цѣлью, для того чтобы ты самъ, по собственному желанію, избиралъ себѣ мѣсто, дѣло и цѣль. Ограниченная у остальныхъ существъ природа внутренно стѣснена законами, Мною установленными: ты лишь одинъ, не стѣсненный никакими тѣсными рамками, по своей волѣ очертишь границы своей собственной природы. Я создалъ тебя не небеснымъ существомъ, но и не только земнымъ, съ тѣмъ чтобы ты самъ могъ творить себя и придать себѣ тотъ образъ, который пожелаешь. Тебѣ дана возможность пасть на степень животнаго, но также и возможность подняться до степени богоподобнаго су-

щества, и это—единственно въ зависимости отъ твоей собственной воли“.

Національное возрожденіе. Альберти. Эпоха Лоренцо Великолѣпнаго отмѣчена и еще однимъ важнымъ явленіемъ въ гуманизмѣ. Явленіе это можно назвать *національнымъ возрожденіемъ*. Если Данте и первые гуманисты, Петрарка и Боккачіо, пишутъ свои сочиненія одновременно и по-латыни и по-итальянски, то позднѣйшіе гуманисты все болѣе и болѣе начинаютъ отдавать предпочтеніе латинскому языку, разсматривая итальянскій языкъ, какъ языкъ второго сорта, пригодный лишь для „низшихъ“ родовъ литературы, предназначенныхъ для „толпы“. Къ послѣдней же гуманисты полны самаго высокомѣрнаго пренебреженія, которому не чуждъ уже Петрарка, заявляющій въ одномъ письмѣ, что онъ дорожитъ не столько вниманіемъ толпы, сколько одобреніемъ немногихъ избранныхъ лицъ. Гуманисты первой половины XV в. совсѣмъ перестаютъ писать на родномъ языкѣ: для нихъ это—языкъ презрѣнной черни, участь которой коснѣть въ невѣжествѣ. Гуманисты, пишущіе ради наслажденія и ради славы, желаютъ писать исключительно на языкѣ Цицерона и Вергилія, а кто въ состояніи, то еще и на языкѣ Платона и Плутарха. Этотъ своеобразный *литературный аристократизмъ* нѣкоторые гуманисты доводятъ до того, что даже и по-латыни стараются писать какъ можно менѣе доступно. Когда гуманиста Анджело Поліціано упрекали въ томъ, что онъ пишетъ по-латыни такъ темно, что его трудно понять, онъ отвѣтилъ: „Я нарочно такъ дѣлаю, такъ какъ пишу для ученыхъ, а не для толпы“. Въ результатѣ „литературная республика“ гуманистовъ, замкнувшаяся въ себѣ, получила характеръ касты, а отмежевавшись отъ „толпы“ и отрекшись отъ народнаго языка, она утратила всякую связь съ жизнью и съ національной почвой. Въ эпоху Лоренцо Великолѣпнаго начинается поворотъ въ этомъ отношеніи. Гуманисты начинаютъ возвращаться къ итальянскому языку, изучаютъ и комментируютъ

Данте и итальянскія произведенія Петрарки, наконецъ и сами начинаютъ писать по-итальянски.

Наиболѣе яркимъ представителемъ этого національнаго возрожденія среди итальянскихъ гуманистовъ является **Альберти (1407—1472).** По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ флорентійскихъ фамилій и получилъ блестящее чисто гуманистическое образованіе; латинскимъ и греческимъ языкомъ владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что свободно писалъ на обоихъ; написанную имъ по-гречески, въ стилѣ Аристофана, комедію нѣкоторые гуманисты принимали за вновь найденное произведеніе греческаго автора. И тѣмъ не менѣе, латинскимъ и греческимъ языками онъ пользовался лишь для мелкихъ вещей, написанныхъ большей частью въ годы юности. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ почти оставляетъ античные языки и пишетъ почти исключительно по-итальянски, и не только свои поэтическія и беллетристическія сочиненія, но также ученые и дѣловые трактаты по вопросамъ правовѣдѣнія, архитектуры, зодчества, ваянія, живописи (онъ былъ также и художникомъ), даже по математикѣ. *Въ созиданіи итальянскаго литературнаго языка Альберти завершаетъ дѣло Данте.* Если Данте создалъ языкъ поэзіи, то Альберти сдѣлалъ то же въ области ученой и дѣловой прозы. Альберти совершенно не похожъ на своихъ ближайшихъ предшественниковъ, презрительно относившихся къ „толпѣ“ и желавшихъ писать лишь для немногихъ избранныхъ; онъ хочетъ быть понятнымъ для „всѣхъ своихъ согражданъ, которые не всё ученые люди“. Тѣ думали главнымъ образомъ о похвалѣ со стороны ученыхъ людей. Альберти думаетъ о томъ, чтобы пріобрѣсти „любовь своихъ ближнихъ и принести пользу мало образованнымъ людямъ“. Тѣ считали профанаціей популярное изложеніе науки; Альберти предпочитаетъ „скорѣе быть полезнымъ для многихъ, нежели нравиться нѣсколькимъ“. Онъ энергично вступается за права родного, „тосканскаго“ языка. Если, говоритъ онъ, вѣрно, что классическій (латинскій) языкъ пользуется у всѣхъ націй большимъ пре-

стижемъ, потому что много ученыхъ имъ пользовались, то то же самое будетъ, несомнѣнно, и съ нашимъ, если ученые захотятъ поработать и отшлифовать его со всяческой заботой и стараніемъ. Я же лично не жду для себя никакой иной награды, кромѣ сознанія исполненнаго долга, побуждающаго меня приложить всѣ мои способности, весь мой трудъ и всѣ мои знанія на пользу моимъ соотечественникамъ.

Голосъ Альберти и его горячая защита правъ родного языка не остались безплодными. Данте, котораго Леонардо Бруни, въ началѣ XV в., пренебрежительно оставлялъ на долю булочниковъ и мастеровыхъ, теперь, во второй половинѣ столѣтія, снова возводится на тронъ славы. Его тщательно издаютъ и комментируютъ; лучшіе художники иллюстрируютъ *Божественную Комедію*. Одинъ гуманистъ слагаетъ въ честь ея хвалебную оду, другой, сравнивая Данте съ Вергиліемъ и Гомеромъ, увѣряетъ, что, какъ поэтъ, онъ „не уступаетъ имъ, а ученостью превосходитъ обоихъ". Было время, когда для спасенія *Божественной Комедіи* отъ забвенія собирались ее переводить на латинскій языкъ; теперь, наоборотъ, переводятъ на итальянскій языкъ написанный по-латыни трактатъ Данте о монархіи. То же дѣлаютъ и съ латинсками сочиненіями нѣкоторыхъ гуманистовъ первой половины столѣтія (Поджіо, Бруни и др.) и даже современныхъ (напр., Энея-Сильвія Пикколомини).

Это новое, національное теченіе въ гуманизмѣ, нашло себѣ вліятельную поддержку со стороны Лоренцо Медичи. Онъ понималъ гуманизмъ совершенно въ духѣ Альберти. Владѣя въ совершенствѣ обоими классическими языками и наполняя свою библіотеку рукописями античныхъ авторовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, пишетъ предпочтительно по-итальянски, и дѣлаетъ это вполнѣ сознательно. Онъ посвящаетъ цѣлую рѣчь защитѣ правъ итальянскаго языка, какъ языка обладающаго всѣми данными, для того чтобы стать совершеннымъ литературнымъ языкомъ; надо только, чтобы писатели имъ не пренебрегали. „Пусть никто не упрекаетъ меня",—гово-

ритъ Лоренцо —„если я пишу на этомъ языкѣ: съ нимъ я родился и имъ вскормленъ".

Литературный талантъ Альберти въ союзѣ съ исключительнымъ вліяніемъ Лоренцо Великолѣпнаго дали итальянскому гуманизму возможность завершить дѣло, начало которому было положено геніемъ Данте: *дѣло созиданія національнаго литературнаго языка въ Италіи, чѣмъ было положено прочное основаніе культурному единству итальянской націи и выработкѣ ея національнаго самосознанія.*

Меценатство и гуманизмъ въ Миланѣ. Меценатство, зародыши котораго замѣтны уже въ XIV в., становится явленіемъ общимъ въ Италіи въ слѣдующемъ столѣтіи, въ особенности съ середины XV в. Меценатство дѣлается своего рода модой и какъ бы признакомъ хорошаго тона. Художники и писатели становятся необходомой принадлежностью всякаго княжескаго двора. Всякій сеньеръ или князь считаетъ своимъ долгомъ „украшать" свою столицу постройками въ новомъ стилѣ („возрожденія"), собирать рукописи античныхъ авторовъ, „поощрять" художниковъ и писателей. Кромѣ подражанія и моды, здѣсь сказывался также и извѣстный политическій разсчетъ: писатели-гуманисты, вліявшіе своимъ перомъ на общественное мнѣніе, съ которымъ приходилось считаться государямъ-новичкамъ, какими были большинство „князей" этого времени, представляли собою вполнѣ реальную силу, которую важно было имѣть на своей сторонѣ. Наконецъ, среди „князей" этого времени встрѣчались и люди гуманистически образованные, которые, подобно флорентійскимъ Медичи, покровительствовали художникамъ и гуманистамъ въ силу своего настроенія и своихъ вкусовъ. Къ числу князей-меценатовъ принадлежали владѣтели самаго крупнаго княжества въ Сѣверной Италіи, миланскіе герцоги **Филиппъ Висконти (1391—1447)** и его преемникъ, основатель новой герцогской династіи, **Франческо Сфорца (1450—1466)**. Оба они любили окружать себя гуманистами, среди которыхъ было нѣсколько

выдающихся по своей учености и таланту лицъ, какъ **Лоски** при Висконти и **Филельфо** при Сфорцѣ; но оба миланскіе князья-меценаты были слишкомъ падки на лесть, и люди съ независимымъ характеромъ и образомъ мысли не могли здѣсь найти подходящей для себя почвы. Гуманисты были здѣсь на положеніи присяжныхъ льстецовъ и пѣвцовъ небывалыхъ доблестей своихъ покровителей. Не всякій гуманистъ былъ, конечно, способенъ называть, какъ это дѣлалъ Филельфо, герцога Сфорцу, одного изъ наиболѣе циничныхъ деспотовъ своего времени, „божественнымъ государемъ, честью и лучезарнымъ свѣтиломъ королей, набожнымъ, кроткимъ и щедрымъ“. Не удивительно поэтому, что, не смотря на значительность свою, какъ политическаго и культурнаго центра одной изъ самыхъ крупныхъ областей Италіи, Миланъ, въ качествѣ одного изъ очаговъ гуманизма, остался далеко позади Флоренціи.

Гуманизмъ въ Неаполѣ. Лоренцо Валла. Гораздо болѣе благопріятныя условія для своего развитія нашелъ себѣ гуманизмъ въ Неаполѣ. Правда, гуманистическія и меценатскія традиціи короля Роберта, современника и почитателя Петрарки (см. выше, стр. 19), здѣсь прервались въ первой четверти XV в., вслѣдствіе пережитыхъ въ это время Неаполемъ политическихъ потрясеній, связанныхъ съ прекращеніемъ Анжуйской династіи; но съ водвореніемъ на неаполитанскомъ престолѣ новой, Арагонской династіи, въ лицѣ **Альфонса I (1442—1458)**, заглохшія гуманистическія традиціи вновь оживаютъ. Уже самое вступленіе короля-побѣдителя въ свою новую столицу имѣло въ этомъ отношеніи символическій характеръ. Въ костюмѣ римскаго тріумфатора Альфонсъ I въѣхалъ въ Неаполь въ раззолоченной колесницѣ, сопровождаемый блестящей свитой, въ которой находились гуманисты Лоренцо Валла, Антоніо Беккаделли и др. Гуманистически образованный, король Альфонсъ былъ пламеннымъ поклонникомъ античной культуры. Онъ приходитъ въ радостный восторгъ, при посѣщеніи родины Ови-

дія. Онъ не жалѣетъ денегъ на пріобрѣтеніе сочиненій римскихъ и греческихъ авторовъ. Онъ всегда имѣетъ при себѣ какую-нибудь книгу, для чтенія которой пользуется всякой свободной минутой; раскрытую книгу онъ велѣлъ изобразить и на своемъ гербѣ.

Изъ окружающихъ короля-мецената многочисленныхъ гуманистовъ самыми выдающимися были **Антоніо Беккаделли (1394—1471)** и **Лоренцо Валла (1407—1457)**. Беккаделли былъ любимымъ собесѣдникомъ короля, съ которымъ онъ вмѣстѣ читалъ Тита Ливія, Цезаря и другихъ римскихъ авторовъ. Вокругъ Беккаделли собирается кружокъ молодыхъ людей, изъ которыхъ вырабатываются писатели-гуманисты. Еще болѣе крупную величину представляетъ собою Лоренцо Валла. Онъ является наиболѣе яркимъ выразителемъ *гуманистическаго критицизма*, то-есть критическаго отношеніи къ существующимъ мнѣніямъ, взглядамъ и авторитетамъ. Независимо отъ общаго критическаго духа, которымъ проникнуты большинство сочиненій Валлы, критицизмъ его особенно рѣзко выразился въ его сочиненіи *О подложной грамотѣ Константина*. Въ своихъ притязаніяхъ на свѣтскую власть и на подчиненіе себѣ свѣтскихъ государей, папы, начиная съ XI в., стали, между прочимъ, ссылаться на грамоту, которую будто бы далъ императоръ Константинъ (306—337) римскому папѣ Сильвестру I (314—335); императоръ, въ благодарность за исцѣленіе свое отъ проказы молитвами папы, отдавалъ ему „въ даръ“ городъ Римъ съ Италіей и со всѣми западными провинціями имперіи. Однако уже въ слѣдующемъ столѣтіи стали высказывать сомнѣнія относительно подлинности этой грамоты; наконецъ, Валла выступилъ съ цѣлымъ изслѣдованіемъ, въ которомъ окончательно доказалъ ея подложность.

Гуманизмъ въ Римѣ. Папы-меценаты и папы-гуманисты. Съ перенесеніемъ папскаго двора въ Авиньонъ (1309), Римъ опустѣлъ и оскудѣлъ культурно; умственная жизнь въ немъ заглохла. Съ возвращеніемъ въ Римъ пап-

скаго двора (1378), началось снова культурное оживленіе въ „вѣчномъ городѣ“. *Въ XIV в. Римъ самъ становится однимъ изъ главныхъ центровъ гуманизма.* Кромѣ мѣстныхъ силъ, сюда стекаются и гуманисты изъ другихъ городовъ. Гуманистамъ покровительствуетъ не только римская знать, но и сама папская курія. Хотя принципіально гуманизмъ, какъ носитель новыхъ идей, отрицавшихъ схоластическую образованность и аскетическіе идеалы, былъ враждебенъ католичеству, тѣмъ не менѣе, онъ въ дѣйствительности довольно мирно уживался съ папствомъ. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что итальянскіе гуманисты, въ большинствѣ своемъ не отличавшіеся религіозностью, легко мирились съ тѣми отрицательными сторонами тогдашней церковной дѣйствительности, которыя за предѣлами Италіи вызывали оппозиціонное настроеніе по отношенію къ папству. Къ тому же и само папство къ концу среднихъ вѣковъ все болѣе и болѣе отдалялось отъ тѣхъ аскетическихъ идеаловъ, яркимъ представителемъ которыхъ былъ папа Григорій VII: оно само все болѣе и болѣе становилось доступнымъ чисто-свѣтскимъ идеямъ, и между прочимъ—идейному вліянію гуманизма. Любопытно, что первымъ очагомъ гуманизма былъ Авиньонъ, являвшійся въ ту пору резиденціей папскаго двора, а первый гуманистъ, Петрарка (который и самъ былъ духовнымъ лицомъ) встрѣтилъ со стороны одного изъ авиньонскихъ папъ, **Климента VI (1342—1352)** благосклонное и покровительственное отношеніе къ себѣ. А послѣдній авиньонскій папа **Григорій XI (1370—1378)** былъ даже рѣшительнымъ почитателемъ Петрарки, по смерти котораго онъ приказалъ составить и переписать полное собраніе его сочиненій для своей библіотеки. Покровительственное отношеніе папскаго двора къ гуманизму не только не прекращается съ его возвращеніемъ въ Римъ, а, напротивъ, еще возрастаетъ.

Папы цѣнили въ гуманистахъ прежде всего образованныхъ людей, хорошихъ латинистовъ, которые были нужны для составленія папскихъ посланій, буллъ, дипломатиче-

скихъ актовъ и т. п. Поэтому они старались привлечь видныхъ гуманистовъ на свою службу, поручая имъ управленіе своими канцеляріями. И, дѣйствительно, уже въ XIV в. въ числѣ папскихъ секретарей мы встрѣчаемъ такого виднаго гуманиста, какъ **Салютати (1331—1406),** а въ XV в. **Бруни (1369—1444)** и **Поджіо (1380—1459).** Постепенно, однако, гуманизмъ проникаетъ болѣе глубоко въ папскую курію; среди приближенныхъ папы появляются люди, получившіе гуманистическое образованіе, а въ серединѣ XV в. такіе люди проникаютъ уже вплоть до папскаго престола.

Таковъ былъ папа **Николай V (1447—1455).** Еще задолго до вступленія на папскій престолъ, въ скромномъ званіи магистра богословія, онъ вошелъ въ кружокъ флорентійскихъ гуманистовъ, группировавшихся вокругъ Козимо Медичи и въ числѣ прочихъ пользовался покровительствомъ послѣдняго. Онъ, впрочемъ, не успѣлъ создать себѣ сколько-нибудь извѣстнаго имени въ качествѣ гуманиста, такъ какъ свою дѣятельность ограничилъ собираніемъ рукописей древнихъ авторовъ, ихъ пересмотромъ и исправленіемъ. Вступивъ на папскій престолъ, Николай V проявилъ себя самой широкой меценатской и организаторской дѣятельностью. Онъ привлекалъ на свою службу видныхъ художниковъ, ученыхъ и писателей, въ числѣ которыхъ были Поджіо, Валла, Альберти. Онъ усердно разыскивалъ и покупалъ рукописи древнихъ авторовъ, а свою канцелярію расширилъ для переписки этихъ рукописей, собраніе которыхъ послужило ядромъ для основанной имъ *Ватиканской библіотеки,* являющейся до настоящаго времени однимъ изъ богатѣйшихъ и самыхъ цѣнныхъ книгохранилищъ міра. Кромѣ новаго великолѣпнаго зданія для этой библіотеки, Николай V украсилъ Римъ цѣлымъ рядомъ церквей, часовенъ и другихъ построекъ, отличавшихся художественной красотой и великолѣпіемъ.

Наибольшее сближеніе между папствомъ и гуманизмомъ произошло три года спустя послѣ смерти Николая V, когда въ лицѣ **Пія II (1458—1464)** на папскій престолъ вступилъ

одинъ изъ выдающихся итальянскихъ гуманистовъ своего времени, **Эней-Сильвій Пикколомини (1405—1464)**. Ученикъ виднаго гуманиста Филельфо, онъ, въ качествѣ секретаря одного изъ прелатовъ, принимаетъ участіе въ дѣлахъ Базельскаго собора, обращаетъ здѣсь на себя вниманіе своимъ ораторскимъ талантомъ, виртуозностью въ живой латинской рѣчи и своимъ безукоризненнымъ стилемъ въ письменной латыни. Торжественно увѣнчанный въ Вѣнѣ, изъ рукъ императора Фридриха III, „поэтическимъ вѣнкомъ“, будущій папа подписывался не иначе, какъ „Эней Сильвій, поэтъ“. Лишь въ сорокалѣтнемъ возрастѣ онъ вступаетъ въ духовное званіе, черезъ годъ получаетъ епископскую каѳедру въ своемъ родномъ городѣ Сіенѣ, еще черезъ нѣсколько лѣтъ получаетъ санъ кардинала и, наконецъ, въ 1458 г. вступаетъ на папскій престолъ. Уже самый фактъ избранія на папскій престолъ гуманиста, чисто свѣтскаго ученаго и писателя, показываетъ, насколько избирательная коллегія кардиналовъ была въ это время пропитана гуманистическимъ духомъ.

Пій II не проявилъ столь широкой меценатской и строительной дѣятельности, какъ Николай V, но за-то онъ и не ограничился однимъ меценатствомъ, а продолжалъ и на папскомъ престолѣ свои научныя и литературныя занятія. За это время имъ было написано нѣсколько трактатовъ историческаго и географическаго содержанія; до тѣхъ поръ имъ было написано, кромѣ нѣсколькихъ ученыхъ трактатовъ, много діалоговъ, рѣчей и даже одинъ романъ, столь же далекій по своему содержанію отъ идеаловъ аскетизма, какъ и новеллы Боккачіо.

Преемники Пія II, не будучи сами гуманистами, продолжали, однако, традиціи меценатства, въ духѣ своихъ предшественниковъ. Наиболѣе яркими изъ послѣднихъ представителей этого типа папъ-маценатовъ были **Юлій II** и **Левъ X.**

Юлій II. **Юлій II (1503—1513)** является яркимъ типомъ *папы-князя* въ смыслѣ свѣтскаго государя. Даже свое имя Юлія, какъ говорили, онъ принялъ въ честь Юлія Цезаря, подчеркивая этимъ чисто свѣтскій характеръ своихъ стремленій и вмѣстѣ—широту и размашистость своихъ политическихъ плановъ. Ближайшею цѣлью его политическихъ стремленій было объединеніе Италіи подъ властью папы, какъ свѣтскаго государя, цѣлью дальнѣйшей—политическая гегемонія надъ христіанской Европой. Цѣли своей политики Юлій II преслѣдовалъ съ такой энергіей и настойчивостью, что современники прозвали его „грознымъ первосвященникомъ". Ради округленія территоріи папскаго государства и собиранія Италіи подъ властью св. престола, Юлій II заключаетъ союзы и ведетъ войны, наполняющія своимъ шумомъ почти все десятилѣтіе его понтификата. Сначала онъ, въ союзѣ съ императоромъ Максиліаномъ I, Людовикомъ XII и Фердинандомъ Католикомъ, отвоевываетъ у Венеціи захваченную ею Романью (съ главнымъ городомъ Равенной). Затѣмъ онъ обращается съ призывомъ къ итальянскимъ князьямъ и республикамъ—направить свои силы противъ иноземныхъ „варваровъ" и изгнать ихъ изъ Италіи. Въ подкрѣпленіе своимъ войскамъ онъ нанимаетъ многочисленныя швейцарскія дружины; самъ одѣваетъ воинскіе доспѣхи и вооруженный, какъ истый кондотьеръ, лично становится во главѣ своей арміи. За два года до своей смерти Юлію удается сформировать, подъ именемъ „священной лиги", грандіозный союзъ, къ которому, кромѣ папскаго государства, примкнули Англія, Испанія и Венеція. Въ результатѣ французы были изгнаны изъ Милана, Генуи и Флоренціи (куда снова возвратились изгнанные французами Медичи). Папа-воитель готовился къ завоевательному походу на Неаполь, когда его застигла смерть (1513).

Юлій II былъ очень далекъ отъ идеала первосвященника. Нѣмецкій гуманистъ Гуттенъ возмущался имъ, какъ „бандитомъ" и „язвой человѣчества"; Лютеръ называлъ его „чудовищемъ". Совершенно иначе, однако, относились къ

папѣ-политику и воителю итальянскіе гуманисты. Они восхваляли его, какъ „укротителя льва св. Марка“ и „избавителя страны отъ нашествія дикихъ иноплеменниковъ“. Макіавелли старается оправдать вспышки и жестокости „грознаго“ папы тѣмъ, что Юлій никогда не дѣйствовалъ изъ побужденій личной мести или гнѣва, а всегда преслѣдовалъ лишь государственныя цѣли. Стремленіе Юлія къ округленію папскихъ владѣній разсматривалось итальянскими патріотами, какъ первый шагъ къ объединенію Италіи. Наконецъ, гуманисты многое прощали ему за его широкое меценатство. Послѣднее было направлено Юліемъ главнымъ образомъ на искусство и его представителей. Юлій стремился сдѣлать изъ папскаго Рима центръ расцвѣтавшаго въ эту пору въ Италіи пышнымъ цвѣтомъ искусства „возрожденія“ („ренессанса“), сдѣлавъ въ то же время изъ этого искусства орудіе возвеличенія Церкви. Юлій II стремился воплотить въ образахъ зодчества, ваянія и живописи идею величія папскаго Рима и его міровой роли. Послѣ Николая V, Юлій II былъ самымъ усерднымъ строителемъ на папскомъ престолѣ. Онъ даже затмилъ своего предшественника разнообразіемъ своей строительной дѣятельности и широтой ея размаха. Онъ строитъ церкви, дворцы, мосты, віадуки, прорѣзываетъ въ чащѣ кривыхъ и узкихъ улицъ средневѣковаго Рима новыя прямыя широкія улицы (одна изъ нихъ, via Giulia, до сихъ поръ сохранила его имя). Наконецъ, онъ начинаетъ (1506) постройку величественнаго собора св. Петра. Новый храмъ долженъ былъ стать „соборомъ для всего христіанства“ и вмѣстѣ—несмолкаемымъ архитектурнымъ гимномъ величію папства. Къ осуществленію своихъ грандіозныхъ замысловъ Юлій II привлекаетъ лучшія художественныя силы современной Италіи.

Левъ X. Преемникъ Юлія II, **Левъ X (1513—1521)** былъ сыномъ знаменитаго мецената Лоренцо Великолѣпнаго. Будущій папа, можно сказать, съ колыбели своей дышалъ атмосферой гуманизма, въ пору его высшаго

расцвѣта. Онъ получилъ блестящее гуманистическое образованіе, привившее ему вкусъ къ искусству, наукѣ и классической литературѣ. Онъ любилъ проводить время въ обществѣ ученыхъ, писателей и поэтовъ и давалъ средства на изданіе классическихъ авторовъ, между прочимъ, Тацита. Къ изданію сочиненій послѣдняго Левъ X даже написалъ предисловіе, въ которомъ называетъ великихъ писателей величайшимъ утѣшеніемъ въ жизни и благодаритъ Провидѣніе за то, что оно дало ему возможность оказать услугу человѣчеству, способствуя распространенію сочиненій такого великаго писателя, какимъ былъ Тацитъ. Онъ полагаетъ начало изданію древне-римскихъ надписей; продолжаетъ заботливо пополнять Ватиканскую библіотеку рукописями, въ особенности сочиненій древнихъ авторовъ; заботится о сохраненіи памятниковъ и другихъ вещественныхъ остатковъ древняго Рима; привлекаетъ въ римскій университетъ ученыхъ гуманистовъ; учреждаетъ въ Римѣ школу для изученія греческаго языка и греческой литературы. Онъ оказываетъ широкое покровительство ученымъ и художникамъ. Писателю-историку **Гвиччардини (1482—1540)** онъ даетъ видное служебное положеніе въ папскихъ владѣніяхъ; политическому писателю **Макіавелли** онъ поручаетъ выработать проектъ конституціи для Флоренціи; переписывается съ Эразмомъ Роттердамскимъ и рекомендуетъ его королю Генриху VIII Англійскому. По части строительной и художественной дѣятельности Левъ X продолжаетъ дѣло своего непосредственнаго предшественника. Онъ продолжаетъ „украшать" Римъ новыми сооруженіями и дѣятельно продолжаетъ постройку храма св. Петра. Роль главнаго зодчаго послѣ Браманте, умершаго въ началѣ понтификата Льва X, переходитъ при немъ къ Микель-Анджело, а талантъ Рафаэля достигаетъ своего полнаго развитія. Вообще *время Льва X является временемъ высшаго расцвѣта художественнаго творчества „возрожденія"*.

Искусство возрожденія. Новыя идейныя теченія и настроенія, воплотившіяся въ гуманистической литературѣ, нашли себѣ также художественное выраженіе и въ изобразительныхъ искусствахъ, то-есть въ живописи, ваяніи и зодчествѣ.

Искусство возрожденія характеризуется тѣми же двумя основными чертами, что и гуманистическая литература: индивидуализмомъ и стремленіемъ „возродить“ античныя традиціи. Первая изъ этихъ чертъ нашла себѣ выраженіе главнымъ образомъ въ живописи, вторая—главнымъ образомъ въ зодчествѣ, ваяніе же отразило на себѣ обѣ эти тенденціи. Индивидуализмъ въ живописи и ваяніи проявляется въ глубокомъ интересѣ художника къ человѣку, къ человѣческой личности, въ стремленіи передать его тѣлесную и духовную индивидуальнисть. Тяготѣніе къ античной традиціи художниковъ возрожденія находило себѣ выраженіе, съ одной стороны—въ стремленіи воспроизводить пріемы и стиль скульптурныхъ и архитектурныхъ образцовъ классической древности („стиль ренессансъ“), съ другой — въ культѣ красоты, вообще, а въ ваяніи и живописи—въ особенности красоты человѣческаго тѣла.

Радоначальникомъ искусства возрожденія считается современникъ Данте и его другъ **Джотто (1276—1337).** Главныя произведенія Джотто, это—его многочисленныя фрески въ различныхъ церквахъ Ассизи (родина св. Франциска), Флоренціи и Падуи, а также большая мозаика въ соборѣ св. Петра въ Римѣ (нынѣ реставрированная), изображающая Христа, спасающаго ап. Петра на волнахъ. По сравненію съ произведеніями его предшественниковъ, живопись Джотто отличается смѣлостью замысла, стремленіемъ отрѣшиться отъ условностей традиціонной церковной живописи и внести въ нее здоровый реализмъ. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на изображеніе душевныхъ переживаній своихъ персонажей.

Въ слѣдующемъ столѣтіи появляется уже цѣлый рядъ выдающихся художниковъ во всѣхъ областяхъ искусства. Таковъ зодчій **Брунеллески (1377—1444)**, знаменитый стро-

итель купола собора во Флоренціи; ваятель **Гиберти (1381—1455)**, авторъ знаменитыхъ бронзовыхъ рельефовъ на дверяхъ флорентійскаго баптистерія; его соотечественникъ **Донателло (1386—1366)**, авторъ многихъ скульптуръ, дающихъ, между прочимъ, превосходные портреты выдающихся современниковъ; флорентійскій живописецъ **Боттичелли (1444—1510)**, авторъ многочисленныхъ Мадоннъ и фресокъ на сюжеты изъ священной исторіи и античной миѳологіи.

Наибольшаго расцвѣта искусство возрожденія достигаетъ во время понтификата Юлія II и Льва X. Щедрое меценатство и широкая строительная дѣятельность этихъ папъ привлекаетъ въ Римъ лучшія художественныя силы Италіи. Надъ постройкой храма св. Петра и перестройкой ватиканскаго дворца работаетъ знаменитый миланскій архитекторъ (также и живописецъ) **Браманте (1444—1515).** Въ постройкѣ и украшеніи храма св. Петра и Витикана принимаютъ дѣятельное участіе младшіе современники Браманте, **Микель Анджело Буонаротти (1474—1564)** и отчасти **Леонардо да-Винчи (1452—1519)**: послѣдній главную свою дѣятельность проявилъ при постройкѣ миланскаго собора. Оба эти художника отличались выдающимся по силѣ талантомъ и вмѣстѣ—поразительною разносторонностью своего художественнаго творчества. Оба почти въ одинаковомъ совершенствѣ владѣли всѣми тремя изобразительными искусствами: живописью, ваяніемъ и зодчествомъ. Въ постройкѣ храма св. Петра Микель Анджело принималъ участіе въ качествѣ зодчаго. Изъ скульптуръ самой сильной считается сдѣланная имъ по заказу Юлія II статуя Моисея, а изъ картинъ—фреска въ Сикстинской капеллѣ ватиканскаго дворца, изображающая страшный судъ. Шедевромъ Леонардо да-Винчи считается его большая картина *Тайная Вечеря,* въ которой онъ далъ одинъ изъ лучшихъ типовъ Христа, и *Джіоконда,* считающаяся однимъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ портретной живописи. Въ своемъ лицѣ Леонардо да-Винчи соединялъ не только художника, но также выдающагося ученаго (математика) и философа. Онъ представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе яркихъ образцовъ

того всесторонняго, или, какъ тогда любили выражаться, „универсальнаго человѣка“, который былъ идеаломъ эпохи возрожденія.

Съ именемъ Юлія II и его постройками связаны также первые шаги знаменитаго римскаго художника-живописца **Рафаэля Санціо (1483—1520)**, младшаго современника Микель Анджело. Онъ работаетъ надъ украшеніемъ залъ ватиканскаго дворца замѣчательными картинами, въ которыхъ художественный реализмъ, то-есть правдивое изображенніе дѣйствительности, сочетается съ возвышеннымъ идеализмомъ.

Шедеврами Рефаэля считаются его Мадонны, представляющія собою идеальное воплощеніе одухотворенной женской красоты и материнской любви.

Политическое состояніе Италіи въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. Политически Италія распадалась въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. на полтора десятка государствъ, различныхъ какъ по размѣрамъ своихъ территорій, такъ и по своему политическому строю. Самымъ крупнымъ изъ этихъ государственныхъ тѣлъ было *королевство Неаполитанское*, занимавшее всю южную Италію, свыше трети всей поверхности Аппенинскаго полуострова. Въ концѣ XV в. Неаполь подвергся кратковременному завоеванію со стороны французскаго короля **Карла VIII**, а въ началѣ слѣдующаго столѣтія (1505) онъ былъ завоеванъ испанцами, и все королевство Неаполитанское вошло въ составъ монархіи **Фердинанда Католика** и его преемниковъ. Средняя Италія, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ автономныхъ городовъ - республикъ, состояла изъ двухъ болѣе крупныхъ политическихъ тѣлъ: такъ называемаго *Церковнаго государства*, состоявшаго изъ папскихъ владѣній, и *Тосканы*, объединенной подъ властью Флоренціи. Послѣ крушенія папскихъ притязаній на свѣтское верховенство надъ христіанскимъ міромъ, папы, по возвращеніи изъ „авиньонскаго плѣна“, сосредоточиваютъ свои интересы главнымъ образомъ на своихъ непосредственныхъ владѣ-

ніяхъ въ Италіи; они стремятся къ территоріальному закругленію ихъ и внутреннему сплоченію отдѣльныхъ частей въ прочное государственное цѣлое, по типу новыхъ современныхъ итальянскихъ „княжествъ", съ папой во главѣ, какъ свѣтскимъ государемъ. Занятые церковными дѣлами и меценатствомъ, зачастую къ тому же обремененные преклонными лѣтами, папы обыкновенно предоставляли фактическое завѣдованіе свѣтскими дѣлами своихъ владѣній кому-либо изъ своихъ свѣтскихъ родственниковъ, или, какъ ихъ прозвали современники, „племянниковъ", по-латыни *nepotes:* отсюда выраженіе *непотизмъ.* Эти папскіе „непоты", надѣлявшіеся болѣе или менѣе громкими титулами, являлись фактическими правителями папскихъ владѣній; они отъ имени папъ заключали договоры съ итальянскими князьями и республиками, вели войны и т. д. Самымъ выдающимся изъ князей-непотовъ XV в. является **Цезарь Борджіа,** одинъ изъ незаконныхъ сыновей папы **Александра VI (1492—1503).** Это—самый яркій представитель того типа итальянскихъ князей-тиранновъ XV в., дѣятельность которыхъ была направлена главнымъ образомъ на упроченіе собственной власти и „округленіе" своихъ владѣній. Размахомъ своихъ плановъ и стремленій Цезарь Борджіа далеко превосходилъ всѣхъ итальянскихъ князей своего времени; опираясь на папство, онъ разсчитывалъ не только расширить свои владѣнія территоріально, но и распространить свою гегемонію на прочія итальянскія государства. Онъ мечталъ даже о томъ, чтобы „склеить Италію въ одну глыбу", то-есть объединить ее подъ своею властью.

Къ сѣверу отъ папскихъ владѣній простирались владѣнія Флоренціи, ядро которыхъ составляла область *Тоскана* (древняя *Тусція* или *Этрурія).* По отношенію къ своимъ владѣніямъ Флоренція была городомъ-государемъ, на подобіе древняго Великаго Новгорода. Сама же Флоренція, хотя и представляла собою, по внѣшнимъ формамъ своего строя и по своему титулу, республику, но со времени Козимо Медичи, она фактически превратилась въ монархію съ династіей Медичи во главѣ (см. выше, стр. 27—31).

Наибольшей раздробленностью и пестротой отличалась сѣверная Италія, насчитывавшая до десятка княжествъ и республикъ. Самыми крупными и вліятельными изъ этихъ государственныхъ тѣлъ были *Венеціанская республика* и *Миланское герцогство.*

Всѣ эти итальянскія государства вели между собою безпрерывную борьбу, главнымъ образомъ на почвѣ стремленій къ территоріальному расширенію, при чемъ мелкія княжества и города-республики подвергались захватамъ со стороны своихъ болѣе сильныхъ сосѣдей, а между болѣе крупными, какъ между Венеціей и Миланомъ, между Флоренціей и папскими владѣніями, происходили постоянныя тренія и частыя войны, вслѣдствіе стремленій каждаго изъ государствъ „округлить“ свою территорію на счетъ своего сосѣда; особенную предпріимчивость въ этомъ направленіи проявляли, на ряду съ Цезаремъ Борджіа, также миланскіе герцоги.

Въ связи съ внутренними неурядицами, политическая раздробленность Италіи имѣла своимъ слѣдствіемъ иностранное вмѣшательство въ итальянскія дѣла. Началось съ того, что, по проискамъ герцога Миланскаго, имѣвшаго свои счеты съ королевскимъ домомъ Неаполя, французскій король **Карлъ VIII (1483—1498)**, основываясь на династическихъ связяхъ, предъявилъ свои права на неаполитанскій престолъ. Результатомъ былъ первый французскій походъ въ Италію, окончившійся быстрымъ завоеваніемъ Неаполя (1495). Завоеваніе это оказалось, правда, кратковременнымъ, такъ какъ оно вызвало въ другихъ державахъ безпокойство по поводу чрезмѣрнаго усиленія Франціи. Противъ нея составили союзъ или *лигу* испанскій король **Фердинандъ Католикъ,** германскій императоръ **Максимильянъ I,** герцогъ Миланскій и Венеція. Карлу VIII пришлось оставить Италію и Неаполь, куда возвратился прежній король изъ Арагонскаго дома. Тѣмъ не менѣе легкій успѣхъ перваго побѣдоноснаго похода иноземцевъ въ Италію обнаружилъ ея слабость, между тѣмъ какъ видъ богатыхъ итальянскихъ горо-

довъ, съ ихъ великолѣпными постройками и царящей въ нихъ роскошью, произвелъ сильное впечатлѣніе на пришельцевъ. На Италію стали смотрѣть жадными глазами, какъ на лакомую и къ тому же легкую добычу. Первымъ дѣломъ преемника Карла VIII, **Людовика XII (1498—1515)**, было напасть на Миланъ, при чемъ, для обезпеченія себѣ болѣе легкаго успѣха, французскій король заключилъ союзъ съ Венеціей, которой предоставлялась доля будущей добычи. Миланъ былъ завоеванъ (1499), послѣ чего Людовикъ XIII, заключивъ союзъ съ папой Александромъ VI и Фердинандомъ Католикомъ, направился на Неаполь. Дѣло опять кончилось завоеваніемъ Неаполитанскаго королевства; но при дѣлежѣ его французы поссорились съ испанцами, были послѣдними побиты и принуждены были оставить Неаполь въ добычу испанскому королю (1505). Что касается Миланскаго герцогства, то оно, послѣ продолжительной борьбы между Францискомъ I и Карломъ V, перешло въ руки послѣдняго.

Войны за обладаніе Италіей, происходившія по большей части на ея же территоріи, довершивши политическій развалъ Италіи, вмѣстѣ съ тѣмъ подорвали ея хозяйственное благосостояніе и нанесли тяжелый ударъ всей ея культурной жизни. Бѣдственное состояніе родины заставляло итальянскихъ патріотовъ задумываться надъ его причинами и искать средствъ для того, чтобы вывести ее изъ этого состоянія. Самымъ выдающимся изъ итальянскихъ патріотовъ-мыслителей этого времени былъ писатель-гуманистъ **Никколо Макіавелли.**

Макіавелли. Родившись въ главномъ центрѣ гуманизма, Флоренціи, **Никколо Макіавелли (1469—1527)** получилъ чисто гуманистическое образованіе. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ поступилъ на государственную службу въ качествѣ чиновника центральнаго управленія флорентійской республики, а затѣмъ, въ качествѣ государственнаго секретаря, руководилъ внѣшней политикой Флоренціи. Это было

время, когда послѣ изгнанія сына Лоренцо Великолѣпнаго, во Флоренціи была возстановлена республика. Но въ 1512 г. тираннія Медичи была возстановлена, и Макіавелли, вмѣстѣ съ прочими видными республиканскими дѣятелями, подвергся преслѣдованіямъ и долженъ былъ удалиться отъ общественной дѣятельности. Плодомъ этого невольнаго досуга были его сочиненія: *Исторія Флоренціи*, *О Государѣ* и *Разсужденія по поводу первой декады Тита Ливія*.

Первое изъ этихъ сочиненій, дающее обстоятельный очеркъ исторіи родного города за время управленія Козимо Медичи и Лоренцо Великолѣпнаго, представляетъ собою опытъ художественно-прагматическаго повѣствованія, навѣянный античными образцами, главнымъ образомъ Титомъ Ливіемъ и Ѳукидидомъ.

Послѣднія изъ трехъ названныхъ произведеній представляютъ собою политическіе трактаты, съ тою разницей, что въ первомъ изъ нихъ Макіавелли исходитъ, главнымъ образомъ, изъ наблюденій и размышленій надъ современною ему итальянскою политическою дѣйствительностью, а въ послѣднемъ — изъ фактовъ римской исторіи. Выясняя причины слабости современной ему Италіи, Макіавелли вмѣстѣ съ тѣмъ въ примѣрѣ древняго Рима ищетъ указаній на средства вывести ее изъ этого состоянія. Римъ былъ силенъ своимъ гражданскимъ, національнымъ войскомъ, вмѣсто котораго въ Италіи имѣются лишь наемные отряды. Макіавелли высказываетъ убѣжденіе, что тотъ, кто создастъ въ Италіи войско по образцу римскаго, сдѣлается повелителемъ всей Италіи. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Макіавелли былъ республиканцемъ: его идеалъ — римская республика. Но такая республика, думаетъ онъ, не по плечу его соотечественникамъ, лишеннымъ той доблести, безъ которой невозможенъ подобный строй. Вывести Италію изъ состоянія внутренняго раздробленія и внѣшняго безсилія, сдѣлавшаго ее добычей иноземцевъ, могла бы, по мнѣнію Макіавелли, лишь монархія. Для того, чтобы создать изъ Италіи государство въ родѣ Франціи или Испаніи, необхо-

дима сильная монархическая власть; нуженъ государь съ сильнымъ и непреклоннымъ характеромъ, который бы самъ былъ всецѣло проникнутъ мыслью объ укрѣпленіи этой власти. Укрѣпляя свою власть, онъ тѣмъ самымъ укрѣплялъ бы государство, а *государственный интересъ* въ глазахъ Макіавелли, это—нѣчто такое, ради чего слѣдуетъ жертвовать всѣмъ, даже требованіями права, справедливости и человѣколюбія. Въ угоду государственному интересу позволительны обманъ, клятвопреступленіе, измѣна, убійство, словомъ — всякое преступленіе, потому что то̀, что̀ представляется преступленіемъ съ точки зрѣнія частныхъ отношеній между людьми, есть лишь государственная мудрость съ точки зрѣнія государственнаго интереса. Въ этомъ представленіи о государствѣ у Макіавелли сказалось, съ одной стороны— вліяніе античныхъ, именно—древнеримскихъ представленій, вычитанныхъ имъ изъ Тита Ливія, а съ другой — вліяніе современной политической дѣйствительности, именно—практики итальянскихъ тиранновъ, изобиловавшей обманомъ, измѣной, убійствомъ и проч.; только для такихъ дѣяній Макіавелли ставитъ высокую и великую цѣль: *созданіе и поддержаніе сильной государственной власти.* И эта великая цѣль оправдываетъ въ его глазахъ всякія средства. Въ этомъ сущность того, что принято называть *макіавеллизмомъ;* но не надо забывать, что не въ „макіавеллизмѣ“ лежитъ центръ тяжести ученія Макіавелли, а въ возвеличеніи государства и государственной власти.

Въ конкретной формѣ объединеніе Италіи представлялось Макіавелли въ формѣ „собиранія“ Италіи въ рукахъ фамиліи Медичи, которая въ глазахъ Макіавелли была для этого наиболѣе подходящею по своей просвѣщенности, по своему патріотизму, по своей популярности, наконецъ — по своей связи съ папскимъ престоломъ, который въ это время былъ занятъ сыномъ Лоренцо Великолѣпнаго (Львомъ X). По мысли Макіавелли, королевство Неаполитанское должно было быть передано брату Льва X, Джуліану Медичи, а герцогствомъ Миланскимъ долженъ

былъ завладѣть племянникъ Льва X, Лоренцо, герцогъ Урбинскій. Тогда большая часть Италіи очутилась бы въ рукахъ фамиліи Медичи, которая послѣ этого получила бы возможность соединить въ своихъ рукахъ, убѣжденіемъ или силой, и остальныя итальянскія государства. Свой трактатъ *О Государѣ* Макіавелли написалъ отчасти именно въ виду этой цѣли. И свое сочиненіе Макіавелли посвятилъ именно Лоренцо Медичи (племяннику Льва X), какъ своего рода руководство для выполненія той роли, какую онъ мысленно возлагалъ на этого князя.

Что касается папства, то къ нему Макіавелли относился безусловно отрицательно, такъ какъ, по его мнѣнію, оно было помѣхой для объединенія Италіи: папы были слишкомъ слабы, чтобы осуществить такое объединеніе въ свою пользу, но достаточно сильны, для того, чтобы мѣшать это сдѣлать другимъ.

Книга Макіавелли *О Государѣ* пользовалась большою популярностью въ Италіи, а переведенная на другіе европейскіе языки, она получила широкое распространеніе во всей Европѣ. Въ теченіе XVI—XVII столѣтій она слыла кодексомъ политической мудрости и сдѣлалась настольною книгой правителей.

Гуманизмъ въ Германіи. Происхожденіе германскаго гуманизма. Въ Германіи гуманизмъ развился отчасти подъ вліяніемъ Италіи, но у него были и мѣстные, туземные корни.

Вліяніе итальянскаго гуманизма проникало въ Германію, во-первыхъ, черезъ *папскій дворъ*, который въ XV в. сдѣлался, какъ мы видѣли (стр. 42), одимъ изъ важнѣйшихъ очаговъ гуманизма. При той важной роли, какую играло въ ту пору папство, проникновеніе папскаго двора гуманистическими элементами, естественно, не могло остаться безъ вліянія на весь католическій міръ, то-есть на всю тогдашнюю Западную Европу. Къ тому же въ XV в. были особенно благопріятные моменты для проявленія такого вліянія:

это — такъ называемые „великіе соборы" XV в. — въ Пизѣ (1409), Констанцѣ (1414—1418), Базелѣ (1431—1449). На этихъ соборахъ, куда съѣзжались со всего католическаго міра представители высшаго духовенства и правящей свѣтской знати съ своими секретарями и многочисленными свитами, итальянскіе гуманисты, сопровождавшіе папскій дворъ и итальянскихъ прелатовъ, имѣли возможность приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ представителями образованнаго общества Германіи и прочихъ странъ. Такъ, на Констанцскомъ соборѣ присутствовалъ, въ качествѣ папскаго секретаря, знаменитый гуманистъ Поджіо, на Базельскомъ — Эней-Сильвій Пикколомини, будущій папа Пій II (см. выше, стр. 42—43).

Далѣе, отдѣльные гуманисты, поселяясь въ Германіи, являлись здѣсь *апостолами гуманизма*. Таковъ былъ только что упамянутый Пикколомини, который еще до конца Базельскаго собора, продолжавшагося съ перерывами около 18 лѣтъ (1431—1449), поступилъ на службу къ императору Фридриху III и около десяти лѣтъ (1440—1450), вплоть до своего назначенія на епископскую каѳедру въ родной городъ Сіену, провелъ въ Вѣнѣ, гдѣ подъ его вліяніемъ образовался первый въ Германіи кружокъ гуманистовъ.

Затѣмъ, *итальянскіе университеты*, куда многіе изъ Германіи, какъ и изъ другихъ частей Европы, пріѣзжали для завершенія своего образованія, также служили проводниками идейнаго вліянія Италіи вообще и въ частности — вліянія итальянскаго гуманизма.

Наконецъ, могучее средство для своего распространенія итальянскій гуманизмъ получилъ во второй половинѣ XV в. — въ *книгопечатаніи*.

Но если занесенныя изъ Италіи сѣмена гуманизма нашли въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ Запада, благопріятную для себя почву, то это потому что полѣдняя была подготовлена ростомъ городовъ и свѣтскаго общества, не находившаго себѣ отвѣта на свои умственные запросы въ традиціонной схоластической образованности. Въ Герма-

нiи почва для гуманизма была, кромѣ того, подготовлена зародившимся во второй половинѣ XIV в. культурнымъ движенiемъ, связаннымъ съ дѣятельностью такъ называемыхъ *братьевъ общей жизни (fratres vitae communis)*. Такъ называлось нравственно-религiозное и благотворительно-просвѣтительное общество, основанное въ Нижней Германiи (нынѣшней Голландiи) **Гергартомъ Гроотомъ (1340—1384)**. Религiозно настроенный, съ мистическимъ оттѣнкомъ, образованный и зажиточный горожанинъ г. Девентера, Гроотъ пожертвовалъ свое состоянiе и свой домъ въ родномъ городѣ на устройство перваго „братскаго дома", въ которомъ онъ объединилъ кружокъ людей, раздѣлявшихъ его настроенiе. „Братскiй домъ" представлялъ собою нѣчто въ родѣ свѣтскаго монастыря, а „братья" составляли нѣчто въ родѣ монастырской общины, съ „ректоромъ" во главѣ. Братья носили одинаковую одежду, имѣли общiй столъ и жили по уставу, напоминавшему монастырскiй. Но отъ нихъ не требовалось никакихъ обѣтовъ, и въ число братьевъ принимались одинаково, какъ духовные, такъ и мiряне. Мало по малу образовались подобные же „братскiе дома" и въ другихъ городахъ Нижней Германiи. Возникли также и аналогичныя женскiя общины. Всѣ эти отдѣльныя общины были объединены, во-первыхъ, авторитетомъ старѣйшей, девентерской общины, а затѣмъ—единствомъ своихъ цѣлей. Послѣднiя сводились къ распространенiю просвѣщенiя путемъ проповѣди, переписки и распространенiя книгъ и основанiя школъ для юношества. На ряду съ книгами религiозно-нравственнаго содержанiя, „братья" переписывали также и нѣкоторыя произведенiя классической римской литературы. Въ школахъ „братьевъ", кромѣ обычныхъ въ ту пору предметовъ преподаванiя, было введено, впервые въ среднiе вѣка, чтенiе текстовъ латинскихъ классическихъ писателей. Такимъ образомъ, они содѣйсвовали *пробужденiе интереса къ классической литературѣ*. Впрочемъ „братья" не оставляли безъ вниманiя и произведенiй отечественныхъ писателей, чѣмъ подерживали въ юношествѣ *нацiональныя традицiи*. Кромѣ

того, въ школахъ „братьевъ“ впервые было обращено вниманіе на болѣе разностороннее воспитаніе личности каждаго изъ учащихся, чѣмъ была подготовлена *почва для гуманистическаго индивидуализма.* И дѣйствительно, изъ школъ „братьевъ“ вышли всѣ наиболѣе выдающіеся представители гуманизма въ Германіи.

Отличительныя черты германскаго гуманизма. Германскій гуманизмъ отличался болѣе глубокимъ *религіознымъ настроеніемъ* и болѣе замѣтнымъ *тяготѣніемъ къ богословскимъ вопросамъ,* сравнительно съ итальянскими гуманистами, которые, за немногими исключеніями, отличались въ большинствѣ, въ особенности въ позднѣйшую пору, религіознымъ безразличіемъ и равнодушіемъ къ богословію. *Вообще германскіе гуманисты въ большинствѣ случаевъ сумѣли соединить чисто гуманистическое преклоненіе передъ античнымъ міромъ съ глубоко-христіанскимъ настроеніемъ,* что рѣдко удавалось итальянскимъ гуманистамъ, зачастую впадавшимъ даже въ паганизмъ, то-есть усвоивавшимъ чисто языческія представленія древнихъ. Въ частности, что касается вопроса о реформѣ церкви, который занималъ многіе мыслящіе умы въ теченіе всего XV в., то итальянскіе гуманисты были совершенно къ нему равнодушны, для германскихъ же, напротивъ, это была одна изъ наиболѣе живо ихъ интересовавшихъ темъ. Она усердно разрабатывается уже ближайшимъ предшественникомъ германскаго гуманизма **Николаемъ Кузанскимъ (1401—1464).** Интересъ къ богословію является до такой степени преобладающимъ у старшаго поколѣнія германскихъ гуманистовъ, что нѣкоторые историки даютъ ихъ времени названіе „богословскаго“ періода. Таковъ, напримѣръ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей гуманизма старшаго поколѣнія въ Германіи, младшій современникъ Николая Кузанскаго, **Рудольфъ Агрикола (1443—1485).** Соотчественникъ Гроота, изъ нижнегерманскаго (нынѣ голландскаго) города Гронингена, и воспитанникъ одной изъ школъ „братьевъ общей

жизни“, Рудольфъ Агрикола представляетъ собою наглядный примѣръ того тѣснаго сочетанія глубоко-религіознаго настроенія съ чисто гуманистическимъ интересомъ къ классической литературѣ, который составляетъ отличительную особенность германскаго гуманизма, въ особенности въ лицѣ старшаго поколѣнія его представителей. Занятія класической литературой представляютъ для него интересъ не столько сами по себѣ, сколько, какъ средство поставить на научную почву богословіе. Традиціонное, схоластическое богословіе основывалось главнымъ образомъ на изученіи и толкованіи сочиненій нѣсколькихъ средневѣковыхъ богословскихъ авторитетовъ (Дунса Скота, Ѳомы Аквинскаго и др.); Агрикола, въ духѣ чисто гуманистическаго „возвращенія къ первоисточнику“, стремится положить въ основу богословской науки изученіе подлинныхъ текстовъ св. Писанія; путь же къ этой цѣли лежитъ черезъ классическую литературу и въ частности—греческую. Этотъ же путь привелъ затѣмъ Агриколу и къ изученію древнееврейскаго (библейскаго) языка.

Другая особенность германскаго гуманизма сравнительно съ итальянскимъ, это—*преобладаніе научныхъ и философскихъ интересовъ надъ интересами чисто художественными и эстетическими*, которые выступаютъ часто на первый планъ у итальянскихъ гуманистовъ. Германскіе гуманисты, это—не столько писатели-художники и поэты, сколько ученые, философы, богословы. Главную свою задачу они видятъ въ томъ, чтобы создать новую науку на мѣсто традиціонной схоластики, новую философію на мѣсто схоластической, и само богословіе поставить на научную почву; если же нѣкоторые, главнымъ образомъ изъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ гуманистовъ, выходятъ изъ области научно-философской и богословской, то не столько въ область изящной литературы, сколько въ область *публицистики:* они пишутъ не ради эстетическаго удовлетворенія своихъ читателей, а ради выясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ современности. Примѣнительно къ привычному намъ словоупотребленію, можно сказать, что германскіе

гуманисты, какъ писатели, были не столько беллетристами, сколько публицистами. Вслѣдствіе этого они гораздо ближе, чѣмъ итальянскіе гуманисты, стояли къ широкимъ кругамъ читающей публики. *Литературный аристократизмъ итальянскаго гуманизма былъ совершенно чуждъ гуманизму германскому: германскій гуманизмъ былъ въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе демократиченъ.*

Далѣе, за нѣсколькими исключеніями (напримѣръ, Эразмъ, см. стр. 63), германскій гуманизмъ проникнутъ *національно-патріотическимъ настроеніемъ.* При этомъ послѣднее обыкновенно связано у германскихъ гуманистовъ съ рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ папству, какъ силѣ чужой и къ тому же вредной для Германіи, на которую папы смотрѣли, какъ на доходную статью, какъ на „свою добычу", по выраженію одного изъ позднѣйшихъ германскихъ гуманистовъ (Гуттена, см. ниже, стр. 69).

Эта національно-патріотическая нотка вполнѣ отчетливо звучитъ уже у одного изъ первыхъ представителей германскаго гуманизма, **Вимфелинга (1450—1528).** Онъ первый написалъ связный обзоръ исторіи германскаго народа, проникнутый національно-патріотическимъ настроеніемъ; тѣмъ же настроеніемъ проникнуто и его полемическое сочиненіе противъ папства: *Жалобы нѣмецкой націи противъ папской куріи* (1510), гдѣ онъ разоблачаетъ исконную эксплоататорскую роль послѣдней по отношенію къ Германіи.

Наконецъ, особенностью германскаго гуманизма сравнительно съ итальянскимъ является *болѣе боевой характеръ* перваго. Объясняется это тѣмъ, что въ Германіи традиціонныя культурныя силы, съ которыми приходилось бороться гуманизму, были гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Италіи. Въ Германіи схоластическая образованность имѣла свои твердыни —въ университетахъ; въ Италіи же университеты были съ самаго начала очагами свѣтскаго образованія (преимущественно юридическаго). Поэтому тѣ позиціи, которыя итальянскимъ гуманистамъ давались безъ особой борьбы, германскимъ гуманистамъ приходилось завоевывать боевымъ натис-

комъ и упорно отстаивать потомъ завоеванное. *Ситира* и *памфлетъ* играютъ поэтому несравненно болѣе значительную роль въ гуманистической литературѣ Германіи, чѣмъ въ Италіи.

Рейхлинъ. „Письма темныхъ людей“. Самыми выдающимися представителями гуманизма въ Германіи являются **Рейхлинъ (1455—1522) и Эразмъ Роттердамскій (1467—1536)**, „два ока Германіи“, какъ ихъ называли современники. „Благодаря имъ, наша нація перестаетъ быть націею варваровъ“— писалъ о нихъ Гуттенъ. А имя Рейхлина среди германскихъ гуманистовъ получило какъ бы нарицательное значеніе: гуманистовъ въ Германіи называли *рейхлинистами*. Оба великіе гуманиста Германіи являются яркими выразителями того *всесторонняго интереса къ міру и человѣку*, той любознательности, которая была отмѣчена выше, какъ одна изъ отличительныхъ чертъ „новаго человѣка“, гуманиста, по сравненію съ человѣкомъ средневѣковымъ. Они учатся всю свою жизнь. Въ юности учатся, какъ ученики, въ зрѣломъ возрастѣ, какъ ученые: все что-нибудь изучаютъ, что-нибудь изслѣдуютъ.

По своему школьному образованію Рейхлинъ былъ юристъ; но уже въ молодости онъ увлекся изученіемъ древнихъ классическихъ языковъ и сталъ проявлять тяготѣніе къ филологическимъ и философскимъ вопросамъ. Знаніе греческаго языка только начало распространяться въ ту пору въ Италіи; въ Германіи же оно было большою рѣдкостью, и Рейхлинъ былъ первымъ въ Германіи ученымъ, овладѣвшимъ этимъ языкомъ въ совершенствѣ. Ненасытная жажда знанія побудила его уже въ зрѣломъ возрастѣ заняться изученіемъ древне-еврейскаго (библейскаго) языка, что было уже явленіемъ довольно необычнымъ въ ту пору, и Рейхлина прозвали „трехъ-язычнымъ чудомъ“. Цѣлью изученія еврейскаго языка было главнымъ образомъ желаніе Рейхлина имѣть возможность въ подлинникѣ читать Библію; но затѣмъ онъ заинтересовался и другими

произведеніями еврейской литературы, въ особенности философско-мистической *Каббалой*, которой посвятилъ даже особый трактатъ. Эти занятія еврейской литературой и дали поводъ къ той полемикѣ, которая завязалась въ 1510 г. около имени Рейхлина и вызвала въ жизни знаменитыя *Письма темныхъ людей.* Въ этой сатирѣ нашло себѣ наиболѣе яркое выраженіе то полемическое направленіе, которымъ отличался германскій гуманизмъ сравнительно съ итальянскимъ. Полемика гуманистовъ здѣсь направлена, прежде всего, противъ традиціонной схоластической образованности, противъ ея представителей—доминиканскихъ монаховъ и университетскихъ богослововъ съ ихъ учениками. Внѣшнимъ поводомъ къ составленію *Писемъ темныхъ людей* послужили печатныя нападки на Рейхлина со стороны крещенаго еврея Пфефферкорна, который хлопоталъ передъ правительствомъ объ уничтоженіи еврейскихъ книгъ, какъ вредныхъ. Рейхлинъ же высказался противъ такого уничтоженія. По случаю этой полемики Рейхлиномъ было получено много сочувственныхъ писемъ отъ разныхъ видныхъ людей, съ извѣстными именами, и эти письма онъ издалъ въ видѣ книжки подъ заглавіемъ *Письма славныхъ людей.* Вскорѣ послѣ этого вышла книжка подъ заглавіемъ *Письма темныхъ людей* („темныхъ", т. е. неизвѣстныхъ, людей безъ имени, въ противоположность „славнымъ", т. е. людямъ извѣстнымъ, съ громкими именами). Это были письма къ Ортуину Грацію, одному изъ кельнскихъ профессоровъ, принадлежавшихъ къ лагерю противниковъ Рейхлина. Корреспонденты Ортуина Грація, въ большинствѣ изъ его бывшихъ учениковъ, прошедшихъ схоластическую школу, на варварской неуклюжей латыни восхваляютъ своего учителя и представителей схоластической учености и бранятъ Рейхлина и „рейхлинистовъ". Нѣкоторые менѣе проницательные изъ противниковъ Рейхлина приняли книжку за то, за что ее выдавала ея внѣшность. Но вскорѣ обнаружилось, что это была мистификація, подъ которой скрывалась злая гуманистическая сатира на противниковъ гуманизма.

Письма къ Ортуину Грацію были сочинены группой гуманистовъ, которые, поддѣлываясь подъ стиль и міросозерцаніе „схоластиковъ“, выставляли ихъ въ смѣшномъ, каррикатурномъ видѣ. *Письма темныхъ людей,* вышедшія въ свѣтъ въ концѣ 1515 г., имѣли огромный успѣхъ, выдержали нѣсколько изданій, и въ 1517 г. гуманисты выпустили подъ тѣмъ же заглавіемъ ихъ продолженіе.

Эразмъ Роттердамскій. Дезидерій Эразмъ (1467—1536), прозванный по мѣсту своего рожденія **Роттердамскимъ,** родился въ нижней Германіи (нынѣ Голландіи) и юные годы свои провелъ въ монастырѣ—не по личному призванію, а по волѣ лицъ, заступавшихъ мѣсто его умершихъ родителей, которыхъ онъ лишился еще въ дѣтствѣ. Впрочемъ случай помогъ ему вскорѣ вырваться изъ тяготившаго его монастырскаго заточенія, которое онъ успѣлъ использовать для изученія латинскаго и греческаго языковъ: ими онъ овладѣлъ въ совершенствѣ.

Въ лицѣ Эразма мы имѣемъ дѣло не столько съ *нѣмецкимъ* гуманистомъ, сколько съ гуманистомъ *европейскимъ.* Въ отличіе отъ большинства германскихъ гуманистовъ, у Эразма совершенно отсутствуетъ *національная физіономія.* Германецъ по своему подданству, голландецъ по своему происхожденію, онъ всего менѣе похожъ былъ на голландца по своему подвижному, живому, сангвиническому темпераменту. Можно сказать, что его настоящею родиной былъ античный міръ, и здѣсь онъ чувствовалъ себя, дѣйствительно, какъ дома. По-латыни онъ писалъ съ легкостью Цицерона или Тита Ливія, а говорилъ на немъ свободнѣе, чѣмъ на родномъ языкѣ. Не лишено характерности и то обстоятельство, что значительную часть своей жизни онъ провелъ въ путешествіяхъ и подолгу жилъ въ чужихъ краяхъ: въ Италіи, Франціи, Англіи, гдѣ, между прочимъ, сошелся на дружескую ногу съ самымъ выдающимся изъ англійскихъ гуманистовъ, Томасомъ Моромъ (см. ниже, стр. 84). Не лишено характерности и то обстоятельство, что послѣ

продолжительныхъ скитаній по свѣту Эразмъ поселился подъ старость въ имперскомъ городѣ Базелѣ, имѣвшемъ, какъ по своему политическому и географическому положенію, такъ и по составу своего населенія, международный, космополитическій характеръ. Здѣсь и окончилъ онъ, среди научныхъ занятій, дни свои въ 1536 г.

Европейскимъ, а не только германскимъ, гуманистомъ можно назвать Эразма также и по необычайно широкой, европейской его извѣстности. Своей славой писателя и ученаго онъ далеко оставилъ за собой Петрарку, знаменитость котораго среди современниковъ почти не выходила за предѣлы Италіи. Въ лицѣ Эразма мы впервые имѣемъ дѣло съ *европейской знаменитостью* въ области науки и литературы. По словамъ одного современника, „отъ Англіи до Италіи, отъ Польши до Венгріи гремѣла его слава". Со всѣхъ сторонъ сыпались къ нему почетные подарки, пенсіи, приглашенія. Самые крупные изъ коронованныхъ современниковъ, Генрихъ VIII Англійскій, Францискъ I Французскій, папы, кардиналы, государственные люди считали за честь находиться въ перепискѣ съ Эразмомъ. Папская курія предлагала ему кардинальство; баварское правительство обѣщало назначить ему роскошное по тому времени содержаніе, лишь бы онъ поселился въ Нюрнбергѣ (отъ обоихъ предложеній Эразмъ отказался). Городъ Фрейбургъ устроилъ ему такую встрѣчу, какая полагалась лишь коронованнымъ особамъ: городское управленіе въ полномъ составѣ, окруженное цѣхами и корпораціями, съ распущенными знаменами, вышли на встрѣчу знаменитому гуманисту за городъ, сопровождаемые почти всѣмъ населеніемъ города. Эразма называли „оракуломъ Европы"; къ нему обращались за совѣтами не только ученые по разнымъ научнымъ вопросамъ, но и государственные люди, до королей включительно, по вопросамъ государственнымъ.

Какъ и Рейхлинъ, Эразмъ былъ прежде всего ученымъ филологомъ, именно—филологомъ-эллинистомъ. Въ Германіи въ свое время онъ былъ лучшимъ знатокомъ греческаго

языка и греческой литературы. Объ авторитетѣ, которымъ онъ пользовался въ этой области можно судить по тому факту, что его мнѣніе относительно звукового произношенія нѣкоторыхъ буквъ греческаго алфавита (эты и дифтонговъ) получило всеобщее признаніе и практическое примѣненіе въ Западной Европѣ, вопреки авторитету учителей греческаго языка изъ византійскихъ грековъ, придерживавшихся иного, новогреческаго произношенія.

Интересъ къ классической филологіи и вообще къ античной культурѣ отнюдь не заглушилъ въ Эразмѣ того тяготѣнія къ религіознымъ, богословскимъ вопросамъ, которое онъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ германскихъ гуманистовъ, вынесъ изъ школы „братьевъ общей жизни“, чрезъ которую прошелъ, какъ и большинство другихъ германскихъ гуманистовъ. „Не могу выразить“,—писалъ Эразмъ въ 1504 г.,—„какъ неудержимо тянетъ меня къ св. Писанію, и какъ противно мнѣ все, что отвлекаетъ отъ него“. Свою обширную ученость въ области античной литературы и въ частности свое глубокое знаніе греческаго языка онъ отдаетъ на службу главнымъ образомъ богословію. Своимъ первымъ критическимъ изданіемъ текстовъ Новаго Завѣта и первыхъ отцовъ Церкви Эразмъ *положилъ прочное начало научному богословію на Западѣ*, вмѣсто традиціоннаго, схоластическаго богословія, которое совершенно игнорировало подлинный текстъ св. Писанія, довольствуясь Вульгатой, и занималось главнымъ образомъ комментированіемъ нѣсколькихъ средневѣковыхъ богословскихъ авторитетовъ. Къ богословію Эразмъ подходилъ не только, какъ ученый филологъ, но и какъ мыслитель-философъ. *Античную философію, которая ему была дорога, какъ гуманисту, Эразмъ стремился примирить съ христіанскимъ міросозерцаніемъ.* Основныя мысли Эразма объ этомъ предметѣ, высказанныя имъ главнымъ образомъ въ небольшомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *Руководство для христіанскаго воина* (1502), сводятся къ слѣдующему. Для того чтобы быть истиннымъ христіаниномъ, необходимо знать и понимать св. Писаніе, а

для этого необходимо образованіе, образованіе же немыслимо безъ знанія древней литературы и философіи. Даже болѣе того: древняя философія необходима для болѣе глубокаго пониманія самого христіанскаго ученія, такъ какъ въ ней мы встрѣчаемся уже со многими основными понятіями христіанской религіи: понятіемъ о единомъ Богѣ, о безсмертіи души, о нравственной свободѣ человѣка. Да и тамъ, гдѣ древняя философія расходится съ христіанствомъ, это скорѣе лишь внѣшнее, словесное различіе, подъ которымъ скрывается сходство по существу. Такъ, тамъ, гдѣ древніе философы говорятъ о верховномъ разумѣ, христіанскіе писатели говорятъ о Духѣ Божіемъ, и т. д. Эразмъ идетъ еще дальше и считаетъ древнихъ философовъ настоящими предтечами христіанства. Платонъ, это—„второй Моисей“; у него Эразмъ находитъ предчувствіе догмата троичности и ученія о первородномъ грѣхѣ и искупленіи. А ученіе Сократа кажется ему настолько близкимъ къ христіанству, что устами одного изъ персонажей, въ своихъ *Дружескихъ бесѣдахъ,* Эразмъ восклицаетъ: „Иногда я готовъ воскликнуть: «Святой Сократъ, моли Бога о насъ!» “

Изъ приведенныхъ разсужденій Эразма видно, что въ своемъ стремленіи примирить древнюю философію съ христіанствомъ онъ не останавливался передъ явными натяжками въ пользу первой и въ ущербъ послѣднему. *Въ гуманистическомъ образованіи Эразмъ видѣлъ не только средство для преобразованія христіанскаго богословія, но также и для реформъ самой церкви.* Мысль о реформѣ католической церкви, о необходимости такой реформы, была въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI очень популярна на Западѣ, въ особенности въ Германіи, гдѣ церковныя злоупотребленія чувствовались тѣмъ острѣе, чѣмъ религіознѣе было общее настроеніе. Свое отношеніе къ вопросу о церковной реформѣ Эразмъ выразилъ главнымъ образомъ въ двухъ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ: *Похвала Глупости* (*Laus Stultitiae*) и *Дружескія бесѣды* (*Colloquia familiaria*). Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ Эразмъ даетъ сатирическое изобра-

женіе современной ему дѣйствительности, въ особенности церковной, выставляя на общее посмѣшище церковныя злоупотребленія и недостатки главныхъ представителей католической церкви: духовенства, начиная съ папы, и монашества. Въ монахахъ и низшемъ духовенствѣ Эразмъ обличаетъ грубость и невѣжество, во всемъ духовенствѣ—корыстолюбіе и преобладаніе матеріальныхъ интересовъ, въ высшемъ духовенствѣ съ папой во главѣ — удаленность отъ апостольскаго идеала, пышность, и праздность. „Предоставивъ всѣ труды ап. Петру и Павлу, на свою долю папы оставляютъ весь блескъ и удовольствія. Они увѣрены, что, титулуясь блаженнѣйшими и святѣйшими, раздавая одной рукой благословенія, а другой проклятія, и разыгрывая въ пышныхъ церемоніяхъ, въ своемъ мистическомъ и почти театральномъ уборѣ, роль епископовъ, они воздаютъ должное Христу...“ Въ своихъ сатирахъ Эразмъ бичуетъ церковныя нестроенія и злоупотребленія; въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, а также въ письмахъ онъ высказываетъ и свои положительные взгляды на церковную реформу. Основная мысль Эразма въ томъ, что, для того чтобы преобразовать церковь и искоренить вкравшіяся въ церковную дѣйствительность многочисленныя злоупотребленія, необходимо распространеніе правильнаго пониманія христіанскаго ученія. Гдѣ же искать этого пониманія? Въ св. Писаніи, и прежде всего въ Евангеліи. Надо бросить всю схоластическую премудрость, всѣ эти богословскіе трактаты „скотистовъ“ и „томистовъ“ [1]), всѣ школьныя руководства благочестія, и обратиться къ первоисточнику христіанской религіи—къ Евангелію. При этомъ Эразмъ настаиваетъ на томъ, чтобы не духовенство только, а каждый христіанинъ зналъ и изучалъ Евангеліе. Пусть ученый богословъ читаетъ Евангеліе въ подлинникѣ, но всякій христіанинъ обязанъ его знать хотя бы въ переводѣ. „Я рѣшительно протестую“—пишетъ Эразмъ—

---

[1]) *Скотисты*—послѣдователи Дунса Скота, знаменитаго богослова-схоластика XIII в. *Томисты*—послѣдователи другого средневѣковаго богослова, Ѳомы Аквинскаго (XIII в.).

„противъ мнѣнія тѣхъ которые отказываютъ мірянамъ въ правѣ читать св. Писаніе на родномъ языкѣ, какъ будто Христосъ проповѣдовалъ непостижимыя тайны, доступныя лишь пониманію богослововъ. Я желалъ бы, чтобы и женщины читали сами Евангеліе, посланія ап. Павла, и дай Богъ, чтобы эти книги были переведены на всѣ языки, такъ чтобы онѣ стали извѣстны даже туркамъ и сарацинамъ“.

Въ данномъ пунктѣ Эразмъ вполнѣ сходится съ Лютеромъ и другими проповѣдниками протестантской реформы Церкви; но отъ нихъ Эразма отдѣляетъ существеннымъ образомъ то, что, настаивая на св. Писаніи, какъ ва первоисточникѣ христіанской вѣры, онъ отнюдь не думаетъ отрицать авторитета церковнаго преданія. Онъ признаетъ непогрѣшимость церкви въ ея цѣломъ, онъ не считаетъ противорѣчащимъ св. Писанію ни главенство папы, ни существующую церковную организацію и церковную дисплину. Онъ не отрицаетъ ни монашества, какъ учрежденія, ни церковныхъ обрядовъ. Только все это онъ считаетъ необходимымъ очистить отъ злоупотребленій, главный источникъ которыхъ онъ видитъ въ невѣжествѣ, въ особенности же въ невѣжествѣ тѣхъ, кто долженъ быть „солью земли“, т. е. духовенства. Реформа церкви, какъ она представлялась Эразму, должна была состоять, во-первыхъ, въ преобразованіи богословской науки, въ ея возвращенію къ первоисточнику христіанской вѣры, св. Писанію, изучаемому въ подлинникѣ (для чего необходимо классическое, т. е. гуманистическое образованіе); во-вторыхъ, въ поднятіи образовательнаго уровня духовенства, и, наконецъ, въ распространеніи св. Писанія среди мірянъ въ общедоступныхъ переводахъ. Словомъ, Эразмъ представлялъ себѣ церковную реформу, которую онъ считалъ желательной и необходимой,—какъ *постепенный и совершенно мирный процессъ, долженствующій явиться естественнымъ и неизбѣжнымъ вслѣдствіемъ прогресса просвѣщенія самого церковнаго общества, начиная съ его правящихъ верховъ.* Это—постепенное и мирное преобразованіе безъ всякаго рѣзкаго разрыва съ прошлымъ и настоящимъ,—*реформа безъ революціи.*

Отсюда видно, насколько то, что разумѣлъ подъ желательною *реформою церкви* Эразмъ, было отлично отъ той *протестантской реформаціи*, которую стали осуществлять Лютеръ и другіе церковные реформаторы XVI в. Отсюда же понятно, почему, когда началась протестантская реформація, Эразмъ не только не пошелъ объ руку съ ней, но и рѣшительнымъ образомъ выступилъ противъ нея въ рядахъ защитниковъ католической церкви.

Гуттенъ. Наиболѣе рѣзкое выраженіе присущая нѣмецкому гуманизму боевая тенденція нашла у представителя младшаго поколѣнія германскихъ гуманистовъ, **Гуттена (1488—1523)**. Онъ былъ на 21 годъ моложе Эразма и на 33 года моложе Рейхлина. Въ качествѣ писателя, Гуттенъ пріобрѣлъ себѣ широкую извѣстность не какъ ученый и поэтъ, а какъ публицистъ и памфлетистъ. И писалъ онъ уже чаще, чѣмъ другіе нѣмецкіе гуманисты, не по-латыни, а по-нѣмецки, либо переиздавалъ на нѣмецкомъ языкѣ свои латинскія произведенія: онъ хотѣлъ имѣть своею аудиторіею не однихъ лишь кабинетныхъ ученыхъ и образованныхъ людей, а болѣе широкіе, демократическіе круги германскаго народа. Даже и латынь ему служитъ не столько какъ научное, сколько какъ боевое орудіе: примѣръ — *Письма темныхъ людей* (см. выше, стр. 61—62), въ составленіи которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе.

Основная нота, звучащая во всѣхъ полемико-публицистическихъ произведеніяхъ Гуттена, это—нота *національно-патріотическаго негодованія и протеста* противъ тѣхъ круговъ, которые въ его глазахъ повинны въ переживаемыхъ Германіею бѣдствіяхъ и невзгодахъ. Съ одной стороны, онъ громитъ владѣтельныхъ князей Германіи, губящихъ свою родину вѣчными раздорами между собою и деспотическимъ обращеніемъ съ народомъ. Отрицательное отшеніе къ князьямъ сдѣлало свободолюбиваго Гуттена горячимъ поборникомъ императора и императорской власти, въ упроченіи которой онъ видѣлъ единственный залогъ

спасенія своей родины, осужденной на безсиліе вслѣдствіе политической раздробленности.

Но главнымъ врагомъ Германіи въ глазахъ Гуттена является папскій Римъ, угнетающій Германію духовно и эксплоатирующій ее матеріально. Національно-патріотическій протестъ противъ папскаго Рима — вотъ основной мотивъ большинства „эпиграммъ“ и „діалоговъ“ Гуттена (образцомъ для послѣднихъ служили Гуттену знаменитые сатирическіе *Діалоги мертвыхъ* Лукіана Самосатскаго, греческаго писателя II в. по Р. Х.). На Римъ и папскій дворъ Гуттенъ обрушивается со всею силою своего негодующаго сарказма, со всею неукротимостью своего сатирическаго темперамента. Въ уста одного изъ собесѣдниковъ въ діалогѣ *Вадискъ или римская тріада* Гуттенъ вкладываетъ, между прочимъ, слѣдующую сатирическую характеристику папскаго Рима: „Три вещи изгнаны изъ Рима: простота, умѣренность и благочестіе. Три вещи всего болѣе любятъ въ Римѣ: короткія обѣдни, высокопробное золото и веселую жизнь. Напротивъ, тамъ и слышать не хотятъ о трехъ вещахъ: о вселенскомъ соборѣ, о реформѣ церкви и о томъ, что нѣмцы начинаютъ умнѣть. Три вещи вытравляетъ Римъ: совѣсть, набожность и честность. Три вещи уносятъ съ собой побывавшіе въ Римѣ: притупленную совѣсть, испорченный желудокъ и пустой кошелекъ“. „Скоро ли“—восклицаетъ Гуттенъ въ другомъ сочиненіи—„настанетъ время, когда у Германіи откроются глаза, и она пойметъ, что стала совершенно добычей Рима? Когда же, наконецъ, наступитъ время, что папскія буллы будутъ, быть можетъ, продаваться на вѣсъ золота другимъ народамъ, но не германскому? Или твой, Германія, могущественный императоръ будетъ и впредь, какъ теперь, только предметомъ издѣвательства и грабительства Рима?..“

Этотъ патріотическій протестъ противъ папскаго Рима сблизилъ Гуттена съ Лютеромъ, въ которомъ онъ увидѣлъ союзника въ борьбѣ съ исконнымъ врагомъ Германіи, какимъ ему представлялся Римъ. Онъ привѣтствовалъ въ Лютерѣ

борца за „христіанскую истину и нѣмецкую свободу“. Гуттенъ уже успѣлъ написать нѣсколько своихъ громовыхъ памфлетовъ противъ папства, когда выступилъ Лютеръ съ своими знаменитыми тезисами. Къ послѣднимъ Гуттенъ отнесся первоначально съ ироническимъ пренебреженіемъ, какъ къ одному изъ тѣхъ обычныхъ схоластическихъ словопреній, которыми была такъ богата тогдашняя университетская и близко къ ней стоявшая монастырская жизнь. Но когда, около трехъ лѣтъ спустя, Лютеръ подвергся папскому отлученію, Гуттенъ понялъ, что тутъ дѣло серьезнѣе простыхъ „монашескихъ дрязгъ“. Онъ почуялъ въ Лютерѣ своего союзника въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, папскимъ Римомъ, и поспѣшилъ протянуть смѣлому монаху свою руку. Онъ перепечаталъ папскую буллу объ отлученіи Лютера, снабдивъ ее сатирическимъ предисловіемъ и полемическими примѣчаніями. Въ предисловіи Гуттенъ высказываетъ совершенно вѣрную и съ исторической точки зрѣнія мысль, что съ момента отлученія Лютера отъ церкви его дѣло перестало быть его личнымъ дѣломъ, такъ какъ—говоритъ Гуттенъ — своей буллой папа обнаружилъ свою рѣшимость „задушить возродившуюся христіанскую истину вмѣстѣ съ нѣмецкой свободой“. Къ тому мѣсту буллы, гдѣ сочиненія Лютера осуждались на сожженіе, Гуттенъ дѣлаетъ слѣдующее, обращенное къ папѣ, примѣчаніе: „Ну да, ты добился этого! Сочиненія Лютера горятъ! Они горятъ въ сердцахъ всѣхъ честныхъ людей... И какой это роковой для тебя пожаръ! Потуши его, если можешь!“

Гуттенъ до такой степени рѣшительно сталъ на сторону Лютера, что изъ-за этого поссорился со многими изъ своихъ друзей-гуманистовъ, въ томъ числѣ и съ обоими признанными главами германскаго гуманизма—Рейхлиномъ, за котораго еще такъ недавно ломалъ копья въ *Письмахъ темныхъ людей*, и Эразмомъ, передъ которымъ до тѣхъ поръ искренно преклонялся. Болѣе боецъ, чѣмъ мыслитель, Гуттенъ искалъ не столько *единомышленниковъ*, сколько *союзниковъ*. Увидѣвъ въ лицѣ Лютера союзника противъ общаго

врага—папства, онъ склоненъ былъ отождествлять задачи гуманизма и протестантской реформаціи и не допускалъ иного пониманія дѣла. Между тѣмъ задачи обоихъ движеній, хотя и соприкасавшихся въ нѣкоторыхъ точкахъ, были въ дѣйствительности различны, и это вполнѣ ясно понимали Рейхлинъ и Эразмъ. Въ пылу боевого опьяненія, Гуттенъ не успѣлъ хорошо разобраться въ этомъ, а преждевременная смерть не дала ему достаточно времени для этого.

Гуманизмъ во Франціи. Какъ и въ Германіи, во Франціи гуманизмъ развился изъ взаимодѣйствія туземнаго „возрожденія" и иноземныхъ вліяній, которыя, впрочемъ, здѣсь были нѣсколько сложнѣе, чѣмъ въ Германіи.

Во Франціи, какъ странѣ подвергшейся въ свое время сильной романизаціи, классическія традиціи никогда вполнѣ не прерывались въ теченіе средневѣковья. Правда, греческій языкъ былъ совершенно забытъ, но басни Эзопа и нѣкоторыя изъ сочиненій Аристотеля и Платона продолжали изучаться въ латинскихъ переводахъ; изъ латинскихъ авторовъ продолжали читаться въ школахъ сочиненія Вергилія, Овидія, Горація, а изъ прозаиковъ — Квинтъ Курцій, Юлій Цезарь. Съ середины XV в. интересъ къ древнимъ замѣтно возрастаетъ: появляются книги, трактующія о нихъ, какъ, напримѣръ, *Троянскія исторіи* (1464), и эти книги имѣютъ большой успѣхъ. Получаетъ распространеніе легенда о троянскомъ происхожденіи французовъ (отъ Гектора).

Во второй половинѣ XV в. начало сказываться во Франціи иноземное вліяніе, которое шло съ двухъ сторонъ: со стороны Италіи и со стороны Германіи. Со стороны Италіи вліяніе шло частью черезъ посредство высшаго духовенства, которое все еще продолжало быть въ ту пору самымъ образованнымъ сословіемъ, частью черезъ французскій дворъ. Послѣ продолжительнаго пребыванія папскаго двора во Франціи (авиньонское плѣненіе, 1309 — 1378), усилилось взаимодѣйствіе между высшимъ духовенствомъ Франціи и Италіи. Французскіе кардиналы часто посѣщали Римъ и

оставались тамъ подолгу; итальянскія духовныя лица тоже довольно часто ѣздили во Францію и даже получали тамъ нерѣдко епископскія каѳедры и аббатства. Съ другой стороны, французскій дворъ сдѣлался проводникомъ итальянскаго вліянія благодаря женитьбѣ **Людовика XI (1461—1483)** на савойской принцессѣ, итальянкѣ по крови и воспитанію. Людовикъ XI завязалъ близкія сношенія съ нѣкоторыми изъ итальянскихъ „князей“ и для борьбы съ „лигой общественнаго блага“ обращался къ помощи итальянскихъ кондотьеровъ. Поклонникъ итальянскаго искусства, онъ приглашалъ во Францію итальянскихъ художниковъ. *Культурное вліяніе Италіи усилилось особенно со времени перваго французскаго похода Карла VIII (1495)* (см. выше, стр. 51). Во Франціи въ ту пору еще продолжала сохраняться патріахальная простота средневѣковья, и французы были ослѣплены блескомъ итальянской цивилизаціи, богатствомъ ея городовъ, великолѣпіемъ ея построекъ, роскошью обстановки и костюмовъ. Самому Карлу Италія показалась „такой восхитительной, что не доставало только Адама и Евы, чтобы ей стать раемъ“. **Карлъ VIII (1483—1498)** и сопровождавшая его французская знать привезли съ собой изъ Италіи множество картинъ и другихъ предметовъ искусства, художественной мебели, обстановки, наконецъ—рукописей и книгъ. Король пригласилъ на свою службу нѣсколько итальянскихъ художниковъ и мастеровъ. Все итальянское вошло въ моду во Франціи, расчищая путь вліянію итальянскаго возрожденія въ области искусства, науки и литературы. Преемникъ Карла VIII, **Людовикъ XII (1498—1515)**, ведетъ себя уже какъ настоящій меценатъ, въ чемъ ему оказываютъ соревнованіе королева и придворная знать. Король пытается привлечь на свою службу знаменитаго итальянскаго художника Леонардо да Винчи (см. выше, стр. 49), который, впрочемъ, отказался отъ приглашенія. Появляются придворные художники и поэты изъ французовъ. Вслѣдъ за королемъ, богатые сеньеры, епископы, аббаты заводятъ у себя библіотеки и коллекціи хужественныхъ предметовъ, преимущественно итальянскихъ; строятъ рос-

кошные дворцы и гробницы, частью при помощи итальянскихъ архитекторовъ, частью—ихъ французскихъ учениковъ.

Проникновенію вліянія итальянскаго гуманизма во Францію способствовало также распространившееся съ семидесятыхъ годовъ XV в. книгопечатаніе. Чрезъ книгопечатаніе главнымъ образомъ проникало во Францію и другое иноземное вліяніе—*германское*. Кромѣ того, многіе германскіе гуманисты сами пріѣзжали въ Парижъ, который ихъ привлекалъ своимъ знаменитымъ университетомъ. Эразмъ, впервые посѣтившій Парижъ въ 1496 г., потомъ неоднократно возвращался сюда и подолгу здѣсь проживалъ. Здѣсь же въ 1500 г. онъ напечаталъ свое первое крупное произведеніе, *Adagia*, сборникъ изреченій греческихъ писателей, имѣвшій огромный успѣхъ и оказавшій сильное вліяніе на распространеніе греческаго языка во Франціи. Полнаго расцвѣта французскій гуманизмъ достигъ въ первую половину царствованія **Франциска (1515—1547)**, который и самъ получилъ гуманистическое образованіе. Благодаря его широкому меценатству, французскій дворъ сдѣлался при немъ настоящимъ центромъ гуманизма во Франціи. Этому много содѣйствовала также сестра короля, **Маргарита**, королева Наваррская. Воспитанная на гуманистической литературѣ, блестяще образованная и сама писательница, она, естественно, сдѣлалась настоящимъ центромъ, вокругъ котораго группировались французскіе гуманисты.

Лефевръ д'Этапль, Бюдэ, Маргарита Наваррская. Первый крупный представитель французскаго гуманизма, **Лефевръ д'Этапль (1455—1537)** былъ въ одинаковой мѣрѣ ученикомъ какъ итальянскихъ, такъ и нѣмецкихъ гуманистовъ. Въ 1488—1489 г.г. онъ объѣхалъ главные центры итальянскаго гуманизма, послѣ чего еще разъ посѣтилъ Италію; затѣмъ онъ путешествовалъ по Германіи, гдѣ посѣтилъ школы общежительныхъ братствъ. Сильное вліяніе на него оказалъ Николай Кузанскій (см. выше, стр. 58), сочиненія котораго онъ собралъ и обработалъ для печати. Вліяніе

нѣмецкаго гуманизма сказалось на Лефеврѣ, какъ, впрочемъ, и на другихъ французскихъ гуманистахъ, въ ихъ *тяготѣніи къ богословію и вопросамъ религіи.* Одинъ изъ первыхъ во Франціи знатоковъ греческаго языка и греческой литературы, Лефевръ сначала работалъ надъ критическимъ изданіемъ сочиненій Аристотеля, чѣмъ много способствовалъ ознакомленію ученаго міра съ подлинными сочиненіями этого древняго философа и ученаго, извѣстными средневѣковымъ „схоластикамъ" лишь по неполнымъ и плохимъ латинскимъ переводамъ съ арабскаго (такъ какъ впервые сочиненія Аристотеля стали извѣстны средневѣковымъ ученымъ на Западѣ черезъ посредство арабскихъ ученыхъ). Подъ вліяніемъ итальянскихъ гуманистовъ „платониковъ" (особенно Фичино, см. выше, стр. 33), Лефевръ увлекся также философіей Платона. Но затѣмъ онъ вскорѣ перенесъ центръ тяжести своихъ ученыхъ занятій въ область богословія. Подобно Эразму, онъ работаетъ надъ критическимъ изданіемъ текстовъ св. Писанія (псалмовъ, посланій ап. Павла и др.) и сочиненій отцовъ Церкви (св. Кирилла Александрійскаго, Григорія Нисскаго, Іоанна Дамаскина и др.). Наконецъ, подъ старость онъ заканчиваетъ свой огромный трудъ—переводъ Библіи на французскій языкъ.

До выступленія Маргариты Наваррской въ качествѣ меценатки, Лефевръ являлся центромъ, вокругъ котораго группировались французскіе гуманисты.

Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ **Бюдэ (1467—1540)**, сверстникъ Эразма, съ которымъ онъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, и съ которымъ у него было много общаго. Какъ и Эразмъ, Бюдэ былъ выдающимся эллинистомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличался широтой своего кругозора и всесторонностью своего знакомства съ античнымъ міромъ. Наконецъ, у Бюдэ, какъ и у его старшаго современника, Лефевра, гуманизмъ отличался тѣмъ же богословскимъ направленіемъ и связанъ съ тѣмъ же христіанскимъ настроеніемъ, какое мы находимъ у Эразма и другихъ выдающихся представителей германскаго гума-

низма. „Цѣль жизни“—говоритъ Бюдэ—„состоитъ въ прiобрѣтенiи мудрости; но цѣльная и полная мудрость—во Христѣ“. Поэзiя, краснорѣчiе, ученость имѣютъ смыслъ и значенiе не столько сами по себѣ, сколько какъ необходимая подготовка къ воспрiятiю и постиженiю христiанской мудрости.

Тѣмъ же религiозно-христiанскимъ оттѣнкомъ отличаются и произведенiя **Маргариты Наваррской (1492—1549)**, которая по своему возрасту принадлежала къ младшему поколѣнiю французскихъ гуманистовъ; она родилась во то время, когда Лефевру было подъ 40 лѣтъ, а Бюдэ 25. Она была сестрой Франциска I и женой Генриха д'Альбрэ, короля Наваррскаго, но жила главнымъ образомъ при французскомъ дворѣ. Въ отличiе отъ Лефевра и Бюдэ, которые были *писателями-учеными*, Маргарита была *писательницей-поэтессой*. Она получила блестящее гуманистическое образованiе; владѣла, кромѣ родного французскаго, двумя новыми языками (итальянскимъ и испанскимъ) и латинскимъ, а въ зрѣломъ возрастѣ изучила также греческiй и древне-еврейскiй. Она проникнута чисто гуманистической жаждой знанiя и интересомъ къ классической литературѣ; но, какъ и большинство французскихъ гуманистовъ, она соединяетъ этотъ интересъ съ *религiозно-христiанскимъ настроенiемъ*. „Она любила изящную литературу и Христа“—говоритъ о ней современникъ. Не смотря на знанiе латинскаго языка, Маргарита писала исключительно по-французски, преимущественно стихи, частью религiознаго содержанiя. Но наибольшую извѣстность получилъ написанный ею въ подражанiе *Декамерону* Боккачiо сборникъ новеллъ подъ заглавiемъ *Гептамеронъ* („Семидневiе“).

Маро и Рабле. Изъ группировавшихся вокругъ королевы Маргариты французскихъ гуманистовъ самыми выдающимися были поэтъ **Маро (1495—1544)** и романистъ **Рабле (1495—1553)**. Въ нѣкоторыхъ своихъ произведенiяхъ Маро подражалъ классическимъ писателямъ, другихъ пе-

реводилъ (*Эклоги* Вергилія, *Метаморфозы* Овидія); но въ общемъ вліяніе античной литературы на немъ отразилось сравнительно слабо. Гораздо сильнѣе сказалось на немъ вліяніе *христіанскаго гуманизма*, который въ ту пору тѣсно переплетался съ протестантизмомъ. Самымъ крупнымъ изъ произведеній этой категоріи у Маро является его стихотворный переводъ псалмовъ.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ среди французскихъ гуманистовъ младшаго поколѣнія Рабле, самый крупный какъ по характеру своихъ произведеній, такъ и по своему значенію. Медикъ по своему образованію и священникъ по своему общественному положенію, *Рабле болѣе широко и всесторонне, чѣмъ кто-либо изъ французскихъ гуманистовъ, воплотилъ въ себѣ идейныя стремленія гуманизма.* Онъ не былъ только ученымъ, какъ Лефевръ д'Этапль и Бюдэ,—не былъ только поэтомъ, какъ королева Маргарита и Маро: онъ былъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Своею „универсальностью" онъ напоминаетъ итальянскихъ гуманистовъ. Въ качествѣ ученаго онъ написалъ цѣлый рядъ трактатовъ по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ: по медицинѣ, юриспруденціи, классической филологіи. Но своимъ значеніемъ и выдающимся мѣстомъ въ исторіи гуманизма онъ обязанъ своему роману *Гаргантуа и Пантагрюэль*, первая часть котораго вышла въ свѣтъ въ 1533 г.

Въ этомъ произведеніи ярче, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ произведеніи гуманистической литературы Франціи, выразилось гуманистическое міросозерцаніе, съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ средневѣковой схоластикѣ, съ его преклоненіемъ передъ классической литературой, съ его безграничной любознательностью, съ его интересомъ къ міру и вѣрой въ человѣческую природу, наконецъ—съ его высокимъ представленіемъ о человѣческой личности. Въ первой части романа Рабле описываетъ воспитаніе своего героя Гаргантуа. Подъ руководствомъ педагога-гуманиста, юный Гаргантуа проводитъ день такимъ образомъ. Встаетъ въ 4 часа утра. Пока его растираютъ, онъ слушаетъ

какой-нибудь отрывокъ изъ Библіи, потомъ совершаетъ молитву. „Потомъ его одѣваютъ, причесываютъ, чистятъ и опрыскиваютъ духами“. Затѣмъ идутъ уроки, послѣ которыхъ ученикъ вмѣстѣ съ учителемъ идутъ гулять за городъ или играть въ мячъ въ манежѣ. Во время обѣда, легкаго, но питательнаго, въ перерывѣ между блюдами „прочитывается какая-нибудь интересная исторія о подвигахъ древнихъ“, потомъ идетъ бесѣда, при чемъ учитель, по поводу подаваемыхъ блюдъ, сообщаетъ ученику свѣдѣнія изъ области ботаники и зоологіи. „Такимъ образомъ, Гаргантуа въ недолгое время узналъ всѣ относящіяся къ этому мѣста изъ Плинія, Полибія, Аристотеля и др.“, сочиненія которыхъ, для справокъ приносились иногда тутъ же, къ столу. Послѣ обѣда—игры, въ которыхъ приходилось считать и измѣрять. Помолившись Богу послѣ обѣда, садились играть въ карты—„не для игры, а для того, чтобы узнать этимъ путемъ массу мелкихъ тонкостей и новыхъ изобрѣтеній, которыя всѣ происходятъ отъ ариѳметики“. Затѣмъ шли опять уроки, послѣ которыхъ ученикъ занимался гимнастикой либо прогулкой за городомъ, при чемъ учитель и ученикъ „разсматривали деревья и растенія, сравнивая ихъ съ книгами древнихъ, которые объ этомъ писали“. Въ ожиданіи ужина „повторяютъ нѣкоторыя мѣста изъ прочитаннаго“. Послѣ ужина, который въ отличіе отъ обѣда, былъ разнообразенъ и изобиленъ, продолжали обѣденный урокъ, завершавшійся „бесѣдой о литературѣ и другихъ полезныхъ вещахъ“. Потомъ слушали музыку, либо проводили время въ обществѣ „людей ученыхъ или же видавшихъ чужія страны“. Передъ сномъ, если была хорошая погода, разсматривали небо, изучали созвѣздія и проч. Наконецъ, помолившись Богу, ложились спать.

Въ описаніи воспитанія Гаргантуа мы имѣемъ передъ собой наглядное *изложеніе основныхъ идей гуманистической педагогіи,* выдвигающей интересъ, какъ основной рычагъ въ дѣлѣ умственнаго воспитанія, и удѣляющей большое вниманіе воспитанію тѣлесному, въ противоположность тради-

ціонной, средневѣковой школѣ, совершенно пренебрегавшей послѣднимъ и основывавшей умственное воспитаніе на принужденіи и муштрѣ. При этомъ, въ противоположность чисто книжному и отвлеченному характеру схоластическаго воспитанія, у Рабле на первый планъ выдвигается наглядность и жизненность обученія, направленнаго на реальный міръ „полезныхъ вещей". Традиціонная зубрежка школьныхъ учебниковъ у Рабле замѣняется изученіемъ классическихъ писателей-ученыхъ. Наконецъ, религіозный элементъ воспитанія связывается у Рабле не съ схоластическимъ богословіемъ, а съ непосредственнымъ изученіемъ Библіи.

Жизнерадостное, анти-аскетическое міровоззрѣніе, вмѣстѣ съ возвеличеніемъ человѣческой личности и признаніемъ ея правъ на самую широкую свободу и полное самоопредѣленіе, находитъ себѣ особенно яркое и наглядное выраженіе въ граціозной фантазіи *Телемскаго аббатства*. Своему сподвижнику, монаху Жану, Гаргантуа жалуетъ область Телемъ (отъ греч. θέλημα—желаніе: „желанная, вожделѣнная страна"). Здѣсь Жанъ устраиваетъ монастырь „на началахъ діаметрально противоположныхъ существующимъ монастырямъ". Въ противоположность послѣднимъ, принимающимъ въ свои стѣны стариковъ, слѣпцовъ и увѣчныхъ, въ Телемское аббатство принимаются только молодые и здоровые люди. Никакихъ обѣтовъ отъ нихъ не требуется. Самый монастырь представляетъ собою большое, свѣтлое зданіе, оборудованное съ полнымъ комфортомъ и даже роскошью. Внутренніе покои въ немъ расписаны фресками, окружающій зданіе дворъ съ садомъ украшены фонтанами и статуями грацій, боговъ и богинь. Въ монастырѣ имѣется богатая и роскошная библіотека. Для обитателей Телемскаго аббатства не существуетъ никакихъ уставовъ и правилъ. Или вѣрнѣе, всѣ правила для телемитовъ сводятся къ одному-единственному: „*Дѣлай, что хочешь*". Эти слова крупными буквами были начертаны надъ входомъ въ Телемское аббатство.

Гуманизмъ въ Англiи. Ранніе англійскіе гуманисты. Гуманизмъ зарождается въ Англіи довольно рано, еще въ XIV в. Хотя возникъ онъ здѣсь независимо отъ итальянскаго гуманизма, но вліяніе послѣдняго, какъ теченія болѣе сильнаго, испытывалъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи вплоть до полнаго своего расцвѣта въ началѣ XVI в.

Родоначальникомъ англійскаго гуманизма является современникъ Петрарки **Ричардъ де-Бьюри (1286—1345)**, епископъ Дергэмскій. Слѣдовательно, какъ и Петрарка, онъ былъ духовнымъ лицомъ. Если для Петрарки сочетаніе гуманистическаго тяготѣнія къ свѣтской образованности съ духовнымъ званіемъ облегчалось тѣмъ, что сама церковная іерархія въ Италіи имѣла въ значительной степени свѣтскій характеръ, то для перваго англійскаго гуманиста подобное сочетаніе облегчалось нѣсколько другимъ условіемъ, а именно — тѣмъ, что само гуманистическое движеніе въ Англіи не означало такого рѣшительнаго уклона въ сторону чисто свѣтской образованности, какъ въ Италіи. Въ Англіи традиціонное міросозерцаніе не представлялось, какъ въ Италіи, чѣмъ-то отжившимъ, подлежащимъ огульному упраздненію и замѣнѣ новымъ: многіе элементы стараго міросозерцанія продолжали здѣсь сохранять свою жизненность, и англійскіе гуманисты ставили своею задачей не его разрушеніе и полную замѣну новымъ, а его частичное обновленіе и освѣженіе новыми элементами. Словомъ, если итальянскіе гуманисты стремились къ полной перестройкѣ стараго идейнаго зданія, то гуманисты англійскіе готовы были довольствоваться частичнымъ его ремонтомъ. Въ общемъ гуманизмъ имѣлъ въ Англіи болѣе умѣренный и менѣе яркій характеръ, чѣмъ въ Италіи.

Что касается Ричарда де-Бьюри, то, занимая отвѣтственный постъ въ церковной іерархіи, требовавшій его участія и въ государственныхъ дѣлахъ, онъ не имѣлъ достаточно времени для писательской дѣятельности, не смотря на рѣшительное тяготѣніе къ ней. Поэтому оставленныя имъ сочиненія немногочисленны. Главное изъ нихъ носитъ заглавіе *Филоби-*

бліонъ (въ переводѣ съ греческаго—*Любокнижіе*). Любовь къ книгамъ является у него, какъ и у Петрарки, внѣшнимъ выраженіемъ его широкой и страстной любознательности. Какъ специфически гуманистическая черта, выступаетъ тяготѣніе автора къ античной литературѣ. Авторъ горячо доказываетъ преимущества произведеній античныхъ писателей и этому предмету посвящаетъ особую главу.

Къ слѣдующему поколѣнію принадлежитъ младшій современникъ Боккачіо, **Чосеръ (1340—1400).** Въ лицѣ его ранній англійскій гуманизмъ получаетъ болѣе явственный *отпечатокъ итальянскаго вліянія.* Чосеръ много путешествовалъ, былъ, между прочимъ, и въ Италіи, гдѣ провелъ достаточно времени, для того чтобы изучить итальянскій языкъ и познакомиться съ произведеніями Данте, Петрарки и Боккачіо. Каждый изъ этихъ корифеевъ итальянской литературы оставилъ болѣе или менѣе глубокій слѣдъ на литературномъ творчествѣ Чосера. Въ *Жизни Цециліи* Чосеръ воспроизводитъ цѣлыя мѣста изъ *Божественной Комедіи* Данте; сюжетъ его романа *Троилъ и Хризеида* цѣликомъ заимствованъ изъ *Филострато* Боккачіо; его *Легенда о добродѣтельныхъ женщинахъ* явно навѣяна трактатомъ того же Боккачіо *О знаменитыхъ женщинахъ.* Не менѣе явственно сказалось вліяніе Боккачіо и на *Кентерберійскихъ разсказахъ,* являющихся лучшимъ изъ произведеній Чосера. По формѣ, какъ и по духу, это послѣднее напоминаетъ *Декамеронъ.* Сюжетъ *Кентерберійскихъ разсказовъ* вкороткѣ слѣдующій. Группа пилигримовъ обоего пола изъ разныхъ слоевъ общества, различныхъ возрастовъ и характеровъ, числомъ 29, собираются въ одномъ изъ лондонскихъ трактировъ, съ тѣмъ чтобы оттуда вмѣстѣ двинуться въ Кентербери, на поклоненіе гробу св. Ѳомы Бекета. Здѣсь, ради препровожденія времени, каждый изъ спутниковъ разсказываетъ какой-нибудь разсказъ. Какъ и новеллы *Декамерона,* разсказы Чосера отличаются жизнерадостнымъ настроеніемъ и вмѣстѣ—сатирическимъ отношеніемъ къ духовенству, особенно къ монахамъ.

Какъ *Кентерберійскіе разсказы*, такъ и другія произведенія Чосера отмѣчены чисто гуманистическимъ интересомъ къ человѣку и человѣческой личности. Это сказывается, между прочимъ, въ яркой обрисовкѣ индивидуальныхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и въ интересѣ автора къ собственнымъ личнымъ переживаніямъ.

Позднѣйшіе англійскіе гуманисты. Дальнѣйшее развитіе гуманизма въ Англіи было задержано наступившими въ XV вѣкѣ продолжительными внутренними смутами. Только съ возстановленіемъ внутренняго порядка при Тюдорахъ (1485), гуманистическое движеніе вновь возрождается и при **Генрихъ VIII (1509—1547)** достигаетъ своего полнаго расцвѣта, чему способствовало сочувственное и покровительственное отношеніе этого короля къ гуманистическому образованію. *Англійскіе гуманисты этого позднѣйшаго поколѣнія были ближайшимъ образомъ учениками итальянскихъ гуманистовъ, преимущественно флорентійскихъ.* Италія, являвшаяся въ XV в. обѣтованной землей гуманизма, привлекала туда также и многихъ образованныхъ англичанъ. Изъ Италіи они приносили съ собой въ Англію, вмѣстѣ съ повышеннымъ интересомъ къ античной древности, также и знаніе греческаго языка, совершенно отсутствовавшее въ средневѣковой Англіи. Англійскіе гуманисты этого времени были вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми „эллинистами“ на своей родинѣ. Они группировались здѣсь главнымъ образомъ вокругъ двухъ древнихъ университетовъ — оксфордскаго и кэмбриджскаго. Оксфордскій кружокъ гуманистовъ одно время имѣлъ въ числѣ своихъ членовъ и Эразма Роттердамскаго, неоднократно навѣщавшаго Англію и охотно здѣсь проживавшаго по нѣскольку лѣтъ. Въ Кэмбриджѣ онъ въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ (1510—1513) занималъ вновь открывшуюся каѳедру греческаго языка и греческой литературы и явился, такимъ образомъ, однимъ изъ піонеровъ научнаго „эллинизма“ въ Англіи.

Не смотря на вліяніе итальянскихъ гуманистовъ, кото-

рые въ большинствѣ были проникнуты равнодушнымъ отношеніемъ къ церковно-религіознымъ вопросамъ, англійскіе гуманисты, подобно германскимъ, сохранили въ себѣ присущую англійскому народу религіозность и вмѣстѣ съ тѣмъ — интересъ къ вопросамъ религіи и нравственности. Отчасти въ данномъ случаѣ сказалось вліяніе германскаго гуманизма, въ лицѣ Эразма, но главное значеніе при этомъ имѣлъ уже отмѣченный выше фактъ (см. стр. 80) — привязанность англичанъ къ своимъ идейнымъ традиціямъ, а самыми крѣпкими изъ этихъ традицій были именно — религіозныя и нравственныя. Вообще можно сказать, что, если итальянскіе гуманисты были, съ одной стороны — *учеными филологами*, съ другой — *писателями художниками*, а германскіе — *учеными филологами* и *публицистами*, то англійскіе являются, главнымъ образомъ, *религіозными мыслителями* и *моралистами:* они остаются таковыми даже и въ томъ случаѣ, если имъ приходится приниматься за разработку соціально-политическихъ вопросовъ.

Таковы были наиболѣе выдающіеся англійскіе гуманисты конца XV и начала XVI в.: **Джонъ Колетъ** и **Томасъ Моръ.**

Джонъ Колетъ. Изъ Флоренціи эпохи Лоренцо Великолѣпнаго, гдѣ онъ изучалъ греческій языкъ и античную культуру подъ руководствомъ тамошнихъ гуманистовъ, **Джонъ Колетъ (1466—1519)** возвратился въ Оксфордъ вооруженный научными знаніями и научнымъ методомъ, но съ тѣмъ же глубоко религіознымъ настроеніемъ, съ какимъ онъ покинулъ передъ тѣмъ свою родину. Знаніе греческаго языка имѣло въ его глазахъ цѣнность прежде всего, какъ ключъ къ пониманію Слова Божія. Когда онъ возвратился въ Оксфордъ, то первыя его лекціи въ тамошнемъ университетѣ были посвящены объяснительному чтенію въ подлинникѣ посланій ап. Павла (1496). Свой курсъ онъ читалъ съ такимъ воодушевленіемъ и подъемомъ, что нѣкоторымъ слушателямъ казался „какъ бы одержимымъ“. Въ числѣ

его слушателей былъ, между прочимъ, и Эразмъ, въ ту пору еще мало извѣстный молодой человѣкъ; въ немъ Колетъ сумѣлъ разгадать будущую звѣзду первой величины и сошелся съ нимъ на дружескую ногу, введя его въ свой гуманистическій кружокъ. Лекціи и рѣчи Колета не остались безъ вліянія на Эразма, который въ письмѣ къ другу писалъ: „Когда я слушаю моего друга Колета, мнѣ кажется, будто я слышу самого Платона". *Въ дѣлѣ преобразованія схоластическаго богословія въ научное Эразмъ былъ лишь продолжателемъ и отчасти ученикомъ Колета.* Человѣкъ съ болѣе глубокимъ религіознымъ настроеніемъ, Колетъ принималъ еще ближе къ сердцу, чѣмъ Эразмъ, церковныя злоупотребленія и нестроенія, и по своему настроенію былъ поэтому гораздо ближе къ церковнымъ реформаторамъ, чѣмъ послѣдній. Приводя въ одномъ мѣстѣ на память евангельскую сцену омовенія ногъ апостоловъ, Колетъ молитъ Христа, чтобы онъ омылъ „не только ноги Своей Церкви, но также и ея главу".

Колетъ положилъ также основаніе классической школѣ въ Англіи. Въ основанной имъ въ Лондонѣ школѣ схоластика была совершенно изгнана изъ преподаванія, въ которомъ традиціонный религіозный духъ англійскаго воспитанія соединился съ новымъ гуманистическимъ направленіемъ. Основанная Колетомъ школа послужила образцомъ, по которому стали преобразовываться существующія школы и основываться новыя.

Томасъ Моръ. „Утопія". Въ числѣ своихъ слушателей въ оксфордскомъ университетѣ, кромѣ Эразма, Колетъ имѣлъ и другого выдающагося гуманиста, отечественнаго, именно — **Томаса Мора (1485—1535)**, съ которымъ Эразмъ скоро подружился, не смотря на различіе возраста (Эразму было подъ 30 лѣтъ, Мору 19), и уже на всю жизнь. Мору посвятилъ онъ и свою знаменитую сатиру *Похвала Глупости*, самое заглавіе которой *Moriae Encomium* является

каламбуромъ на имя Мора[1]). На послѣдняго Эразмъ оказалъ сильное вліяніе какъ своими бесѣдами, такъ и своими сочиненіями.

Сынъ королевскаго судьи, Томасъ Моръ родился въ Лондонѣ въ 1485 году. Образованіе свое онъ завершилъ въ Оксфордѣ, гдѣ изучалъ древне-классическую литературу и юриспруденцію, при чемъ обращалъ на себя вниманіе своей глубокой религіозностью и почти монашескимъ образомъ жизни, но въ то же время и своимъ независимымъ и непреклоннымъ характеромъ. Выдвинувшись къ качествѣ адвоката, онъ скоро сдѣлался извѣстнымъ королю Генриху VIII, который далъ ему видное служебное положеніе и вскорѣ очень привязался къ своему талантливому подданному, соединявшему съ блестящей ученостью и серьезнымъ умомъ живой и жизнерадостный темпераментъ и необыкновенный талантъ обаятельнаго собесѣдника. При совершенномъ отсутствіи какихъ-либо карьерныхъ стремленій, Моръ, благодаря королевскому расположенію, сдѣлалъ блестящую служебную карьеру, — вплоть до высокой должности государственнаго канцлера (1529). Однако, когда вскорѣ послѣ этого Генрихъ началъ круто проводить свою церковную реформу, то не сочувствовавшій деспотическимъ мѣрамъ короля Моръ вышелъ въ отставку, а затѣмъ, два года спустя, подвергся королевской опалѣ за свой отказъ признать короля главою англійской церкви. За это онъ былъ преданъ суду, по приговору котораго былъ казненъ путемъ обезглавленія на лобномъ мѣстѣ Тауэра въ Лондонѣ, въ 1535 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти своего друга Эразма.

Среди англійскихъ гуманистовъ Моръ занимаетъ приблизительно такое же мѣсто, какъ Макіавелли среди гума-

---

[1]) Въ своемъ посвященіи, въ формѣ письма къ Мору, Эразмъ, между прочимъ, пишетъ: „Отчасти меня навело на эту идею твое имя: вѣдь имя *Morus* настолько же близко подходитъ къ имени *Moria*, насколько расходятся между собою обѣ обозначаемыя этими именами вещи“. Полное заглавіе сатиры Эразма было слѣдующее: *Moriae Encomium sive Stultitiae Laus*.

нистовъ Италіи: оба они являются главнымъ образомъ *политическими мыслителями.* Обоихъ гуманистовъ-мыслителей сближаетъ и лежащая въ основѣ ихъ общественно-политической философіи *вѣра въ человѣка, въ человѣческую личность.* Но между ними есть и существенныя различія. Если Макіавелли полонъ античныхъ воспоминаній и ищетъ авторитетовъ въ классической (главнымъ образомъ римской) древности, то Моръ довольствуется однимъ авторитетомъ, авторитетомъ человѣческаго *разума,*—своего *личнаго разума.* Затѣмъ, Макіавелли пишетъ свои политическіе трактаты прежде всего, какъ итальянскій патріотъ, и главной своей цѣлью ставитъ—найти наиболѣе пригодныя формы государственнаго бытія для Италіи; Моръ выступаетъ не какъ англійскій патріотъ, а какъ „человѣкъ“ вообще, и ищетъ наиболѣе совершенныхъ формъ государства и общества не спеціально для своей родины, а для всякаго государства, для всякаго народа, для всего человѣчества. Макіавелли—мыслитель-реалистъ, Моръ—мыслитель съ широкимъ полетомъ фантазіи. Такова именно *Утопія* Томаса Мора. Въ противоположность *Государю* Макіавелли, это не столько трактатъ, сколько философская фантазія на общественно-политическія темы. Полное заглавіе этого сочиненія, которому Моръ обязанъ своимъ виднымъ мѣстомъ какъ въ исторіи гуманизма, такъ и въ исторіи общественно-политическихъ ученій, было слѣдующее: *О наилучшемъ устройствѣ государства и объ островѣ Утопіи.* Сочиненіе это, написанное по-латыни, было напечатано въ Лувенѣ, въ 1516 г. (почти одновременно съ *Письмами темныхъ людей*). *Утопія* Мора состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой содержится критика существующаго политическаго и общественнаго порядка, какъ въ Англіи, такъ и за-границей, при чемъ встрѣчаются сатирическіе намеки на опредѣленныхъ государственныхъ дѣятелей того времени. Такъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что „въ глазахъ государя его ближайшій совѣтникъ считается настолько мудрымъ, что никому другому не позволяется давать никакихъ совѣтовъ, кромѣ на-

глаго и льстиваго поддакиванья“, содержится намекъ на кардинала Вульсея, поощрявшаго завоевательную политику Генриха VIII, которой Моръ не сочувствовалъ. Во Франціи Моръ бичуетъ постоянную армію, „это величайшее зло нашего вѣка“. Во второй части, подъ видомъ описанія „острова Утопіи“ (греческое слово, означающее въ вольномъ переводѣ „нигдѣ не существующая страна“), Моръ даетъ картину идеальнаго государственнаго и общественнаго строя, какъ онъ ему представляется. „На островѣ Утопіи насчитывается 54 обширныхъ и прекрасныхъ города. Языкъ, обычаи, учрежденія и законы ихъ одни и тѣ же. Всѣ 54 города выстроены по одному и тому же плану; въ нихъ одинаковыя общественныя зданія“. Какъ государство, Утопія представляетъ собою избирательную монархію: монархъ выбирается пожизненно двумя стами выборщиковъ, избираемыхъ народомъ, и раздѣляетъ власть съ сенатомъ и народнымъ собраніемъ. Всѣ должностныя лица избираются на одинъ годъ. Утопійцы по преимуществу земледѣльцы, но земля принадлежитъ государству, которое и является въ сущности единственнымъ собственникомъ: частная собственность отсутствуетъ. Земледѣліе обязательно для всѣхъ; но кромѣ того, каждый утопіецъ обязанъ изучить еще какое-нибудь ремесло. Весь день утопійцевъ распредѣленъ по часамъ: три часа работы до полудня, затѣмъ—обѣдъ и два часа отдыха, потомъ опять три часа работы и ужинъ, послѣ ужина—развлеченія, лѣтомъ—въ садахъ, зимой—въ общественныхъ столовыхъ. Утопійцы „занимаются тамъ музыкой или взаимной бесѣдой, такъ какъ не знаютъ ни картъ, ни другихъ безсмысленныхъ и опасныхъ игръ“. Денегъ утопійцы не знаютъ, такъ какъ покупать имъ не приходится: все, что нужно, они получаютъ изъ общественныхъ складовъ, куда поступаютъ сообща приготовленные продукты; питаются всѣ въ общественныхъ столовыхъ, которыя служатъ также мѣстомъ развлеченій. Хотя по закону всѣ граждане Утопіи пользуются полнымъ равноправіемъ, тѣмъ не менѣе у нихъ имѣется привилегированный классъ: это—ученые, составля-

ющіе своего рода умственную аристократію. Они освобождены отъ обязательнаго физическаго труда, и изъ ихъ среды выбираются всѣ должностныя лица, до монарха включительно. Въ ученые предназначаются юноши, обратившіе на себя вниманіе своими умственными способностями. Жизнь утопійцевъ отличается крайней простотою нравовъ и умѣренностью потребностей. Семейная жизнь сохраняетъ у нихъ традиціонный англійскій характеръ; она отличается строгостью нравовъ и дисциплиной. „Старѣйшій является главою семейства. Женщины повинуются мужьямъ, дѣти родителямъ, младшіе старшимъ". Роль женщинъ ограничивается тѣснымъ кругомъ хозяйственныхъ заботъ. Онѣ готовятъ кушанья, накрываютъ столъ въ общественныхъ столовыхъ, убираютъ посуду. „Самую грязную и трудную кухонную работу возлагаютъ на рабовъ". Откуда берутся рабы въ свободномъ государствѣ утопійцевъ? Во-первыхъ, обращаются въ рабство военно-плѣнные, захваченные съ оружіемъ въ рукахъ; во-вторыхъ—тяжкіе преступники изъ числа утопійцевъ, и, наконецъ, иноземцы, приговоренные у себя на родинѣ къ смертной казни. „Утопійцы отыскиваютъ ихъ за границей и покупаютъ за ничтожныя деньги, а часто случается, и совсѣмъ даромъ получаютъ. Всѣ эти рабы приговариваются къ принудительнымъ работамъ и носятъ цѣпи". Наличность рабства, несомнѣнно, не вполнѣ гармонируетъ съ общей гуманистической тенденціей *Утопіи;* повидимому, это сознавалъ и самъ Моръ, который счелъ нужнымъ помѣстить въ концѣ своего описанія острова Утопіи оговорку, что „въ этомъ государствѣ, конечно, не все заслуживаетъ полнаго одобренія".

Религіозная жизнь Утопіи покоится на началахъ вѣротерпимости, однако не безусловной, такъ какъ въ государствѣ допускаются лишь такія вѣроисповѣданія, которыя не идутъ въ разрѣзъ съ существующимъ государственнымъ и общественнымъ порядкомъ и началомъ вѣротерпимости.

Культурно-историческое значеніе гуманизма.

Культурно-историческое значеніе гуманизма состоитъ, во-первыхъ, въ *секуляризаціи человѣческой мысли,* то-есть въ освобожденіи ея отъ порабощенія церковному авторитету, и въ созданіи свѣтской образованности. Средніе вѣка не знали другой науки, кромѣ той, которая разрабатывалась въ стѣнахъ монастырей и близкихъ имъ по духу университетовъ „ad majorem Dei gloriam". Они не знали другой философіи, кромѣ той, которая должна была быть „служанкой богословія" („philosophia ancilla theologiae"). Наконецъ, средніе вѣка почти не знали другого искусства, кромѣ того, которое служило къ украшенію соборовъ и монастырей. *Гуманизмъ и возрожденіе положили начало независимымъ отъ церковно-религіозныхъ потребностей—свѣтской наукѣ, свѣтской философіи, свѣтскому искусству.* Въ частности гуманисты положили начало наукѣ классической филологіи и создали необходимую предпосылку для научной исторіи, внеся начало критики въ изученіе источниковъ (Валла).

Вліяніе гуманизма, какъ будетъ выяснено ниже, сказывается и въ позднѣйшемъ великомъ умственномъ движеніи, такъ называемомъ „просвѣщеніи" XVII—XVIII вв.

Далѣе гуманизмъ оказалъ глубокое вліяніе на *школу.* Онъ положилъ начало новѣйшей свѣтской и въ частности классической школѣ. *Гуманизмъ внесъ въ воспитаніе тѣ начала гуманности и индивидуализма, которыя лежатъ въ основѣ новѣйшей педагогіи.* Въ частности гуманизмъ, въ особенности въ Германіи, *оказалъ большое вліяніе на развитіе университетскаго образованія.* Безъ особеннаго преувеличенія можно сказать, что онъ создалъ университеты и университетскую жизнь въ Германіи, а черезъ Германію и въ остальной Европѣ. Хотя первыя высшія школы возникли въ Италіи, но это были въ сущности не университеты, а юридическіе факультеты. Что же касается остальной Европы и въ частности Германіи, то тамъ университеты до расцвѣта гуманизма, представляли собою въ сущности высшія богословскія школы; это были настоящіе

умственные центры и очаги схоластики въ концѣ средневѣковья. Но подъ вліяніемъ гуманистовъ, постепенно проникавшихъ на университетскія каѳедры, университеты превратились мало-по-малу въ очаги свѣтской науки и образованности. Гуманистовъ, въ особенности германскихъ, можно назвать истинными родоначальниками современной университетской науки.

Далѣе, хотя въ принципѣ гуманизмъ представляетъ собою движеніе обще-европейское и потому до извѣстной степени космополитическое, но практически онъ не остался безъ вліянія на *ростъ національнаго самосознанія* у западно-европейскихъ народовъ, а также на *выработку національныхъ языковъ и развитіе національныхъ литературъ*. Какъ мы видѣли, многіе изъ гуманистовъ, въ особенности германскихъ, были проникнуты національно-патріотическимъ настроеніемъ и своими сочиненіями вліяли въ соотвѣтствующемъ направленіи и на своихъ соотечественниковъ. Съ другой стороны, не смотря на господствовавшее среди гуманистовъ тяготѣніе къ классической латыни, многіе изъ нихъ сознательно работали надъ выработкой родного литературнаго языка и тѣмъ способствовали развитію родной литературы: таковы Боккачіо и Альберти въ Италіи, Чосеръ въ Англіи, Раблэ во Франціи, Гуттенъ въ Германіи.

Вліяніе гуманизма на католическую церковь. Наконецъ, важное значеніе съ культурно-исторической точки зрѣнія имѣетъ гуманизмъ еще въ томъ отношеніи, что онъ *оказалъ глубокое вліяніе на главную культурную силу среднихъ вѣковъ—на католическую церковь*. Въ данномъ случаѣ необходимо, однако, различать между гуманизмомъ итальянскимъ и гуманизмомъ прочихъ странъ. Итальянскій гуманизмъ, какъ мы видѣли, въ общемъ мирно уживался съ католическою церковью и папствомъ. Гуманисты охотно вступали на службу къ папамъ, служили имъ своимъ перомъ, своимъ краснорѣчіемъ, свей ученостью, своими талантами поэтовъ и художниковъ. Но вступая на службу къ

папству, гуманизмъ въ то же время оказывалъ глубокое вліяніе на послѣднее. *Католическая церковь, подъ его воздѣйствіемъ, гуманизировалась, проникласъ гуманистическими элементами и воззрѣніями.* Гуманизмъ проникаетъ во всѣ поры церковной іерархіи вплоть до престола св. Петра. Въ лицѣ своихъ оффиціальныхъ представителей католическая церковь идетъ въ науку къ гуманизму. Католическіе священники, проповѣдники, въ буквальномъ смыслѣ идутъ къ гуманистамъ учиться, берутъ у нихъ уроки классической латыни и краснорѣчія (напримѣръ, Альберто да Сартеано, одинъ изъ виднѣйшихъ церковныхъ ораторовъ XV в.). Подъ вліяніемъ гуманизма, католическая церковь и папство проникаются уваженіемъ къ наукѣ, свѣтскому образованію и къ изящнымъ искусствамъ.

Но на ряду съ положительными сторонами, вліяніе гуманизма на католическую церковь имѣло и свои отрицательныя стороны. *Гуманизмъ далъ новый толчекъ задолго до него начавшемуся постепенному омірщенію папства, то-есть проникновенію его чисто свѣтскими интересами и тенденціями.* Намѣстники св. Петра все болѣе и болѣе утрачиваютъ свой духовный обликъ, и такіе папы, какъ Александръ VI Борджіа (1492—1503), какъ Юлій II (1503—1513), какъ Левъ X (1513—1521), ни по своему воспитанію, ни по своимъ вкусамъ, навыкамъ и образу жизни, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ высокимъ духовнымъ саномъ, который они носятъ. Папа Александръ VI задаетъ въ Ватиканѣ блестящіе и шумные пиры, Юлій II, въ военныхъ доспѣхахъ, верхомъ на боевомъ конѣ, водитъ свои войска въ битвы; Левъ X ведетъ себя не только какъ свѣтскій человѣкъ, но и гораздо болѣе, какъ язычникъ, чѣмъ христіанинъ. Въ его лицѣ папство идетъ далѣе простого *омірщенія* и доходитъ уже до *объязыченія.* Объязыченіе это обнаруживается и въ церковномъ искусствѣ, щедрою рукою заимствующемъ образы и символы изъ богатой сокровищницы античной миѳологіи: достаточно сказать, что, напримѣръ, на входныхъ вратахъ храма св. Петра было сдѣлано изображеніе одной миѳологической

сцены, въ которой главную роль играетъ Зевсъ. Но особенно яркое выраженіе это объязыченіе нашло себѣ въ языкѣ. Вошло, напримѣръ, въ обычай титуловать папу въ оффиціальномъ языкѣ „верховнымъ понтификомъ", а въ поэтическомъ— „хранителемъ престола Юпитера" (Филельфо), или даже „намѣстникомъ безсмертныхъ боговъ" (Бембо). Такимъ языкомъ писалъ, между прочимъ, и будущій папа Пій II (см. выше, стр. 43) когда онъ былъ еще епископомъ; говоря объ одномъ недавно умершемъ лицѣ, онъ въ одномъ письмѣ высказываетъ увѣренность въ томъ, что почившій находится „не въ тартарѣ, а въ царствѣ блаженныхъ осушаетъ кубки нектара въ обществѣ святыхъ".

Была и еще одна отрицательная сторона во вліяніи гуманизма и возрожденія на папство: это—*ростъ папской расточительности вслѣдствіе развитія роскоши, щедраго меценатства и дорого стоившихъ построекъ, предпринятыхъ папами подъ вліяніемъ возрожденія.* А развитіе расточительности, въ свою очередь, способствовало усиленію въ церковной жизни различныхъ злоупотребленій, имѣвшихъ своею цѣлью усиленіе доходовъ папской казны (продажа индульгенцій и диспенсацій,[1]) увеличеніе разныхъ поборовъ, взяточничество при замѣщеніи церковныхъ должностей).

Можно поэтому сказать, что *итальянскій гуманизмъ способствовалъ усиленію различныхъ отрицательныхъ явленій въ церковной дѣйствительности и тѣмъ сыгралъ роль одной изъ косвенныхъ причинъ реформаціи.*

Совершенно въ иномъ смыслѣ, но точно такъ же подготовилъ почву для церковной реформаціи и гуманизмъ за предѣлами Италіи. Именно, въ другихъ странахъ, въ особенности въ Германіи, *гуманизмъ способствавалъ росту оппозиціоннаго настроенія противъ папства.* Это настроеніе вытекало главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ: 1) изъ *религіознаго чувства,* которое либо не находило себѣ надле-

---

[1]) *Диспенсація* (*dispensatio*) означала освобожденіе отъ исполненія того или другого церковнаго правила (напр., отъ соблюденія постовъ).

жащаго удовлетворенія въ церковной дѣйствительности, либо встрѣчалось въ ней съ такими явленіями, которыя это чувство оскорбляли; 2) изъ *патріотическаго настроенія*, которое вызывало враждебное отношеніе къ папству, какъ силѣ чужой, иноземной и при томъ—вредной для родной страны, которую эта иноземная сила угнетала духовно и эксплоатировала въ свою пользу матеріально.

Гуманизмъ и реформація, какъ родственныя идейныя движенія. Гуманизмъ, поскольку онъ былъ движеніемъ предшествовавшимъ реформаціонному, *подготовилъ* и отчасти *ускорилъ* послѣднее. Какъ уже только что было отмѣчено, гуманизмъ въ Италіи оказалъ *разлагающее вліяніе на папство* и усилилъ тѣ отрицательныя стороны послѣдняго, которыя сдѣлали неизбѣжною протестантскую реформацію. Разрушительная работа послѣдней также отчасти была облегчена *критическою работою итальянскаго гуманизма*, направленною противъ богословскихъ и правовыхъ основъ папства (критика Вульгаты, критика „Даренія Константина", (см. выше, стр. 40). За предѣлами Италіи гуманизмъ подготовилъ реформацію, во-первыхъ, своею разрушительною *критикою схоластическаго богословія*, являвшагося идейнымъ устоемъ католической церкви, во-вторыхъ—*сатирическимъ обличеніемъ церковныхъ злоупотребленій* (Эразмъ, „Письма темныхъ людей", Раблэ, см. выше, стр. 62, 65, 77), и наконецъ—*возбужденіемъ національно-патріотической оппозиціи противъ папства* (Вимфелингъ, Гуттенъ, см. выше, стр. 60, 69).

Что касается *взаимодѣйствія* между гуманизмомъ и реформаціей, то оно обусловливалось тѣснымъ родствомъ обоихъ этихъ движеній. Во-первыхъ, и гуманизмъ и реформація, какъ движенія идейныя, имѣли одну и ту же идейную основу: *индивидуализмъ*. И гуманизмъ и реформація выдвигаютъ на первый планъ *личное начало* и отстаиваютъ *права личности на самоопредѣленіе*, съ тою только разницею, что гуманизмъ стремится осуществить это самоопре-

дѣленіе въ области *мысли* и *разума*, а реформація — въ области *вѣры* и *религіозной совѣсти*. Въ противоположность католичеству, которое все болѣе и болѣе выдвигало на первый планъ благочестивыя *дѣла*, внѣшнюю *обрядность* и церковную *дисциплину*,—протестантская реформація стремится перенести центръ тяжести религіозной жизни во *внутреннюю личную жизнь человѣка* и выдвигаетъ на первый планъ *вѣру*, какъ *внутреннее личное переживаніе* и вмѣстѣ—какъ *основной фактъ религіозной жизни*. Религія разсматривается реформаторами, какъ личное дѣло между вѣрующимъ и Богомъ: между ними нѣтъ посредниковъ. Отсюда—принципіально признававшееся всѣми реформаторами, хотя на практикѣ и нарушавшееся ими зачастую, право каждаго вѣрующаго толковать слово Божіе по своему личному разумѣнію. Въ данномъ пунктѣ реформація точно такъ же очень близко подходила къ гуманизму съ его широкой защитой правъ разума и его критицизмомъ.

Въ идейной области гуманизмъ и реформацію сближала и общая обоимъ этимъ движеніямъ тенденція мысли: это—*стремленіе къ первоисточнику*. Подобно тому, какъ гуманисты, минуя всю схоластическую ученость средневѣковья, ищутъ *первоисточника подлиннаго знанія и подлинной мудрости въ античной литературѣ*, такъ реформаторы рѣшительно ставятъ крестъ надъ схоластической премудростью традиціоннаго католическаго богословія и стремятся *возвратить религіозную мысль къ ея первоисточнику—св. Писанію*. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи церковные реформаторы шли уже по готовому пути, проложенному ранѣе гуманистами „богословскаго направленія“, стремившимися поставить богословіе на научную почву и положить въ основу богословской науки изученіе подлинныхъ текстовъ св. Писанія (см. выше, стр. 57).

Такъ какъ, далѣе, и реформація и гуманизмъ боролись противъ традиціонныхъ авторитетовъ (реформація—противъ авторитета церкви, гуманизмъ противъ авторитета схоластики) и стремились освободить отъ нихъ человѣче-

скую личность, то оба движенія имѣли характеръ *оппозиціонный* и *освободительный.*

Сближала въ данномъ случаѣ гуманизмъ и реформацію также и общность тѣхъ силъ, противъ которыхъ были направлены оба движенія. Такою силою была, во-первыхъ, *католическая церковь,* хотя и не для всѣхъ гуманистовъ, такъ какъ большинство ихъ, въ особенности въ Италіи, фактически довольно мирно уживалось съ церковью (см. выше, стр. 41—42). Гораздо болѣе единодушія между представителями гуманизма и реформаціи было въ ихъ критическомъ и отрицательномъ отношеніи къ *схоластическому богословію.* Наконецъ, сближало реформаторовъ и гуманистовъ ихъ одинаково отрицательное отношеніе къ созданнымъ церковью *аскетическимъ идеаламъ,* хотя основаніе для такого отношенія было различное у тѣхъ и другихъ: у гуманистовъ такимъ основаніемъ было жизнерадостное настроеніе и оптимистическое воззрѣніе на человѣческую природу, какъ „добрую" въ своей основѣ; у реформаторовъ же анти-аскетическое настроеніе вытекало изъ ихъ индивидуалистическаго пониманія сущности религіозной жизни, въ которой главную роль они отводили душевнымъ переживаніемъ вѣрующей личности, и выдвигая на первый планъ внутреннюю *вѣру,* придавали мало значенія внѣшнимъ *дѣламъ* благочестія, не исключая и тѣхъ, которыя составляли содержаніе аскетизма (безбрачіе, посты, бдѣнія и другіе способы аскетическаго „умерщвленія плоти").

Наиболѣе нагляднымъ выраженіемъ взаимнаго родства реформаціи и гуманизма являются случаи совмѣщенія въ одномъ и томъ же лицѣ идей и настроеній какъ гуманистическихъ, такъ и реформаціонныхъ. Съ такими случаями мы встрѣчаемся, съ одной стороны—въ лицѣ представителей „христіанскаго гуманизма", съ другой—съ церковными реформаторами, вышедшими изъ рядовъ гуманистовъ. Примѣромъ „христіанскаго гуманиста", можетъ служить **Эразмъ Роттердамскій** (см. выше, стр. 63), который, являясь однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей гуманизма, въ то же

время очень близко подходилъ къ идеямъ и стремленіямъ церковной реформаціи. Онъ очень близко подходилъ къ реформаторамъ и въ частности къ Лютеру, въ своемъ пониманіи сущности религіозной жизни. Какъ и Эразмъ, Лютеръ видѣлъ послѣднюю во внутреннихъ душевныхъ переживаніяхъ вѣрующаго, внѣшней же обрядности и дѣламъ благочестія придавалъ лишь второстепенное значеніе. Примѣромъ гуманиста, сдѣлавшагося дѣятелемъ церковной реформаціи, можетъ служитъ ближайшій сотрудникъ Лютера, авторъ лютеранскаго символа вѣры („Аугсбургскаго исповѣданія") и первый систематизаторъ лютеранскаго богословія, **Меланхтонъ (1497—1560).** Родственникъ Рейхлина и ученикъ „рейхлинистовъ", Меланхтонъ былъ по своему образованію и по своимъ научнымъ интересамъ истымъ гуманистомъ. Онъ стремился сдѣлаться ученымъ „эллинистомъ". Но увлеченіе проповѣдью Лютера и обаяніемъ его властной личности заставило Меланхтона отдать свою гуманистическую ученость на службу лютеранской реформаціи и сдѣлаться, почти нехотя, богословомъ реформированной церкви. Онъ не скрывалъ своего сожалѣнія, что ему приходится отдавать свое время и свой трудъ богословію, тогда какъ онъ съ гораздо большей охотой занимался бы классической литературой.

Основныя различія между гуманизмомъ и реформаціей. Изъ предыдущаго видно, что гуманизмъ и реформація имѣли между собою много общаго и находились въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи. Тѣмъ не менѣе, это были два отдѣльныя и въ значительной мѣрѣ самостоятельныя движенія, которыя не только расходились между собою въ извѣстныхъ точкахъ, но даже и приходили во взаимное столкновеніе.

Различіе между реформаціей и гуманизмомъ, разсматриваемыми какъ идейныя движенія, заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что гуманизмъ былъ движеніемъ по существу своему *свѣтскимъ* и *интеллектуальнымъ*, реформація же

движеніемъ *церковно-религіознымъ.* Девизомъ гуманизма были — права личнаго *разума,* девизомъ реформаціи — права личной *религіозной совѣсти.* Правда, первоначально и Лютеръ искалъ опоры въ разумѣ, однако позднѣе онъ постепенно сталъ относиться къ нему отрицательно, а подъ конецъ и прямо враждебно: о человѣческомъ разумѣ онъ сталъ говорить, какъ о „злѣйшемъ врагѣ Бога“ и „гнусномъ другѣ сатаны“. Съ теченіемъ времени реформаторы постепенно охладѣли также и къ столь рѣшительно выдвинутому ими вначалѣ принципу свободы религіозной совѣсти; такъ, Лютеръ призывалъ карающую руку свѣтской власти противъ своихъ идейныхъ противниковъ (анабаптистовъ), Кальвинъ отправлялъ на костеръ „еретиковъ“.

Взаимное идейное расхожденіе между реформаціей и гуманизмомъ выразилось внѣшнимъ образомъ, между прочимъ, въ очень рѣзкой литературной полемикѣ между Лютеромъ и Эразмомъ по вопросу о свободѣ воли: Лютеръ отрицалъ такую свободу, Эразмъ отстаивалъ ее.

Другое существенное различіе между реформаціей и гуманизмомъ состояло въ томъ, что вліяніе гуманизма, какъ движенія чисто интеллектуальнаго, почти ограничивалось областью идей, тогда какъ реформація захватывала гораздо глубже и шире всю культурную жизнь эпохи; она оказала вліяніе, частью непосредственно, частью косвенно, также и на политическія, соціальныя и экономическія отношенія тѣхъ странъ, въ которыхъ получила распространеніе. И это вполнѣ естественно. Вѣдь реформація въ корнѣ измѣнила положеніе католической церкви, а такъ какъ церковь была тѣсно связана съ политическими, соціальными и экономическими отношеніями, то вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно должны были произойти болѣе или менѣе глубокія измѣненія и во всѣхъ указанныхъ областяхъ культурной жизни.

Наконецъ, существенная разница между гуманистическимъ и реформаціоннымъ движеніемъ, заключается въ томъ, что послѣдняя отличалась гораздо *болѣе демократическимъ характеромъ,* чѣмъ первое. Хотя въ Германіи гуманизмъ

и былъ менѣе аристократиченъ, чѣмъ въ Италіи, все-же, какъ умственное движеніе, связанное съ научнымъ и эстетическимъ возрожденіемъ классической древности и оперировавшее главнымъ образомъ въ области научной мысли и эстетическихъ переживаній, онъ являлся удѣломъ лишь образованнаго общества и почти не затрагивалъ народныхъ низовъ. Совсѣмъ другое дѣло—реформація, которая затронула религіозныя вѣрованія, лежавшія въ основѣ міросозерцанія народныхъ массъ и многочисленными нитями связанныя со всѣми ихъ житейскими отношеніями,—бытовыми и социальными.

Вотъ почему реформаціонное движеніе очень скоро втянуло въ свое русло широкія народныя массы, оставшіяся равнодушными къ гуманизму. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и тѣсная связь реформаціоннаго движенія съ широкимъ социальнымъ движеніемъ этого времени, выразившемся главнымъ образомъ въ великой крестьянской войнѣ (1524—1525).

Культурно-историческое значеніе реформаціи. Реформація, широко и глубоко захватившая всю культурную жизнь тѣхъ странъ, гдѣ она получила распространеніе, оказала глубокое вліяніе и на ихъ дальнѣйшее развитіе.

Непосредственнымъ результатомъ реформаціи было *разрушеніе того духовнаго единства западно-европейскаго міра, которое было создано католической церковью.*

Ближайшимъ слѣдствіемъ этого распаденія было образованіе въ нѣдрахъ до тѣхъ поръ единаго католическаго міра двухъ враждебныхъ лагерей—*католическаго* и *протестанскаго.* Возникшій на вѣроисповѣдной почвѣ антагонизмъ привелъ къ цѣлому ряду возстаній, междоусобій, революцій и войнъ (великое крестьянское возстаніе въ Германіи 1524—1525 г., шмалькальденская война 1545—1555 г., религіозныя войны во Франціи 1562—1596 г., возстаніе Нидерландовъ 1566—1609 г., тридцатилѣтняя война 1618—1648 г., междоусобная война и революція въ Англіи 1642—1649 г.).

Независимо, однако, отъ того влiянiя на политическую эволюцiю Европы, которое оказала реформацiя чрезъ посредство вызванныхъ ею войнъ и внутреннихъ волненiй, послѣдняя оказала и болѣе непосредственное влiянiе на политическое развитiе тѣхъ странъ, гдѣ она получила свое распространенiе. Дѣло въ томъ, что *реформацiя кореннымъ образомъ измѣнила взаимныя отношенiя между церковью и государствомъ* и въ частности *оказала влiянiе на развитiе новаго нацiональнаго государства.*

Католическая церковь всегда стремилась къ подчиненiю себѣ государства и въ этомъ стремленiи нерѣдко имѣла успѣхъ. Новому государству, возникшему на обломкахъ средневѣковаго феодализма, приходилось вести постоянную борьбу съ этими притязанiями католической церкви. Реформацiя, отвергшая католическое ученiе о превосходствѣ духовной власти, какъ власти Божественной, надъ свѣтской властью, какъ властью земной, и выдвинувшая новое ученiе о равноцѣнности обѣихъ властей, какъ имѣющихъ одинаково Божественное происхожденiе, поставила государство въ совершенно независимое положенiе отъ церкви. Такъ было въ принципѣ, на практикѣ же реформацiя, въ лицѣ наиболѣе сильнаго изъ своихъ теченiй, лютеранства, въ значительной степени обязаннаго своими успѣхами поддержкѣ свѣтской власти, даже поставила церковь въ подчиненное положенiе по отношенiю къ государству, которому предоставила право вмѣшиваться въ чисто церковныя дѣла и контролировать церковную жизнь. Тѣмъ самымъ реформацiя создавала для государства важную опору и способствовала дальнѣйшему его усиленiю. Къ тому же введенiе реформацiи обыкновенно сопровождалось *секуляризацiей* церковныхъ имуществъ, то-есть переходомъ ихъ въ собственность государства, а это давало въ руки послѣднему какъ разъ то, въ чемъ оно было въ ту пору ощущало большую нужду: матерiальныя средства.

Способствуя росту государства, реформацiя подчеркнула также и его *нацiональный характеръ.* Уже по своему

происхожденію реформація имѣла отчасти значеніе *національнаго протеста противъ иноземной власти,* римскаго папства, и всюду, гдѣ получила распространеніе реформація, она ставила своею ближайшею задачей созданіе независимой отъ Рима *національной церкви.* Въ Германіи, правда, эта задача не могла осуществиться вслѣдствіе политическаго раздробленія страны; тѣмъ не менѣе, всетаки значительная часть Германіи получила свою національную, независимую отъ Рима церковь. За-то въ другихъ странахъ (въ Англіи, Голландіи, Даніи, Швеціи) реформація вполнѣ достигла своей цѣли—созданія независимыхъ отъ Рима мѣстныхъ національныхъ церквей. А національный характеръ церкви, естественно, не могъ не отразиться соотвѣтствующимъ образомъ и на государствѣ, которое развивалось въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ мѣстною церковью.

Наконецъ, культурно-историческое значеніе реформаціи заключается въ томъ, что она *создала болѣе благопріятную обстановку для прогресса, какъ въ области матеріальной культуры, такъ и въ области культуры духовной.*

Протестантизмъ, выдвигавшій, какъ и гуманизмъ, личное начало, способствовалъ росту личнаго почина, личной предпріимчивости. Такъ какъ, развѣнчивая одновременно аскетическіе идеалы, онъ, вслѣдъ за гуманизмомъ, будилъ въ человѣкѣ интересъ къ здѣшней, земной жизни, съ ея радостями и матеріальными благами, то въ эту сторону теперь и направилась разбуженная гуманизмомъ и протестантизмомъ личная энергія и предпріимчивость. Отсюда—болѣе быстрый ростъ матеріальной культуры въ протестантскихъ странахъ по сравненію съ католическими. Протестантскіе Нидерланды и Англія довольно быстро опередили своимъ торгово-промышленнымъ развитіемъ и ростомъ матеріальнаго благосостоянія католическія Италію и Испанію, а отчасти и Францію; сѣверовосточныя области Германіи, перешедшія въ протестантизмъ, также мало-по-малу опередили въ дѣлѣ матеріальнаго прогресса болѣе культурныя и богатыя югозападныя области, оставшіяся вѣрными католичеству.

Подобное же явленіе наблюдается и въ области духовной культуры. Хотя протестантскія „церкви“ и усвоили многія изъ отрицательныхъ сторонъ прежней церковной жизни, и въ частности вѣроисповѣдную узость и религіозную нетерпимость, тѣмъ не менѣе протестантизмъ, родившійся самъ изъ протеста и критики и вдобавокъ вызвавшій къ жизни цѣлый рядъ параллельныхъ религіозныхъ теченій, создавалъ гораздо болѣе благопріятную обстановку для умственнаго прогресса, чѣмъ католичество, съ его прочно укоренившимися традиціями и признанными авторитетами.

Отмѣченные здѣсь результаты реформаціи сказались, впрочемъ, не въ однѣхъ лишь протестантскихъ странахъ, такъ какъ и сама католическая церковь реформировалась подъ вліяніемъ реформаціи; само католичество въ значительной степени измѣнило свой характеръ отчасти подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформаціи, отчасти же подъ вліяніемъ гуманизма и, наконецъ, подъ вліяніемъ того, что принято называть „духомъ времени“. Католическая церковь сама постепенно освободилась, вмѣстѣ съ старыми злоупотребленіями, также и отъ многихъ традиціонныхъ навыковъ мысли, въ частности—отъ духа нетерпимости и косности. Послѣ реформацій она стала терпимѣе и податливѣе на мѣняющіеся запросы времени. Поэтому послѣ реформаціи условія культурнаго развитія улучшились не только въ протестантскихъ странахъ, но, хотя въ меньшей степени, также и въ католическихъ.

II. ВЕЛИКІЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ.

Великія изобрѣтенія и открытія, какъ результатъ подъема культурной жизни въ эпоху гуманизма. Эпоха гуманизма есть также и тремя выдающихся изобрѣтеніи и открытій. Совпаденіе здѣсь не только хронологическое; связь между гуманизмомъ—съ одной стороны, изобрѣтеніями и открытіями—съ другой не внѣшняя и случайная. Изобрѣтенія и открытія являются въ значительной степени *слѣдствіемъ того оживленія, которое внесъ гуманизмъ въ культурную жизнь Европы, какъ умственную, такъ и матеріальную.* Въ области умственной жизни гуманизмъ разбудилъ дремавшую въ средневѣковомъ человѣкѣ *любознательность*, живой интересъ къ міру Божьему,— стремленіе расширить человѣческія знанія, раздвинуть возможно шире тѣсныя рамки, въ которыя былъ замкнутъ умственный кругозоръ средневѣковаго человѣка; гуманизмъ вдохнулъ въ „новаго человѣка" духъ изслѣдованія, стремленіе узнать и *открыть* то, что было до тѣхъ поръ неизвѣстно человѣку и *сокрыто* отъ него. Но гуманизмъ не остался безъ вліянія и на матеріальную культуру. Онъ и въ эту область внесъ сильное оживленіе, благодаря тому, что, въ противоположность средневѣковому аскетизму, стремившемуся подавить человѣческую природу и сократить до возможнаго минимума человѣческія потребности, гуманизмъ, съ его положительнымъ отношеніемъ къ человѣческой природѣ и радостямъ жизни, открывалъ, напротивъ, широкій просторъ для удовлетворенія и развитія человѣческихъ потребностей. Поэтому однимъ изъ слѣдствій „возрожденія" было *развитіе культурныхъ потребностей европейскаго об-*

щества, а въ высшихъ слояхъ его—необычайное развитіе роскоши—въ жилищѣ, обстановкѣ, одеждѣ, пищѣ. Повышенный спросъ на предметы потребленія, въ особенности на предметы роскоши, вызвалъ оживленіе въ промышленности и торговлѣ; онъ увеличилъ размахъ послѣдней и вызвалъ стремленіе найти кратчайшіе пути къ отдаленнымъ заморскимъ странамъ Востока, откуда получались многіе изъ предметовъ роскоши. *Великія географическія открытія конца XV в. являются непосредственнымъ слѣдствіемъ этого стремленія.*

Изобрѣтеніе книгопечатанія. Въ ближайшей связи съ гуманизмомъ находится изобрѣтеніе книгопечатанія. Съ глубокой древности и вплоть до XV в. люди не знали иного способа закрѣплять рѣчь письменами, какъ путемъ вырѣзыванія отдѣльныхъ письменныхъ знаковъ, буквъ и цифръ, на твердомъ матеріалѣ (камнѣ, металлѣ, деревѣ), вычерчиванія (на глинѣ, навощеной дощечкѣ) или, наконецъ, путемъ написанія ихъ краской или чернилами на деревѣ, кожѣ (пераментѣ), папирусѣ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ стала входить въ употребленіе и *бумага.* Изготовленіе бумаги европейцы переняли у арабовъ; но приготовляемая изъ хлопка, бумага эта была черезчуръ рыхлой и непрочной; она была неудобна для скорописи и непрактична для книгъ значительнаго объема. Но въ началѣ XIV в. неизвѣстный изобрѣтатель нашелъ способъ изготовлять бумагу изъ льна и полотняныхъ тряпокъ; получился матеріалъ вполнѣ пригодный къ тому, чтобы замѣнить собою черезчуръ дорогой пергаментъ. Въ результатѣ книги значительно подешевѣли и сдѣлались болѣе доступными, но рукописное изготовленіе ихъ все-же стоило по-прежнему дорого. Между тѣмъ литературное оживленіе подъ вліяніемъ гуманизма и расширенія круга читающей публики, вслѣдствіе появленія книгъ на народныхъ языкахъ, вызывало настоятельную потребность въ удешевленіи книгъ. *Отвѣтомъ на эту потребность и было изобрѣтеніе книгопечатанія.*

Подготовительнымъ шагомъ къ изобрѣтенію книгопечатанія послужило изобрѣтеніе *ксилографіи*, то-есть гравюры по дереву, около 1420. При помощи вырѣзанныхъ на деревянныхъ дощечкахъ соотвѣтствующихъ рисунковъ печатались первоначально игральныя карты, а также образки и виньетки религіознаго характера. Къ этимъ рисункамъ стали потомъ прибавлять вырѣзанныя на деревѣ же надписи, стихи, молитвы и т. п. краткіе тексты. Жителю города Майнца **Гутенбергу (ок. 1400—1468)** пришла мысль напечатать подобнымъ образомъ какую-нибудь небольшую и общеупотребительную книгу. Совмѣстно со своимъ землякомъ и помощникомъ Фустомъ, онъ напечаталъ этимъ способомъ небольшой словарь, при чемъ для каждой страницы была изготовлена особая дощечка съ вырѣзаннымъ на ней текстомъ. На изготовленіе ихъ потребовалось много времени и труда, а между тѣмъ по отпечатаніи онѣ могли оказаться ненужными. Задумываясь надъ этимъ, Гутенбергъ напалъ на счастливую мысль—*мобилизовать алфавитъ:* вырѣзать отдѣльно каждую букву, затѣмъ изъ отдѣльныхъ буквъ составлять текстъ каждой страницы. Но вырѣзанныя изъ дерева буквы оказались черезчуръ хрупкими. Тогда онъ попробовалъ отлить буквы изъ сплава мѣди и олова, и опытъ оказался удачнымъ: секретъ книгопечатанія былъ найденъ. По свидѣтельству младшаго современника Гутенберга, нѣмецкаго гуманиста и историка Германіи Вимфелинга (см. выше, стр. 60), изобрѣтеніе это было сдѣлано Гутенбергомъ въ Страсбургѣ въ 1440 г. Первою отпечатанною новымъ способомъ (подвижными буквами) книгою была латинскаа грамматика, нѣсколько листовъ которой сохранилось до нашего времени въ парижской Національной библіотекѣ. Первая по времени напечатанія книга, сахранившаяся до нашего времени цѣликомъ, это—календарь на 1448 г., напечатанный Гутенбергомъ въ Майнцѣ. Первою же крупною печатною книгою является напечатанная имъ тамъ же латинская Библія (вульгата) въ 1555 г. Книгопечатаніе очень быстро распространилось какъ въ Германіи, такъ и за ея предѣ-

лами, особенно въ Италіи и Франціи. Къ концу XV в. въ крупныхъ культурныхъ центрахъ, какъ Римъ, Флоренція, Парижъ, типографіи насчитывались уже десятками. Хотя печатаніе при помощи ручного деревяннаго пресса производилось очень медленно, все-же, сравнительно съ рукописнымъ изготовленіемъ книгъ, оно во много разъ ускоряло послѣднее, а главное—въ такой же степени удешевляло книги. Рукописная книга была дорогою вещью, роскошью, доступною лишь немногимъ. Поэтому и книгъ было очень мало; до изобрѣтенія книгопечатанія самыя крупныя библіотеки насчитывали лишь сотни томовъ. Особенно цѣнныя книги держались въ библіотекѣ подъ замкомъ, либо приковывались къ столу желѣзной цѣпью. *Размноженіе и удешевленіе книгъ путемъ книгопечатанія быстро увеличило количество книгъ и сдѣлало ихъ доступными болѣе широкимъ слоямъ общества.* Доступность книги усилила стремленіе къ грамотности и просвѣщенію, а удешевленіе учебныхъ пособій сдѣлало послѣднее болѣе доступнымъ и для людей небогатыхъ. Въ частности книгопечатаніе чрезвычайно способствовало распространенію гуманизма. *Оно содѣйствовало также развитію національныхъ литературъ и выработкѣ новыхъ литературныхъ языковъ.* Пока письменность оставалась достояніемъ немногочисленнаго круга избранныхъ, латинскій языкъ царилъ, какъ языкъ науки, литературы и школы; но лишь только письменное слово, превратившись въ печатное, сдѣлалось доступно болѣе широкимъ кругамъ, для которыхъ латинскій языкъ былъ непонятенъ, явилась необходимость обратиться къ живымъ, народнымъ языкамъ. Вмѣстѣ съ появленіемъ національныхъ литературъ и вся умственная культура начинаетъ постепенно утрачивать свой космополитическій характеръ и пріобрѣтать національный отпечатокъ.

Изобрѣтеніе гравюры по металлу и живописи масляными красками. Важное значеніе для дальнѣйшаго развитія печатнаго дѣла, а также и для развитія искусства

живописи, имѣло изобрѣтеніе *гравюры по металлу* (мѣди или бронзѣ), сдѣланное флорентійскимъ ювелиромъ по имени **Финигуерра** въ 1452 г. Этимъ изобрѣтеніемъ мастера-ремесленника воспользовались художники. Изъ нихъ нюренбержецъ **Дюреръ (1471—1528)**, самый выдающійся изъ представителей германской живописи эпохи вырожденія, довелъ это искусство до небывалой степени совершенства и создалъ цѣлую школу художниковъ-граверовъ. Онъ же первый сталъ примѣнять для гравюры, кромѣ рѣзца, иглу и изобрѣлъ особый способъ гравированія по металлу крѣпкой водкой (азотной кислотой); такія гравюры называются *офортами* (отъ франц. *eau-forte*). Еще больше значенія имѣло изобрѣтеніе *живописи масляными красками*. До XV в. живописцы пользовались красками, разведенными водой („фрески"), иногда съ примѣсью клея либо аравійскаго гумми; въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляли краски растертыя на яичномъ бѣлкѣ. Впервые масляныя краски были примѣнены брюжскимъ художникомъ **Ванъ-Дикомъ** въ началѣ XV в. Это изобрѣтеніе дало возможность резвернуться во всемъ блескѣ художественнымъ талантамъ итальянскаго ренесанса эпохи Юлія II и Льва X.

Изобрѣтеніе пороха. Нѣсколько особнякомъ стоитъ изобрѣтеніе пороха, имѣвшее, повидимому, случайный характеръ. Ни авторъ, ни дата этого изобрѣтенія въ точности неизвѣстны. Судя по тому, что о порохѣ упоминается впервые около середины XIII в. у одного арабскаго писателя, а съ первымъ примѣненіемъ пороха, именно въ военномъ дѣлѣ, встрѣчаемся въ гренадскомъ халифатѣ, въ началѣ XIV в. (при осадѣ одного города), можно думать, что европейцы получили это изобрѣтеніе отъ арабовъ. Первыя пушки имѣли характеръ метательныхъ орудій, употреблявшихся при осадѣ городовъ. Пушка походила на ступу, слегка наклоненную на бокъ. Ее наполняли порохомъ, а сверху клали большой камень; порохъ зажигали посредствомъ фитиля, и камень перелеталъ черезъ стѣну. Потомъ стали дѣлать орудія съ

удлинненными и подвижными жерлами на подвижныхъ подставкахъ, а для заряда стали дѣлать чугунныя ядра. Нѣсколько такихъ пушекъ имѣлось у англичанъ въ битвѣ при Креси (1346), въ которой они нанесли пораженіе французамъ. Параллельно съ усовершенствованіемъ артиллеріи, дальнѣйшимъ шагомъ въ дѣлѣ примѣненія пороха къ военному дѣлу было изобрѣтеніе ружей, первоначально очень тяжелыхъ.

Примѣненіе пороха къ военному дѣлу имѣло важныя послѣдствія политическія, соціальныя и культурныя. Въ политической сферѣ огнестрѣльное оружіе способствовало *упадку феодализма и росту королевской власти.* При помощи своей артиллеріи короли громили замки непокорныхъ феодаловъ. Если иной замокъ могъ устоять противъ тогдашнихъ пушекъ, то подземныя мины взрывали его на воздухъ. Съ другой стороны, артиллерія, какъ орудіе очень дорогое, была недоступна большинству феодаловъ. Непокорные города раздѣляли участь феодальныхъ замковъ.

Порохъ сыгралъ важную роль въ ростѣ королевской власти еще и потому, что изобрѣтеніе ружья выдвинуло, въ качествѣ главной боевой силы, пѣхоту; а такъ какъ пѣхота вербовалась главнымъ образомъ путемъ найма, что требовало большихъ денегъ и было подъ силу лишь крупнымъ государямъ, то это опять-таки давало большой перевѣсъ королямъ передъ феодалами, главная сила которыхъ заключалась въ конницѣ. Въ области соціальныхъ отношеній, огнестрѣльное оружіе имѣло то значеніе, что, отодвигая на второй планъ конницу, какъ военную силу, оно тѣмъ самымъ *обезцѣнивало значеніе рыцарства, какъ главной защиты государства, и тѣмъ колебало основы привилегированнаго общественнаго положенія помѣстнаго дворянства.* Съ другой стороны, удорожая войну, огнестрѣльное оружіе создавало для воюющихъ государей острую нужду въ деньгахъ, которая заставляла ихъ обращаться къ кредиту денежныхъ людей, то-есть зажиточной буржуазіи. Вслѣдствіе этого, естественно *возвышалось значеніе этого общественнаго клас-*

са, въ ущербъ постепенно терявшимъ свое былое значеніе рыцарству и феодальному дворянству.

Далѣе, такъ какъ обращеніе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ требовало извѣстнаго навыка, то это способствовало *возникновенію постоянныхъ армій*, сначала, правда небольшихъ, но постепенно все болѣе и болѣе увеличивавшихся. А примѣненіе артиллеріи къ военно-морскому дѣлу сдѣлало необходимою постройку спеціально приспособленныхъ для этого кораблей: такимъ образомъ, *возникли военные флоты*, все болѣе и болѣе величивавшіеся. Возникновеніе постоянныхъ и крупныхъ денежныхъ расходовъ на постоянную армію и военный флотъ создало необходимость и въ *постоянныхъ податяхъ и налогахъ*, постепенно также увеличивавшихся. Ростъ податей, въ свою очередь, способствовалъ перестройкѣ государственнаго хозяйства изъ натуральнаго въ денежное.

Въ культурномъ отношеніи роль огнестрѣльнаго оружія состояла, прежде всего, въ томъ, что оно открывало *широкія перспективы для развитія техники*, такъ какъ огнестрѣльное оружіе оказывалось гораздо болѣе податливымъ на различныя усовершенствованія, чѣмъ традиціонное холодное оружіе. Наконецъ, огнестрѣльное оружіе давало рѣшительный перевѣсъ европейцамъ надъ народами открытыхъ ими заморскихъ странъ и въ частности—надъ народами Новаго Свѣта, которые всѣ быстро были ими покорены. Такимъ образомъ, *огнестрѣльное оружіе положило начало той гегемоніи, которую пріобрѣла Европа надъ прочими странами земного шара.*

Изобрѣтеніе компаса. Ни время, ни авторъ изобрѣтенія компаса въ точности неизвѣстны. Извѣстно только, что уже въ началѣ XIII в. моряки стали пользоваться для оріентировки въ морѣ намагниченной иглой, которую вставляли въ соломенку и опускали въ чашку съ водой. Во второй половинѣ того же столѣтія, морякъ изъ окрестностей Амальфи въ Ю. Италіи, **Флавіо Джойа (Gioja),** вставилъ

намагниченную стрѣлку въ особый приборъ, годный для употребленія во всякое время; это и былъ компасъ. Изобрѣтеніе компаса имѣло огромное значеніе для развитія мореплаванія. Пока не знали компаса, мореходы пользовались, какъ путеводителями, солнцемъ и звѣздами; но, въ случаѣ тумана или непогоды, пользованіе звѣздами становилось невозможнымъ, поэтому моряки плавали всегда вдоль береговъ, стараясь не терять ихъ изъ вида. *Изобрѣтеніе компаса сдѣлало возможнымъ плаваніе въ открытомъ океанѣ и открытіе Новаго Свѣта и другихъ заокеанскихъ странъ.*

Поиски морского пути въ Индію. На родинѣ гуманизма, въ Италіи, зародились и тѣ идеи, осуществленіе которыхъ привело къ открытію Новаго Свѣта и морского пути въ Индію. Собственно и самое открытіе Новаго Свѣта было слѣдствіемъ стремленія найти морской путь въ Индію.

Изъ Индіи въ средніе вѣка Европа получала главнымъ образомъ пряности и драгоцѣнные камни. Болѣе дешевые и громоздкіе товары не могли выдерживать трудной и дорогой перевозки—то сухимъ путемъ, на вьюкахъ, то по рѣкамъ, то опять на вьюкахъ, наконецъ моремъ, при чемъ товаръ нѣсколько разъ переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Посредниками въ этой торговлѣ были главнымъ образомъ арабы и другіе магометанскіе купцы, которые доставляли индійскіе товары чрезъ Месопотамію и Малую Азію къ берегамъ Средиземнаго моря; отсюда венеціанскіе и генуэзскіе купцы развозили эти товары на своихъ корабляхъ по европейскимъ гаванямъ. Торговыя сношенія между Европой и Востокомъ особенно усилились послѣ крестовыхъ походовъ. Культурное оживленіе въ Италіи въ эпоху „возрожденія“ дало новый толчекъ къ дальнѣйшому развитію этой торговли. Но какъ разъ, въ самый разгаръ послѣдней, она встрѣтилась съ неодолимымъ препятствіемъ—въ видѣ турокъ. Послѣ завоеванія Константинополя въ 1453 г., они вскорѣ распространили свое владычество на Сирію вплоть до Египта и такимъ образомъ отрѣзали наторенные пути

индо-европейской торговли. *Становилось необходимымъ искать новыхъ путей въ Индію.* Такъ какъ Индія составляла одинъ материкъ съ Европой, то вполнѣ естественно являлась мысль о возможности достигнуть береговъ Индіи морскимъ путемъ, плывя вокругъ Африки. Первыя попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы португальцами. Отрѣзанная отъ материка испанскими владѣніями, притиснутая къ океану, эта маленькая страна силою вещей вынуждена была направить свою предпріимчивость въ сторону мореплаванія. Въ силу счастливаго стеченія обстоятельствъ, въ лицѣ наслѣднаго принца **Генриха,** прозваннаго **Мореплавателемъ,** Португалія въ первой половинѣ XV в. пріобрѣла энергичнаго организатора морскихъ предпріятій. По его почину, португальскіе мореходы предприняли цѣлый рядъ плаваній вдоль африканскаго побережья, при чемъ въ 1456 г. доплыли до устьевъ Ріо-Гранде, а шесть лѣтъ спустя открыли острова Зеленаго Мыса. Южнѣе моряки не рѣшались плыть, въ виду существовашихъ легендъ о жаркомъ поясѣ, гдѣ будто бы мореплавателей ожидаетъ неминуемая гибель въ кипящемъ омутѣ. Только въ 1471 г. нашелся отважный мореходъ, **Діэго Камъ,** который рѣшился проплыть до экватора. Послѣ этого страхи передъ ужасами жаркаго пояса исчезли, и португальскіе мореходы стали все дальше и дальше забираться въ южное полушаріе вдоль африканскаго берега. Такъ, въ 1484 г. было открыто устье рѣки Конго, а два года спустя **Діацъ** достигъ южной оконечности Африки, которую назвалъ *Мысомъ Доброй Надежды*, т. е. надежды найти морской путь въ Индію. Въ самомъ дѣлѣ, отъ этого пункта открывался на востокъ безбрежный просторъ океана, въ которомъ Діацъ справедливо прочелъ надежду на открытіе давно искомаго морского пути въ Индію. Но въ то же время плаваніе Діаца обнаружило чрезвычайную отдаленность этого пути, въ виду огромнаго протяженія Африки въ южномъ направленіи. Послѣ экспедиціи Діаца вопросъ объ открытіи морского пути въ Индію получаетъ новую постановку: ставится вопросъ объ открытіи морского

пути въ Индію *болѣе короткаго*, чѣмъ тотъ, который обѣщалъ мысъ Доброй Надежды. *Попытка рѣшить вопросъ въ этой новой постановкѣ и привела къ неожиданному открытію Новаго Свѣта.*

Колумбъ и открытіе Америки. Христофоро Коломбо, или въ болѣе употребительной латинизированной формѣ **Колумбъ (1436—1506)**, родомъ изъ Генуи, представляетъ собою одинъ изъ яркихъ типовъ „новаго человѣка“. Господствующая черта его настроенія, это—безграничная любознательность, ненасытная жажда знать міръ Божій во всей его широтѣ. Отсюда его особый интересъ къ географіи и космографіи, которыя съ юныхъ лѣтъ сдѣлались его любимыми науками. Науки эти въ XV в. сдѣлали значительные успѣхи, благодаря трудамъ какъ спеціалистовъ-географовъ и космографовъ (флорентійца Тосканелли и др.), такъ и многихъ гуманистовъ, между прочимъ, занимавшихся и географіей. Стремленіе повидать невѣдомыя страны рано вызвало въ Колумбѣ интересъ къ мореходству; любимымъ его дѣломъ было изученіе и составленіемъ морскихъ картъ. Интересъ его къ мореплаванію не находилъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ чисто торговомъ плаваніи генуэзскихъ купцовъ по Средиземному морю. Колумбъ мечталъ о плаваніи въ болѣе широкомъ размахѣ. Онъ отправился въ Португалію, гдѣ принималъ участіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ вдоль африканскаго берега. Открытіе гвинейскаго побережья въ 1471 г. вызвало было надежду на возможность отсюда прямого морского пути на востокъ, въ Индію; но вскорѣ оказалось, что материкъ снова поворачиваетъ на югъ и тянется безъ конца. Уже тогда въ головѣ Колумба зародилась мысль о необходимости искать новаго, болѣе короткаго пути въ Индію (плаваніе Діаца до мыса Доброй Надежды еще болѣе укрѣпило его въ этомъ убѣжденіи). На основаніи изученныхъ имъ сочиненій космографовъ, какъ древнихъ (особенно Эратосѳена и Птолемея), такъ и новѣйшихъ (Тосканелли и др.), Колумбъ пришелъ къ тому убѣжденію, что,

въ виду шарообразности земли, можно достигнуть восточныхъ береговъ Индіи, плывя изъ Европы на западъ; при этомъ, на основаніи изученныхъ имъ авторитетовъ, онъ пришелъ къ выводу, что этотъ путь долженъ быть гораздо короче, чѣмъ путь вокругъ Африки. Ошибка относительно разстоянія была допущена Колумбомъ потому, во-первыхъ, что протяженіе Азіи на востокъ было въ ту пору неизвѣстно, и его представляли себѣ гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Кромѣ того, самая окружность земного шара тогдашними космографами вычислялась съ большою ошибкою, приблизительно на одну треть менѣе ея дѣйствительной величины. Соотвѣтственно съ этимъ, океанъ, простиравшійся на западъ отъ европейскихъ береговъ и, по мнѣнію Колумба, омывавшій также и восточные берега Азіи, представлялся ему гораздо меньшимъ, чѣмъ дѣйствительное протяженіе океановъ Атлантическаго и Тихаго. О томъ, что на этомъ пути встрѣтится еще цѣлый материкъ, отдѣленный отъ Индіи другимъ океаномъ, Колумбъ, какъ и никто изъ его современниковъ, разумѣется, не предполагалъ. Однако прошло цѣлыхъ двадцать лѣтъ, пока Колумбу удалось осуществить свою мысль. Ему не удалось найти необходимыхъ для этого средствъ ни на своей первой родинѣ, въ Генуѣ, ни на второй родинѣ, въ Португаліи. Не смотря на авторитетъ Тосканелли, который на запросъ португальскаго короля Альфонса V относительно возможности достигнуть береговъ Индіи черезъ западный (Атлантическій) океанъ, отвѣтилъ утвердительно, планъ Колумба всетаки вызывалъ недовѣрчивое къ себѣ отношеніе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безуспѣшныхъ хлопотъ въ Португаліи, Колумбъ рѣшилъ попытать счастья въ Испаніи. Ознакомившись съ планомъ Колумба, король **Фердинандъ Католикъ (1452—1516)** передалъ его на разсмотрѣніе собранія ученыхъ въ Саламанкѣ (1486). Идея Колумба была здѣсь подвергнута безпощадной критикѣ. Многіе считали нелѣпой самую мысль о шарообразности земли. „Можетъ ли быть“, — говорилъ одинъ изъ нихъ, — „что-

нибудь болѣе сумасбродное, чѣмъ мнѣніе, будто существуютъ на землѣ антиподы, т. е. люди, которые ходятъ вверхъ ногами и внизъ головою,—что есть страна, гдѣ деревья ростутъ вѣтвями внизъ, а дождь, градъ и снѣгъ падаютъ снизу вверхъ". Нѣкоторые даже находили мысль о шарообразности земли еретической, такъ какъ она будто бы противорѣчитъ св. Писанію. Другіе, болѣе знакомые съ космографіей, хотя и не возражали противъ мысли о шарообразности земли, но находили путешествіе къ антиподамъ неосуществимымъ по различнымъ причинамъ. Во-первыхъ, оно будетъ настолько продолжительнымъ, что мореплаватели не въ состояніи будутъ обезпечить себя на все время его продовольствіемъ и прѣсной водой, поэтому имъ будетъ угрожать смерть отъ голода и жажды. Наконецъ, допуская даже, что мореплаватели доплывутъ до Индіи,—спрашивается, какъ они возратятся обратно. Вслѣдствіе выпуклости водной поверхности океана, имъ пришлось бы подниматься вверхъ по водѣ, что, разумѣется, невозможно ни при какихъ, хотя бы и самыхъ сильныхъ благопріятныхъ вѣтрахъ. Впрочемъ, въ ученомъ собраніи у Колумба нашлись и горячіе защитники; они находили планъ Колумба вполнѣ обоснованнымъ и заслуживающимъ того, чтобы попробовать его осуществить. Фердинандъ, занятый въ это время войной съ гренадскимъ халифатомъ, не принялъ никакого рѣшенія. Колумбу пришлось ждать еще около шести лѣтъ. Наконецъ, въ 1492 г. война съ маврами окончилась рѣшительной побѣдой „католическихъ государей" (какъ обыкновенно титуловали Фердинанда и Изабеллу) и присоединеніемъ Гренады къ испанскимъ владѣніямъ.

Три мѣсяца спустя Колумбу, при содѣйствіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ покровителей и благодаря сочувствію королевы Изабеллы его планамъ, удалось, наконецъ, добиться согласія испанскаго правительства на организацію экспедиціи для открытія морского пути въ Индію и могущихъ встрѣтиться на пути неизвѣстныхъ странъ. Колумбъ выговорилъ себѣ право занять должность намѣстника

всѣхъ открытыхъ имъ земель и взимать въ свою пользу десятую часть всѣхъ драгоцѣнностей и прочихъ продуктовъ, которые будутъ добыты испанцами, въ качествѣ ли военной добычи, или же путемъ покупки, либо хозяйственной эксплоатаціи. Черезъ три съ половиною мѣсяца послѣ подписанія договора съ правительствомъ Фердинанда, 3 августа 1492 г., Колумбъ отплылъ изъ гавани Палоса, въ Андалузіи, на трехъ „каравеллахъ", обычныхъ торговыхъ судахъ того времени, съ 90 чел. экипажа. Самая большая изъ каравеллъ, которой командовалъ самъ Колумбъ, представляла собою однопалубное судно въ 120 тоннъ водоизмѣщенія, длиною въ 90 футовъ и шириною въ 20. Двѣ другія каравеллы были безъ палубы и меньшихъ размѣровъ (100 и 80 тоннъ). На этихъ трехъ маленькихъ суденышкахъ, которыя показались бы простыми шлюпками рядомъ съ нынѣшними океанскими кораблями, отправился Колумбъ въ невѣдомую даль никѣмъ неизслѣдованнаго океана, таившаго въ своемъ безбрежномъ просторѣ столько жуткихъ опасностей, но за-то и столько заманчивыхъ возможностей.

Около середины августа эскадра Колумба пристала къ одному изъ Канарскихъ острововъ, которые были извѣстны португальскимъ мореходамъ съ начала XIV в. Утлыя каравеллы потерпѣли за этотъ переходъ нѣкоторыя аваріи и нуждались въ починкахъ, на что ушло около трехъ недѣль. Отъ Канарскихъ острововъ, которые Колумбъ оставилъ 6 сентября, начинался уже настоящій „неизвѣстный океанъ", никѣмъ до него неизвѣданный. Когда на слѣдующій день исчезла съ горизонта послѣдняя точка твердой земли, вершина острова Ферро, спутниками Колумба овладѣло жуткое чувство. Многіе громко разрыдались, какъ дѣти, проклиная день и часъ своего отплытія въ это путешествіе, которое, какъ имъ казалось, не сулило имъ возврата. Для того чтобы хотя нѣсколько ослабить это уныніе, Колумбъ старался увѣрить своихъ матросовъ, что цѣль ихъ путешествія ближе, чѣмъ имъ кажется. Для большей убѣдительности, онъ, на ряду съ вѣрнымъ корабельнымъ журналомъ, въ ко-

торомъ записывалъ для себя пройденное каждый день разстояніе, и который держалъ въ тайнѣ, завелъ для свѣдѣнія экипажа другой журналъ, въ которомъ умышленно уменьшалъ цифры пройденныхъ разстояній. Къ счастью, погода благопріятствовала плаванію. Но когда 13 сентября корабли проходили черезъ магнитный меридіанъ, и стрѣлка компаса рѣзко перемѣнила свое направленіе, это вызвало среди экипажа переполохъ, который Колумбу лишь съ трудомъ удалось успокоить. Три дня спустя—новый переполохъ: каравеллы вступили въ область „моря Саргассо", огромнаго воднаго пространства, покрытаго исполинскими водорослями. Только что миновали Саргассо, появился новый поводъ къ тревогѣ: каравеллы попали въ полосу пассатовъ. Восточный вѣтеръ съ неумолимою непрерывностью гналъ корабли на западъ, а между тѣмъ обѣщенная Колумбомъ земля все не показывалась. Наконецъ, 25 сентября вдали показалась полоска земли. Началось общее ликованіи, стали пѣть благодарственные гимны. Но прошло нѣсколько часовъ, и земля исчезла: это былъ миражъ. Въ началѣ октября уныніе экипажа начало переходить во враждебное Колумбу броженіе. Къ счастью, скоро показались птицы—первые вѣстники близости земли. Руководствуясь направленіемъ ихъ полета, Колумбъ отклонилъ свой курсъ нѣсколько влѣво, къ юго-западу. Признаки близости земли умножались. Это возстановило вѣру экипажа въ Колумба и вмѣстѣ вызвало живѣйшее нетерпѣніе—увидѣть скорѣе давно желанную землю.

Послѣ шестинедѣльнаго плаванія, въ ночь на 12 октября, на передовомъ кораблѣ раздались радостные крики: „Земля! Земля!" Вдали показались огоньки. Матросы бросились обнимать другъ друга, нѣкоторые плакали отъ радости. Вскорѣ восходящее солнце освѣтило передъ путешественниками зеленѣющій роскошной растительностью небольшой островъ. Высадившіеся на берегу испанцы были встрѣчены толпою туземцевъ, съ мѣдно-красной кожей, почти нагихъ; они съ узумленіемъ и любопытствомъ разглядывали невѣдомыхъ пришельцевъ. Туземцы называли свой

островъ *Гванагани;* но Колумбъ далъ ему имя *Санъ-Сальвадоръ* (т. е. островъ Спасителя) и объявилъ его владѣніемъ испанской короны, а спутниковъ своихъ заставилъ присягнуть себѣ, какъ намѣстнику. Дикари охотно обмѣнивали золотыя кольца, которыя они носили въ ушахъ и въ носу, на стеклянныя бусы и другія дешевыя бездѣлушки. Замѣтивъ пристрастіе пришельцевъ къ золоту, они показывали имъ на югъ, давая понять, что тамъ находится страна, изобилующая этимъ металломъ. Отправившись въ южномъ направланіи и миновавъ рядъ небольшихъ островковъ, Колумбъ присталъ 28 октября къ берегу, какъ ему казалось, материка: онъ принялъ эту землю за восточную оконечность Индіи (почему испанцы стали называть туземцевъ индѣйцами), въ дѣйствительности же это былъ сѣверный берегъ о. Кубы. Проплывъ вдоль берега къ востоку, Колумбъ присталъ къ о. Гаити, который назвалъ *Эспаньолой* (т. е. „маленькой Испаніей“). Считая, что ему удалось открыть морской путь въ Индію, Колумбъ поспѣшилъ возвратиться съ этой радостной вѣстью въ Испанію. Построивъ небольшое укрѣпленіе на о. Эспаньолѣ и оставивъ тамъ небольшой гарнизонъ, Колумбъ отплылъ на друхъ меньшихъ каравеллахъ, такъ какъ большая сѣла на мель, и ее пришлось бросить. 15 марта 1493 г. Колумбъ съ частью своихъ спутниковъ прибылъ на одной каравеллѣ, такъ какъ другая отстала въ пути, въ ту же самую гавань Палосъ, откуда пустился въ плаваніе семь мѣсяцевъ назадъ. Путешествіе Колумба въ Барцелону, гдѣ въ это время находился дворъ, походило на тріумфальное шествіе. При дворѣ ему были оказаны необычайныя почести.

Для продолженія изслѣдованія открытыхъ странъ, а также для отысканія тѣхъ сказочно богатыхъ земель и городовъ, которыя связывались съ представленіемъ объ Индіи, Колумбъ организовалъ новую экспедицію. Успѣхъ перваго путешествія обезпечилъ ему на этотъ разъ и полную поддержку со стороны правительства и сочувствіе со стороны общества. Для перваго путешествія Колумбу большого тру-

да стоило набрать экипажъ; теперь же не было отбоя отъ желающихъ плыть за океанъ. Когда онъ 25 сентября 1493 г. отплылъ изъ Кадикса во второе свое плаванiе, подъ его командой было 17 каравеллъ и полторы тысячи экипажа. Прибытiе на Эспаньолу сопровождалось для нихъ цѣлымъ рядомъ разочарованiй. Оказалось, во-первыхъ, что отъ построеннаго Колумбомъ укрѣпленiя и оставленнаго тамъ гарнизона ничего не осталось: все было истреблено туземцами. Во-вторыхъ, никакихъ богатствъ и сокровищъ не оказалось. Построивъ новый поселокъ въ другой части Эспаньолы, Колумбъ съ частью своего экипажа проплылъ въ теченiе нѣсколькихъ недѣль вдоль южнаго берега Кубы, и доплывъ до той части ея побережья, гдѣ оно загибается къ югу, онъ окончательно утвердился въ убѣжденiи, что достигъ восточнаго берега Азiи. Съ этимъ убѣжденiемъ онъ и возвратился въ Испанiю, гдѣ ему пришлось уже бороться съ достигшими вплоть до короля и королевы нареканiями. Ему удалось однако вскорѣ организовать новую экспедицiю, правда, въ меньшихъ размѣрахъ (1498). На этотъ разъ, взявъ курсъ нѣсколько болѣе къ югу, онъ открылъ сѣверную часть Южной Америки (къ западу отъ устьевъ р. Ориноко), но проплывъ лишь незначительное разстоянiе вдоль берега, возвратился оттуда въ Эспаньолу. Тѣмъ временемъ недовольство Колумбомъ со стороны его разочарованныхъ спутниковъ по второй экспедицiи и ихъ жалобы въ Испанiи привели къ тому, что Колумбъ былъ арестованъ и въ кандалахъ отправленъ въ Испанiю. Правда, по прибытiи въ Испанiю онъ былъ немедленно освобожденъ по личному повелѣнiю короля. Колумбу удалось даже снова возвратить себѣ довѣрiе Фердинанда и получить средства на новую, четвертую экспедицiю для продолженiя изслѣдованiя открытыхъ странъ. На этотъ разъ Колумбъ открылъ берега Центральной Америки, именно побережье Гондураса, вдоль котораго онъ проплылъ до Панамскаго перешейка. Здѣсь испанцы впервые узнали о существованiи другого „моря“, на западѣ, и встрѣтились съ болѣе культурными туземцами.

Но сказочная Индія все не давалась. Съ новыми разочарованіями вернулся Колумбъ въ Испанію, гдѣ его ожидали новыя непріятности. На бѣду скончалась въ его отсутствіе его высокая покровительница, королева Изабелла, а Фердинандъ былъ занятъ борьбой за кастильское наслѣдство съ своимъ зятемъ, Филиппомъ Красивымъ Бургундскимъ, который заявилъ свои права на кастильскій тронъ. Да и король въ концѣ концовъ тоже разочаровался въ Колумбѣ и его открытіяхъ, которыя стоили уже огромныхъ расходовъ, а обѣщанныхъ богатствъ не давали. Надломленный столько же трудностями своихъ плаваній, сколько и обрушившимися на него непріятностями, Колумбъ заболѣлъ въ Вальядолидѣ и скончался весною 1506 г., семидесяти лѣтъ отъ роду.

Открытіе морского пути въ Индію и начало европейскихъ колоній. Когда двукратное плаваніе Колумба не оправдало надеждъ на открытіе морского пути въ Индію черезъ западный океанъ, португальцы, побуждаемые къ тому же чувствомъ соревнованія съ испанцами, рѣшили возобновить свои поиски пути въ Индію по слѣдамъ Діаца, (см. выше, стр. 110). Въ 1497 г. въ Лиссабонѣ была снаряжена эскадра изъ четырехъ каравеллъ съ полутораста опытными моряками, въ числѣ которыхъ было много бывшихъ участниковъ плаванія Діаца. Во главѣ экспедиціи, отплывшей изъ Лиссабона въ началѣ іюля, сталъ **Васко да Гама (1460—1424)**, одинъ изъ лучшихъ мореходовъ Португаліи (его отецъ тоже былъ извѣстнымъ мореплавателемъ). Въ ноябрѣ экспедиція достигла мыса Доброй Надежды, и обогнувъ Южную Африку, повернула на сѣверъ, продолжая держаться берега. Въ мартѣ слѣдующаго (1498) г. экспедиція миновала Мозамбикскій проливъ и продолжала плаваніе вдоль берега вплоть до Мелинды, нѣсколько не доходя до экватора. Здѣсь среди туземцевъ уже оказались моряки, знавшіе путь въ Индію; одного изъ нихъ Васко да-Гама взялъ въ качествѣ путеводителя. Послѣ нѣсколькихъ не-

дѣль плаванія экспедиція благополучно пристала 29 мая къ южной части Малабарскаго побережья Индостана и вошла въ гавань Каликутъ. Этотъ приморскій городъ былъ въ ту пору однимъ изъ центровъ индійской торговли, гдѣ сходились торговые пути изъ Восточной Африки, Аравіи и Персіи. Нагрузивъ свои корабли пряностями, индійскими тканями и другими товарами, Васко да-Гама, въ декабрѣ того же года, отплылъ изъ Каликута и послѣ девятимѣсячнаго плаванія возвратился, въ сентябрѣ 1499 г., въ Лиссабонъ. Съ нимъ возвратилась лишь треть его экипажа: остальные погибли отъ трудностей и лишеній, которыя пришлось вынести экспедиціи въ теченіе болѣе, чѣмъ двухъ лѣтъ, путешествія.

Такъ осуществилась, наконецъ, давнишняя мечта европейскихъ мореплавателей о морскомъ пути въ сказочную Индію. Португальцамъ удалось въ этомъ отношеніи опередить своихъ исконныхъ конкуррентовъ, испанцевъ. Португальскіе купцы первые изъ европейцевъ вступили въ непосредственныя торговыя сношенія съ Индіей. Для установленія послѣднихъ и ихъ упроченія была снаряжена новая экспедиція подъ командой **Кабраля**, получившаго титулъ „адмирала Индіи“ (1502). Это второе плаваніе, имѣвшее характеръ военно-торговой экспедиціи, имѣло своимъ слѣдствіемъ основаніе первыхъ европейскихъ факторій въ Индіи (на Малабарскомъ берегу). Попутно были основаны торговыя факторіи въ Восточной Африкѣ, на Мозамбикскомъ берегу и въ Софалѣ, послужившія ячейкой первыхъ португальскихъ колоній въ Африкѣ.

Дальнѣйшія открытія и первое кругосвѣтное плаваніе. Первыя два путешествія Колумба вызвали соревнованіе въ Англіи. Король **Генрихъ VII (1485—1509)** снарядилъ въ 1497 г. экспедицію съ цѣлью открыть морской путь въ Индію черезъ западный океанъ, только сѣвернѣе пути Колумба. Во главѣ этой экспедиціи, состоявшей всего изъ одного корабля съ экипажемъ изъ 18 человѣкъ, былъ

поставленъ **Джіованни Габотто** (ок. **1425—1498**), соотечественникъ Колумба, тоже генуэзецъ родомъ, но переселившійся въ Англію. Англичане измѣнили его имя на свой ладъ: **Джонъ Каботъ,**—подъ этимъ именемъ онъ и извѣстенъ въ исторіи открытій. Отправившись въ маѣ 1497 г. изъ Бристоля, въ концѣ іюня, Каботъ присталъ къ сѣверо-восточному берегу Лабрадора. Рѣшивъ, что это восточная окраина владѣній „великаго хана“, Каботъ отправился въ слѣдующемъ году въ новую экспедицію, при чемъ взялъ курсъ болѣе въ южномъ направленіи, разсчитывая приплыть къ извѣстному у тогдашнихъ географовъ острову Сипанго, который, по ихъ представленію долженъ былъ находиться къ сѣверо-востоку отъ Индіи (подъ Сипанго разумѣлась Японія). Результатомъ было открытіе юго-восточнаго побережья Сѣверной Америки и острова Ньюфаундленда (по-англійски „Новооткрытая Земля“).

Въ промежутокъ между третьимъ и четвертымъ плаваніями Колумба португальскимъ мореходомъ **Кабралемъ (1460—1526)** было открыто юго-восточное побережье Бразиліи. Въ этомъ плаваніи, а также и въ послѣдующихъ, принималъ участіе флорентійскій космографъ **Америго Веспуччи (1451—1512)**, который, послѣ своихъ четырехкратныхъ плаваній въ Южную Америку, первый далъ описаніе видѣнныхъ имъ новыхъ странъ и издалъ его въ видѣ книжки. Имя автора этой книжки стало настолько популярно, что имъ стали называть и новую страну (*Америга*, потомъ *Америка*). О томъ, что эта послѣдняя составляетъ одинъ материкъ съ землями, открытыми Колумбомъ въ Центральной Америкѣ и Каботомъ въ Сѣверной, въ ту пору еще не знали; когда же впослѣдствіи обнаружилось, что это одинъ материкъ, то на него распространилось и названіе южной его части: *Америка*.

Уже вскорѣ послѣ смерти Колумба стали высказывать предположеніе, что „Новый Свѣтъ“ не есть часть Азіи, а совершенно особый материкъ. На эту мысль наводили уже разсказы жителей Панамскаго перешейка, съ которыми встрѣтился Колумбъ во время своего послѣдняго путешествія, о

томъ, что на западѣ есть другое „море“. Ни Колумбъ ни его спутники сами этого „моря“, однако, не видѣли. Только девять лѣтъ спустя группа испанцевъ, поднявшись на одну изъ вершинъ Панамскаго перешейка, увидѣли простиравшееся къ западу безконечное водное пространство (1513). Было ли, однако, это водное пространство океаномъ или же, быть можетъ, внутреннимъ моремъ? Окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ лишь восемь лѣтъ спустя *первымъ кругосвѣтнымъ плаваніемъ.*

Португалецъ родомъ, поступившій на испанскую службу **Фердинандъ Магелланъ (1470—1521)**, въ сентябрѣ 1519 г., вышелъ съ флотиліей изъ пяти каравеллъ изъ устьевъ Гвадалкивира, съ 280 человѣкъ экипажа, состоявшаго изъ испанцевъ, португальцевъ, генуэзцевъ, сицилійцевъ, грековъ, фламандцевъ, французовъ, нѣмцевъ, одного англичанина, наконецъ—нѣсколькихъ негровъ и малайцевъ. Мимо Канарскихъ островов флотилія направилась къ берегамъ Бразиліи, которыхъ достигла въ концѣ ноября. Застигнутые въ мартѣ свирѣпой зимой у береговъ Патагоніи, мореплаватели вынуждены были остановиться здѣсь на зиму. Трудности и лишенія вызвали въ экипажѣ мятежъ, который лишь съ большимъ трудомъ удалось подавить Магеллану при помощи преданной ему части экипажа. Съ наступленіемъ весны, въ концѣ августа 1520 г., экспедиція возобновила дальнѣйшее плаваніе и въ октябрѣ достигла, наконецъ, южной оконечности материка. Пройдя проливъ, получившій названіе Магелланова, экспедиція, проплывши нѣкоторое разстояніе вдоль западнаго берега Южной Америки, направилась въ сѣверо-западномъ направленіи черезъ Тихій океанъ и въ мартѣ слѣдующаго (1521) года пристала къ неизвѣстнымъ островамъ, которые впослѣдствіи были названы Филиппинскими (въ честь испанскаго короля Филиппа II). Такимъ образомъ, былъ „открытъ“ Тихій океанъ и тѣмъ была окончательно установлена материковая самостоятельность Америки и вмѣстѣ съ тѣмъ—разрушена шедшая отъ времени Колумба гипотеза о ея тождественности съ восточной Азіей. На Филип-

пинахъ самъ Магелланъ и многіе изъ его спутниковъ погибли отъ руки туземцевъ. Отсюда экспедиція пустилась въ путь по прямому направленію къ мысу Доброй Надежды, и обогнувъ его, направилась на сѣверъ вдоль африканскаго побережья. Въ сентябрѣ 1522 г. въ Испанію возвратились лишь жалкіе остатки экспедиціи: изъ пяти каравеллъ уцѣлѣла только одна, неся на своемъ борту восемнадцать человѣкъ экипажа, исхудалыхъ, измученныхъ, еле живыхъ отъ перенесенныхъ бурь, невзгодъ и голода. Это было все, что осталось отъ 280 человѣкъ, отплывшихъ тремя годами ранѣе. Таково было первое, совершенное людьми, кругосвѣтное плаваніе. Кромѣ открытія новыхъ земель и установленія материковой самостоятельности Новаго Свѣта, первое кругосвѣтное путешествіе имѣло еще то значеніе, что окончательно доказало шарообразность земли, все еще продолжавшую у многихъ вызывать сомнѣніе.

Слѣдствія великихъ открытій. Измѣненіе путей міровой торговли. Однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій великихъ географическихъ открытій и въ особенности морского пути въ Индію было *коренное измѣненіе въ направленіи главныхъ путей міровой торговли.* Прежніе смѣшанные пути по сушѣ, по рѣкамъ и по морю отодвинуты были новыми великими океанскими путями. Господствовавшее до тѣхъ поръ каботажное плаваніе вдоль береговъ начинаетъ уступать мѣсто плаванію по океанамъ, при чемъ сухопутная торговля отходитъ на второй планъ, получая лишь мѣстное значеніе. Въ общемъ можно сказать, что открытіе Новаго Свѣта и морского пути въ Индію начинаетъ новый періодъ въ исторіи всемірной торговли: *періодъ океанскій.* Перемѣщеніе главныхъ торговыхъ магистралей на океаны означало также и *перемѣщеніе главныхъ центровъ міровой торговли.* Изъ Александріи, Венеціи и Генуи торговые центры перемѣщаются къ западу, на берега Атлантическаго океана, и прежде всего — въ главные порты тѣхъ странъ, которымъ принадлежало первенство въ дѣлѣ великихъ открытій: Ис-

паніи и Португаліи. Связанные сплошнымъ безперегрузочнымъ воднымъ путемъ съ Индій, „пряными“ островами и Китаемъ, Севилья и Лиссабонъ были теперь практически ближе къ портамъ Восточной Азіи, чѣмъ порты Италіи и Египта, отдѣленные огромными сухопутными пространствами отъ завѣтныхъ странъ далекаго Востока. Океанскій путь имѣлъ еще то преимущество, что, благодаря ему, товары избѣгали тѣхъ пошлинъ, которыя неоднократно принуждены были уплачивать купцы, перевозившіе свои товары черезъ различныя государства Азіи. Вотъ почему, когда первые португальскіе корабли прибыли въ Лиссабонъ съ грузомъ пряностей и прочихъ индійскихъ товаровъ, и когда объ этомъ дошло до Венеціи, то „весь городъ какъ бы замеръ отъ ужаса“—пишетъ современникъ. „Всѣ и каждый понимали, что Германія, Венгрія, Фландрія, Франція и другія страны, посылавшія къ намъ за пряностями, найдутъ ихъ теперь по болѣе дешевымъ цѣнамъ въ Лиссабонѣ“. И дѣйствительно, послѣ путешествія Васко да-Гамы торговое значеніе Венеціи начинаетъ быстро падать, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ никнуть и политическое значеніе когда-то блестящей и могущественной „царицы морей“, какъ любили называть свой городъ гордые венеціанцы. Первенствующая роль въ міровой торговлѣ переходитъ сначала къ Испаніи и Португаліи, а нѣсколько позднѣе—къ Голландіи и Англіи. Этимъ же странамъ принадлежитъ и первенство въ дѣлѣ основанія европейскихъ колоній въ заокеанскихъ странахъ.

Испанскія колоніи въ Новомъ Свѣтѣ. Кромѣ открытыхъ еще Колумбомъ островов, которые получили потомъ названіе Вестъ-Индскихъ, испанцы очень быстро подчинили своей власти всю Центральную Америку. Отсюда ихъ владѣнія тянулись широкой полосой вдоль западнаго побережья Южной Америки. Въ этой части Новаго Свѣта испанцамъ пришлось столкнуться съ двумя значительными государствами со старой и довольно развитой культурой. Это были Мексика и Перу. Оба эти государства были за-

воеваны съ поразительной легкостью и быстротой двумя группами завоевателей („конквистадоровъ").

Для завоеванія Мексики испанскимъ намѣстникомъ о. Кубы былъ отправленъ вооруженный отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ съ небольшимъ количествомъ пушекъ и лошадей (1519). Какъ ни были ничтожны съ европейской точки зрѣнія, даже тогдашней, эти силы, по сравненію съ *ацтеками* (такъ назывался народъ, населявшій Мексику), вооруженными только луками и копьями, это была грозная сверхчеловѣческая въ ихъ глазахъ сила. Вооруженные громомъ и молніей, неизвѣстно откуда явившіеся люди, нѣкоторые верхомъ на невиданныхъ чудовищахъ (лошадяхъ), казались ацтекамъ сверхъестественными существами. Они наводили паническій ужасъ на туземное населеніе. Правда, ацтеки сдѣлали попытку защищаться, но командовавшій испанскими отрядами **Кортецъ (1485—1547)** искусно воспользовался раздорами, господствовавшими внутри этого плохо спаяннаго государства, и ему удалось овладѣть главнымъ городомъ страны, Мексикой, и взять въ плѣнъ главнаго правителя ацтековъ, **Монтецуму**, послѣ чего испанцами безъ особаго труда была покорена вся страна (1521). Испанцы обошлись крайне жестоко съ побѣжденными ацтеками и разграбили всѣ ихъ вѣками накопленныя сокровища. Кортецъ былъ возведенъ императоромъ Карломъ V въ званіе намѣстника Новой Испаніи, какъ стала называться завоеванная страна.

Подобному же завоеванію подверглось, десять лѣтъ спустя, и государство *инковъ:* такъ называлась правящая каста въ Перу. Завоеваніе Перу было предпринято искателемъ приключеній по имени **Пизарро**, который, заручившись у императора Карла V званіемъ намѣстника страны, которую ему удастся завоевать, собралъ вокругъ себя до двухсотъ такихъ же искателей приключеній, привлеченныхъ надеждой на богатую добычу. Съ этимъ ничтожнымъ отрядомъ Пизарро предпринялъ въ 1530 г. завоеваніе Перу, которое и осуществилъ въ короткое время, воспользовавшись, какъ и Кортецъ въ Мексикѣ, внутренними раздорами (1532).

Нѣсколько позднѣе была завоевана испанцами страна къ югу отъ Перу, называвшаяся Чили. Такимъ образомъ, испанскія владѣнія въ Южной Америкѣ образовали огромную сплошную полосу земель, протяженіемъ съ сѣвера на югъ до восьми тысячъ верстъ. Кромѣ того, со времени кругосвѣтнаго путешествія Магеллана, испанцы овладѣли Филиппинскими островами. Въ общемъ заокеанскія владѣнія Испаніи, завоеванныя въ теченіе сорока лѣтъ со времени открытія Новаго Свѣта, во много разъ превосходили пространствомъ свою метрополію. Испанія сдѣлалась монархіей, во владѣніяхъ которой, по горделивому выраженію испанцевъ, никогда не заходило солнце. Въ числѣ своихъ подданныхъ она имѣла теперь тѣхъ самыхъ „антиподовъ", самое существованіе которыхъ еще недавно подвергалось сомнѣнію ея учеными.

Колоніальная политика Испаніи. Колоніальная политика Испаніи, начавшаяся открытымъ грабежомъ конквистадоровъ, была все время проникнута духомъ эксплоатаціи, которая являлась своего рода смягченнымъ и замаскированнымъ грабежомъ. Уже спутники Колумба, пораженные обиліемъ золотыхъ массивныхъ украшеній у туземцевъ, не всегда довольствовались тѣмъ, что вымѣнивали ихъ на грошовыя европейскія бездѣлушки, но иногда прибѣгали и къ насилію. Завоеваніе Мексики было уже настоящимъ грабежомъ; храмы и дворцы столицы ацтековъ были преданы полному разграбленію. То же самое, только въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, произошло во время завоеванія Перу и его столицы Куско. Здѣсь отъ обилія золота у Пизарро и его спутниковъ закружилась голова. Стѣны главнаго храма перуанской столицы были украшены массивными золотыми плитами, карнизами и фризами; внутри были даже колонны изъ массивнаго золота. Вся утварь въ храмѣ была сплошь золотая, а окружавшіе храмъ сады сверкали массивными изваяніями животныхъ и растеній изъ серебра и золота. Награбленнымъ золотомъ испанцы наполнили до высо-

ты человѣческаго роста, комнату площадью въ 68 квадратныхъ аршинъ. Это золото было принесено самими перуанцами для выкупа своего царя, взятаго испанцами въ плѣнъ. Для характеристики отношеній испанцевъ къ туземному населенію, слѣдуетъ сказать, что, получивши выкупъ, они царя всетаки не освободили, а умертвили, обвинивши его въ заговорѣ противъ „бѣлыхъ".

Въ болѣе смягченныхъ формахъ, но тѣмъ же духомъ алчности къ золоту, а также духомъ эксплоатаціи и жестокости была проникнута и вся позднѣйшая политика Испаніи по отношенію къ завоеваннымъ землямъ и ихъ населенію. Испанцы очень мало вниманія обращали на развитіе колоніальнаго хозяйства, и прежде всего искали золота и серебра. На земли, гдѣ, по ихъ свѣдѣніямъ, нельзя было добыть драгоцѣнныхъ металловъ, они смотрѣли пренебрежительно, какъ на „бездоходныя": такъ онѣ и значились на испанскихъ картахъ. Стремленія испанскаго правительства направлялись главнымъ образомъ къ тому, чтобы получить и вывезти изъ Новаго Свѣта какъ можно больше золота и серебра. *На торговлю съ колоніями оно смотрѣло не столько, какъ на новую отрасль народнаго хозяйства, заслуживающую поощренія и развитія, сколько какъ на новую статью казенныхъ доходовъ.* Поэтому оно заботилось не столько о развитіи колоніальной торговли, сколько объ обезпеченіи въ ней интересовъ казны, вдобавокъ узко понятыхъ. Оно обложило колоніальную торговлю очень высокимъ сборомъ въ пользу казны (до 20 процентовъ валовой прибыли), и для того чтобы обезпечить правильное поступленіе этихъ сборовъ, поставило торговлю подъ строгій надзоръ и опутало ее различными стѣсненіями. Такъ, было установлено, чтобы всѣ торговыя сношенія съ колоніями исходили изъ одного пункта метрополіи, именно—изъ Севильи. Сюда должны были собираться всѣ суда, отправлявшіяся въ Новый Свѣтъ и въ опредѣленный срокъ, разъ въ годъ, отплывать цѣлой флотиліей за океанъ. Собиралось обыкновенно два-три десятка судовъ. Отправлявшаяся за океанъ фло-

тилія имѣла видъ военной эскадры. На случай возможнаго нападенія со стороны морскихъ разбойниковъ или конкуррировавшихъ съ испанцами португальцевъ, суда были вооружены орудіями, а экипажъ ружьями. Два адмиральскихъ корабля, одинъ спереди, другой сзади, держали строй эскадры, а впереди, на нѣкоторомъ разстояніи, шли легкія развѣдочныя суда. По прибытіи въ Санъ-Доминго, портъ на о. Эспаньолѣ, эскадра раздѣлялась на двѣ части: одна направлялась въ Веракруцъ, въ Мексикѣ, другая, предназначенная для Южной Америки, плыла къ гавани Портобелло на Панамскомъ перешейкѣ. Ко времени прибытія испанскаго флота въ американскія гавани, сюда свозились колоніальные товары. Цѣны на послѣднія, какъ и на товары, привезенные изъ Испаніи, устанавливались по взаимному соглашенію между начальникомъ испанской эскадры и губернаторомъ колоніи. Затѣмъ открывалась ярмарка для обмѣна товарами, для чего назначался опредѣленный срокъ. Всѣ свои продукты колоніи имѣли право продавать только испанцамъ, съ другими странами онѣ не имѣли права торговать, да и въ Испанію не имѣли права посылать своихъ кораблей: онѣ могли вести торговлю только черезъ посредство испанскаго флота и испанскихъ купцовъ. Равнымъ образомъ, испанцы не допускали въ свои колоніи иноземныхъ купцовъ. Со времени открытія богатыхъ серебряныхъ рудниковъ въ Потози (въ Мексикѣ), серебро сдѣлалось однимъ изъ важныхъ предметовъ колоніальнаго вывоза въ Испанію. Погрузка и перевозка этого цѣннаго груза производилась съ особыми предосторожностями; „серебряный флотъ“ сопровождала обыкновенно эскадра сильно вооруженныхъ по тѣмъ временамъ судовъ, такъ какъ конкурренты испанцевъ, португальцы, а позднѣе голландцы и англичане, съ своей стороны подстерегали „серебряный флотъ“ и при случаѣ нападали на него.

Монопольный характеръ колоніальной торговли чрезвычайно стѣснялъ ея развитіе и вмѣстѣ—препятствовалъ хозяйственному развитію самихъ колоній. Наживались лишь

купцы, которые, пользуясь отсутствіемъ конкурренціи и благосклонностью испанскаго начальства, искусственно обезцѣнивали колоніальные продукты и вздували до невѣроятныхъ размѣровъ цѣны на свои товары. Напримѣръ, за пару сапогъ брали по сотнѣ рублей на наши деньги, за лошадь по нѣскольку тысячъ, при чемъ за одну экспедицію, продолжавшуюся отъ девяти до двѣнадцати мѣсяцевъ, выручали до пятисотъ процентовъ чистой прибыли. При этомъ они никогда не рисковали остаться съ не распроданнымъ товаромъ, каковъ бы онъ ни былъ и какъ бы высоки ни были назначенныя на него цѣны. Если у испанскихъ купцовъ оставался на рукахъ товаръ, не находившій болѣе добровольныхъ покупателей, то онъ принудительно распродавался туземцамъ при содѣйствіи колоніальнаго начальства, которое, участвуя частью легально, частью нелегально въ прибыляхъ испанскихъ купцовъ, само было заинтересовано въ успѣшности ихъ торговыхъ операцій. Нужды нѣтъ, что туземецъ, лишенный бороды и усовъ, не нуждался въ бритвѣ,—онъ долженъ былъ ее „купить“ по предписанію начальства, уплативши, разумѣется, установленную тѣмъ же начальствомъ цѣну, въ нѣсколько разъ превышавшую стоимость этого совершенно ненужнаго покупателю предмета. Другому невольному покупателю приходилось платить бѣшеныя цѣны за кусокъ ленты, зеркало или дюжину мѣдныхъ пуговицъ, съ которыми онъ не зналъ, что дѣлать. Не мудрено, что испанскіе купцы быстро богатѣли, а туземное населеніе столь же быстро разорялось; да и самимъ колонистамъ изъ испанцевъ было бы трудно, если бы не та эксплоатація, на которую отдавало имъ правительство туземное населеніе. Къ тому же въ колоніи отправлялись не столько люди, лично занимавшіеся какою-нибудь хозяйственною дѣятельностью, такъ какъ такіе находили себѣ достаточное поле для приложенія своего труда и на родинѣ,—сколько разные искатели приключеній, въ большинствѣ случаевъ изъ захудалыхъ дворянъ, которыхъ привлекала въ Новый Свѣтъ надежда на легкое обогащеніе и на при-

вольную жизнь безъ труда. Само правительство поощряло такую тенденцію испанскаго дворянства, щедро надѣляя дворянъ - переселенцевъ обширными землями въ Новомъ Свѣтѣ и обезпечивая имъ веденіе хозяйства безплатнымъ трудомъ туземцевъ. Хотя испанское правительство и запретило обращать въ рабство туземцевъ, но введенной имъ системой такъ называемыхъ *распредѣленій* (*repartimentos*) поставило туземное населеніе въ положеніе настоящихъ крѣпостныхъ по отношенію къ помѣщикамъ - колонистамъ. Сущность этой системы состояла въ томъ, что все туземное населеніе „распредѣлялось“ между испанскими колонистами. Приписанные къ каждому колонисту туземцы становились подъ его попеченіе и своего рода патріархальную власть, при чемъ обязаны были безвозмездно работать на своего „покровителя“. Хотя размѣры этого безплатнаго труда были точно опредѣлены особыми правилами, но, въ виду полной беззащитности туземцевъ, эти правила мало соблюдались, и фактически „распредѣленные“ между испанскими колонистами туземцы превратились въ настоящихъ крѣпостныхъ. Такого рода крѣпостные были и у казны, которой принадлежали всѣ рудники въ Новомъ Свѣтѣ. Приписанные къ послѣднимъ туземцы должны были являться съ утра понедѣльника подъ предводительствомъ своихъ кациковъ (старшинъ), которые затѣмъ уводили ихъ въ субботу вечеромъ для воскреснаго отдыха. Тяжелое положеніе туземцевъ нерѣдко доводило ихъ до отчаянія и до вспышекъ возстанія, но послѣднія всегда подавлялись испанцами съ безпощадной жестокостью и лишь ухудшали положеніе возставшихъ. О тяжеломъ положеніи туземнаго населенія всего краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ фактъ его быстраго уменьшенія, а мѣстами и совершеннаго вымиранія. На о. Эспаньолѣ, послѣ 50-лѣтняго хозяйничанья тамъ испанцевъ, изъ 60,000 туземнаго населенія осталось едва 500 человѣкъ; на о. Ямайкѣ, за тотъ же промежутокъ времени, туземное населеніе вымерло поголовно. Построенное на эксплоатаціи туземнаго населенія, колоніальное хозяйство испанцевъ могло

продолжаться въ Новомъ Свѣтѣ лишь при помощи рабскаго труда африканскихъ негровъ.

При такихъ условіяхъ, испанскія колоніи, естественно, развивались крайне туго, тѣмъ болѣе, что притокъ европейскаго населенія въ нихъ былъ очень слабъ. Переселенцы изъ другихъ странъ Европы не допускались въ испанскія владѣнія, сама же Испанія отнюдь не страдала отъ избытка населенія. Да, кромѣ того, и тутъ политика испанскаго правительства вносила извѣстныя стѣсненія. Дѣло въ томъ, что вліятельное въ Испаніи католическое духовенство смотрѣло на страны Новаго Свѣта, какъ на открывшееся обширное поприще для пропаганды католичества, которая, дѣйствительно, сдѣлала тамъ значительные успѣхи, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ за дѣло взялись іезуиты, славившіеся особеннымъ искусствомъ и вмѣстѣ неразборчивостью средствъ въ дѣлѣ обращенія язычниковъ въ христіанство. Такъ какъ на родинѣ испанскому духовенству приходилось въ ту пору бороться съ протестантскою „ересью“, то оно опасалось, чтобы послѣдняя не проникла въ Новый Свѣтъ. Поэтому, по настоянію духовенства, были введены различныя стѣсненія для лицъ, желавшихъ отправиться въ Америку: они, напримѣръ, должны были представить удостовѣреніе не только въ собственномъ правовѣріи (католическомъ), но также и въ томъ, что никто изъ ихъ предковъ не былъ подъ судомъ инквизиціи. Продолжительная и изнурительная борьба съ возставшими Нидерландами и Англіей при Филиппѣ II и въ особенности гибель „непобѣдимой армады“ (1588) нанесли тяжелый ударъ морской торговлѣ Испаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ослабили какъ экономическую, такъ и политическую связь испанскихъ колоній съ метрополіей и подготовили ихъ отпаденіе (въ нач. XIX в.).

Колоніи и колоніальная политика Португаліи. Соперниками испанцевъ въ колоніальной дѣятельности были португальцы. Заморскія колоніи Португаліи были, впрочемъ, менѣе значительны по своему пространству, чѣмъ

владѣнія Португаліи. Въ Новомъ Свѣтѣ Португалія распространила свои владѣнія главнымъ образомъ по восточному побережью Южной Америки (въ Бразиліи); кромѣ того, еще со времени своего перваго морского путешествія въ Индію, въ 1521 г., португальцы положили начало своимъ колоніямъ по берегамъ Южной Африки, а также на западномъ берегу Индостана.

Колоніальная политика Португаліи въ общемъ отличалась тѣмъ же характеромъ, что и политика Испаніи, и имѣла тѣ же отрицательныя слѣдствія: *слабое развитіе самостоятельной хозяйственной жизни колоній, слабый притокъ населенія изъ метрополіи и, наконецъ, отсутствіе прочныхъ культурныхъ и политическихъ связей колоній съ метрополіей.* Католическое духовенство въ португальскихъ владѣніяхъ играло не менѣе значительную роль, чѣмъ въ испанскихъ. Іезуиты основали въ Южной Америкѣ, въ нижнемъ теченіи Лаплаты, собственную автономную колонію, Парагвай, которая просуществовала вплоть до изгнанія іезуитовъ изъ Португаліи въ XVIII в. Впрочемъ гораздо большее значеніе для Португаліи имѣли ея владѣнія въ Индіи и на Молуккскихъ или, какъ ихъ называли тогда, „пряныхъ“ островахъ, такъ какъ эти владѣнія отдавали въ руки Португаліи ту прибыльную посредническую роль въ торговлѣ между европейскимъ Западомъ и азіатскимъ Востокомъ, которая до тѣхъ поръ принадлежала Арабамъ, Византіи и Венеціи. О выгодности этой торговли для Португаліи можно судить по тому, что, заплативши въ Индіи за перецъ (главный продуктъ индійскаго вывоза) по 3 дуката за кантаръ, португальскіе купцы продавали его въ Лиссабонѣ по 140 дукатовъ; другая индійская пряность, гвоздика, покупалась португальскими купцами еще дешевле (по полдукату за кантаръ) на Молуккскихъ островахъ, въ Лиссабонѣ же продавалась ими по 300 дукатовъ, т. е. въ 600 разъ дороже. И то это были значительно болѣе низкія цѣны, чѣмъ тѣ, которыя были ранѣе установлены венеціанскими купцами. Неудивительно поэтому, если первая торговая

экспедиція португальцевъ на Молуккскіе острова (1521) на затраченный капиталъ (считая издержки экспедиціи и стоимость товаровъ) въ 22,000 дукатовъ, дала 150,000 выручки. Правда, съ теченіемъ времени цѣны на индійскіе товары значительно понизились, тѣмъ не менѣе валовая купеческая прибыль продолжала оставаться очень высокой и исчислялась процентами въ сотенныхъ цифрахъ. Эта чрезмѣрная прибыль находила себѣ до извѣстной степени оправданіе въ тяжелыхъ условіяхъ тогдашней индійской торговли, связаной съ огромной затратой энергіи и большимъ рискомъ. Путь въ Индію, вокругъ Африки, былъ длиненъ и труденъ. Проѣздъ отъ Лиссабона до Гоа, главнаго владѣнія Португаліи въ Индостанѣ, требовалъ полтора года. При этомъ португальскимъ кораблямъ, кромѣ бурь, угрожали нападенія со стороны морскихъ разбойниковъ, которыми кишѣли воды Индійскаго океана, а также со стороны европейскихъ конкуррентовъ Португаліи, съ завистью смотрѣвшихъ на захватъ ею индійской торговли. Поэтому португальскія торговыя экспедиціи въ Индію, такъ же, какъ и испанскія въ Новый Свѣтъ, снабжались артиллеріей и ружьями, которыя нерѣдко имъ и приходилось пускать въ дѣло. Но съ другой стороны, необыкновенная выгодность индійской торговли заставляла португальцевъ ревниво оберегать открытый ими морской путь въ заповѣдную страну отъ иноземной конкурренціи. Поэтому вдоль всего западнаго и восточнаго берега Африки, по пути слѣдованія индійскихъ флотилій, португальцами были устроены станціи въ видѣ небольшихъ приморскихъ укрѣпленій; еще болѣе внушительныя крѣпости сооружались ими въ Индіи, для защиты тамошнихъ своихъ владѣній, какъ со стороны возможныхъ пришельцевъ изъ-за моря, такъ и со стороны туземнаго населенія. Если индійскія владѣнія были самыми выгодными для метрополіи изъ всѣхъ заморскихъ владѣній Португаліи, то они въ то же время были и наименѣе прочными. Выгодность ихъ держалась главнымъ образомъ на монополіи, опиравшейся на вооруженную силу; но вооруженная сила Пор-

тугаліи была слишкомъ незначительна, чтобы долго поддерживать этотъ порядокъ. Наибольшая опасность португальской торговой монополіи въ Индіи угрожала первое время со стороны Испаніи, но послѣдняя сама скоро сошла со сцены, какъ морская держава (послѣ 1588); выросли новыя морскія державы въ лицѣ Голландіи и Англіи, которыя, не считаясь съ Португаліей, завели собственную торговлю съ Индіей и основали тамъ собственныя колоніи.

Торгово-промышленный ростъ Голландіи. Отпаденіе Нидерландовъ и разгромъ испанскаго флота („непобѣдимой Армады, 1588) нанесли тяжелый ударъ морской и колоніальной гегемоніи Испаніи; всего болѣе выиграли отъ этого обѣ побѣдительницы Испаніи: Голландія и Англія. Уже ранѣе голландцы вели прибыльную торговлю, преимущественно съ сѣверными странами Европы, откуда вывозили хлѣбъ и строевой лѣсъ, а ввозили главнымъ образомъ сельдь. Про главный торговый портъ Голландіи, Амстердамъ, сложилась даже поговорка, что онъ „выстроенъ на хребтахъ сельдей“. Сельдь находила всюду обезпеченный сбытъ, равно какъ и продукты все болѣе и болѣе развивавшагося скотоводнаго хозяйства Голландіи. Но главнымъ образомъ голландцы вели посредническую торговлю, перевозя товары изъ однѣхъ странъ въ другія; они сдѣлались такими же „морскими перевозчиками“, какими были нѣкогда ганзейцы. Жители Голландіи,—„говоритъ одинъ голландскій писатель“,—подобно пчеламъ, высасываютъ сокъ изо всѣхъ странъ: Норвегія, это—ихъ лѣсъ, берега Рейна и Гаронны—ихъ виноградникъ, Германія, Испанія и Ирландія—ихъ скотный дворъ, Пруссія и Польша— ихъ хлѣбный амбаръ, Индія и Аравія—ихъ садъ“. Послѣ отпаденія отъ Испаніи они направили свою торговую энергію также и на заокеанскія страны. Они проложили себѣ прямой путь въ Индію и къ „прянымъ островамъ“ и начали успѣшно вытѣснять оттуда португальцевъ. Умѣло примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ различныхъ странъ и успѣшно конкур-

рируя съ португальцами пониженіемъ цѣнъ на восточные товары, они вскорѣ сосредоточили въ своихъ рукахъ почти всю посредническую торговлю между Европой и Индіей, откуда они мало-по-малу продвинулись далѣе, вплоть до Китая и Японіи. Торговля Голландіи стала развиваться особенно быстро послѣ того, какъ группа крупныхъ голландскихъ промышленниковъ и купцовъ объединились въ такъ наз. *Остъ-Индскую компанію* (1602), послужившую образцомъ, по которому стали устраивать торговые союзы и въ другихъ странахъ. За ежегодный крупный взносъ въ казну компанія получила исключительное право торговли съ дальне-восточными странами.

Въ своей колоніальной политикѣ голландцы не преслѣдовали никакихъ завоевательныхъ, политическихъ или религіозныхъ цѣлей, какъ испанцы, а ограничивались лишь тѣмъ, что заключали съ мѣстными владѣтелями выгодные торговые договоры и обезпечивали себя отъ конкурренціи. Компанія ревниво охраняла свою монополію, и вооруженныя торговыя флотиліи ея, обыкновенно по 30—40 кораблей съ экипажемъ въ 6—7 тыс. человѣкъ, безпощадно пускали ко дну всякое иноземное торговое судно, осмѣлившееся показаться въ заповѣдныхъ водахъ. Вскорѣ послѣ Остъ-Индской компаніи, по ея образцу, была учреждена въ Голландіи другая, *Вестъ-Индская компанія,* которая получила исключительное право торговли съ Вестъ-Индіей, Америкой и странами по западному берегу Африки. Но эта компанія имѣла менѣе успѣха, такъ какъ въ Новомъ Свѣтѣ голландцамъ оказалось не подъ силу вести столь же успѣшную борьбу, какъ въ Индіи, съ испанцами и португальцами. *Къ серединѣ XVII в. Голландія сдѣлалась первою морскою и торговою державой въ Европѣ.* Развитіе торгово-колоніальной дѣятельности дало сильный толчекъ также и развитію голландской промышленности. Голландскія сукна и полотна пріобрѣли всесвѣтную извѣстность. Развилось также производство шелковыхъ тканей, фарфора, издѣлій изъ кожи и др. Вслѣдствіе роста мореходства, развилось судо-

строеніе, которое достигло въ Голландіи наибольшаго совершенства въ XVII в. Вотъ почему, для изученія судостроенія, Петръ Великій поѣхалъ именно въ эту страну.

Морское и торговое первенство Голландіи было, однако, непродолжительно. Первый ударъ ему былъ нанесенъ Англіей. Въ 1651 г. былъ изданъ Кромвелемъ знаменитый *Навигаціонный актъ*, въ силу котораго всѣ товары, ввозимые въ Англію изъ заморскихъ странъ должны были быть доставляемы на англійскихъ корабляхъ, снабженныхъ англійскими же экипажами (иностранцевъ допускалось не болѣе 25 процентовъ). Голландія, противъ которой главнымъ образомъ былъ направленъ Навигаціонный актъ, объявила Англіи войну, но потерпѣла пораженіе (1654). Послѣ этого англійская морская торговля начинаетъ быстро развиваться на счетъ голландской.

Торгово-промышленный ростъ Англіи. Въ XVI в. Англія усиленно развиваетъ свою промышленность, которая до того находилась лишь въ зачаточномъ состояніи. Для поощренія отечественной промышленности англійское правительство вводитъ высокія пошлины на продукты иноземной промышленности и вывозныя пошлины на сырье; нѣкоторыя же категоріи послѣдняго (напримѣръ, кожи, шерсть) было совсѣмъ запрещено вывозить за-границу. Съ другой стороны, устанавливались разныя мѣры для поощренія вывоза произведеній англійской промышленности, въ видѣ вывозныхъ премій (наприм., на полотна), или возвращенія акциза при вывозѣ (наприм., кожевенныхъ издѣлій). Для удешевленія производства, кромѣ стѣсненія вывоза сырья, поощрялся его ввозъ изъ-за границы, при посредствѣ ввозныхъ премій (на пеньку, ленъ, скипидаръ и другіе кораблестроительные матеріалы).

Одновременно англійское правительство работаетъ надъ развитіемъ отечественной торговли. Въ этихъ видахъ оно постепенно сокращаетъ привилегіи ганзейскихъ купцовъ и наконецъ совсѣмъ закрываетъ существовавшую въ Лондонѣ

ганзейскую контору (1598). Принимаются мѣры къ развитію судостроенія и мореходства. Еще въ XVI в. (при Елизаветѣ) каботажное плаваніе вдоль береговъ Англіи было предоставлено исключительно англійскимъ морякамъ. Во второй половинѣ этого столѣтія англійскій флотъ выросъ уже въ настолько серьезную силу, что могъ съ успѣхомъ помѣряться съ флотомъ самой могущественной въ то время морской державы, Испаніи (1588), а семьдесятъ лѣтъ слишкомъ спустя съ такимъ же успѣхомъ англійскій флотъ выдержалъ состязаніе съ флотомъ Голландіи, тоже первой морской державы въ то время. Навигаціонный актъ Кромвеля (1651), который Голландія вынуждена была признать послѣ своего пораженія на морѣ, далъ сильный толчекъ дальнѣйшему развитію англійскаго флота. Послѣ побѣдоносной морской войны съ Голландіей (1652—1654) морская гегемонія перешла къ Англіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ быстрыми шагами пошло и развитіе торговой и колоніальной дѣятельности Англіи.

Еще въ концѣ XVI в. англійскіе купцы завязали непосредственныя торговыя сношенія съ Индіей. Въ 1600 г. группой лондонскихъ купцовъ была основана *Остъ-Индская компанія,* имѣвшая въ виду, подобно такой же голландской (основанной двумя годами позднѣе), сосредоточить въ своихъ рукахъ колоніальную торговлю. Въ первое время своего существованія Остъ-Индской компаніи приходилось выдерживать серьезную борьбу съ голландцами, которые нападали на ея корабли и нерѣдко захватывали ихъ. Побѣда надъ Голландіей въ 1652—1654 г. упрочила положеніе англичанъ въ Индіи; здѣсь они завели цѣлый рядъ факторій на Малабарскомъ и Коромандельскомъ побережьяхъ Индостана, а также на захваченныхъ ранѣе голландцами островахъ Явѣ, Суматрѣ, Борнео, Целебесѣ, на Малаккѣ, въ Сіамѣ, а позднѣе и въ Японіи. Первоначально чисто-торговая, Остъ-Индская компанія мало по малу пріобрѣла чисто политическія права: право имѣть свою армію и военный флотъ, право вести войны и заключать договоры съ мѣстными владѣтелями,

издавать въ завоеванныхъ земляхъ законы, вводить налоги, вершить судъ, наконецъ—чеканить собственную монету. Во второй половинѣ XVII в. компанія пріобрѣла Бомбей, сдѣлавшійся ея главнымъ торговымъ портомъ въ Индіи. Въ концѣ XVII в. возникла въ Англіи другая торговая компанія, вступившая въ соперничество съ Остъ-Индской, но въ началѣ слѣдующаго столѣтія обѣ компаніи слились въ одну (1702). Объединенная компанія, располагавшая болѣе значительными средствами, еще болѣе успѣшно повела дѣло распространенія и упроченія въ Индіи торговаго и политическаго вліянія Англіи.

Развитіе денежнаго хозяйства. Въ средніе вѣка преобладало такъ называемое *натуральное хозяйство*, при которомъ торговля была чрезвычайно слабо развита, и сравнительно незначительный обмѣнъ товаровъ производился по большей части *натурой*, безъ помощи *денегъ*. Однако уже во второй половинѣ средневѣковья, съ развитіемъ торговли послѣ крестовыхъ походовъ и съ ростомъ городовъ, начинаетъ развиваться и *денежное хозяйство*. Развитію послѣдняго способствуетъ также и ростъ государственности на счетъ феодализма. Потребности стараго феодальнаго государства выполнялись натуральными службами и повинностями: армія составлялась изъ феодальныхъ ополченій, крѣпости и дороги строились при помощи безплатнаго труда окрестнаго населенія; судъ и администрація вершились главнымъ образомъ самими феодальными владѣльцами, при чемъ судьи и чиновники кормились сборами, тоже по большей частью натуральными, съ подсуднаго и подначальнаго населенія. Но съ разложеніемъ феодальнаго строя и развитіемъ новаго государственнаго порядка, съ подчиненными королевской власти чиновниками, состоящими на жалованьи, и государственное хозяйство стало постепенно перестраиваться по типу денежнаго. Эту перестройку ускорило появленіе огнестрѣльнаго оружія и наемныхъ армій, сдѣлавшихъ войну денежнымъ дѣломъ. Появились

денежныя подати и *государственные займы*. Паралельно съ развивавшейся торговлей товарами, возникаетъ и быстро развивается и *торговля деньгами* въ формѣ болѣе или менѣе крупныхъ денежныхъ ссудъ подъ проценты. Появляются банкирскіе дома, какъ Медичи во Флоренціи, Фуггеры въ Аугсбургѣ, ссужающіе крупными суммами и подъ высокіе проценты королей. Въ серединѣ XV в. возникаютъ первые общественные банки—въ Венеціи и Генуѣ, потомъ въ Гамбургѣ, Нюрнбергѣ, Франкфуртѣ, Барцелонѣ. *Открытіе Новаго Свѣта и морского пути въ Индію дало сильный толчекъ дальнѣйшему развитію денежнаго хозяйства*, во-первыхъ, тѣмъ, что, благодаря этимъ открытіямъ, *сильно оживилась міровая торговля*, получившая небывалый размахъ. Во-вторыхъ, развитію денежнаго хозяйства пособствовалъ также вызванный открытіями *обильный притокъ золота и серебра въ Европу*, гдѣ какъ разъ къ концу средневѣковья сталъ особенно остро ощущаться недостатокъ въ благородныхъ металлахъ. Дѣло въ томъ, что, съ тѣхъ поръ какъ послѣ крестовыхъ походовъ усилился торговый обмѣнъ Европы съ азіатскимъ Востокомъ, туда все болѣе и болѣе утекали изъ Европы благородные металлы, которыхъ лишь незначительная часть возвращалась обратно за тѣ немногіе и сравнительно малоцѣнные продукты, которые могла посылать тогдашняя Европа въ обмѣнъ на дорогіе товары Индіи и Китая. Открытіе морского пути въ Индію, съ одной стороны, ослабило этотъ отливъ, такъ какъ дорого оплачиваемую посредническую роль въ торговлѣ Европы съ дальнимъ Востокомъ оно передало изъ рукъ арабовъ и византійцевъ въ руки европейцевъ. Болѣе того: морская торговля съ Индіей усилила обратный притокъ благородныхъ металловъ въ Европу, такъ какъ дала возможность вывозить на Востокъ цѣлый рядъ европейскихъ товаровъ, которые, по своей громоздкости и сравнительной малоцѣнности, не могли выносить прежней перевозки—на вьюкахъ и по рѣкамъ. Этотъ возвратный притокъ благородныхъ металловъ съ Востока въ Европу усиливался также различными неторговыми пла-

тежами со стороны туземнаго населенія въ пользу европейцевъ, въ видѣ ли легальныхъ даней, въ видѣ ли нелегальныхъ взятокъ со стороны португальскихъ властей. Португальскіе губернаторы въ Индіи наживали милліонныя состоянія, такія же милліонныя состоянія наживались въ совокупности подчиненными чиновниками, и все это затѣмъ перевозилось въ Европу. Большія количества благородныхъ металловъ были захвачены португальцами въ Индіи въ видѣ военной добычи. Кромѣ того, въ концѣ XV в. португальцами были открыты золотоносныя области Сенегала которыя доставляли португальцамъ около 175 пудовъ золота ежегодно.

Притокъ благородныхъ металловъ въ Европу особенно усилился со времени открытія Новаго Свѣта, гдѣ испанцы нашли не менѣе богатую добычу по части золота и серебра, чѣмъ португальцы въ Индіи. Сверхъ того, въ 1545 г. въ Мексикѣ были открыты баснословные по своему богатству серебряные рудники (въ Потози), являвшіеся самыми богатыми изъ всѣхъ извѣстныхъ на земномъ шарѣ вплоть до конца XVII в.

Что касается торговаго притока благородныхъ маталловъ изъ Новаго Свѣта, то онъ былъ связанъ главнымъ образомъ съ *работорговлей.* Вычислено, что въ среднемъ ввозилось въ Америку около ста тысячъ негровъ ежегодно на сумму въ десять милліоновъ дукатовъ.

Изъ Испаніи и Португаліи золото и серебро очень быстро растекалось по Европѣ, всюду усиливая развитіе денежнаго хозяйства и обильно питая ростки капиталистическихъ предпріятій. Дѣло въ томъ, что въ Испаніи и Португаліи, какъ странахъ отсталыхъ и косныхъ въ промышленномъ отношеніи, притекавшіе изъ-за океана благородные металлы, быстро превращавшіеся въ звонкую монету, не находили себѣ промышленнаго приложенія и быстро утекали въ болѣе промышленныя страны: Италію, Францію, Фландрію, Германію, тѣмъ болѣе, что спросъ на продукты промышленности сильно возросъ въ Испаніи, частью вслѣдствіе

обогащенія нѣкоторыхъ слоевъ населенія этихъ странъ, частью вслѣдствіе усиленнаго вывоза этихъ продуктовъ изъ Испаніи въ страны Новаго Свѣта. Что же касается той части благородныхъ металловъ, которая поступала въ казну Испаніи и Португаліи, то, при размашистой и расточительной политикѣ этихъ странъ, особенно Испаніи, деньги эти также въ значительной своей части быстро уходили заграницу, въ видѣ расходовъ на дипломатію, войны, казенные заказы, наконецъ—въ видѣ платежей по государственнымъ займамъ, которыми особенно сильно была обремена испанская казна со времени Карла V.

Слѣдствіемъ обильнаго притока золота и серебра въ Европу было, во-первыхъ, сильное вздорожаніе всѣхъ товаровъ. Если продукты промышленности вздорожали сравнительно немного, благодаря промышленному оживленію вслѣдствіе развитія торговаго обмѣна и увеличенію производства, то хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты, производство которыхъ не могло увеличиться такъ же быстро, поднялись въ цѣнѣ, въ теченіе первыхъ десятилѣтій послѣ великихъ географическихъ открытій, вчетверо, впятеро, вшестеро и даже болѣе. Это рѣзкое повышеніе цѣнъ въ ту пору, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ *революціи цѣнъ*, оставалось загадочнымъ для современниковъ, а между тѣмъ оно легко объясняется подешевѣніемъ благородныхъ маталловъ вслѣдствіе ихъ изобилія.

Далѣе, *оживленіе торгово-промышленной дѣятельности и обиліе денегъ послѣ великихъ открытій конца XV и нач. XVI в. значительно облегчило и ускорило начавшійся передъ этимъ процессъ капитализаціи торговли и промышленности*, то-есть скопленія торговыхъ и промышленныхъ капиталовъ въ рукахъ одного лица или одного „дома".

Домъ Фуггеровъ. Самымъ крупнымъ изъ капиталистовъ первой половины XVI в. былъ домъ **Фуггеровъ** въ Аугсбургѣ. Родоначальникомъ этого дома капиталистовъ былъ поселившійся въ 1368 г. въ Аугсбургѣ ткачъ и торго-

вецъ Гансъ Фуггеръ. Дѣла его пошли хорошо, и его сынъ Яковъ сдѣлался уже однимъ изъ самыхъ крупныхъ купцовъ Аугсбурга. Онъ перешелъ на крупную торголю, преимущественно восточными товарами: пряностями, благовоніями, шелковыми и шерстяными тканями. Открытіе морского пути въ Индію, отозвавшееся гибельно на посреднической торговлѣ Венеціи, мало измѣнило положеніе Аугсбурга, и въ частности дома Фуггеровъ: онъ только перенесъ свои торговыя сношенія изъ Венеціи въ Лиссабонъ, продолжая свои операціи по перепродажѣ индійскихъ товаровъ въ Германіи и по сбыту германскихъ предметовъ нѣмецкой промышленности португальскимъ и испанскимъ купцамъ, торговавшимъ съ Индіей и Новымъ Свѣтомъ. Съ оживленіемъ міровой торговли, Фуггеры даже выиграли отъ происшедшей перемѣны. Они закупали у португальцевъ индійскія пряности, когда онѣ еще находились на морѣ, и давали португальскому правительству большіе авансы для организаціи индійскихъ экспедицій. Наконецъ, домъ Фуггеровъ сталъ самъ снаряжать *собственныя эскадры для отправки своихъ товаровъ въ Индію* и для закупки индійскихъ товаровъ для обратнаго рейса. Фуггеры стали также развозить на своихъ корабляхъ индійскіе и американскіе товары изъ Испаніи и Португаліи въ другія страны Европы. Свои торговыя конторы и отдѣленія они имѣли во всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ центрахъ того времени: въ Любекѣ, Лиссабонѣ, Генуѣ, Миланѣ, Ліонѣ, Лондонѣ и др. Одновременно домъ Фуггеровъ расширилъ свои операціи и на область промышленности, именно на *горное дѣло*, въ которомъ требовались крупные капиталы. Они скупили главнѣйшіе горные промыслы въ Тиролѣ, Каринтіи и Венгріи и арендовали у испанскаго короля ртутные рудники Альмадена въ Андалузіи; вся добытая ртуть закупалась испанской казной и отправлялась въ Америку, для разработки потозійскаго серебра. Съ расширеніемъ дѣла, естественно, усиливался денежный потокъ, направлявшійся въ кассу Фуггеровъ. Скопленіе крупныхъ наличныхъ суммъ дало имъ возможность расши-

рить свои операціи еще въ одномъ направленіи: *они стали ссужать крупныя суммы различнымъ государямъ*. Первоначально они кредитовали подъ солидные залоги или выгодныя привилегіи. Такъ, не разъ ссужали они крупными суммами императора **Максимильяна I (1493—1519)**, подъ залогъ добычи серебряныхъ и мѣдныхъ рудниковъ. Курфюрсту архіепископу Майнцскому они ссудили деньги подъ залогъ выручки отъ индульгенцій; когда извѣстный монахъ Тецель разъѣзжалъ въ 1517 г. съ своими индульгенціями, его сопровождалъ агентъ дома Фуггеровъ, державшій у себя ключъ отъ денежнаго ящика. Но особенно широко пользовался кредитомъ Фуггерровъ императоръ **Карлъ V (1519—1556)**, который и своей императорской короной былъ обязанъ въ значительной степени денежной помощи Фуггеровъ, давшей ему возможность одолѣть своего болѣе богатаго соперника, **Франциска I (1515—1547)**, который точно такъ же добивался императорской короны и успѣлъ подкупить часть князей-избирателей (курфюрстовъ). Четыре года спустя послѣ избранія Карла V въ императоры **Яковъ Фуггеръ**, глава „дома“ въ ту пору, писалъ, между прочимъ, молодому императору: „Какъ извѣстно, безъ моей помощи Ваше Императорское Величество не получили бы римской короны“. Тому же Якову Фуггеру Карлъ V былъ обязанъ потомъ и не однимъ изъ своихъ военныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ своимъ настойчивымъ соперникомъ Франицискомъ I.

Наибольшаго процвѣтанія и финансоваго могущества домъ Фуггеровъ достигъ при преемникѣ этого Якова, получившаго прозвище Богача (умеръ въ 1525 г.), его племяникѣ Антонѣ, когда имущество „дома“ достигло цѣнности около пяти милліоновъ гульденовъ: это было самое крупное состояніе въ ту эпоху. Вскорѣ, однако, дѣла дома сильно пошатнулись, вслѣдствіе банкротства Испаніи, отъ котораго Фуггеры потеряли около четырехъ милліоновъ гульденовъ. Окончательный ударъ дому былъ нанесенъ новымъ банкротствомъ Испаніи, въ 1607 г., и вскорѣ фирма совершенно прекратила свое существованіе.

Антверпенская биржа. Кромѣ Севильи и Лиссабона, открытіе Новаго Свѣта и морского пути въ Индію выдвинуло значеніе также и другихъ европейскихъ портовъ, болѣе близкихъ къ центральной и сѣверной Европѣ. Особенное значеніе пріобрѣлъ въ XVI в. брабантскій портовый городъ Антверпенъ. Торговое значеніе Антверпена, расположеннаго въ устьѣ судоходной рѣки Шельды съ просторной и превосходно защищенной естественной гаванью, выдвинулось еще въ началѣ XV в., главнымъ образомъ на счетъ его давнишняго конкуррента, фламандскаго города Брюжа (или Брюгге), гавань котораго все болѣе и болѣе мелѣла (впослѣдствіи ее совершенно затянуло пескомъ). Росту Антверпена, какъ торговаго центра, и въ частности развитію имѣвшихъ здѣсь мѣсто ярмарокъ, способствовало отсутствіе какихъ бы то ни было стѣсненій для иноземныхъ купцовъ. Въ отличіе отъ Брюгге, какъ и вообще всѣхъ старыхъ городовъ, старавшихся оградить привилегіи собственныхъ купцовъ, *въ Антверпенѣ, впервые въ средневѣковомъ мірѣ, возникъ международный торговый центръ, гдѣ купцы всѣхъ странъ могли вступать въ непосредственныя торговыя сдѣлки на началахъ полнаго равноправія.* Всѣ крупныя иноземныя фирмы (въ томъ числѣ и знакомый уже намъ домъ Фуггеровъ) завели здѣсь свои конторы и своихъ агентовъ. Изъ Антверпена, какъ удобнаго наблюдательнаго пункта, послѣдніе внимательно слѣдили за всѣми колебаніями международнаго рынка, собирали свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ разныхъ странахъ, узнавали политическія новости, всегда очень важныя для торговыхъ соображеній, и постоянно держали, посредствомъ корреспонденцій, въ курсѣ дѣлъ своихъ хозяевъ. Здѣсь же въ XV в. явилось одно важное нововведеніе въ оптовой торговлѣ, принявшее широкое развитіе въ позднѣйшей время: это продажа и покупка товаровъ по образцамъ. Благодаря этому, независимо отъ мѣстныхъ ярмарокъ (ихъ было четыре въ году), въ Антверпенѣ торговыя сдѣлки и заказы по образцамъ продолжались круглый годъ безпрерывно. Для облегченія такихъ сдѣлокъ,

городскимъ управленіемъ Антверпена было построено вблизи порта особое зданіе, гдѣ бы купцы могли выставлять образцы своихъ товаровъ и заключать по нимъ сдѣлки и договоры. Таково было происхожденіе знаменитой антверпенской *биржи* (по-фр. *bourse*, по-нѣм. *Börse*, какъ полагаютъ, отъ имени одного мѣстнаго купца). При наличности биржи, мало-по-малу потеряли свое былое значеніе ярмарки: за ними осталось главнымъ образомъ значеніе сроковъ торговыхъ платежей.

Съ открытіемъ Новаго Свѣта и морского пути въ Индію, Антверпенъ сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ для индійскихъ и колоніальныхъ товаровъ—съ одной стороны, для англійскихъ, фламандскихъ и нѣмецкихъ мануфактурныхъ издѣлій—съ другой. Корабли, нагруженные заморскими товарами изъ Индіи и Новаго Свѣта, иногда направлялись прямо въ Антверпенъ, заходя въ Севилью и Лиссабонъ лишь для отдыха и уплаты торговыхъ пошлинъ; здѣсь же, въ Антверпенѣ, они забирали европейскія мануфактуры для отправки за океанъ. Къ срединѣ XVI в. торговое значеніе Антверпена настолько возросло, что, по словамъ современниковъ, онъ „поглотилъ торговлю другихъ городовъ". Въ теченіе мѣсяца въ немъ совершалось болѣе торговыхъ сдѣлокъ, чѣмъ въ Венеціи, въ пору ея расцвѣта, за цѣлый годъ. По размѣрамъ своего торговаго оборота (около полутора милліардовъ флориновъ въ годъ) Антверпенъ занималъ въ это время первое мѣсто среди всѣхъ торговыхъ городовъ Европы.

Вслѣдъ за торговыми конторами, въ Антверпенъ перекочевали мало-по-малу и многіе банкирскіе дома, и Антверпенъ сдѣлался въ XVI в. главнымъ центромъ денежныхъ и кредитныхъ операцій для всего сѣверо-запада Европы. Многіе капиталисты, вмѣсто того, чтобы закупать и продавать товары, стали пускать свои капиталы въ не менѣе прибыльныя, но гораздо менѣе хлопотливыя и мѣшкотныя чисто денежныя операціи: давали авансы другимъ купцамъ, покупали и продавали доли въ торговыхъ и промышлен-

ныхъ предпріятіяхъ, стараясь использовать съ выгодой для себя колебанія въ цѣнахъ на разные товары, словомъ занимались тѣмъ, что въ настоящее время называется „биржевой игрой“. Для этого рода сдѣлокъ было построено въ 1531 г. особое зданіе: это была *первая въ Европѣ денежная* или *фондовая биржа* (въ отличіе отъ болѣе ранней—*товарной*).

Процвѣтаніе Антверпена, однако, было непродолжительно. Съ началомъ возстанія Нидерландовъ противъ Испаніи, торговля его начала быстро падать. Въ 1576 г. онъ подвергся разгрому со стороны испанскихъ войскъ. Окончательный ударъ торговому значенію Антверпена былъ нанесенъ захватомъ устьевъ Шельды со стороны отложившихся сѣверныхъ провинцій (захватъ этотъ былъ санкціонированъ Вестфальскимъ миромъ въ 1648 г.).

Вліяніе великихъ открытій на матеріальную и духовную культуру. Благодаря развитію океанской торговли, произошло общее удешевленіе заморскихъ товаровъ, и то, что прежде являлось предметомъ роскоши, доступнымъ лишь немногимъ избраннымъ, сдѣлалось предметомъ потребленія болѣе широкихъ круговъ зажиточныхъ классовъ. „Явилась возможность“,—пишетъ современникъ—„даже не будучи богачемъ, украшать свою гостиную дамасскими тканями, устилать въ ней полъ персидскими коврами, одѣваться въ платья изъ индійскихъ матерій, пить изъ японскаго фарфора китайскій чай, смаковать кофе мокка и мартиникъ съ (тростниковымъ) сахаромъ изъ Сіама и съ Антильскихъ острововъ, затягиваться ароматомъ гаванской сигары, приправлять свои кушанья пряностями съ Молукскихъ острововъ, украшать свой садъ деревьями и растеніями съ мыса Доброй Надежды или Новой Голландіи“.

Великія открытія конца XV и начала XVI в. оказали глубокое вліяніе и на духовную культуру. Они довершили начатое гуманистами дѣло освобожденія человѣческой мысли отъ различныхъ традиціонныхъ авторитетовъ. Эти авторитеты, въ лицѣ представителей схоластической уче-

ности, еще незадолго до путешествія Колумба и Магеллана, рѣшительнымъ образомъ отрицали шарообразность земли и существованіе антиподовъ: наличность того и другого съ полной очевидностью была доказана путешествіями Колумба и Магеллана. Открытія эти развертывали новые горизонты передъ человѣческой мыслью и давали богатую пищу той любознательности, которая была однимъ изъ аттрибудовъ гуманизма и вмѣстѣ—одной изъ причинъ этихъ открытій. Если гуманизмъ направилъ человѣческую мысль на изученіе реальнаго міра, то великія открытія XV—XVI в. еще болѣе углубили это направленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ они освободили пытливый умъ отъ того книжнаго классицизма, которымъ отличалась гуманистическая ученость, смотрѣвшая и на міръ Божій зачастую черезъ сочиненія ученыхъ и философовъ классической древности. Послѣ великихъ открытій люди увидали новыя, неизвѣстныя древнимъ земли, покрытыя невиданными растеніями, населенныя невиданными звѣрями, животными и неизвѣстными древнимъ народами; они открыли невѣдомые имъ океаны. Великія открытія понизили престижъ классической древности и еще болѣе рѣшительно направили пытливые умы на непосредственное изученіе природы, минуя древнія авторитеты. На смѣну выдвинутому гуманизмомъ *классицизму*, великія открытія выдвинули новое направленіе мысли, которое можно назвать *реализмомъ*. Уже среди сверстниковъ позднѣйшихъ гуманистовъ и современниковъ великихъ открытій является новый типъ ученыхъ, которые начинаютъ изучать природу не по книгамъ древнихъ, а путемъ непосредственнаго наблюденія. Они черпаютъ свой матеріалъ не изъ древнихъ книгъ, какъ дѣлали гуманисты, а изъ собственныхъ наблюденій надъ живой дѣйствительностью (*реализмъ* отъ лат. *realis—дѣйствительный*.)

Вотъ почему, на ряду съ расширеніемъ географическихъ знаній, въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій послѣ великихъ открытій закладываются основанія научнаго естествознанія и подготовляется для него матеріалъ. Въ 1539

и 1542 г. выходятъ первые крупные труды по ботаникѣ двухъ нѣмецкихъ ученыхъ **Бока** и **Фукса**; цюрихскій ученый **Геснеръ**, своимъ капитальнымъ трудомъ *Естественная исторія животныхъ* (по-латыни), полагаетъ основаніе зоологіи (1551); французскій ученый **Ронделе**, три года спустя, дѣлаетъ то же самое по отношенію къ ихтіологіи (*Всеобщая исторія рыбъ*, 1554). Наконецъ, интересъ къ землѣ, какъ планетѣ, привелъ къ основанію научной астрономіи. Начальныя основанія астрономической науки были заложены еще въ древности, но въ средніе вѣка она была предана совершенному забвенію и уступила мѣсто астрологіи, которая ставила себѣ совершенно ненаучную цѣль: гаданіе по звѣздамъ о будущемъ и въ частности о судьбѣ отдѣльныхъ людей. Основателемъ научной астрономіи былъ уроженецъ города Торна **Николай Коперникъ (1473—1543)**, получившій гуманистическое образованіе въ краковскомъ университетѣ, затѣмъ изучавшій юриспруденцію въ Болоньѣ и медицину въ Падуѣ. Въ 1530 г. онъ закончилъ свой капитальный трудъ *О вращеніи небесныхъ тѣлъ* (по-лат.), который былъ напечатанъ лишь тринадцать лѣтъ спустя въ Нюрнбергѣ, за нѣсколько дней до смерти автора (1543). Со времени александрійскаго ученаго II в. по Р. Х., Птоломея, господствовало *геоцентрическое представленіе* о вселенной: земля представлялась центромъ, вокругъ котораго вращаются солнце и остальныя небесныя тѣла (*ге*, по-греч. земля). Въ своемъ сочиненіи Коперникъ опровергъ это традиціонное представленіе и противопоставилъ ему то, которое съ тѣхъ поръ сдѣлалось достояніемъ научной астрономіи, именно—*геліоцентрическое:* онъ доказалъ, что земля вмѣстѣ съ другими планетами вращается вокругъ солнца (*геліосъ*, по-греч., солнце).

Названные ученые, въ особенности Коперникъ, являются, съ одной стороны—учениками и продолжателями гуманистовъ, съ другой—предтечами и провозвѣстниками того позднѣйшаго умственнаго движенія, которое, начавшись въ XVII в., достигаетъ въ слѣдующемъ столѣтіи своего полнаго расцвѣта, подъ названіемъ *просвѣщенія*.

III. ПРОСВѢЩЕНІЕ XVII—XVIII В. И ГЛАВНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦІИ И АНГЛІИ ВЪ XVIII В.

Просвѣщеніе, какъ результатъ взаимодѣйствія гуманизма, реформаціи и великихъ открытій и изобрѣтеній. Просвѣщеніе XVII—XVIII в. является результатомъ взаимодѣйствія предшествовавшихъ умственныхъ движеній: гуманизма, реформаціи и великихъ открытій и изобрѣтеній XV—XVI. в.

Гуманизмъ освободилъ человѣческую мысль отъ традиціонныхъ авторитетовъ и пробудилъ живой интересъ къ реальной дѣйствительности, къ природѣ и человѣку. Онъ положилъ начало раздѣленію области знанія отъ области вѣры и заложилъ основы науки, какъ самостоятельной области, независимой отъ религіи и богословія. Освободивши мысль отъ традиціоннаго догматизма схоластики, *гуманизмъ пробудилъ духъ изслѣдованія и критики и тѣмъ намѣтилъ главныя линіи научнаго мышленія и научнаго метода.*

Великія географическія открытія, довершивши разрушеніе традиціонныхъ авторитетовъ, *открыли новое широкое поле для пробудившейся научной любознательности и обогатили человѣческую мысль новыми знаніями о мірѣ и человѣкѣ*; подъ вліяніемъ открытій зарождается научное естествознаніе.

Изъ *великихъ изобрѣтеній* особенно важную роль въ подготовкѣ „просвѣщенія" сыграло *книгопечатаніе,* сдѣлавшееся могучимъ орудіемъ распространенія идей и знаній.

Наконецъ, *реформація создала болѣе благопріятныя условія для свободнаго развитія научной и философской мысли въ Европѣ.* Правда, протестантизмъ былъ проникнутъ тѣмъ же духомъ догматизма и нетерпимости, что и католическая церковь; но борьба между двумя исповѣданіями, а также между различными теченіями протестантства все-таки привела въ концѣ концовъ къ нѣкоторымъ взаимнымъ уступкамъ, то-есть ко взаимной терпимости или *вѣротерпимости.* Такъ, по миру въ Аугсбургѣ (1555) право на свободное самоопредѣленіе въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ было предоставлено правительствамъ князей и имперскихъ городовъ (согласно знаменитой формулѣ *cujus regio, ejus religio— чья область, того и вѣроисповѣданіе*). Во Франціи, по Нантскому эдикту (1498), протестанты точно такъ же получили извѣстную, правда, ограниченную свободу вѣроисповѣданія. Еще болѣе широкое признаніе нашло себѣ начало вѣротерпимости по такъ наз. *Утрехтской уніи* (1579), то-есть по договору, заключенному семью сѣверными провинціями Нидерландовъ для совмѣстной защиты своей политической и религіозной самостоятельности (противъ Филиппа II Испанскаго). Согласно одной изъ статей этого договора, „каждая личность свободна въ своей религіи, и никто не долженъ терпѣть никакихъ непріятностей изъ-за своего вѣроисповѣданія". Благодаря широкой вѣротерпимости, протестантская Голландія сдѣлалась въ XVII в. обѣтованной землей всѣхъ гонимыхъ за вѣру: здѣсь находили себѣ убѣжище отъ преслѣдованій на родинѣ французскіе гугеноты, англійскіе пуритане, германскіе сектанты. Среди нихъ было много энергичныхъ, крѣпкихъ духомъ и образованныхъ людей. Люди мысли находили здѣсь болѣе свободы и простора, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Голландія была единственною страною въ тогдашней Европѣ, гдѣ существовала сравнительная свобода печати. Благодаря этому, здѣсь необычайно развилось въ XVII в. книгопечатное дѣло; въ типографіяхъ Амстердама и другихъ крупныхъ центровъ Голландіи печаталось множество книгъ почти на всѣхъ европейскихъ

языкахъ, и одно время Голландія сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ книжныхъ рынковъ Европы. Чрезъ посредство именно голландскихъ типографій впервые увидѣли свѣтъ многія изъ произведеній свободной мысли, которыя до начала реформаціи не могли бы найти для себя печатнаго станка. Все это въ достаточной степени объясняетъ тотъ фактъ, что именно на протестантской почвѣ Голландіи и Англіи впервые зародилось то новое умственное движеніе, которое, начавшись въ XVII в., въ слѣдующемъ столѣтіи охватило всю Европу подъ названіемъ *просвѣщенія.*

„Просвѣщеніе" XVII—XVIII в. является непосредственнымъ продолженіемъ научнаго реализма эпохи великихъ открытій, съ которымъ его роднитъ преобладающій интересъ къ непосредственному изученію природы и мірозданія, при сравнительно равнодушномъ отношеніи къ классической древности. Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ гуманизма и реформаціи, просвѣщеніе вноситъ въ это изученіе природы и мірозданія новую струю. Если ученые XVI в. разрабатываютъ науку *для науки,* то ихъ преемники, продолжая двигать науку, дѣлаютъ это не только для нея, но и *для людей.* Первые пишутъ свои книги по-латыни, для небольшого круга ученыхъ; вторые пишутъ свои ученыя сочиненія такъ, чтобы они были доступны широкимъ кругамъ образованныхъ людей: они пишутъ преимущественно на своихъ родныхъ языкахъ. Они хотятъ не только разрабатывать науку, но и популяризировать ея результаты. *Они думаютъ не только о развитіи науки, но также и о распространеніи просвѣщенія. Изъ стѣнъ кабинета они выносятъ науку на широкій общественный просторъ: они дѣлаютъ ее достояніемъ общества.* Вслѣдствіе этого, научно-философская литература пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вліянія на общество. Это *широко общественное значеніе литературы „просвѣщенія"* составляетъ второе отличіе ея отъ научной литературы XVI в. Эта черта сближаетъ „просвѣщеніе" съ гуманизмомъ, но и есть различіе. Гуманизмъ оказывалъ влія-

ніе на общество не столько *научной литературой*, которая, за рѣдкими исключеніями, была въ ту пору латинской и потому мало доступной для широкихъ круговъ, — сколько *художественной литературой*, какъ въ Италіи и Франціи, и *полемической* и *публицистической*, какъ въ Германіи. Литература „просвѣщенія“, напротивъ, оказываетъ вліяніе на общество именно, какъ *литература научно-философская*, а не какъ литература художественная или полемико-публицистическая. Ученыя и философскія сочиненія печатаются въ XVII в. главнымъ образомъ на новыхъ, національныхъ языкахъ, а въ XVIII в. латинскій языкъ еще болѣе выходитъ изъ употребленія, какъ языкъ научной литературы.

Въ дальнѣйшемъ литература „просвѣщенія“ пріобрѣтаетъ еще одну черту, которая кладетъ еще болѣе рѣзкую грань между нимъ и предшествующимъ умственнымъ направленіемъ. Стремясь вліять на общество, *она начинаетъ все болѣе и болѣе тяготѣть къ вопросамъ общественнымъ, политическимъ и соціальнымъ. Если въ XVII в. просвѣщеніе является главнымъ образомъ философіей природы и міроздания, то въ XVIII в. оно становится преимущественно философіей государства и общества.*

Просвѣщеніе XVII в. Бэконъ, Галилей, Кеплеръ, Декартъ и Ньютонъ. Главными представителями „просвѣщенія“ въ XVII в. являются Бэконъ, Галилей, Кеплеръ, Декартъ и Ньютонъ.

Бэконъ Веруламскій (1561—1626), знаменитый англійскій ученый и философъ, написалъ большое количество сочиненій историческихъ, естественно-научныхъ и философскихъ. Наибольшее значеніе изъ нихъ имѣли два: *О достоинствѣ наукъ и ихъ прогрессѣ* (вышедшее первоначально на англійскомъ языкѣ въ 1605 г., потомъ также на латинскомъ) и *Новый Органонъ* (по-лат., 1620). Въ первомъ Бэконъ даетъ, вмѣстѣ съ обзоромъ всей области научнаго знанія, классификацію наукъ. Въ этой классификаціи онъ впервые отчетливо отмежевываетъ область знанія и науки отъ области вѣры

и богословія (эта мысль встрѣчается уже у гуманистовъ, но у нихъ она не получила отчетливой формулировки). Въ *Новомъ Органонѣ* Бэконъ впервые даетъ обстоятельную характеристику индуктивнаго метода и доказываетъ, что только путемъ индукціи или наведенія (а не дедукціи, которой пользовалась исключительно средневѣковая схоластика) наука можетъ обогащаться новымъ содержаніемъ и развиваться. На мѣсто силлогизма, изъ котораго схоластика сдѣлала универсальное орудіе научной мысли, Бэконъ выдвигаетъ *наблюденіе* и *опытъ*, какъ главное орудіе послѣдней, такъ какъ только путемъ наблюденія и опыта пріобрѣтаются новыя знанія и слѣдовательно расширяется содержаніе науки.

Галилей (1564—1642), флорентіецъ родомъ, какъ астрономъ, является преемникомъ Коперника и предшественникомъ Ньютона. Заслуга его состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ положилъ начало механикѣ, какъ наукѣ, и тѣмъ создалъ прочное основаніе для науки астрономіи. Онъ впервые открылъ законы движенія тѣлъ, выраженные въ математическихъ формулахъ. Онъ также построилъ первый телескопъ, при помощи котораго впервые открылъ горы на лунѣ, спутниковъ Юпитера, кольцо Сатурна, фазы Венеры, солнечныя пятна и вообще обогатилъ астрономію цѣлымъ рядомъ важныхъ открытій. Большую часть своихъ сочиненій Галилей напечаталъ на итальянскомъ языкѣ. За одно изъ нихъ, въ которомъ онъ, по слѣдамъ Коперника, излагалъ свои взгляды на вращеніе земли и планетъ вокругъ солнца, онъ былъ привлеченъ къ суду римской инквизиціи по обвиненію въ ереси (такъ какъ ученіе Коперника было признано ересью). Послѣ трехнедѣльнаго заключенія въ тюрьмѣ, престарѣлый Галилей (ему было въ ту пору подъ 70 лѣтъ) не нашелъ въ себѣ достаточно твердости, чтобы рисковать своею головой изъ-за своихъ научныхъ убѣжденій и отрекся отъ нихъ. Послѣ этого онъ былъ приговоренъ къ трехлѣтней эпитиміи и пожизненному полицейскому надзору, отъ котораго, впрочемъ, былъ освобожденъ послѣ того,

какъ, за четыре года до своей смерти, лишился зрѣнія. Извѣстный анекдотъ о томъ, что послѣ своего отреченія Галилей, топнувъ ногой, сказалъ: „а всетаки движится“,—отвергается новѣйшими изслѣдованіями, какъ недостовѣрный.

Младшій современникъ Галилея, **Кеплеръ (1571—1630)**, родомъ изъ нѣмецкихъ дворянъ, опираясь на изслѣдованія и открытія Коперника и Галилея, сдѣлалъ дальнѣйшій крупный шагъ въ дѣлѣ созиданія научной астрономіи установленіемъ болѣе точныхъ законовъ вращенія небесныхъ тѣлъ. Онъ первый доказалъ, что послѣднія движутся не по кругамъ, а по эллипсамъ, въ фокусѣ которыхъ находится солнце. Кеплеръ также усовершенствовалъ телескопъ.

Декартъ (1596—1650), французъ родомъ, является отчасти продолжателемъ Галилея въ области астрономіи. Онъ пытался объяснить круговращеніе планетъ вокругъ солнца при помощи гипотезы вихрей. Послѣ Ньютона эта теорія была оставлена, но за-то въ области физики Декартомъ былъ сдѣланъ цѣлый рядъ открытій, ставшихся прочнымъ достояніемъ науки (законъ инерціи и др.). Еще важнѣе заслуги Декарта въ области математики. Онъ реформировалъ алгебру, введя въ нее ту упрощенную систему обозначеній, которая существуетъ до настоящаго времени, и изобрѣлъ аналитическую геометрію. Но главное значеніе Декарта—въ его философіи, которую онъ изложилъ главнымъ образомъ въ своихъ *Философскихъ опытахъ* (на франц. яз., 1637). Философія Декарта представляетъ собою первую въ новое время попытку открыть, при помощи человѣческа разума, истинную природу идеальнаго начала жизни, на почвѣ изслѣдованія законовъ человѣческаго сознанія и самосознанія. На этой почвѣ, *исключительно силою разума*, Декартъ пытается построить цѣлое міросозерцаніе. Чтобы освободить свое сознаніе отъ всего того, что въ него вошло инымъ путемъ (напримѣръ, путемъ вѣры), нежели разумъ, Декартъ начинаетъ съ того, что изгоняетъ изъ сознанія все его содержаніе, какъ сомнительное и недостовѣрное, и затѣмъ ставитъ вопросъ: что же остается послѣ этого въ сознаніи

такое, что можно признать безусловно достовѣрнымъ знанiемъ? Послѣ того, что все отвергнуто, остается всетаки одно, чего отвергнуть нельзя: *я мыслю*. А разъ я мыслю, значитъ—я существую: *Cogito, ergo sum*. На этомъ первомъ безусловно достовѣрномъ знанiи, какъ на твердомъ основанiи, опираются всѣ дальнѣйшiя знанiя, которыя въ своей совокупности выростаютъ въ стройную систему философскаго мiросозерцанiя. Система Декарта, какъ основанная на разумѣ, получила названiе *рацiонализма* (отъ лат. *ratio—разумъ*). Она прiобрѣла широкую популярность, чему способствовали два обстоятельства: 1) рацiонализмъ подходилъ къ складу французскаго ума и 2) сочиненiе Декарта было написано на французскомъ языкѣ, общедоступно, ясно и блестяще съ литературной стороны (*Философскiе Опыты* Декарта считаются первымъ по времени совершеннымъ образцомъ французской научной прозы). Обоими этими обстоятельствами объясняется и то глубокое влiянiе, которое оказала философiя Декарта на французскую философiю XVIII в.

Англичанинъ **Ньютонъ (1642—1727)** родился въ годъ смерти Галилея, дѣло котораго въ области науки астрономiи онъ завершилъ открытiемъ закона тяготѣнiя, чѣмъ окончательно поставилъ астрономiю, какъ науку, на твердую почву. Открытiе это, являющееся однимъ изъ величайшихъ въ исторiи науки, было сдѣлано Ньютономъ въ 1680 г.; но прежде чѣмъ опубликовать свое открытiе, онъ работалъ еще нѣсколько лѣтъ надъ обоснованiемъ своей гипотезы, для того чтобы превратить ее въ научно доказанную теорiю, которая и была имъ изложена въ книгѣ, напечатанной въ 1787 г. подъ заглавiемъ *Principia mathematica philosophiae naturalis*, т. е. *Математическiя основы философiи природы*. Велики также заслуги Ньютона въ области математики, которую онъ обогатилъ изобрѣтенными имъ логариѳмами (также извѣстный въ алгебрѣ биномъ Ньютона), а также въ области физики: именно своимъ трактатомъ *О свѣтѣ и цвѣтахъ* (на англ. яз., 1704) онъ поставилъ на научную почву этотъ отдѣлъ физики (оптику). Ньютонъ умеръ въ 1727 г. Онъ являет-

ся, такимъ образомъ, звеномъ, связывающимъ XVII в. съ XVIII в.

Гуго Гроцій. Параллельно съ *натурфилософской* струей „просвѣщенія“, имѣвшей своей цѣлью познаніе и философское пониманіе природы и мірозданія, начиная съ первой половины XVII в., намѣчается другое теченіе, получающее преобладающее значеніе въ слѣдующемъ столѣтіи: это теченіе *политико-философское*, имѣющее своею цѣлью философское постиженіе государства и общества, т. е. выясненіе ихъ происхожденія, ихъ природы и значенія.

Родоначальникомъ этого политико-философскаго теченія въ „просвѣщеніи“ является старшій современникъ Декарта, голландскій философъ-правовѣдъ **де-Гроотъ,** болѣе извѣстный подъ латинизированной формой своего имени—**Гроцій (Grotius, 1583—1645).** Важнѣйшее изъ его сочиненій — вышедшій въ 1625 г. латинскій трактатъ *О правѣ войны и мира.* Стремленіе къ общежитію, притомъ мирному и разумно устроенному, лежитъ, по мнѣнію Гроція, въ природѣ людей. Изъ этой потребности вытекаютъ извѣстныя общеобязательныя нормы или правила поведенія, совокупность которыхъ Гроцій называетъ *естественнымъ* или *природнымъ правомъ.*

Идея естественнаго права не была новой. Она встрѣчается у греческихъ философовъ, и позднѣе—у римскихъ правовѣдовъ. Первые понимали естественное право главнымъ образомъ, какъ нѣчто противоположное положительному праву, основанному на существующихъ законахъ, — какъ нѣкоторую идеальную норму. Послѣдними естественное право понималось, какъ часть положительнаго права, которая, будучи обусловлена самой природой, отличается необходимостью и всеобщностью своего распространенія. Это послѣднее пониманіе естественнаго права было унаслѣдовано и средневѣковыми писателями, которые придали ему богословскій оттѣнокъ. Такъ, знаменитый богословъ второй половины XIII в. **Ѳома Аквинскій (1227—1274)** считаетъ

основой естественнаго права Божественный законъ, управляющій вселенной. Гуго Гроцій, впервые со времени среднихъ вѣковъ, освободилъ идею естественнаго права отъ богословскихъ понятій. Не отрицая того, что для вѣрующаго творцомъ естественнаго права является Богъ, создавшій человѣка, Гроцій считаетъ, что признаніе естественнаго права обязательно и для невѣрующихъ, такъ какъ такое признаніе диктуется самимъ *разумомъ*, независимо отъ вѣры. Вотъ этотъ *чисто свѣтскій характеръ* идеи естественнаго права у Гроція и ея *раціоналистическое обоснованіе* и составляютъ то новое, что внесъ въ ученіе о естественномъ правѣ Гроцій. Новъ былъ также и тотъ *индивидуалистическій характеръ*, который получило у Гроція естественное право: онъ его понимаетъ именно, какъ прирожденное и потому неотъемлемое право каждаго человѣка, *право личности*. Соотвѣтственно съ этимъ индивидуалистическимъ пониманіемъ естественнаго права, и государство понимается Гроціемъ, какъ *основанный на взаимномъ договорѣ союзъ свободныхъ людей*, для охраны права и ради общей пользы. Государство есть союзъ *вѣчный*, такъ какъ не прекращается со смертью правителей. Это—союзъ *суверенный* или *самодержавный*, такъ какъ надъ нимъ нѣтъ никакой высшей земной власти: оно подчинено лишь божественному и естественному праву. Особое значеніе получаетъ естественное право въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ. Въ отношеніяхъ другъ съ другомъ государства, подобно частнымъ лицамъ, руководствуются не однимъ эгоизмомъ, но также и стремленіемъ къ взаимному общенію. Всѣ они нуждаются другъ въ другѣ и составляютъ вмѣстѣ одну великую общину. Естественное право обязываетъ не только частныхъ лицъ, но и государства. Нормы естественнаго права, вмѣстѣ съ тѣми нормами положительнаго права, обязательность которыхъ покоится на волѣ отдѣльныхъ государствъ и ихъ обязательствахъ, и составляетъ *право народовъ* (*jus gentium*), или международное право. Гроцій считается основателемъ науки международнаго права, такъ какъ онъ далъ первое

теоретическое обоснованіе и систематическое изложеніе этого отдѣла правовѣдѣнія. Но въ исторіи „просвѣщенія" ученіе Гроція важно преимущественно тѣмъ, что онъ пустилъ въ оборотъ *идею о договорномъ характерѣ государства.* Идеи Гроція отвѣчали какъ нельзя болѣе намѣчавшимся умственнымъ стремленіямъ того времени, и этимъ объясняется необыкновенный успѣхъ трактата Гроція, который въ теченіе XVII и первой половины XVIII в. выдержалъ около полусотни изданій на латинскомъ языкѣ и былъ также переведенъ на всѣ европейскіе языки. *Идейное вліяніе Гроція сказалось главнымъ образомъ на англійскихъ политическихъ мыслителяхъ, а черезъ нихъ и на представителяхъ французской философіи XVIII в.*

Самыми выдающимися изъ политическихъ мыслителей Англіи, испытавшихъ на себѣ вліяніе Гроція, и въ свою очередь оказавшихъ сильное вліяніе на представителей французскаго просвѣщенія, были Гоббсъ и Локкъ.

Гоббсъ. **Гоббсъ (1588—1679)** былъ всего пятью годами моложе Гроція, а его первое сочиненіе теоретико-политическаго характера, *О Гражданинѣ (De Cive),* вышло черезъ 17 лѣтъ послѣ перваго изданія трактата Гроція (1642), сначала по-латыни, а затѣмъ и на англійскомъ языкѣ (1647). Вполнѣ законченую форму ученіе Гоббса получило въ напечатанномъ имъ нѣсколько позднѣе трактатѣ подъ заглавіемъ *Левіаѳанъ* (на англ. яз., 1651). Въ своемъ политическомъ ученіи Гоббсъ исходитъ изъ матеріалистическаго и механическаго міропониманія. Весь міровой процессъ понимается Гоббсомъ, какъ движеніе тѣлъ, совершающееся по законамъ механической необходимости. Впрочемъ Гоббсъ признаетъ бытіе Божіе, безсмертіе души и вообще христіанское ученіе, но съ нимъ онъ соединяетъ философскую метафизику чисто матеріалистическаго характера. Послѣднюю онъ переноситъ и въ область практической дѣятельности человѣка — въ этику и политику. Поступки людей, по мнѣнію Гоббса, всецѣло подчинены механической необходимости;

они вызываются не свободной волей, а тѣми ощущеніями, которыя человѣкъ получаетъ извнѣ: ощущенія удовольствія его влекутъ къ причинѣ этого ощущенія, ощущенія неудовольствія отталкиваютъ отъ причины послѣдняго. Въ противоположность Аристотелю и своему ближайшему предшественнику Гроцію, Гоббсъ считаетъ человѣка существомъ необщительнымъ, эгоистичнымъ. Организованное общество возникаетъ, по мнѣнію Гоббса, не вслѣдствіе приписываемаго человѣку общежительнаго инстинкта, а вслѣдствіе страха, который есть неизбѣжное слѣдствіе *естественнаго состоянія.* Въ естественномъ состояніи эгоизмъ людей ничѣмъ не сдерживается; это состояніе есть „война всѣхъ противъ всѣхъ". Однако война противорѣчитъ инстинкту самосохраненія, то-есть естественному закону, открываемому разумомъ. Въ силу этого естественнаго закона, люди стремятся къ миру. Разумъ же приводитъ ихъ къ убѣжденію, что такой миръ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если каждая личность откажется отъ своей неограниченной *естественной свободы,* и люди заключатъ взаимный *договоръ о созданіи государства.* Государство, по опредѣленію Гоббса, есть единое лицо, воля котораго, въ силу начальнаго договора, считается волею всѣхъ, такъ что оно можетъ пользоваться силами и способностями каждаго ради общаго мира и защиты. При заключеніи договора о созданіи государства, каждый отказывается всецѣло отъ своихъ личныхъ правъ и передаетъ ихъ государственному коллективу. Поэтому верховная государственная власть неограниченна, абсолютна, какъ бы ни было организовано правленіе, т.-е. будетъ ли это монархія, аристократія или демократія: Гоббсъ различаетъ эти три образа правленія, изъ которыхъ онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе монархіи, такъ какъ при ней приходится имѣть дѣло съ личнымъ интересомъ одного человѣка, а не многихъ, какъ при республиканскомъ правленіи. Если единовластіе имѣетъ свои недостатки, то они вытекаютъ не изъ природы монархической власти, а изъ характера людей. Республиканскій же образъ правленія, по своей природѣ,

имѣетъ много недостатковъ. Требованія обращенныя къ гражданамъ, носятъ болѣе притѣснительный характеръ при демократическомъ правленіи, чѣмъ при единодержавіи. Невинные граждане подвергаются при монархіи меньшей опасности понести наказанія, чѣмъ при демократіи. Личная свобода, по мнѣнію Гоббса, при послѣдней отнюдь не болѣе обезпечена, чѣмъ при первой. Демократія страдаетъ, кромѣ того, отъ политикантства, борьбы партій, неустойчивости законодательства и политики. Наконецъ, въ пользу монархіи говоритъ и историческій опытъ: когда странѣ угрожаетъ внѣшняя опасность, то и аристократія и демократія одинаково прибѣгаютъ къ монархической власти, вручая главнокомандующему чисто монархическія права. Наилучшимъ политическимъ строемъ является, по мнѣнію Гоббса, *наслѣдственная монархія*, при которой личные и семейные интересы монарха наиболѣе сливаются съ интересами государства.

Кромѣ идейныхъ вліяній Гроція, на политическомъ ученіи Гоббса отразились и прошедшія на его глазахъ событія политической жизни Англіи. Свое сочиненіе *О Гражданинѣ* онъ писалъ въ эпоху острой борьбы за абсолютную власть **Карла I Стюарта (1625—1649)**, стремившагося къ абсолютизму, противъ парламента; свой трактатъ *Левіаѳанъ* онъ написалъ уже послѣ того, какъ сильная государственная власть, и именно въ монархической формѣ, восторжествовала при Кромвелѣ (при немъ Англія только по титулу была республикой, по существу же монархіей и при томъ фактически неограниченной).

Тѣ же идейныя вліянія, но при совершенно иной политической обстановкѣ, отразились на политическомъ ученіи младшаго современника Гоббса, Джона Локка.

Локкъ. Джонъ Локкъ (1632—1704) былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, когда Гоббсъ выпустилъ въ свѣтъ свой трактатъ *О Гражданинѣ*. Какъ политическій мыслитель, Локкъ выступилъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ: когда онъ

опубликовалъ свой трактатъ *О Правительствѣ* (по англ., 1689), ему было 57 лѣтъ. Свое сочиненіе Локкъ написалъ подъ впечатлѣніемъ того мирнаго и безкровнаго политическаго переворота, который англичане называютъ „славной революціей“ (1688). Католикъ и абсолютистъ **Яковъ II (1685—1689)** принужденъ былъ бѣжать, уступивъ мѣсто новому королю, **Вильгельму Оранскому (1689—1702),** протестанту и свободно избранному націей на опредѣленныхъ условіяхъ, гарантировавшихъ политическую свободу. Въ противоположность Гоббсу, какъ теоретику абсолютизма, восторжествовавшаго при Кромвелѣ, Локкъ является теоретикомъ конституціонной монархіи, восторжествовавшей въ 1688 году. Но идейный фундаментъ, на которомъ строитъ Локкъ свое ученіе, тотъ же, что и у Гоббса: это—идеи (заимствованныя Локкомъ частью у Гроція, частью у Гоббса) *естественнаго состоянія, естественнаго права* и *начальнаго договора*. Естественное состояніе, однако, Локкъ представляетъ себѣ иначе, чѣмъ Гоббсъ. Въ этомъ состояніи люди всѣ *свободны* и *равны*, но это не анархическая „война всѣхъ противъ всѣхъ“: „гражданскому общежитію“ (т.-е. государственному быту) предшествуетъ „естественное общежитіе“, регулируемое естественными законами. Въ числѣ этихъ законовъ или „правъ“, кромѣ права самозащиты, имѣется право защищать другихъ отъ обиды и право наказывать обидчика; эти права присущи каждому человѣку по природѣ. Затѣмъ, каждому человѣку по природѣ присуще право собственности, подъ которою Локкъ разумѣетъ не только имущество, но также жизнь и свободу. Въ естественномъ состояніи жизнь, свобода и имущество человѣка обезпечиваются правомъ защиты и наказанія. Переходъ отъ естественнаго общежитія къ общежитію гражданскому, т.-е. государственному быту, характеризуется именно отказомъ людей отъ права защищаться и наказывать обидчиковъ и передачей этого права цѣлому обществу. Отказъ этотъ можетъ произойти только путемъ добровольнаго согласія людей: такъ изъ договора возникаетъ государство. Въ отличіе

отъ Гоббса, который заставляетъ договаривающихся людей отказаться въ пользу государства отъ всѣхъ своихъ правъ и, такимъ образомъ, расширяетъ компетенціи государства до размѣровъ неограниченной власти, Локкъ строго ограничиваетъ послѣднія вполнѣ опредѣленными рамками: такъ какъ цѣль самаго учрежденія государства заключается въ защитѣ жизни, свободы и имущества гражданъ, то и власть его строго ограничивается тѣми полномочіями, которыя необходимы для осуществленія такой защиты. Въ государствѣ Локкъ различаетъ *власть законодательную, исполнительную* и *союзную*. Первая собственно и есть верховная государственная власть; но она не абсолютна, такъ какъ установлена лишь для защиты отдѣльныхъ гражданъ; она не можетъ отмѣнить или ограничить естественныхъ правъ, которыя продолжаютъ сохранять свою силу и послѣ учрежденія государства. Поэтому законодательная власть не въ правѣ отбирать у кого-либо его имущество безъ его согласія. Законодательная власть должна дѣйствовать всегда лишь путемъ изданія общихъ законовъ, а не единичныхъ, относящихся къ данному случаю распоряженій. Она не можетъ передать свои полномочія другимъ властямъ. Приводить въ исполненіе законы и наказывать ихъ нарушителей лежитъ на обязанности *исполнительной власти;* послѣдняя занимаетъ подчиненное положеніе по отношенію къ власти законодательной. Съ исполнительной властью обычно соединяется и *власть союзная,* подъ которой Локкъ разумѣетъ право объявлять войну и заключать миръ и вообще вести внѣшнюю политику. Если исполнительная власть, т.-е. правительство, выходитъ изъ тѣхъ рамокъ, которыя положены начальнымъ договоромъ; если, напримѣръ, оно, вмѣсто того, чтобы защищать естественное право гражданъ на жизнь, свободу и имущество, покушается на ихъ неприкосновенность, то оно тѣмъ самымъ нарушаетъ условія начальнаго договора. А разъ нарушенъ договоръ, то и граждане, съ своей стороны, получаютъ свободу отъ повиновенія: они въ правѣ оказать сопротивленіе такому правительству и даже

низвергнуть его, съ тѣмъ, чтобы возобновить договоръ и установить новое правительство. Такой именно случай видитъ Локкъ въ переворотѣ 1688 г. Наилучшей формой государственнаго устройства Локкъ считаетъ *умѣренную* или *конституціонную монархію*.

Дополненіемъ къ трактату *О Правительствѣ* является напечатанное въ слѣдующемъ году сочиненіе Локка подъ заглавіемъ *Письма о вѣротерпимости* (1690). Въ нихъ онъ выступаетъ теоретикомъ и защитникомъ религіозной свободы, какъ въ трактатѣ *О Правительствѣ* онъ выступалъ теоретикомъ и защитникомъ свободы политической. Свобода совѣсти, т.-е. право каждаго человѣка исповѣдовать ту вѣру, которую онъ считаетъ истинной, есть одно изъ его *естественныхъ* и потому неотъемлемыхъ правъ. Поэтому государство не должно стѣснять религіозную свободу и вообще какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться въ вопросы религіи. Церковь, т.-е. группа людей, принадлежащихъ къ одному вѣроисповѣданію, есть совершенно независимый отъ государства, но точно такъ же основанный на договорѣ союзъ людей, соединившихся, по взаимному соглашенію, для публичнаго отправленія религіознаго культа въ тѣхъ формахъ, какія они находятъ правильными. Съ своей стороны, церковь точно такъ же не въ правѣ какимъ бы то ни было образомъ стѣснять свободу совѣсти отдѣльныхъ вѣрующихъ; она можетъ лишь исключить изъ своей среды того, кто отказывается признавать установленныя ею законы, но принудительной власти не должна имѣть, равно какъ она не въ правѣ требовать отъ государства какихъ-либо принудительныхъ мѣръ противъ своихъ членовъ, какъ не въ правѣ заявлять подобныхъ притязаній какая-нибудь частная ассоціація, напримѣръ, какой-нибудь свѣтскій клубъ. Государство—думаетъ Луккъ—должно соблюдать полный нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ существующимъ въ его предѣлахъ вѣроисповѣданіямъ. Такимъ образомъ, Локкъ выступаетъ проповѣдникомъ идеи отдѣленія церкви отъ государства.

Впрочемъ Локкъ отдаетъ дань традиціоннымъ понятіямъ, внося слѣдующую оговорку въ свою формулу вѣротерпимости. Не могутъ, говоритъ онъ, быть терпимы *атеисты*, (безбожники), потому что они отрицаютъ въ корнѣ тѣ начала, безъ которыхъ немыслимы никакія общественныя связи между людьми. Не могутъ, равнымъ образомъ, быть терпимы въ государствѣ *паписты* (католики), потому что они отрицаютъ какія бы то ни было обязанности по отношенію къ иновѣрцамъ, и, кромѣ того, признаютъ надъ собою иноземную власть. Слѣдовательно практически проповѣдуемая Локкомъ вѣротерпимость простиралась лишь на протестантовъ и на *деистовъ*, къ числу которыхъ онъ и самъ принадлежалъ.

Деизмъ. *Деизмъ* (отъ лат. *Deus*—Богъ), это—философская, или, какъ выражались сами приверженцы ея, *естественная религія*, основанная на *разумѣ*. Первое систематическое изложеніе основъ деизма было сдѣлано соотечественникомъ и младшимъ современникомъ Локка, **Гербертомъ (1581—1648)** въ сочиненіи подъ заглавіемъ *О религіи язычниковъ* (1642). Основныя идеи Герберта сводятся къ слѣдующему. На ряду съ разумомъ и религія точно такъ же является основнымъ отличіемъ человѣка отъ другихъ живыхъ существъ. Религія не только не противорѣчитъ разуму, а напротивъ—вытекаетъ изъ разума, подсказывается имъ. Въ отличіе отъ религіи, основанной на откровеніи, Гербертъ называетъ эту основанную на разумѣ религію *естественной религіей*. Содержаніе этой религіи онъ сводитъ къ пяти положеніямъ: 1) признаніе Верховнаго Существа, 2) признаніе его почитанія, 3) признаніе божественнаго, т. е. нравственнаго закона, какъ критерія поведенія человѣка, 4) признаніе необходимости покаянія въ случаѣ нарушенія этого закона, наконецъ 5) признаніе загробной жизни и загробнаго возмездія. Другіе деисты, пытались сочетать „естественную религію" съ христіанствомъ; таковъ, между прочимъ, современникъ Локка, **Толэндъ (1669—1722)**. Въ своемъ сочиненіи

Христіанство безъ тайнъ (1696) онъ старается доказать, что въ христіанскомъ ученіи нѣтъ ничего такого, что было бы противно разуму или недоступно ему. Въ другомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *Христіанство такъ же древне, какъ и міръ,* Толэндъ старается доказать тождественность христіанства и естественной религіи: христіанство есть въ сущности естественная религія, такъ какъ основныя идеи христіанства врождены человѣку; христіанская этика есть не что иное, какъ врожденная человѣку нравственность. Впрочемъ впослѣдствіи Толэндъ довольно далеко отошелъ отъ христіанства и сталъ развивать чисто пантеистическія идеи [1]). Почти одновременнаго съ Толэндомъ, **Локкъ** посвятилъ той же темѣ сочиненіе подъ загл. *О разумности христіанства, какъ оно изложено въ св. Писаніи* (1695). Какъ и Толэндъ, Локкъ раціонализируетъ христіанство и доказываетъ полную совмѣстимость откровенія съ разумомъ. Откровеніе подготовляетъ и нѣкоторымъ образомъ даже предупреждаетъ разумъ, т. е. предвосхищаетъ тѣ истины, до которыхъ человѣкъ только мало-по-малу можетъ дойти при помощи разума. Откровеніе является какъ бы второй формой разума, дѣлающей религіозныя истины доступными и понятными для большинства людей.

Англійскія идеи во Франціи. Сочиненія Локка были въ началѣ XVIII в. переведены на французскій языкъ и оказали сильное вліяніе на французскихъ мыслителей, въ частности на—двухъ главныхъ представителей французскаго просвѣщенія, на **Вольтера (1694—1778)** [2]) и **Монтескье (1689—1755).**

Идейное вліяніе Англіи на французкихъ писателей не

---

[1]) *Пантеизмъ* (отъ греч. πάν—все и Θεός—Богъ)—„всебожіе“, т. е. обожествленіе всего существующаго, иначе—отождествленіе *міра* и *Бога.*

[2]) Фамильное имя его было *Аруэ (Arouet),* имя же *Вольтеръ (Voltaire)* было литературнымъ псевдонимомъ, составленнымъ путемъ перемѣщенія буквъ, присоединенія двухъ лишнихъ *i* и *l* и замѣны *u* буквой *v* (которыя въ старомъ французскомъ языкѣ не различались).

ограничилось впрочемъ, изученіемъ Локка и другихъ англійскихъ мыслителей; и Вольтеръ и Монтескье имѣли случаи познакомиться съ англійскими идеями и съ англійской общественно-политической жизнью болѣе непосредственнымъ образомъ, такъ какъ оба они живали въ Англіи. Это обстоятельство имѣло тѣмъ большее значеніе, что *идеи политической и религіозной свободы были тамъ не отвлеченными лишь и чисто теоретическими величинами: онѣ находились въ самой тѣсной связи съ общественно-политической и умственно-религіозной жизнью тогдашней Англіи*, гдѣ какъ разъ оба эти начала нашли себѣ практическое осуществленіе послѣ революціи 1688 г., разрѣшившей полуторавѣковую религіозную борьбу на началахъ вѣротерпимости (хотя и не полной) и еще болѣе продолжительную борьбу политическую—на началахъ политической свободы. На Монтескье, Вольтера и вообще на образованныхъ французовъ ихъ поколѣнія Англія вліяла не только силою своихъ идей, но также и мощью живого, нагляднаго примѣра. И это не простая случайность, что время господства „просвѣщенной философіи“ во Франціи характеризуется вмѣстѣ съ тѣмъ и преклоненіемъ передъ Англіей и увлеченіемъ всѣмъ англійскимъ, начиная съ англійской конституціи и кончая англійскими модами. Съ тѣхъ поръ какъ Вольтеръ, своими *Англійскими письмами* (1731) успѣлъ внушить своимъ соотечественникамъ восхищеніе политическимъ строемъ, свободой и общественными нравами англичанъ, а Монтескье поселилъ въ нихъ сочувственный интересъ къ англійской конституціи, молодые французы—говоритъ современная писательница Жанлисъ—стали ѣздить въ Англію „учиться мыслить“, а люди зрѣлые—говоритъ другой современникъ (гр. Сегюръ)—„изучать англійскіе законы и завидовать имъ“.

Англійскій деизмъ и французское вольтерьянство. *Выросшіе на почвѣ Голландіи и Англіи идеи естественнаго права, политической и религіозной свободы, наконецъ—де-*

измъ имѣли мирный, академическій, кабинетно-философскій характеръ; тѣ же самыя идеи, пересаженныя на французскую почву, получили тамъ, напротивъ, характеръ оппозиціонный, агитаціонный, боевой. Объясненія этому надо искать не столько въ личномъ характерѣ французскихъ писателей, сколько въ общихъ условіяхъ французской дѣйствительности того времени. А условія эти, какъ въ области политической, такъ и въ области религіозной, находились именно въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи, какъ съ англійскими *идеями,* такъ и съ англійскою *дѣйствительностью.* И если то и другое сдѣлалось столь популярнымъ во Франціи въ XVIII в., то прежде всего именно потому, что въ этихъ идеяхъ и въ этой дѣйствительности французы увидѣли подходящее и могучее орудіе для борьбы съ господствовавшими во Франціи нетерпимостью въ религіозной сферѣ и деспотизмомъ въ области политической. Достаточно сказать, что незадолго до появленія *Англійскихъ писемъ* Вольтера, во Франціи была издана королевская декларація, возрождавшая начавшія было приходить въ забвеніе жестокія притѣсненія протестантовъ (1724). Имъ воспрещались какія бы то ни было религіозныя собранія, а родителямъ-протестантамъ предписывалось всякаго новорожденнаго въ 24 часа крестить по католическому обряду и затѣмъ воспитывать своихъ дѣтей въ католическихъ школахъ и посылать ихъ въ католическія церкви на богослуженіе. За участіе въ „недозволенномъ собраніи“ протестанту грозила каторга, а пастору, уличенному въ проповѣди,—смертная казнь. Въ силу этой деклараціи, дѣйствительно, нѣсколько пасторовъ были повѣшены. Послѣдній такой случай былъ въ Тулузѣ въ 1762 г. Потомъ эти казни прекратились. Произошло это не вслѣдствіе отмѣны деклараціи 1724 г., а подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, возбужденнаго однимъ процессомъ, сдѣлавшимся громкимъ въ свое время и знаменитымъ въ исторіи благодаря Вольтеру. Дѣло происходило въ Тулузѣ въ 1762 г. У тулузскаго гугенота, негоціанта по профессіи, **Жана Каласа (1698—1762)** было двое сыновей. Младшій, получив-

шій юридическое образованіе, принялъ католичество и поступилъ на государственную службу (протестанты на нее не допускались). Одинъ изъ двухъ его старшихъ братьевъ, завидуя карьерѣ младшаго брата, но не имѣя рѣшимости перемѣнить вѣроисповѣданіе, въ припадкѣ меланхоліи лишилъ себя жизни. Въ католическомъ населеніи Тулузы возникли слухи, будто молодой Каласъ не кончилъ самоубійствомъ, а убитъ отцомъ, изъ опасенія, чтобы и другой сынъ не послѣдовалъ примѣру своего младшаго брата. При господствовавшемъ въ Тулузѣ враждебномъ настроеніи католическаго населенія къ протестантамъ, эта версія, подкупавшая своимъ правдоподобіемъ, вызвала къ себѣ довѣріе и получила широкое распространеніе. Въ результатѣ въ дѣло вмѣшалась судебная власть. Вся семья Каласовъ была арестована и предана суду высшаго мѣстнаго трибунала, тулузскаго парламента. Послѣдній приговорилъ 65-лѣтняго Каласа къ смертной казни чрезъ колесованіе. Этотъ суровый приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ ужасающей жестокостью. Имущество Каласовъ было конфисковано; младшій сынъ въ страхѣ поспѣшилъ принять католичество; двѣ дочери казненнаго были заключены въ монастырь. Вдовѣ его, съ остальными членами семьи, удалось бѣжать въ Швейцарію. Вольтеръ, жившій въ ту пору въ Фернеѣ (близъ Женевы), узнавши объ этой исторіи, принялъ близко къ сердцу дѣло Каласа, которое разоблачилъ въ печати и добился его пересмотра судебной секціей королевскаго совѣта. Послѣдній призналъ казненнаго Каласа невиновнымъ. Семьѣ Каласа была возвращена свобода; король Людовикъ XV приказалъ выдать ей значительную сумму въ возмѣщеніе конфискованнаго имущества. Дѣло Каласа, въ связи съ поднятой по почину Вольтера бурей въ печати, произвело такое впечатлѣніе на общество и правящіе круги, что съ тѣхъ поръ преслѣдованія протестантовъ фактически прекратились, хотя драконовскіе законы противъ нихъ продолжали оставаться не отмѣненными. Тѣмъ не менѣе Вольтеръ продолжалъ до конца своей жизни громить нетерпимость, или, какъ онъ любилъ выражать-

ся—„фанатизмъ"; въ послѣднемъ онъ видѣлъ главнаго врага человѣчества. „Фанатизмъ" представлялся ему отвратительнымъ существомъ, „гадиной", которую онъ считалъ необходимымъ раздавить: *écraser l'infâme* было однимъ изъ излюбленныхъ девизовъ Вольтера. Свою вражду къ „фанатизму" онъ переносилъ всецѣло и на католическую церковь, въ которой видѣлъ источникъ этого „фанатизма". Католическая церковь возбуждала въ Вольтерѣ враждебное чувство еще и потому, что въ ней онъ видѣлъ одну изъ опоръ существующаго политическаго строя, который Вольтеру представлялся воплощеніемъ деспотизма. *Этимъ оппозиціоннымъ и боевымъ отношеніемъ къ католической церкви объясняется и особенность французскаго деизма, самымъ яркимъ представителемъ котораго является Вольтеръ.* Въ противоположность Локку и вообще англійскимъ деистамъ, которые стремятся къ примиренію разума съ откровеніемъ и „естественной религіи" съ христіанствомъ, Вольтеръ и его французскіе послѣдователи стараются какъ можно рѣзче противопоставить основанную на разумѣ естественную религію христіанству, основанному на откровеніи, и если англійскіе деисты искали въ въ первой средство для укрѣпленія христіанства, то Вольтеръ, напротивъ, ищетъ въ ней средство для борьбы съ христіанствомъ и для его разрушенія. *Мирный и проникнутый христіанскими тенденціями англійскій деизмъ превратился на французской почвѣ въ боевое и рѣзко враждебное христіанству „вольтерьянство".*

Оппозиціонный либерализмъ французскаго просвѣщенія. Монтескье. Подобную же метаморфозу претерпѣлъ и пересаженный на французскую почву англійскій политическій либерализмъ. Если у Локка идея политической свободы носитъ спокойный, академическій характеръ, то это потому, что ему приходилось свою либеральную теорію списывать съ существующей въ Англіи дѣйствительности. Во Франціи, наоборотъ, идея политической свободы являлась чѣмъ-то противоположнымъ тому, что существовало

въ дѣйствительности, и потому враждебнымъ ей. Въ Англіи идея политической свободы являлась какъ бы *подтвержденіемъ политической дѣйствительности;* во Франціи, наборотъ, та же идея несла въ себѣ *протестъ противъ политической дѣйствительности,* проникнутой началами противоположными свободѣ. Съ самаго начала поэтому *идея политической свободы явилась во Франціи, какъ идея оппозиціонная.* Этимъ оппозиціоннымъ либерализмомъ проникнуты уже *Англійскія письма* (1731) Вольтера: восхваленіе англійскихъ политическихъ порядковъ и англійской конституціи скрываетъ въ себѣ довольно прозрачную критику существующихъ порядковъ во Франціи. Впрочемъ настоящей сферой Вольтера была борьба противъ „фанатизма“ во имя вѣротерпимости и религіозной свободы; политической свободы онъ касается лишь мимоходомъ. Напротивъ, въ этой послѣдней области лежалъ центръ тяжести литературной дѣятельности старшаго современника Вольтера, **Монтескье (1689—1755).** Духъ критики существующаго порядка съ точки зрѣнія политическаго либерализма замѣтенъ уже въ написанномъ Монтескье за десять лѣтъ до вольтеровскихъ *Англійскихъ писемъ* сатирическомъ памфлетѣ подъ заглавіемъ *Персидскія письма* (1721). Подъ видомъ перса, живущаго во Франціи и дѣлящагося своими впечатлѣніями съ своимъ соотечественникомъ въ письмахъ къ нему, Монтескье подвергаетъ безпощадной сатирѣ существующіе во Франціи порядки и сложившіяся понятія. Про короля, напримѣръ, здѣсь пишется: „Онъ отдаетъ предпочтеніе человѣку, который его раздѣваетъ или подаетъ полотенце, передъ другимъ, который ему завоевываетъ города или выигриваетъ битвы“. Придворная знать характеризуется такъ: „честолюбіе въ праздности, низость въ надменности, желаніе обогатиться безъ труда, отвращеніе къ правдѣ, лесть, предательство, коварство, пренебреженіе къ гражданскимъ обязанностямъ, опасеніе добродѣтели государя, разсчетъ на его слабости и насмѣшливое отношеніе къ его добродѣтели“. Въ другомъ мѣстѣ о придворной знати имѣются такія строки: „Корпо-

рація лакеевъ пользуется большимъ почетомъ: это—разсадникъ знатныхъ сеньеровъ".

Тѣмъ же духомъ оппозиціи противъ существующихъ порядковъ, хотя и въ совершенно иной формѣ, проникнуто и главное сочиненіе Монтескье, знаменитый трактатъ его *О Духѣ законовъ* (1748). Написанное подъ явнымъ вліяніемъ трактата Локка *О Правительствѣ*, сочиненіе Монтескье, при своей внѣшности чисто ученаго трактата, проникнуто тѣмъ же духомъ критики и оппозиціи, что и *Персидскія письма*. Основная идея *Духа законовъ*—идея политической свободы, при чемъ, вслѣдъ за Локкомъ, Монтескье считаетъ главнымъ условіемъ ея—раздѣленіе властей въ государствѣ, хотя онъ дѣлитъ ихъ нѣсколько иначе, чѣмъ Локкъ, а именно—на законодательную, исполнительную и судебную. Тутъ сказалось вліяніе французской политической дѣйствительности, такъ какъ во Франціи судебное вѣдомство, основанное на наслѣдственности судейскихъ должностей, фактически, дѣйствительно, пользовалось большою независимостью по отношенію къ правительству. „Цѣль государства"—говоритъ Монтескье—„поддержать свободу гражданъ; а самое надежное средство помѣшать политическому гнету, это—раздѣлить власть такъ, чтобы устранить возможность единоличнаго обладанія ею". Такое единоличное обладаніе властью ведетъ къ абсолютизму, или, какъ выражается Монтескье, къ деспотизму, который онъ считаетъ худшей формой правленія. Въ своей книгѣ онъ часто намекаетъ на то, что французская монархія, не будучи совершенной „деспотіей", очень, однако, недалека отъ нея; во всякомъ случаѣ во французской монархіи отсутствуетъ главное условіе политической свободы—раздѣленіе властей. Кромѣ того, во Франціи отсутствуетъ соотвѣтствующее англійскому парламенту законодательное учрежденіе. Личныя симпатіи Монтескье—на сторонѣ „умѣренной", т. е. конституціонной монархіи, идеальнымъ образцомъ которой ему представляется Англія, такъ какъ здѣсь, по его мнѣнію, осуществленъ въ полной мѣрѣ принципъ раздѣленія властей. Взглядъ этотъ

былъ ошибоченъ, такъ какъ въ дѣйствительности того раздѣленія власти исполнительной (короны) отъ власти законодательной (парламента), о какомъ говоритъ Монтескье, въ тогдашней Англіи не было. Исполнительная власть уже въ ту пору принадлежала фактически министерству, отвѣтственному передъ парламентовъ и составленному изъ вождей партіи бильшинства; слѣдовательно парламентъ съ законодательной властью соединялъ и власть исполнительную. Равнымъ образомъ и король, кромѣ исполнительной власти, дѣлилъ съ парламентомъ и власть законодательную (право *veto*).

На ряду съ раздѣленіемъ властей, Монтескье большое значеніе придаетъ также *промежуточнымъ корпораціямъ (corps intermédiaires)*, подъ которыми онъ разумѣетъ организованныя общественныя группы, каковы—привилегированныя сословія; наличность такихъ группъ является необходимою принадлежностью „умѣренной монархіи", въ отличіе отъ монархіи „деспотической", при которой между монархомъ и народной массой нѣтъ никакихъ „промежуточныхъ корпорацій", которыя бы „умѣряли" дѣйствія его власти.

Духъ законовъ имѣлъ огромный успѣхъ. Онъ выдержалъ множество изданій, былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и пріобрѣлъ самую широкую популярность, не только во Франціи, но и во всей образованной Европѣ. *Духъ законовъ* сдѣлался настольной книгой всѣхъ образованныхъ людей; онъ получилъ значеніе *основного руководства умѣренно-оппозиціоннаго либерализма* и оказалъ огромное вліяніе не только на своихъ современниковъ, но и на слѣдующее поколѣніе. Особенно сильно отразилось вліяніе идей Монтескье на революціи и ея дѣятеляхъ. На послѣднихъ оказали вліяніе особенно тѣ изъ идей Монтескье, которыя гармонировали съ господствовавшимъ въ началѣ революціи либерально-демократическимъ настроеніемъ. Усвоивши ученіе Монтескье о необходимости раздѣленія властей, дѣятели революціи старались свести роль короны къ чисто исполнительнымъ функціямъ и ограничить до край-

нихъ предѣловъ вліяніе ея на законодательство (условное *veto*). Съ другой стороны, во имя той же идеи раздѣленія властей, было запрещено назначать министровъ изъ числа депутатовъ, и это обстоятельство сыграло огромную роль въ началѣ революціи, такъ какъ сдѣлало невозможнымъ установленіе либеральнаго и популярнаго министерства съ Мирабо во главѣ и тѣмъ закрыло путь къ примиренію національнаго собранія съ королемъ и упроченію конституціонной монархіи во Франціи. Еще менѣе успѣха у дѣятелей революціи имѣли идеи Монтескье о „промежуточныхъ корпораціяхъ“: въ противовѣсъ этимъ идеямъ тогда рѣшительно возобладало ученіе Руссо о всеобщемъ равенствѣ.

Энциклопедисты. Руссо. Болѣе рѣшительный и радикальный характеръ пріобрѣтаетъ оппозиціонное настроеніе у французскихъ писателей, принадлежавшихъ къ поколѣнію болѣе молодому, чѣмъ Монтескье и Вольтеръ,—у такъ называемыхъ *энциклопедистовъ*, получившихъ это названіе отъ того огромнаго коллективнаго труда, который составляетъ главный продуктъ ихъ писательской дѣятельности и вмѣстѣ—самый крупный памятникъ „просвѣщенной философіи“ второй половины XVIII в.: знаменитой *Энциклопедіи*, печатавшейся въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ (1750—1772). Въ отличіе отъ умѣреннаго либерализма Монтескье и Вольтера, съ ихъ монархическимъ настроеніемъ и ихъ чисто аристократическими симпатіями, у *энциклопедистовъ* идея политической свободы получила болѣе боевой, отчасти даже революціонный характеръ. Идеалъ *свободы* у нихъ осложняетъ идеаломъ *равенства*, то-есть идеаломъ демократическимъ въ своей исходной точкѣ и республиканскимъ въ своей конечной цѣли. Англоманскій либерализмъ Вольтера и Монтескье переходитъ у энциклопедистовъ въ доктринерскій радикализмъ. Оппозиціонное настроеніе „отцовъ“ французскаго просвѣщенія принимаетъ у ихъ „дѣтей“ революціонный оттѣнокъ. Именно, съ началомъ выхода въ свѣтъ *Энциклопедіи*, начинается наиболѣе боевой періодъ въ исто-

ріи французскаго „просвѣщенія“. Именно литература этого періода подготовила идейно великую революцію 1789 г.

Къ этому же періоду относятся и наиболѣе важные моменты литературной дѣятельности **Руссо (1712—1778)**, который принадлежалъ къ тому же поколѣнію, что и руководители *Энциклопедіи*, хотя и не принималъ въ ней участія и вообще держался особнякомъ, отмежевывался отъ „философовъ“ и даже сердился, когда его смѣшивали съ ними. Онъ и въ печати велъ съ ними рѣзкую полемику по нѣкоторымъ вопросамъ; но это нисколько не мѣшало тому, что его общественно-политическія идеи въ общемъ вполнѣ гармонировали съ тенденціями энциклопедистовъ.

Какъ писатель, Руссо дебютировалъ своеобразнымъ памфлетомъ противъ того, что такъ высоко ставили представители просвѣщенія. Въ отвѣтъ на поставленный дижонской академіей на конкурсъ вопросъ о вліяніи наукъ и искусствъ на нравы, Руссо отвѣтилъ *Разсужденіемъ* (1749), въ которомъ развивалъ мысль о вредномъ вліяніи наукъ и искусствъ на людей и ихъ нравственность. Испорченности образованнаго общества Руссо противополагаетъ рисуемый имъ самыми свѣтлыми красками бытъ первобытныхъ людей, „не испорченныхъ“ образованіемъ. Представители просвѣщенія, естественно, отнеслись крайне отрицательно и насмѣшливо къ *Разсужденію* Руссо. Вольтеръ язвительно замѣтилъ, что прочитавши его, онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе ходить на четвереcopy>нькахъ.

Въ области общественно-политическихъ идей Руссо вполнѣ примыкаетъ, однако, къ господствовавшимъ у энциклопедистовъ демократическимъ тенденціямъ, которымъ онъ придалъ вполнѣ отчетливую, рѣзко очерченную теоретическую формулировку. Въ противоположность Монтескье, который считаетъ соціальныя неравенства (наличность привилегированныхъ сословій) необходимымъ условіемъ политической свободы, Руссо является рѣшительнымъ защитникомъ безусловнаго равенства и столь же рѣшительнымъ врагомъ всякаго неравенства. Эти идеи, съ присущей ему рѣз-

костью, Руссо выразилъ въ напечатанномъ имъ пять лѣтъ спустя послѣ *Разсужденія о наукахъ и искусствахъ*, другомъ *Разсужденіи о происхожденіи неравенства между людьми* (1754). Источникомъ неравенства Руссо считаетъ частную собственность. Оно началось съ того момента, когда человѣкъ огородилъ участокъ земли, который онъ обработалъ и сказалъ: „это—мое“. Въ этомъ отрицательномъ отношеніи Руссо къ частной собственности на землю можно видѣть зародышъ позднѣйшаго соціализма, получившаго, впрочемъ, теоретическую разработку лишь гораздо позднѣе (въ первой половинѣ XIX в.).

Болѣе полное и систематическое изложеніе общественно-политическія идеи Руссо нашли въ вышедшемъ восемь лѣтъ позднѣе сочиненіи его *Объ общественномъ договорѣ* (*Du contrat social*, 1762). Исходя изъ ученія англійскихъ мыслителей (Гоббса и Локка) объ естественномъ состояніи, предшествовавшемъ государственному быту, и о происхожденіи государства изъ договора между людьми, Руссо приходитъ къ построенію, совершенно отличному отъ построеній обоихъ англійскихъ мыслителей. Если для Гоббса было важно обосновать сильную государственную власть, а для Локка—политическую свободу, то Руссо имѣетъ въ виду главнымъ образомъ—сохраненіе въ государственномъ быту того равенства, которое, по его представленію, люди имѣли въ естевеономъ состояніи. Ради сохраненія равенства, люди, договариваясь о выходѣ изъ естественнаго состоянія, отказываются у Руссо отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу цѣлаго: каждый всецѣло отдается въ распоряженіе цѣлаго, т. е. государства. По мысли Руссо, „когда каждый отдаетъ себя въ распоряженіе всѣхъ, то онъ не отдаетъ себя никому“, такъ какъ онъ самъ является одной изъ частицъ этого самодержавнаго цѣлаго, суверенной націи, народа. Организованный въ государство народъ-государь имѣетъ неограниченную власть надъ отдѣльными личностями. Власть эта *неотчуждаема*, то-есть она не можетъ быть передана кому бы то ни было (одному лицу или группѣ лицъ); она

надѣлима и вмѣстѣ *непогрѣшима*. „Общая воля всегда права и постоянно стремится къ общей пользѣ“. Въ противоположность Локку и Монтескье, Руссо вовсе не заботится объ обезпеченіи личной свободы гражданъ: съ его точки зрѣнія это является излишнимъ, такъ какъ народъ-государь такъ же не можетъ вредить правамъ отдѣльныхъ гражданъ, какъ тѣло не можетъ вредить отдѣльнымъ своимъ членамъ. Основанное на суверенитетѣ или верховенствѣ народа, государство у Руссо является всепоглощающимъ и абсолютнымъ. Оно не ограничивается у него, какъ у Локка, лишь защитой жизни, свободы и имущества гражданъ, но вноситъ свое властное вмѣшательство во всѣ области жизни, до религіи включительно. Въ государствѣ Руссо религія и ея догматы устанавливаются государственною властью: это въ сущности „естественная религія“ деистовъ. Люди, отказывающіеся признать государственные догматы, изгоняются изъ государства. Такимъ образомъ, равенству, о сохраненіи котораго всего болѣе заботится Руссо, онъ приноситъ въ жертву свободу: народное верховенство приводитъ къ государственному абсолютизму. По формѣ правленія Руссо различаетъ *монархію, аристократію* и *демократію*, но это различіе не имѣетъ у него особаго значенія, такъ какъ по существу верховная власть при всѣхъ формахъ правленія продолжаетъ принадлежать народу-государю, правительство же, этимъ народомъ учреждаемое, самостоятельной власти не имѣетъ: оно лишь делегатъ самодержавнаго народа-государя, его прикащикъ, и народъ-государь въ любую минуту можетъ его смѣстить и замѣнить другимъ. Слѣдовательно, по существу дѣла, всякое государство у Руссо является республикой, въ которой верховная власть принадлежитъ всему народу: это и есть сущность ученія о народномъ суверенитетѣ или верховенствѣ. Ученіе это находитъ себѣ дополненіе еще въ ученіи Руссо о *народоправствѣ*, то-есть объ осуществленіи управленія самимъ народомъ. Въ противоположность Локку и Монтескье, Руссо не признаетъ народнаго представительства и даже высмѣиватъ англичанъ, считающихъ себя сво-

бодными потому, что у нихъ есть парламентъ. На дѣлѣ—говоритъ Руссо—ихъ свобода ограничивается тѣмъ моментомъ, когда они выбираютъ своихъ депутатовъ, послѣ чего они становятся рабами послѣднихъ. Въ государствѣ Руссо свобода осуществляется тѣмъ, что каждый гражданинъ принимаетъ непосредственное участіе въ правленіи. Другими словами, на мѣсто представительнаго строя Руссо выдвигаетъ вѣчевой. Историческимъ идеаломъ Руссо являются античныя республики. Руссо не даетъ отвѣта на вопросъ о томъ, какъ приложить его теорію къ современной ему дѣйствительности, при наличности крупныхъ государствъ. Эта теоретичность ученія Руссо является логическимъ слѣдствіемъ чисто раціоналистическаго, отвлеченнаго метода его мысли. Методъ этотъ былъ вообще господствующимъ въ ту пору, но въ примѣненіи къ вопросамъ общественно-политическимъ онъ никѣмъ не примѣнялся съ такой исключительностью и прямолинейностью, какъ Руссо.

Подъ вліяніемъ Руссо, идеи о договорномъ происхожденіи государства, о народномъ суверенитетѣ и народовластіи, наконецъ — о равенствѣ сдѣлались популярными и еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ либеральныя идеи Монтескье, оказали вліяніе на идейную подготовку революціи. Если послѣднія были *оппозиціонными*, то идеи Руссо имѣли уже *революціонный* характеръ въ томъ смыслѣ, что осуществленіе ихъ являлось возможнымъ лишь подъ условіемъ уничтоженія существующаго общественно-политическаго строя.

Руссо, какъ предшественникъ противореволюціонныхъ идейныхъ теченій. Какъ теоретикъ народнаго самодержавія и народовластія, Руссо является однимъ изъ представителей философіи „просвѣщенія" и однимъ изъ идейныхъ предшественниковъ революціи. Но у него же мы находимъ и зародыши идейныхъ теченій, враждебныхъ какъ „просвѣщенію", такъ и революціи, вылившихся въ началѣ XIX в. въ форму такъ называемаго романтизма (о немъ подробнѣе—ниже).

Такими зародышами являются у Руссо, во-первыхъ, та роль, которую онъ отводитъ *чувству* на ряду съ *разумомъ*, и во-вторыхъ—его отношеніе къ *религіи*.

Руссо рѣзко расходился съ остальными представителями просвѣщенной философіи въ своемъ взглядѣ на роль и значеніе *чувства*. Такъ какъ сущность „просвѣщенія“ состояла, по воззрѣніямъ его представителей, въ томъ, чтобы „всему давать оцѣнку не на основаніи традиціонныхъ понятій, а на основаніи разума“, то они выдвигали на первый планъ въ душевной жизни человѣка *разумъ*. Разумъ въ ихъ глазахъ является „единственнымъ авторитетомъ“. Ихъ идеалъ человѣка — „разумный человѣкъ“; ихъ общественный идеалъ—„царство разума“. Напротивъ, къ чувству они относились съ пренебреженіемъ, какъ къ стихіи темной и „неразумной“. Совершенно иначе смотритъ на дѣло Руссо. Не отрицая правъ разума, онъ, однако, съ особенной настойчивостью подчеркиваетъ значеніе чувства въ душевной жизни человѣка. Въ его глазахъ „лучшій человѣкъ—тотъ, кто лучше и сильнѣе чувствуетъ“. Его идеаломъ является „чувствительный человѣкъ“. Самый разумъ Руссо ставитъ въ подчиненное положеніе по отношенію къ чувству. Мое правило—говоритъ онъ—„болѣе довѣряться чувству, чѣмъ разуму“. Въ концѣ концовъ, вѣдь, „мой разумъ избираетъ то мнѣніе, которому отдаетъ предпочтеніе мое сердце“.

Надѣленный душой въ высшей степени „чувствительной“, то-есть способной къ разностороннимъ и глубокимъ эмоціональнымъ переживаніямъ, Руссо былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкомъ глубоко религіознымъ. Его религія была, конечно, „философская“; но это не былъ раціоналистическій деизмъ, основанный на чисто разсудочныхъ доводахъ и логическихъ построеніяхъ, какъ у Вольтера, который говорилъ, что, „если бы не существовало Бога, то его необходимо было бы избрѣсть“. Напротивъ, говоритъ Руссо: „моя вѣра убѣждаетъ меня во многихъ вещахъ, которыя стоятъ выше моего разума“. Разумъ безсиленъ доказать съ полною неоспоримостью главныя положенія религіозной вѣры, на-

примѣръ, существованіе Бога. „Поэтому“—говоритъ Руссо—„я бросилъ разумъ и обратился къ природѣ, то-есть къ внутреннему чувству, направляющему мою вѣру независимо отъ разума“. На чувствѣ же основываетъ Руссо и свою вѣру въ загробную жизнь. „Нѣтъ“,—пишетъ онъ въ письмѣ къ Вольтеру—„я слишкомъ много страдалъ въ этой жизни чтобы не ожидать другой. Всѣ тонкости метафизики не заставятъ меня ни на минуту усомниться въ безсмертіи души и благодѣтельномъ Провидѣніи. Я его чувствую, я въ него вѣрю, я его желаю, я на него надѣюсь и буду защищать его до послѣдняго вздоха“. *Проникнутая глубокимъ чувствомъ религіозность Руссо гораздо ближе подходила къ христіанству, чѣмъ къ раціоналистическому деизму.* Руссо высоко цѣнилъ моральную красоту христіанской религіи. На вопросъ: „Вы христіанинъ?“—онъ устами своего героя Сенъ-Прё отвѣчаетъ: „Я стараюсь быть имъ“.

Идеи экономической свободы; физіократы. На ряду съ идеями политической и религіозной свободы во второй половинѣ XVIII в. получаетъ широкое развитіе также идея *свободы экономической. Идея эта явилась не столько какъ продуктъ отвлеченной и чисто теоретической мысли, сколько какъ протестъ противъ существующаго порядка въ области хозяйственныхъ отношеній.* А порядокъ этотъ характеризовался обиліемъ всякаго рода стѣсненій во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни: въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, торговлѣ. Сельское хозяйство было стѣснено, прежде всего, остатками крѣпостного права, въ видѣ различныхъ такъ называемыхъ „феодальныхъ правъ“ помѣщиковъ по отношенію къ жившему на ихъ земляхъ земледѣльческому населенію. Крестьянинъ, напримѣръ, не могъ собирать свой урожай пока не соберетъ своего урожая помѣщикъ, — не могъ выжимать сокъ изъ своего винограда у себя дома, а долженъ былъ пользоваться для этого помѣщичьимъ прессомъ. Затѣмъ существовала стѣснительная для сельскихъ хозяевъ регламента-

ція: напримѣръ, запрещалось на земляхъ, годныхъ для пашни, разводить виноградъ. Регламентація стѣсняла и промышленность; были установлены, напримѣръ, точныя правила относительно ширины, плотности, окраски и другихъ качествъ тканей. Кромѣ того, промышленный трудъ терпѣлъ многочисленныя стѣсненія вслѣдствіе цеховой организаціи ремесленной промышленности. Каждый видъ производства составлялъ исключительную монополію даннаго цеха. Сапоги, напримѣръ, могъ шить только цеховой сапожникъ, а вольный не могъ. Добиться же пріема въ цехъ было трудно, такъ какъ цехамъ не было выгодно увеличивать число рабочихъ рукъ и расширять производство: это понизило бы существовавшія высокія цѣны на ремесленныя издѣлія. Наконецъ, торговля терпѣла еще болѣе многочисленныя стѣсненія. Кромѣ ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ при перевозкѣ товаровъ черезъ государственную границу, во Франціи продолжали сохраняться многочисленныя таможенныя границы внутри страны, такъ что различные товары должны были платить пошлины при перевозкѣ изъ одной провинціи въ другую. Наконецъ, продукты потребленія, какъ-то съѣстные припасы, напитки, должны были платить еще заставныя пошлины (octrois) при ввозѣ въ города. Существовали, независимо отъ этого, еще многочисленныя заставы на дорогахъ и на судоходныхъ рѣкахъ, гдѣ приходилось платить особыя пошлины (péages) частью въ пользу казны, частью въ пользу сеньеровъ. Особенно многочисленными стѣсненіями была обставлена торговля хлѣбомъ. Такъ, было запрещено покупать и продавать хлѣбъ иначе, какъ на рынкѣ въ опредѣленные часы; вывозъ хлѣба за-границу то разрѣшался, то запрещался; нерѣдко запрещался вывозъ хлѣба изъ одной провинціи въ другую.

И вотъ, около середины XVIII в. появляются писатели-экономисты, которые начинаютъ доказывать, что всякаго рода стѣсненія торговли, промышленности и сельскаго хозяйства только вредятъ дѣлу, и что самый лучшій способъ содѣйствовать развитію хозяйства, это—предоставить полную

свободу торговой, промышленной и сельско-хозяйственной дѣятельности: *laisser faire, laisser passer* — таковъ былъ девизъ *физіократовъ,* какъ стали впослѣдствіи называть этихъ писателей-экономистовъ, по заглавію сочиненія родоначальника этой школы, доктора **Кене (Quesnai) (1694—1774)**: *Физіократія* (1768).

Регламентація хозяйственной жизни, противъ которой выступили физіократы, была тѣсно связана съ господствовавшей въ ту пору хозяйственной политикой, унаслѣдованной восемнадцатымъ вѣкомъ отъ предыдущаго. Такъ какъ своей главной задачей эта политика ставила поощреніе торговли, то она получила названіе *меркантилизма* (отъ французскаго *mercantile — торговый).* Приверженцы меркантилизма думали, что страна всего болѣе обогащается отъ торговли, именно—вывозной торговли, такъ какъ она вызываетъ притокъ денегъ изъ-за границы. А такъ какъ, при отсутствіи въ ту пору желѣзныхъ дорогъ, громоздкіе товары, каковы сельско-хозяйственные продукты, могли быть вывозимы въ сравнительно незначительномъ количествѣ, то считалось необходимымъ содѣйствовать развитію обрабатывающей промышленности, которая бы давала возможность вывозить товары менѣе громоздкіе и болѣе цѣнные, и слѣдовательно на бóльшія суммы и съ бóльшей выгодой для страны. Для поощренія же промышленности считалось необходимымъ вмѣшательство государственной власти въ самые способы производства: отсюда развитіе *регламентаціи.* Что же касается земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, то съ точки зрѣнія меркантилизма оно разсматривалось, какъ мало доходная отрасль хозяйственной дѣятельности, и потому оставлялось въ пренебреженіи.

Возставая противъ регламентаціи во имя свободы хозяйственнаго труда, физіократы подняли голосъ и противъ односторонняго увлеченія торговлею и промышленностью и, въ противоположность меркантилизму, стали доказывать, что не промышленность и торговля, а земледѣліе и сельское хозяйство — главный источникъ народнаго богатства.

Нѣкоторые изъ физіократовъ шли еще дальше и считали землю единственнымъ источникомъ богатства, такъ какъ, говорили они, торговля не создаетъ ничего, промышленность тоже ничего не создаетъ, а только видоизмѣняетъ форму тѣхъ предметовъ, которые производитъ земля; значитъ, послѣдняя и есть въ концѣ концовъ источникъ всѣхъ богатствъ. Главный же способъ добыванія богатствъ изъ земли есть земледѣліе, которое поэтому и нуждается въ особенномъ вниманіи и поощреніи. Хотя теорія физіократовъ и была впослѣдствіи опровергнута экономической наукой, тѣмъ не менѣе въ свое время она оказала серьезную пользу, какъ реакція противъ односторонности меркантилизма, и направила хозяйственную политику на болѣе правильный путь. Уже начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ, правительство и администрація во Франціи начинаютъ обращать все болѣе и болѣе серьезное вниманіе на сельское хозяйство и его развитіе. Этотъ поворотъ въ хозяйственной политикѣ Франціи обозначился особенно рѣзко, когда во главѣ финансоваго и хозяйственнаго управленія страны сталъ знаменитый **Тюрго (1727—1781)**, одинъ изъ видныхъ физіократовъ. Въ свое недолговременное пребываніе у власти (1775—1776) Тюрго успѣлъ уничтожить цеховую организацію, стѣснявшую промышленность, и освободилъ торговлю хлѣбомъ отъ опутывавшихъ ее стѣсненій, чѣмъ косвенно оказалъ большую услугу земледѣлію. Впрочемъ, какъ экономистъ, Тюрго былъ свободенъ отъ односторонностей своей школы и на ряду съ *землей*, выдвигалъ, въ качествѣ источника богатства, также и человѣческій *трудъ*.

Прогрессъ естествознанія въ XVIII в. Лавуазье. Бюффонъ. Если XVII в. отмѣченъ главнымъ образомъ успѣхами астрономіи, то слѣдующее столѣтіе выдвинуло успѣхи въ области физики и химіи. Химія, развившаяся изъ средневѣковой алхимiи (какъ астрономія изъ астрологіи), находилась вплоть до второй половины XVIII в. въ дѣтскомъ состояніи. Достаточно сказать, что ей не былъ

извѣстенъ химическій составъ воздуха и воды, и продолжала оставаться неразгаданной тайной сущность такого процесса, какъ горѣніе. Эти тайны были разгаданы впервые французскимъ химикомъ **Лавуазье (1743—1794).** Послѣ многочисленныхъ и продолжительныхъ опытовъ ему удалось открыть кислородъ и объяснить процессъ горѣнія, какъ окисленіе (соединеніе съ кислородомъ). Ему удалось также разложить воду на ея составныя части (водородъ и кислородъ). Еще ранѣе этого онъ получилъ воду путемъ химическаго синтеза, пропустивъ водородъ чрезъ накаленную окись желѣза. Своими открытіями Лавуазье окончательно поставилъ химію на твердую научную почву. Онъ считается поэтому *основателемъ новѣйшей научной химіи.*

Въ области физики особенно важно было, по своимъ послѣдствіямъ, открытіе двигательной силы водяного пара, послужившее основаніемъ для изобрѣтенія парового двигателя и паровыхъ машинъ, оказавшихъ, въ свою очередь, огромное вліяніе на все дальнѣйшее культурное развитіе Европы и всего человѣчества. Честь открытія двигательной силы пара принадлежитъ французскому гугеноту, по профессіи медику, **Папэну (Papin, 1647—1714).** Въ 1707 г. онъ опубликовалъ свое открытіе въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ *Новый способъ поднимать воду силою пара.* Паровой двигатель Папэна, очень примитивной конструкціи, нашелъ себѣ примѣненіе лишь въ горномъ дѣлѣ, гдѣ онъ употреблялся для выкачиванія воды изъ шахтъ. (Около 60 лѣтъ спустя паровой двигатель былъ усовершенствованъ англичаниномъ **Уаттомъ,** послѣ чего онъ получилъ широкое примѣненіе во всѣхъ областяхъ промышленности).

Въ области наукъ о живой природѣ особенно выдвинулся въ XVIII в. **Бюффонъ (1707—1788).** Всю свою долгую жизнь онъ посвятилъ неустанной работѣ надъ задуманной имъ еще въ молодые годы обширной *Естественной исторіи (Histoire naturelle).* Въ своемъ трудѣ онъ поставилъ себѣ задачей—дать полный сводъ всѣхъ научныхъ результатовъ, добытыхъ какъ имъ самимъ, такъ и его предше-

ственниками въ области наукъ о живой природѣ. *Естественная исторія* Бюффона представляетъ собою описательную зоологію съ предпосланной, въ видѣ введенія, исторической геологіей (исторіей земли). Хотя своимъ сочиненіемъ Бюффонъ не внесъ въ естествознаніе ничего существенно новаго и „дѣлающаго эпоху“ въ наукѣ, тѣмъ не менѣе оно имѣло въ свое время очень важное значеніе. Написанная художественно и увлекательно, *Естественная исторія* Бюффона, не смотря на свои огромные размѣры, получила чрезвычайно широкое распространеніе и тѣмъ способствовала популяризаціи естествознанія въ средѣ образованнаго общества. Имя Бюффона было во второй половинѣ XVIII в. столь же популярно, какъ и имя Вольтера.

Старый порядокъ во Франціи. Государственный строй. Общественно - политическій строй Франціи, какъ онъ сложился ко времени Людовика XIV и просуществовалъ до конца „стараго порядка“, характеризуется двумя главными чертами: королевскимъ *абсолютизмомъ* и наличностью различныхъ *привилегій*.

Начиная съ царствованія Людовика XIV прекращается созывъ сословныхъ сеймовъ, такъ наз. *генеральныхъ штатовъ (Etats généraux)*, которые со времени Филиппа IV Красиваго (начиная съ 1302 г.) созывались французскими королями во всѣхъ важныхъ случаяхъ, въ частности—для установленія новыхъ налоговъ, для чего считалось необходимымъ согласіе „трехъ сословій“. Съ прекращеніемъ созыва генеральныхъ штатовъ налоги стали вводиться и увеличиваться путемъ королевскихъ указовъ или эдиктовъ. Правда, эдикты, по изстари заведенному обычаю, вступали въ силу лишь послѣ того, какъ были „провѣрены“ парламентами и занесены ими въ свои „реестры“. Парламенты, которыхъ къ концу стараго порядка насчитывалось 13 (главный изъ нихъ въ Парижѣ), были высшими судебными учрежденіями въ своихъ округахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они считались хранителями законовъ. Такъ какъ члены парламентовъ бы-

ли наслѣдственными и несмѣняемыми обладателями своихъ должностей, пріобрѣтавшихся путемъ покупки или наслѣдованія, то парламенты пользовались значительной независимостью по отношенію къ королевской власти и позволяли себѣ критиковать королевскіе эдикты и даже отказывать правительству въ занесеніи ихъ въ свои реестры. Такъ какъ это сильно стѣсняло королевскую власть, то Людовикъ XIV запретилъ парламентамъ дѣлать „представленія" (remontrances) по поводу новыхъ эдиктовъ. Правда, послѣ Людовика XIV парламентамъ было возвращено это право, но, въ случаѣ сопротивленія ихъ королевской власти, послѣдняя всегда имѣла возможность настоять на регистраціи неугоднаго парламенту эдикта при помощи такъ наз. *Lit de justice:* такъ называлось торжественное засѣданіе парламента въ присутствіи короля, когда никакія пренія и возраженія не допускались. Въ провинціальныхъ парламентахъ короля замѣнялъ высшій представитель мѣстной администраціи, получавшій для этого особыя полномочія. Слѣдовательно, и при наличности парламентовъ и ихъ права „представленій", королевская власть въ XVII—XVIII в. не встрѣчала болѣе никакихъ правовыхъ сдержекъ: она была неограниченной.

Королевскій абсолютизмъ при старомъ порядкѣ опирался на *административную централизацію,* т. е. на такую административную систему, въ которой мѣстныя власти получали свои полномочія и зависѣли отъ центральной власти или ея органовъ. Центральными органами королевской власти были *королевскій совѣтъ* и *шесть министровъ.* Чрезъ совѣтъ проходили всѣ эдикты и другіе акты королевской власти, имѣвшіе государственный характеръ, но значеніе совѣта было чисто совѣщательное; онъ отнюдь не ограничивалъ королевской власти и почти нисколько не стѣснялъ власти министровъ, назначавшихся королемъ и отъ него непосредственно и исключительно зависѣвшихъ. Въ ихъ рукахъ была фактически сосредоточена правительственная власть, подъ руководствомъ, зачастую лишь формальнымъ

и фиктивнымъ, короля. Во внутреннемъ управленіи главное значеніе имѣлъ министръ, носившій титулъ *генералъ-контролера финансовъ*. Въ его вѣдомствѣ были сосредоточены не только государственные финансы, но завѣдованіе всей хозяйственной жизнью страны: земледѣліемъ, промышленностью, торговлей. Наконецъ, генералъ-контролеръ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити внутренняго управленія еще благодаря тому, что отъ него ближайшимъ образомъ зависѣли провинціальные администраторы, которые назначались королемъ по его выбору и представленію (за исключеніемъ пограничныхъ областей, гдѣ назначеніе администраторовъ зависѣло отъ военнаго министра). Администраторы эти назывались *провинціальными интендантами* (*intendant* по-франц. значитъ „управляющій"). Число ихъ въ XVIII в. колебалось отъ 30 до 33 (изъ чего видно, что интендантства были болѣе крупными территоріальными дѣленіями, чѣмъ современные департаменты, которыхъ насчитывается свыше восьмидесяти). Интендантъ, назначавшійся не пожизненно, или на опредѣленный срокъ, а впредь до новаго распоряженія, являлся послушнымъ агентомъ центральной власти и посредникомъ между правительствомъ и мѣстнымъ населеніемъ. Назначались интенданты въ XVII в. преимущественно изъ среды буржуазіи, а въ слѣдующемъ столѣтіи главнымъ образомъ изъ служилаго дворянства, вышедшаго изъ рядовъ той же буржуазіи (при посредствѣ одворянивавшихъ должностей); знатные магнаты не назначались, да и сами не пошли бы на такую должность, которая ставила его обладателя въ служебную зависимость отъ министровъ, среди которыхъ также преобладали въ XVII в. буржуа, а въ XVIII—дворяне средней руки.

У интенданта также были свои агенты въ отдѣльныхъ округахъ интендантства, такъ наз. *субделегаты* (*subdélégués*). Они назначались собственною властью интенданта и служили ему посредниками мджду нимъ и мѣстнымъ населеніемъ, а также сообщали интенданту свѣдѣнія, необходимыя либо ему лично, либо для передачи правительству. На ряду

съ интендантами, въ пограничныхъ областяхъ были еще такъ наз. *провинціальные главнокомандующіе*, которые не только командовали мѣстными воинскими частями и завѣдовали военнымъ управленіемъ, но также имѣли широкія полномочія въ области мѣстной полиціи и нерѣдко вмѣшивались также и въ чисто гражданское управленіе, т. е. въ вѣдомство интендантовъ. Что касается *генералъ-губернаторовъ*, учрежденныхъ еще въ XVI в., то, со времени Людовика XIV и до конца стараго порядка, они не принимали болѣе никакого участія въ управленіи провинціями, а жили при дворѣ, гдѣ въ торжественныхъ случаяхъ выступали парадными представителями своихъ провинцій. За ними были сохранены ихъ титулы, доходы и привилегіи, но отъ заботъ управленія они были освобождены вполнѣ; имъ было даже запрещено ѣздить въ „свои провинціи", гдѣ своимъ вмѣшательствомъ они могли бы парализовать дѣятельность интендантовъ, болѣе скромныхъ по своему соціальному положенію, чѣмъ генералъ-губернаторы, принадлежавшіе къ высшей феодальной знати.

Административная система, какъ она сложилась во Франціи со времени Людовика XIV, являлась чрезвычайно удобнымъ и сильнымъ орудіемъ въ рукахъ королевской власти, но населеніе испытывало на себѣ также и отрицательныя стороны этой системы. Оно жаловалось главнымъ образомъ на *произволъ*, и чѣмъ ближе къ концу стараго порядка, тѣмъ эти жалобы становятся громче и настойчивѣе; онѣ находятъ себѣ отголосокъ и въ знаменитыхъ „наказахъ" 1789 г. На правительственныхъ верхахъ произволъ этотъ выражался, прежде всего, въ такъ называемыхъ *королевскихъ приказахъ* (*ordres du roi*), болѣе извѣстныхъ подъ названіемъ *запечатанныхъ грамотъ* (*lettres de cachet*). Въ формѣ запечатанныхъ грамотъ находили себѣ выраженіе акты единоличной воли короля по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ или группѣ лицъ. По содержанію своему эти грамоты были либо изъявленіемъ королевскаго благоволенія какому-либо лицу, либо, наоборотъ, выраженіемъ неудовольствія, и въ этомъ

послѣднемъ случаѣ грамота являлась также одновременно и извѣщеніемъ о какой-либо карѣ для лица, вызвавшаго это неудовольствіе. Кара состояла либо въ высылкѣ даннаго лица изъ Парижа или другого города „въ свои помѣстья“ (если таковыя имѣлись), либо въ лишеніи свободы путемъ заключенія въ Бастилію или въ какую-либо провинціальную крѣпость, или же, если лицо было женскаго пола, въ монастырь, обыкновенно безъ обозначенія срока, а впредь до новаго распоряженія. Хотя въ XVIII в. эти аресты производились въ большинствѣ случаевъ не по политическимъ соображеніямъ, а обыкновенно по ходатайствамъ родственниковъ (напримѣръ, родителей, просившихъ о временномъ заключеніи въ Бастилію непослушнаго сына), тѣмъ не менѣе лишеніе свободы безъ суда и слѣдствія возбуждало большое неудовольствіе въ обществѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ французы стали знакомиться съ англійскими порядками и „завидовать имъ“, по выраженію современника (см. выше, стр. 165).

Привилегіи. Подъ привилегіями разумѣются частныя, спеціальныя права, которыми обрадаетъ то или другое лицо, группа лицъ, городъ и т. д. не въ примѣръ прочимъ. Иначе привилегію можно опредѣлить, какъ изъятіе изъ общаго порядка въ чью-либо пользу. Вотъ такого рода изъятіями и спеціальными правами былъ пронизанъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ весь строй Франціи при старомъ порядкѣ. Существовали, во-первыхъ, *сословныя привилегіи*. Изъ трехъ сословій, т. е. духовеоства, дворянства и такъ наз. третьяго сословія (tiers état), два первыхъ обладали различными привилегіями, почему ихъ называли привилегированными сословіями. Дворянство пользовалось исключительнымъ правомъ занимать болѣе видныя государственныя и церковныя должности, и оба первыя сословія пользовались самыми широкими привилегіями относительно государственныхъ податей и повинностей; отъ повинностей они были освобождены совсѣмъ, а подати платили въ умень-

шенномъ размѣрѣ, да и то не всѣ. Тѣмъ болѣе тяжелымъ бременемъ ложились эти повинности и подати на третье сословіе, въ особенности на крестьянство, такъ какъ города, особенно крупные, точно такъ же пользовались различными податными привилегіями.

Были, далѣе, *привилегіи провинціальныя.* Привилегированными провинціями были Лангдокъ, Бретань, Бургонь и нѣсколько другихъ, преимущественно пограничныхъ областей, которыя продолжали сохранять свои старинные областные сеймы, иначе—*провинціальные штаты* (*états provinciaux*), и слѣдовательно пользовались извѣстнымъ самоуправленіемъ, какого были лишены большинство французскихъ областей. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти области со штатами (pays d'Etats) обладали и нѣкоторыми важными привилегіями въ отношеніи податей и повинностей.

Самая земля во Франціи (какъ, впрочемъ, и въ другихъ странахъ Запада въ тѣ времена) раздѣлялась на участки привилегированные и непривилегированные. Это сохранилось еще отъ средневѣковыхъ порядковъ, когда господствовалъ феодализмъ. При старомъ порядкѣ политическаго феодализма уже не было, не было болѣе феодаловъ въ смыслѣ средневѣковомъ, но сохранилось дѣленіе земель на „благородныя“ и „простыя“, или на *фьефы* (иначе *феоды*) и *ротюры,* или чиншевыя земли. Первыя были привилегированными: онѣ не только не платили поземельной подати, но еще и давали своимъ собственникамъ цѣлый рядъ правъ по отношенію къ собственникамъ вторыхъ. Чиншевикъ платилъ сеньеру ежегодный чиншъ деньгами или натурой, платилъ налогъ, въ случаѣ продажи своего участка другому лицу, иногда обязанъ былъ безплатно работать въ его пользу извѣстное число дней въ году; онъ долженъ былъ молоть свое зерно на мельницѣ сеньера, печь свой хлѣбъ въ его печи, выжимать свой виноградъ въ его точилѣ, оберегать господскую дичь отъ браконьеровъ, а сеньеръ имѣлъ право охотиться за ней по засѣянному полю чиншевика, когда ему вздумается, хотя бы незадолго до

жатвы. „Сеньеріальныя права“ были крайне тягостны и часто разорительны для крестьянъ, большинство которыхъ были собственниками чиншевыхъ земель.

Финансы во Франіи въ XVIII в. Финансовая система стараго порядка, соотвѣтственно съ общимъ характеромъ общественно-политическаго строя, отличалась тѣми же отрицательными свойствами: *произволомъ* и *господствомъ привилегій*. Размѣры главной подати, королевской *тальи*, опредѣлялись ежегодно правительствомъ и имъ же общая сумма подати „раскладывалась“ между отдѣльными областями и округами, послѣ чего подать, наложенная на каждый округъ, „раскладывалась“ интендантомъ, при содѣйствіи субделегатовъ, между отдѣльными городами и сельскими общинами. Наконецъ, въ каждой общинѣ подать распредѣлялась между отдѣльными плательщиками особыми лицами, частью по назначенію, частью по выбору отъ самого населенія. Такой способъ раскладки открывалъ широкій просторъ для произвола администраціи; произволъ этотъ увеличивался еще вслѣдствіе того, что раскладка производилась на глазомѣръ—на основаніи видимыхъ признаковъ зажиточности или бѣдности. Результатомъ этого произвола была крайняя неравномѣрность распредѣленія податной тяжести. Неравномѣрность эта еще болѣе увеличивалась вслѣдствіе привилегій. Третье сословіе несло и абсолютно и относительно гораздо большую податную тяжесть, чѣмъ привилегированныя сословія. Кромѣ того, въ самомъ третьемъ сословіи были привилегированные слои, которые сбрасывали съ своихъ плечъ часть податной тяжести на переобремененныя плечи остальной массы, лишенной всякихъ привилегій. Къ привилегированнымъ частямъ третьяго сословія принадлежали жители привилегированныхъ провинцій, привилегированныхъ городовъ, наконецъ—отдѣльныя лица, которыя пріобрѣтали податныя привилегіи путемъ покупки должностей (иногда фиктивныхъ, безъ всякихъ функцій), освобождавшихъ ихъ отъ тѣхъ или другихъ податей и по-

винностей, либо дававшихъ дворянское званіе, и слѣдовательно пріобщавшихъ ко всѣмъ дворянскимъ податнымъ привилегіямъ. Въ результатѣ—*главной своей тяжестью податное бремя ложилось на наименѣе зажиточную часть народа*, не прикрытую никакими привилегіями. Въ этомъ заключалось главное зло финансовой системы стараго порядка. Расходы гусударственные быстро росли, частью вслѣдствіе естественнаго развитія потребностей государства и усложненія государственнаго управленія, частью вслѣдствіе расточительности двора и правящихъ круговъ, частью вслѣдствіи войнъ; между тѣмъ увеличить въ соотвѣтствующей пропорціи государственные доходы оказывалось невозможнымъ: платежная способность непривилегированной массы была исчерпана, а привилегированные были забронированы отъ всякаго повышенія податей своими привилегіями. Въ результатѣ—невозжножность для казны свести концы съ концами; отсюда—ростъ дефицита и государственной задолженности, и въ концѣ концовъ—тотъ *финансовый кризисъ*, который при Людовикѣ XVI сдѣлалъ необходимымъ обращеніе къ народу и созывъ генеральныхъ штатовъ послѣ 175-лѣтняго перерыва (1614—1789).

Съ другой стороны, господство привилегій, со всѣми ихъ отрицательными послѣдствіями, объясняетъ намъ ту популярность, какую пріобрѣла въ XVIII в. идея равенства: она подсказывалась самой дѣйствительностью, съ ея бьющими въ глаза неравенствами, для всѣхъ видимыми и для многихъ ощутимыми. Руссо явился не столько провозвѣстникомъ идеи равенства, сколько выразителемъ назрѣвшаго въ самомъ обществѣ тяготѣнія къ равенству. Подобнымъ же образомъ, господство абсолютизма и произвола въ политическомъ строѣ стараго порядка объясняетъ ту популярность, которую получила во французскомъ обществѣ XVIII в. идея политической свободы и англійская конституція, какъ идеальный образецъ политическаго строя.

Правительство и общество. Борьба съ парламентами. *Въ обществѣ усиливалось оппозиціонное настроеніе, и это происходило не только подъ вліяніемъ проникнутой оппозиціоннымъ духомъ литературы, но также и вслѣдствіе того, что потребность въ реформахъ, становившаяся все болѣе очевидной и настоятельной, не находила себѣ удовлетворенія со стороны правительства.* Правда, съ середины XVIII в. со стороны правительства неоднократно предпринимались попытки реформъ, но ни одна изъ этихъ попытокъ не была доведена до конца. Предпринятыя реформы каждый разъ затрагивали интересы привилегированныхъ сословій, а у правительства не хватало рѣшимости сломить сопротивленіе послѣднихъ: оно уступало, и все оставалось по-старому.

Наиболѣе настоятельною была *финансовая реформа:* надо было такъ или иначе вывести финансы изъ состоянія хроническаго дефицита, угрожавшаго государству банкротствомъ и дезорганизаціей всего государственнаго хозяйства и управленія. Такъ какъ финансовый кризисъ вызывался невозможностью увеличить доходы отъ податей и налоговъ вслѣдствіе переобремененности непривилегированной массы населенія, въ то время какъ наиболѣе платежеспособные слои его ускользали отъ обложенія въ силу своихъ привилегій, то необходимость уничтоженія послѣднихъ или ихъ ограниченія подсказывалась самимъ положеніемъ вещей. Въ этомъ направленіи и была сдѣлана въ серединѣ XVIII в. попытка генералъ-контролеромъ **Машò**. Не отмѣняя существующихъ податей, Машо ввелъ новую подать, подоходный налогъ со всѣхъ недвижимостей, принадлежащихъ какъ непривилегированнымъ, такъ и привилегированнымъ. Реформа эта вызвала цѣлую бурю противъ смѣлаго министра, который, не встрѣтивъ себѣ поддержки со стороны короля **Людовика XV (1715—1774)**, вынужденъ былъ выйти въ отставку.

Привилегированныя сословія находили себѣ сильную поддержку въ парламентахъ, которые относились враждебно ко всякимъ реформамъ, въ особенности же къ такимъ,

которыя затрагивали сословныя и другія привилегіи. Какъ замкнутыя корпораціи, парламенты были проникнуты консервативнымъ духомъ, который, впрочемъ, соотвѣтствовалъ и ихъ основной задачѣ—охранять существующіе законы, и прежде всего тѣ, которые считались основными государственными законами. Къ числу этихъ основныхъ законовъ парламенты относили и тѣ старинныя законоположенія и грамоты, которыми были обезпечены всякаго рода привилегіи. Кромѣ того, защищая привилегіи, парламенты защищали свое собственное дѣло, такъ какъ по своему составу они принадлежали къ дворянству. Хотя первоначально члены парламентовъ состояли преимущественно изъ лицъ третьяго сословія, но вслѣдствіе того, что званіе члена парламента давало право на потомственное дворянство, а должности парламентскія передавались по наслѣдству, въ XVIII в. личный составъ парламентовъ состоялъ уже поголовно изъ дворянъ: парламенты даже не допускали болѣе въ свою среду не-дворянъ.

Когда послѣ неудачной для Франціи семилѣтней войны (1756—1763) финансовый кризисъ обострился, правительство снова сдѣлало попытку привлечь духовенство и дворянство къ болѣе активному участію въ несеніи податного бремени, но встрѣтило на этотъ разъ еще болѣе рѣшительное сопротивленіе со стороны привилегированныхъ и поддерживавшихъ ихъ парламентовъ. Парламенты опирались при этомъ на общественное мнѣніе, въ которомъ оппозиціонное настроеніе усилилось послѣ неудачной и непопулярной войны; а такъ какъ привлеченіе привилегированныхъ сословій къ несенію податей сопровождалось общимъ повышеніемъ государственныхъ податей, то выступленіе парламента противъ такого повышенія вызвало сочувствіе къ нимъ со стороны общества, тѣмъ болѣе, что парламенты при этомъ имѣли возможность выступать въ роли борцовъ противъ правительственнаго „деспотизма“ и защитниковъ политической свободы, столь популярной въ это время во французскомъ обществѣ.

Подъ конецъ своего царствованія Людовикъ XV сдѣлалъ попытку однимъ ударомъ отдѣлаться отъ парламентовъ. По предложенію канцлера **Мопу**, въ 1771 г. парламенты были уничтожены королевскимъ эдиктомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ была уничтожена продажность и наслѣдственность парламентскихъ и другихъ судейскихъ должностей: судьи отнынѣ должны были назначаться правительствомъ. Полномочія парижскаго парламента были переданы такъ называемому *Большому Совѣту*, а вмѣсто провинціальныхъ парламентовъ учреждены были такъ называемые *Высшіе Совѣты*, члены которыхъ назначались правительствомъ.

Людовикъ XVI и попытки реформъ. Съ уничтоженіемъ парламентовъ была устранена главная помѣха реформамъ; но правительство Людовика XV не использовало создавшагося положенія для проведенія реформъ, а вступившій на престолъ по смерти Людовика XV его внукъ **Людовикъ XVI (1774—1792)** поспѣшилъ отмѣнить реформу Мопу. Такъ какъ послѣдняя была крайне непопулярна въ обществѣ, которое смотрѣло на „революцію Мопу“, какъ на „торжество деспотизма“, то новый король, желавшій начать свое царствованіе мѣрой популярной, немедленно возстановилъ парламенты. Исполненный лучшихъ намѣреній, Людовикъ XVI окружилъ себя министрами, склонными къ реформамъ, но когда было приступлено къ ихъ проведенію, то только что возстановленные парламенты возобновили свою исконную оппозицію противъ новшествъ и стали на защиту затронутыхъ послѣдними привилегій. Самымъ выдающимся изъ министровъ-реформаторовъ этого царствованія былъ извѣстный физіократъ **Тюрго (1727—1781)**, ставшій въ 1774 г. во главѣ генеральнаго контроля. Задуманныя имъ реформы въ духѣ физіократовъ возбудили противъ него большое неудовольствіе привилегированныхъ. Такъ какъ физіократы смотрѣли на землю, какъ на главный (а нѣкоторые даже какъ на единственный) источникъ богатства, и потому настаивали на замѣнѣ всѣхъ существующихъ налоговъ од-

нимъ-единственнымъ *налогомъ поземельнымъ,* то привилегированные, которые въ большинствѣ были землевладѣльцами, опасались, чтобы Тюрго не осуществилъ этой опасной для нихъ реформы. Кромѣ того, они опасались за неприкосновенность своихъ *сеньеріальныхъ правъ,* въ которыхъ физіократы видѣли серьезное препятствіе для развитія земледѣлія. Противъ министра-реформатора ополчились привилегированные, а парижскій парламентъ съ большей горячностью, чѣмъ когда-либо, выступилъ на ихъ защиту. Дѣло въ томъ, что, кромѣ податной реформы, Тюрго задумалъ еще реформу всего внутренняго управленія на началахъ безсословнаго представительства, основаннаго на землевладѣльческомъ цензѣ. Всѣ полноправные граждане, обладавшіе извѣстной земельной или недвижимой собственностью, не менѣе извѣстнаго количества, должны были выбирать изъ своей среды мѣстный *городской* или *сельскій муниципалитетъ;* представители отъ этихъ первичныхъ муниципалитетовъ должны были составить *муниципалитетъ окружной;* представители окружныхъ муниципалитетовъ—*муниципалитетъ областной,* наконецъ, представители муниципалитетовъ областныхъ—центральный или *королевскій муниципалитетъ.* Если принять во вниманіе, что главныя функціи проектированныхъ Тюрго *безсословныхъ* муниципалитетовъ должны были заключаться въ раскладкѣ податей и въ веденіи мѣстнаго и государственнаго хозяйства, то легко понять, насколько осуществленіе подобной реформы угрожало привилегированному положенію двухъ первыхъ сословій. И вполнѣ естественно, что они, съ парламентомъ во главѣ, дружно ополчились противъ министра-реформатора. Людовикъ XVI очень цѣнилъ и даже любилъ Тюрго, но у слабохарактернаго короля не хватило рѣшимости отстоять своего министра противъ натиска вліятельныхъ круговъ, и Тюрго долженъ былъ выйти въ отставку (1776). Вмѣстѣ съ его уходомъ рушились и всѣ его реформаторскіе планы; были даже отмѣнены или ослаблены тѣ изъ реформъ, которыя ему удалось провести (цехи, дорожная повинность). Около трехъ

лѣтъ спустя, однимъ изъ преемниковъ Тюрго, **Неккеромъ** (**1732 — 1804**), была сдѣлана болѣе осторожная попытка ввести нѣкоторыя реформы въ финансовый строй и въ администрацію. Путемъ введенія большей экономіи въ государственные расходы и при помощи нѣсколькихъ удачныхъ займовъ, Неккеру удалось нѣсколько ослабить финансовый кризисъ. Кромѣ того, ему удалось осуществить, въ урѣзанномъ видѣ, задуманную, но не осуществленную Тюрго реформу областного управленія. Болѣе осторожный Неккеръ удовольствовался тѣмъ, что самоуправленіе, ограниченное чисто хозяйственными дѣлами, было введено въ двухъ областяхъ, подъ названіемъ *провинціальныхъ собраній*, состоявшихъ изъ представителей мѣстныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ трехъ сословій. Не смотря на крайнюю осторожность, Неккеръ также успѣлъ вызвать противъ себя неудовольствіе вліятельныхъ круговъ, которые, воспользовавшись тѣмъ, что онъ, вопреки установившейся практикѣ, напечаталъ во всеобщее свѣдѣніе отчетъ о состояніи французскихъ финансовъ, возстановили противъ него короля и добились его удаленія (1781).

Послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно прекращаются всякія попытки реформъ. Но вслѣдствіе вмѣшательства Франціи въ англо-американскую войну (1778—1783), финасовый кризисъ снова обострился. Ставшій въ 1783 г. во главѣ генеральнаго контроля **Калоннъ** (**1734—1802**) (какъ и Тюрго, изъ бывшихъ провинціальныхъ интендантовъ) пытался бороться съ дефицитомъ при помощи займовъ; но съ каждымъ годомъ кредиторы становились неподатливѣе и требовательнѣе, а парламенты пользовались всякимъ новымъ займомъ для критики правительства и для возбужденія противъ него общественнаго мнѣнія. Калоннъ вскорѣ убѣдился въ невозможности выйти изъ создавшагося положенія безъ крупныхъ реформъ финансовыхъ и административныхъ и сумѣлъ убѣдить въ этомъ короля. Слѣдуя по стопамъ Тюрго, Калоннъ предложилъ ввести рекомендованный физіократами *всеобщій поземельный налогъ*, одина-

ковый для всѣхъ землевладѣльцевъ безъ различія сословій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ *преобразовать областное управленіе*, введя *провинціальныя собранія* во всѣхъ областяхъ, гдѣ не было провинціальныхъ штатовъ, а также реформировать управленіе городское и сельское на одинаковыхъ для всѣхъ началахъ представительства отъ обладателей недвижимостей безъ различія сословій. Для того чтобы имѣть опору противъ ожидаемой оппозиціи со стороны парламентовъ, Калоннъ предложилъ Людовику XVI созвать *собраніе нотаблей*, т. е. именитыхъ гражданъ, какъ это дѣлали встарь короли, не желавшіе созывать генеральныхъ штатовъ (напримѣръ, Генрихъ IV въ 1598 г.). Въ февралѣ 1787 г. нотабли собрались въ Версалѣ; но такъ какъ большинство ихъ принадлежало къ привилегированнымъ, то они отнеслись къ проектированнымъ Калонномъ реформамъ отрицательно. Съ нѣкоторыми поправками они согласились, правда, на введеніе провинціальныхъ собраній и на нѣкоторыя второстепенныя реформы, но рѣшительно отвергли имѣвшій наиболѣе существенное значеніе для финансовъ — проектированный Калонномъ всесословный поземельный налогъ.

Для покрытія дефицита снова пришлось прибѣгнуть къ займу. Такъ какъ парижскій парламентъ отказался отъ регистраціи эдикта о займѣ, то король самолично явился въ парламентъ и въ торжественномъ засѣданіи (*lit de justice*, см. выше, стр. 184) настоялъ на регистраціи эдикта. Парламентъ заявилъ протестъ и потребовалъ созыва генеральныхъ штатовъ. *Требованіе генеральныхъ штатовъ было въ высшей степени популярно въ обществѣ, которое, извѣрившись въ способности правительства провести необходимыя реформы, стало возлагать всѣ свои надежды на генеральные штаты, и созывъ ихъ сдѣлался теперь общимъ лозунгомъ.* Однако Людовикъ XVI, при всей своей слабохарактерности, былъ очень ревнивъ къ унаслѣдованнымъ отъ предковъ королевскимъ прерогативамъ, и не желалъ созывать сословнаго сейма. Было рѣшено сломить сопротивленіе парламента новой рѣшительной мѣрой въ духѣ канцлера

Мопу. Въ маѣ 1788 г. былъ изданъ эдиктъ, которымъ учреждалась особая палата для регистраціи законовъ; за парижскимъ парламентомъ оставлялись лишь судебныя полномочія, а провинціальные парламенты упразднялись, и на ихъ мѣсто учреждались новые трибуналы, такъ называемые *великія бальяти,* съ чисто судебными полномочіями. Но на сторону парламентовъ рѣшительно стало общество. Попытка упразднить парламенты привела въ нѣкоторыхъ провинціяхъ къ бурнымъ протестамъ, мѣстами принявшимъ характеръ настоящаго мятежа, потребовавшаго вмѣшательства вооруженной силы. Правительство отказалось отъ осуществленія задуманной мѣры. Вторично былъ призванъ къ власти Неккеръ. По его настоянію, Людовикъ XVI въ концѣ 1788 г. объявилъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ, которые должны были собраться весной слѣдующаго года.

Революція и контръ-революція. *Созывъ генеральныхъ штатовъ означалъ отказъ французской монархіи отъ абсолютизма, на путь котораго она вступила съ прекращеніемъ сословнаго представительства (послѣ 1614 г.). Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, открывалъ путь къ мирному осуществленію назрѣвшихъ реформъ, тѣмъ болѣе, что депутаты, собравшіеся въ маѣ 1789 г. въ Версалѣ, хотя и проникнутые въ большинствѣ своемъ свободолюбивыми идеями времени, были, однако, далеки отъ мысли о какомъ-либо враждебномъ монархіи переворотѣ.* Однако обстоятельства сложились такъ, что уже на первыхъ порахъ собраніе вступило въ рѣзкій конфликтъ съ правительствомъ и съ самимъ королемъ и мало-по-малу, оставивъ легальный путь сотрудничества съ королевской властью, вступило на революціонный путь борьбы съ нею. Конфликтъ возникъ изъ-за вопроса о порядкѣ засѣданій и о способѣ голосованія въ собраніи. Созывая генеральные штаты, правительство во всемъ придерживалось того порядка, какой существовалъ ранѣе и въ частности во время послѣдняго созыва штатовъ въ 1614 г. Тогда депутаты каждаго изъ трехъ сословій составляли

отдѣльную палату. Всякій вопросъ обсуждался и рѣшался первоначально отдѣльно въ каждой изъ трехъ палатъ, и постановленіе штатовъ получалось либо единогласнымъ рѣшеніемъ всѣхъ палатъ, либо перевѣсомъ двухъ противъ одной. Такъ какъ, при такомъ порядкѣ голосованія, третье сословіе, заинтересованное въ отмѣнѣ сословныхъ привилегій, заранѣе было обречено на меньшинство одного голоса противъ двухъ голосовъ духовенства и дворянства, то еще передъ созывомъ генеральныхъ штатовъ представители городовъ и корпорацій хлопотали о томъ, чтобы число депутатовъ третьяго сословія было не менѣе соединеннаго числа депутатовъ духовенства и дворянства, и чтобы всѣ вопросы рѣшались штатами поголовнымъ голосованіемъ, въ общихъ засѣданіяхъ. При такомъ порядкѣ третье сословіе могло разсчитывать на поддержку части депутатовъ привилегированныхъ сословій, среди которыхъ также были люди, сознававшіе ненормальность привилегій, и въ такомъ случаѣ за третьимъ сословіемъ обезпечивался перевѣсъ голосовъ. Относительно числа депутатовъ желаніе третьяго сословія было удовлетворено правительствомъ, но относительно способа голосованія ничего не было сказано въ опубликованномъ передъ созывомъ штатовъ избирательномъ законѣ. Собравшимся въ Версалѣ депутатамъ пришлось самимъ рѣшать этотъ вопросъ. При этомъ привилегированныя сословія настаивали на сохраненіи традиціоннаго порядка — посословнаго голосованія, а третье сословіе требовало голосованія поголовнаго, указывая на то, что иначе не имѣло бы никакого смысла удвоеніе числа его депутатовъ. Въ этомъ спорѣ третье сословіе нашло себѣ подержку со стороны представителей сельскаго духовенства, такъ какъ оно вовсе не было заинтересовано въ сохраненіи привилегій, которыми въ сущности пользовалось лишь высшее духовенство; на сторону третьяго сословія стали также нѣкоторые изъ дворянъ и „просвѣщенныхъ“ аббатовъ. По предложенію одного изъ послѣднихъ, аббата Сіеса (1748—1836), собраніе, большинствомъ голосовъ, не смотря на отсутствіе большинства

депутатовъ духовенства и дворянства, объявило себя *національнымъ собраніемъ* и постановило засѣдать совмѣстно и голосовать поголовно. Когда послѣ этого, подъ вліяніемъ привилегированныхъ, Людовикъ XVI явился лично въ собраніе и приказалъ раздѣлиться депутатамъ на три палаты по сословіямъ, то собраніе отказалось повиноваться. *Съ этого момента національное собраніе вступило рѣшительнымъ образомъ на революціонный путь, и это вступленіе свое подчеркнуло тѣмъ, что нѣсколько дней спустя приняло новый титулъ—учредительнаго собранія.* Людовикъ XVI молча призналъ совершившійся фактъ и затѣмъ довольствовался тѣмъ, что санкціонировалъ всѣ дальнѣйшія постановленія или *декреты* учредительнаго собранія. Значеніе послѣдняго еще усилилось, когда въ началѣ октября 1789 г. оно перенесло свои засѣданія въ Парижъ, куда не вполнѣ добровольно принужденъ былъ переѣхать и король съ своимъ семействомъ.

За два съ лишкомъ года своей дѣятельности, *учредительное собраніе произвело полную перестройку страны въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ.* Еще въ первые мѣсяцы оно *отмѣнило всѣ привилегіи*—сословныя, корпоративныя, провинціальныя—и *уничтожило сеньеріальный режимъ,* что было равносильно освобожденію крестьянской земельной собственности отъ множества тяготѣвшихъ надъ ней повинностей въ пользу сеньеровъ (ночь на 4 августа 1789 г.). Затѣмъ собраніе вотировало такъ наз. *декларацію правъ человѣка и гражданина* (27 августа 1789 г.), въ которой были провозглашены начала народнаго верховенства, политической свободы, раздѣленія властей и всеобщаго равенства, въ духѣ писателей эпохи „просвѣщенія". Въ силу выработанной собраніемъ конституціи 1791 г., Франція превращалась въ *конституціонную монархію* съ наслѣдственной королевской властью, ограниченной законодательнымъ собраніемъ. Роль короля въ законодательствѣ сводилась къ праву *veto*, но не безусловному: если не утвержденный королемъ законъ будетъ принятъ двумя слѣдующими законо-

дательными собраніями, то оно вступаетъ въ силу безъ королевской санкціи.

Съ принятіемъ конституціи 1791 г. королемъ революція казалась законченной. Новый порядокъ, дѣйствительно, легко бы могъ наладиться, тѣмъ болѣе, что Людовикъ XVI искренно примирился съ ограниченіемъ своей власти. *Помѣшало этому и вызвало дальнѣйшее развитіе революціи главнымъ образомъ принятое учредительнымъ собраніемъ въ 1790 г. положеніе о гражданскомъ устройствѣ духовенства.* Такъ какъ новое устройство нарушало исторически и канонически сложившійся строй французской церкви, то духовенство отказалось его признать, а набожный Людовикъ XVI не считалъ возможнымъ идти противъ церкви. У него возникла тогда мысль о *контръ-революціи*, осуществить которую онъ разсчитывалъ съ помощью вѣнскаго двора, съ которымъ связанъ былъ узами родства (супруга Людовика XVI, Марія Антуанетта, была сестра императора Леопольда II). Отсюда — неудачная попытка Людовика XVI къ бѣгству за-границу (1791), нанесшая сильный нравственный ударъ монархіи, на которую теперь легло подозрѣніе въ контръ-революціонныхъ замыслахъ и въ тайныхъ сношеніяхъ съ австрійскимъ дворомъ. *Въ обществѣ появилось теченіе враждебное монархіи.* Оно вылилось сначала въ формѣ требованія дальнѣйшаго ограниченія королевской власти и совершенной отмѣны права *veto*, а затѣмъ — въ попыткахъ свергнуть монархію. Попытки эти привели къ *перевороту 10 августа 1792 г.*, когда вооруженная толпа напала на королевскій дворецъ, и король, вынужденный спасаться отъ разъяренной толпы, искалъ убѣжища въ законодательномъ собраніи; подъ давленіемъ той же толпы собраніе вотировало временную отмѣну королевской власти. Собравшійся вскорѣ *національный конвентъ* довершилъ переворотъ тѣмъ, что въ первомъ же засѣданіи своемъ провозгласилъ республику (21 сентября 1792 г.), а затѣмъ предалъ Людовика XVI своему собственному суду и приговорилъ его къ смертной казни за „покушеніе на свободу націи и безопасность государства“ (20 января 1793).

Крайности революціоннаго правительства, очутившагося въ рукахъ якобинцевъ, вмѣсто того, чтобы сломить контръ-революціонное движеніе, способствовали лишь его обостренію. Въ 1793 г. оно вылилось въ цѣлый рядъ возстаній — въ Ліонѣ, въ Бордо, въ Тулонѣ, въ Вандеѣ. Всѣ эти возстанія отличались анти-якобинскимъ характеромъ, нѣкоторыя же и анти-республиканскимъ, въ особенности вандейское, съ которымъ республиканскому правительству не удавалось справиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Первый сильный ударъ республикѣ былъ нанесенъ *переворотомъ 9 термидора* (27 іюля 1794 г.), свергнувшимъ якобинскій „тріумвиратъ“ Робеспьера, Кутона и Сенъ-Жюста. Къ концу сессіи конвента въ 1795 г., три года спустя послѣ объявленія республики, дѣло дошло до того, что 30-тысячная толпа, съ возгласами въ честь монархіи, напала на дворецъ, гдѣ засѣдалъ конвентъ, и послѣдній былъ спасенъ лишь подоспѣвшими войсками подъ командой молодого офицера Бонапарта. Конвентъ настолько серьезно опасался за цѣлость республики, что расходясь принялъ постановленіе, чтобы двѣ трети членовъ конвента вошли обязательно въ составъ новыхъ палатъ, такъ что для новыхъ выборовъ была предоставлена всего лишь одна треть депутатскихъ мѣстъ.

Время директоріи (1796—1799) отмѣчаетъ дальнѣйшій ростъ контръ-революціоннаго движенія, которое все болѣе и болѣе принимаетъ анти-республиканскій характеръ. Среди вновь избранныхъ членовъ новыхъ палатъ оказалось довольно много монархистовъ или *роялистовъ*. Директорія пыталась остановить ростъ анти-республиканскаго движенія суровыми репрессіями, напомнившими времена якобинскаго террора, но эти мѣры лишь обострили движеніе, мѣстами вылившееся въ новыя возстанія, какъ въ 1793 г. На югѣ повстанческія четы образовали цѣлую армію отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ, съ однимъ бывшимъ республиканскимъ генераломъ во главѣ. Для подавленія возстанія пришлось послать настоящую военную экспедицію. Происходило это

въ 1799 г. Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ томъ же году, молодой генералъ **Наполеонъ Бонапартъ** возвратился изъ своего побѣдоноснаго похода въ Египетъ, онъ нашелъ во Франціи почву вполнѣ подготовленною для того переворота, который онъ совершилъ въ ноябрѣ 1799 г. *(переворотъ 18 брюмера).*

Соціально-экономическіе результаты революціи. *Революція не только перестроила Францію въ политическомъ отношеніи, но произвела глубокій переворотъ и въ области соціально-экономическихъ отношеній.* Прежде всего, съ отмѣной привилегій рушился традиціонный, вѣками созданный сословный строй; на мѣсто его явилось *безсословное гражданство* на началахъ полнаго равноправія. За-то, съ исчезновеніемъ правовыхъ различій между сословіями, рѣзче обозначились классовыя различія, основанныя на экономическомъ неравенствѣ. Прежде и захудалый дворянинъ, собственными руками обрабатывавшій, наравнѣ съ крестьянами, свой клочекъ земли, всетаки свысока смотрѣлъ на болѣе зажиточнаго мѣщанина, надъ которымъ возвышался своими привилегіями; теперь, съ изчезновеніемъ привилегій, захудалое дворянство затерялось въ массѣ крестьянства и мелкаго мѣщанства, а дворянскіе верхи слились съ богатой буржуазіей.

Въ общемъ, отъ революціи оба привилегированныхъ сословія потеряли, а выиграли мѣщанство и крестьянство. Выиграли они не только въ правовомъ отношеніи, но также и въ имущественномъ. Крестьянство выиграло, во-первыхъ, отъ уничтоженія сеньеріальныхъ повинностей, которыя были для него крайне стѣснительны, зачастую разорительны и во всякомъ случаѣ сильно обезцѣнивали тѣ земли, на которыхъ такія повинности лежали, а большинство крестьянскихъ земель были именно такими (чиншевыя земли). Съ отмѣной сеньеріальныхъ повинностей, цѣнность и доходность крестьянской земли значительно повысились. Вмѣстѣ съ прежними сбереженіями, этотъ повышенный доходъ далъ

крестьянамъ возможность принять участіе, на ряду съ зажиточными горожанами, въ покупкѣ тѣхъ многочисленныхъ земель, которыя въ годы революціи распродавались за безцѣнокъ казной, нуждавшейся въ деньгахъ для веденія войны съ европейской коалиціей. Эти земли, называвшіяся *національными имуществами (biens nationaux)*, состояли, во-первыхъ, изъ земель, принадлежавшихъ прежде духовенству, т.-е. монастырямъ, епископствамъ, церквамъ, и отобранныхъ въ силу принятаго учредительнымъ собраніемъ положенія о гражданскомъ устройствѣ духовенства (см. выше, стр. 200), и во-вторыхъ, изъ конфискованныхъ имѣній дворянъ-эмигрантовъ, которые бѣжали изъ Франціи во время революціи. Всѣ эти земли въ теченіе немногихъ лѣтъ, при спѣшной распродажѣ, перешли за безцѣнокъ въ руки буржуазіи и крестьянства. Произошло, такимъ образомъ, огромное перемѣщеніе капиталовъ изъ рукъ привилегированныхъ сословій въ руки этихъ двухъ классовъ французскаго народа. О размѣрахъ этого перемѣщенія можно судить по тому, что по современной оффиціальной оцѣнкѣ стоимость отобранныхъ въ казну имуществъ въ первые два года революціи опредѣлялась въ пятнадцать милліардовъ франковъ (приблизительно столько же рублей на наши деньги, принимая во вниманіе различіе въ покупательной силѣ денегъ въ ту пору и теперь).

Изъ этого видно, что крестьянство и буржуазія, т.-е. два самые многочисленные класса французскаго народа, были заинтересованы въ успѣхѣ революціи, отъ которой они такъ много выиграли. Этимъ объясняется также и неуспѣхъ контръ-революціи, не смотря на несочувствіе большинства населенія республикѣ и не смотря также на ту могущественную поддержку, которую контръ-революція получила извнѣ, со стороны соединившихся противъ революціонной Франціи европейскихъ державъ съ Англіей и Австріей во главѣ.

Борьба революціонной Франціи съ коалиціей. Революція и Наполеонъ. Иностранное вмѣшательство лишь усилило революціонное движеніе внутри Франціи и укрѣпило положеніе революціоннаго правительства, давши ему возможность выступить въ роли защитника интересовъ французскаго народа внутри и защитника неприкосновенности и чести родины во-внѣ. *Борьба съ европейской коалиціей вызвала тѣмъ большій патріотическій подъемъ во Франціи, что приходилось бороться противъ тѣхъ державъ, на которыя французы привыкли смотрѣть, какъ на исконныхъ враговъ своей родины:* противъ Англіи, съ которой у Франціи были старые счеты еще со времени столѣтней войны, и которая еще недавно лишила Францію ея лучшихъ колоній,—и противъ Австріи, съ которой не прекращались кровавые счеты со времени Ришелье. Вотъ почему вторженіе союзней австро-прусской арміи въ Лотарингію въ августѣ 1792 г. вызвало необыкновенный подъемъ во всей Франціи; вся мужская молодежь отозвалась съ энтузіазмомъ на призывъ конвента, объявившаго „отчество въ опасности“, и въ самое короткое время была сформирована невиданная еще по численности „революціонная армія“ (до милліона человѣкъ). Правда, армія эта, какъ сформированная наскоро, въ большинствѣ изъ людей совершенно незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ (всеобщей воинской повинности въ ту пору еще не было), скорѣе походила на ополченіе, чѣмъ на регулярную армію; но господствовавшее въ ея рядахъ одушевленіе было настолько велико, что обезпечило ей рѣшительный перевѣсъ надъ болѣе стройными войсками союзниковъ. Французы не только отразили иноземное нашествіе, но вскорѣ сами перешли въ наступленіе. Они овладѣли лѣвымъ берегомъ Рейна, Савоей, Бельгіей, а позднѣе и Голландіей. *Такимъ образомъ, оборонительная война превратилась въ завоевательную; война во имя свободы Франціи превратилась въ войну во имя распространенія ея владычества. Но эти внѣшнія завоеванія революціонной Франціи скрывали въ себѣ серьезную опасность для внутреннихъ завоева-*

ній революціи: расширяя владѣнія Франціи, они въ то же время подтачивали внутри ея основы созданнаго революціей республиканскаго строя, который вообще трудно совмѣстимъ съ завоевательной политикой, слишкомъ выдвигающей значеніе арміи и ея вождей. Если же при этомъ среди вождей выдвигается незаурядная личность, заслоняющая своими талантами и своимъ ореоломъ остальныхъ, то для республики наступаетъ критическій моментъ. *Такая опасная для французской республики личность явилась въ лицѣ Наполеона Бонапарта.* Свою карьеру **Наполеонъ Бонапартъ (1769—1821)** началъ съ вѣрной службы той самой республикѣ, которую свергъ нѣсколько лѣтъ спустя. Въ 1793 г. 25-лѣтнимъ артиллерійскимъ капитаномъ онъ впервые обнаруживаетъ свои военные таланты въ усмиреніи анти-якобинскаго возстанія въ Тулонѣ, чѣмъ обращаетъ на себя благосклонное вниманіе уполномоченныхъ конвента и, по ихъ ходатайству, получаетъ послѣ усмиренія возстанія генеральскій чинъ. Два года спустя блестящій молодой генералъ спасаетъ конвентъ отъ опасности, угрожавшей ему со стороны монархически настроенной толпы, которую онъ разсѣиваетъ нѣсколькими залпами артиллеріи, размѣщенной передъ дворцомъ, гдѣ засѣдалъ конвентъ (1795). Бонапартъ продолжаетъ затѣмъ служить республикѣ въ качествѣ главнокомадующаго французской арміей въ Италіи (1796—1797). Итальянская кампанія, покрывшая блескомъ громкихъ побѣдъ французскія знамена, рѣшительнымъ образомъ выдвинула молодого генерала изъ ряда французскихъ полководцевъ. Она создала ему необычайную популярность во французскомъ народѣ, а въ его собственной головѣ впервые заронила тѣ честолюбивыя мысли, которыя привели его къ перевороту 18 брюмера (1799).

Сверженіе директоріи и учрежденіе консульства означало фактическій конецъ республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крушеніе тѣхъ принциповъ, которые были провозглашены революціей въ политической области. Консульство еще не было монархіей, но оно не было уже и республикой: это была

переходная форма отъ послѣдней къ первой. Но когда въ 1802 г. первый консулъ былъ объявленъ *пожизненнымъ*, съ правомъ назначить себѣ *преемника*, монархія, и при томъ съ тенденціей къ наслѣдственности, сдѣлалась уже совершившимся фактомъ. Эта тенденція получила значеніе конституціонной нормы послѣ того, какъ два года спустя (1804) Бонапартъ былъ провозглашенъ *императоромъ*, подъ именемъ **Наполеона I**, а императорское достоинство объявлено наслѣдственнымъ въ его мужскомъ потомствѣ.

Учрежденіе имперіи означало конецъ революціи и вмѣстѣ ея крушеніе въ политической области. Революція стремилась къ уничтоженію абсолютизма и установленію политической свободы. *Имперія уничтожила всякую свободу и возстановила абсолютизмъ въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ это когда-либо существовало во Франціи, не исключая и эпохи Людовика XIV.* И въ этомъ много помогла Наполеону сама же революція, которая смела все, что при старомъ порядкѣ играло роль сдержекъ королевской власти. Прежнимъ королямъ приходилось считаться съ правами парламентовъ, провинціальныхъ штатовъ, съ привилегіями сословій и различныхъ корпорацій; ничего этого болѣе не было при Наполеонѣ: его власть не встрѣчала болѣе въ странѣ никакихъ правовыхъ преградъ. Кромѣ того, власть Наполеона опиралась на *чиновничью бюрократію*, болѣе многочисленную и болѣе послушную, чѣмъ при старомъ порядкѣ, и на *административную централизацію*, болѣе законченную, чѣмъ та, которая существовала до революціи. При старомъ порядкѣ чиновничество, при томъ гораздо менѣе многочисленное, состояло въ большинствѣ своемъ изъ людей, болѣе или менѣе независимыхъ, обезпеченныхъ либо личнымъ состояніемъ, либо какою-нибудь пожизненною и наслѣдственною должностью; вслѣдствіе этого чиновная субординація не отличалась строгостью, а потому и централизація была гораздо менѣе прочною, чѣмъ при Наполеонѣ, создавшемъ изъ чиновничества многочисленный классъ людей, живущихъ государственной службой и отъ нея вполнѣ

зависящихъ. *Но возстановленіе абсолютизма Наполеономъ нельзя разсматривать, какъ побѣду контръ-революціи, которая стремилась въ сущности не къ возстановленію неограниченной королевской власти, а къ возстановленію „стараго порядка“ со всѣми его сословными и другими привилегіями, со всѣмъ его соціальнымъ строемъ. Въ этой области имперія сохранила произведенныя революціей перемѣны* (уничтоженіе сословнаго строя и всякихъ привилегій); она санкціонировала также и произведенное революціей перемѣщеніе земельной собственности изъ рукъ духовенства и дворянства. Что касается отношенія къ церкви, то, хотя Наполеонъ, въ силу особаго соглашенія съ папской куріей (конкордатъ 1801 г.), и отмѣнилъ введенное учредительнымъ собраніемъ „гражданское устройство духовенства“ и возстановилъ каноническую церковную іерархію во французской церкви, но онъ не возвратилъ ей ни отобранныхъ во время революціи имуществъ, ни ея автономно-корпоративнаго строя, ни ея былого вліятельнаго и властнаго положенія въ свѣтской администраціи. Напротивъ, *онъ поставилъ французское духовенство подъ строгій контроль правительства:* онъ оставилъ за собой право замѣщать епископскія каѳедры и утверждать священниковъ.

Англія въ XVIII в. Развитіе парламентскаго строя. *Главнымъ фактомъ внутренней исторіи Англіи въ XVIII в. является окончательное упроченіе и выработка парламентскаго строя.* Установленіе основыхъ принциповъ парламентскаго строя въ Англіи относится еще къ средневѣковью; таковы право націи давать свое согласіе на установленіе и взиманіе податей, право каждаго гражданина судиться своими „перами“ (т. е. равными), наконецъ—участіе парламента въ законодательной власти короны. Права эти, правда, подвергались неоднократному нарушенію со стороны **Тюдоровъ (1485—1603)** и въ особенности **Стюартовъ (1602—1649, 1660—1688).** На этой почвѣ возникла между послѣдними и парламентомъ ожесточенная и упорная борьба, закончив-

шаяся побѣдой парламента и защищаемыхъ имъ принциповъ и изгнаніемъ династіи Стюартовъ, сначала временнымъ (послѣ революціи 1649 г.), а затѣмъ и окончательнымъ (послѣ революціи 1688 г.). Призванный на престолъ парламентомъ, **Вильгельмъ III (1689—1702)** долженъ былъ подписать такъ называемый *билль о правахъ,* который, кромѣ подтвержденія традиціонныхъ гарантій политической свободы англійскихъ гражданъ, устанавливалъ еще двѣ новыхъ. Во-первыхъ, всякій актъ королевскаго совѣта, составляющаго исполнительную власть, долженъ носить подпись отвѣчающаго за это рѣшеніе министра; въ случаѣ привлеченія министра къ суду за нарушеніе законовъ, король не въ правѣ помиловать его. Этими добавленіями министры ставились въ зависимость отъ парламента, иначе говоря—устанавливалась ихъ *отвѣтственность передъ парламентомъ.* Другая новая гарантія свободы, введенная биллемъ о правахъ, заключалась въ признаніи *несмѣняемости судей,* чѣмъ устанавливалась ихъ независимость отъ короны.

Дальнѣйшій шагъ въ развитіи англійскаго парламентаризма былъ слѣдствіемъ новой перемѣны династіи, послѣдовавшей въ 1714 г., когда, по смерти королевы **Анны (1702—1714),** преемницы Вильгельма III, на престолъ былъ призванъ курфюрстъ ганноверскій Георгъ-Людвигъ, занявшій англійскій престолъ подъ именемъ **Георга I (1714—1727).** Эта перемѣна была благопріятна для развитія парламентаризма, во-первыхъ, потому, что новая династія была призвана по настояніямъ партіи *виговъ,* опасавшихся новой реставраціи Стюартовъ, въ лицѣ сына Якова II, котораго прочили *тори* въ преемники Аннѣ. Благодаря этому у власти утвердились виги, т. е. та партія, которая стояла всегда за расширеніе правъ парламента на счетъ прерогативъ короны. Кромѣ того, Георгъ I, совершенно не знавшій англійскихъ порядковъ и даже не понимавшій англійскаго языка, предпочиталъ какъ можно менѣе вмѣшиваться въ управленіе чужой ему страной, предоставляя полный просторъ своимъ министрамъ. Сынъ и преемникъ его, **Георгъ II (1727—**

1760) также занимался болѣе дѣлами своего родного Ганновера, чѣмъ Англіи, гдѣ онъ чувствовалъ себя иностранцемъ, и при томъ стѣсненнымъ непривычными ему конституціонными рамками. Слѣдствіемъ установившагося при этихъ короляхъ порядка было образованіе въ Англій новаго учрежденія, получившаго съ тѣхъ поръ прочное существованіе и огромное значеніе: это—*кабинетъ министровъ*. Прежде король по своему усмотрѣнію приглашалъ въ свой совѣтъ отдѣльныхъ министровъ и самъ предсѣдательствовалъ. Участвовали въ совѣтѣ обыкновенно представители обѣихъ парламентскихъ партій. Георгъ I, не понимая по-англійски, предоставилъ министрамъ собираться безъ себя. Такъ образовался рядомъ съ короной кабинетъ министровъ, который отъ прежняго королевскаго совѣта отличался, во-первыхъ, большей самостоятельностью по отношенію къ коронѣ, и во-вторыхъ — однородностью своего партійнаго состава, такъ какъ оба Георга приглашали министровъ исключительно изъ партіи *виговъ*, которой они обязаны были своимъ престоломъ. А такъ какъ, въ силу билля о правахъ, министры стали въ то же время въ непосредственную зависимость отъ парламента, то-есть фактически отъ той партіи, которая въ немъ располагала большинствомъ голосовъ, то *кабинетъ, въ противоположность прежнему королевскому совѣту, бывшему органомъ короны, сдѣлался органомъ парламента или фактически—партіи большинства*. Партія большинства получила съ тѣхъ поръ значеніе *правящей партіи*, вожди которой обыкновенно и становились министрами. Поэтому правящая партія стала называться также *министерской* или *правительственной*, а партія меньшинства *оппозиціонной*. Съ переходомъ большинства къ оппозиціи, она становилась правительственной партіей, а бывшая правительственная переходила въ оппозицію. *Вмѣстѣ съ тѣмъ перевѣсъ въ парламентѣ окончательно перешелъ къ нижней палатѣ или палатѣ общинъ*. Это было слѣдствіемъ роста промышленныхъ классовъ, представительницей которыхъ была нижняя палата. Значеніе послѣдней постепенно возрастало также

вслѣдствіе роста финансовъ и развитія государственнаго хозяйства, а и то и другое входило въ вѣдѣніе главнымъ образомъ нижней палаты.

Во вторую половину царствованія Георга I и въ первую половину слѣдующаго царствованія во главѣ министерства, въ теченіе 20 лѣтъ, стоялъ **Робертъ Уольполь (1676—1745)**. Обязанный своимъ возвышеніемъ личному труду и выдающимся талантамъ, онъ, тѣмъ не менѣе, прибѣгалъ для удержанія власти, и къ одному предосудительному средству, которое, впрочемъ, не имъ было введено, а составляло одну изъ отрицательныхъ принадлежностей англійской парламентской жизни. Это средство — *подкупъ*. Уольполь подкупалъ членовъ нижней палаты предоставленіемъ доходныхъ должностей, пенсій, наконецъ—болѣе или менѣе крупными денежными подачками. Поэтому, не смотря на сильную оппозицію въ палатѣ, при голосованіи большинство оказывалось обнкновенно на сторонѣ министерства. Подкупы составляли цѣлую систему, которая охватывала не только парламентскіе верхи, гдѣ слагались взаимоотношенія между парламентомъ и правительствомъ, но также и парламентскіе низы, гдѣ депутаты или кандидаты соприкасались со своими избирателями. Случалось, напримѣръ, что кандидатъ пріобрѣталъ въ свою пользу голоса избирателей обѣщаніемъ уплатить изъ своихъ средствъ долги той общины, которую онъ собирался представлять въ парламентѣ. Бывало нерѣдко, что богатый кандидатъ прямо раздавалъ деньги избирателямъ, т. е., проще говоря, *покупалъ ихъ голоса*. Напримѣръ, знаменитый ораторъ конца XVIII в., лидеръ партіи виговъ **Фоксъ (1749—1806)** истратилъ на такую покупку 18,000 фунтовъ стерлинговъ (около 200,000 руб.). Его современникъ, тоже извѣстный парламентскій дѣятель, **Шериданъ (1751—1816)**, выплатилъ каждому избирателю опредѣленную сумму, именно по 5 фунтовъ и 5 шиллинговъ. Подкупы избирателей были до такой степени заурядным явленіемъ, что сложилась поговорка, что „каждый голосъ имѣетъ такую же опредѣленную цѣну, какъ сажень земли“.

Во всякомъ случаѣ, было принято, чтобы кандидатъ всячески ублаготворялъ своихъ избирателей: возилъ, напримѣръ, ихъ на свой счетъ въ пунктъ избирательнаго собранія, нанималъ тамъ для нихъ помѣщенія, водилъ ихъ по ресторанамъ и угощалъ. Разумѣется, что, при такомъ порядкѣ вещей, людямъ безъ средствъ было невозможно состязаться съ богатыми кандидатами, и депутатское званіе сдѣлалось фактически монополіей лишь очень богатыхъ людей.

Развитію и процвѣтанію системы подкуповъ въ парламентскихъ верхахъ способствовало отсутствіе гласности парламентскихъ засѣданій и дебатовъ; засѣданія были закрытыми и дебаты не подлежащими оглашенію, безъ согласія парламента. Въ парламентскихъ низахъ подкупу избирателей способствовало своеобразное явленіе, извѣстное подъ названіемъ *гнилыхъ мѣстечекъ*. Это были пришедшія въ упадокъ, захудалыя мѣстечки, которыя, однако, по традиціи сохраняли право посылать отъ себя по два депутата въ парламентъ; между тѣмъ число избирателей въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстечекъ не превышало нѣсколькихъ сотъ или нѣсколькихъ десятковъ; было даже одно мѣстечко, насчитывавшее всего двѣнадцать избирателей, и эти 12 имѣли право посылать въ парламентъ двухъ представителей. Вотъ въ этихъ „гнилыхъ мѣстечкахъ“ главнымъ образомъ и свила себѣ прочное гнѣздо практика подкуповъ. Были и такія „гнилыя мѣстечки“, гдѣ и подкупать-то было некого, такъ какъ самыя мѣстечки значились лишь въ старыхъ спискахъ. На мѣстѣ одного такого мѣстечка въ XVIII в. былъ просто паркъ, на мѣстѣ другого—большое озеро; однако и отъ озера и отъ парка посылалось по два депутата въ парламентъ. Кто же ихъ выбиралъ? Мѣстный *лэндлордъ*, т. е. землевладѣлецъ. Если же лэндлорду принадлежало мѣстечко, гдѣ были избиратели, то имъ приходилось „избирать“ тѣхъ, кого указывалъ землевладѣлецъ. Въ противномъ случаѣ они рисковали подвергнуться различнымъ притѣсненіямъ со стороны лэндлорда, въ особенности если онъ занималъ какой-нибудь вліятельный постъ. Были землевла-

дѣльцы, которые изъ своего (фактическаго) права назначать депутатовъ отъ принадлежащихъ имъ мѣстечекъ сдѣлали доходную статью, продавая его тѣмъ, кому оно оказывалось нужно.

Кромѣ того, что наличность „гнилыхъ мѣстечекъ" способствовала развитію подкуповъ, она *искажала самый принципъ народнаго представительства,* лежавшій на основѣ парламентскаго строя. Выходило, напримѣръ, что Лондонъ, съ его полумилліоннымъ населеніемъ, посылалъ въ парламентъ четырехъ депутатовъ, въ то время какъ 30 мѣстечекъ съ общимъ населеніемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ посылали 60 депутатовъ. Изъ 568 членовъ нижней палаты около 200 посылались семью тысячами избирателей. Фактически эти 200 депутатовъ представляли даже не эти семь тысячъ „избирателей", а частью самихъ себя (черезъ подкупъ), частью нѣсколько десятковъ лэндлордовъ, диктовавшихъ избирателямъ имена своихъ кондидатовъ. Это дало право одному современнику сказать (въ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, конечно), что „страна принадлежитъ герцогу Рутлэнду, лорду Лонсдэлю, герцогу Ньюкэстльскому и двумъ десяткамъ другихъ лэндлордовъ, владѣющихъ мѣстечками, надъ которыми они—государи и повелители".

Расширеніе колоніальныхъ владѣній Англіи въ Америкѣ и Индіи. *Въ теченіе XVIII в. Англія развилась въ первоклассную морскую и колоніальную державу.* Ростъ Англіи въ этомъ направленіи совершился главнымъ образомъ на счетъ Франціи, которая со времени Кольбера рѣшительно вступила на путь колоніальнаго расширенія и развитія своего флота, но затѣмъ, въ результатѣ двухъ неудачныхъ для себя войнъ, лишилась большей части своихъ колоній въ пользу своей соперницы, Англіи. Это была сначала *война за Испанское наслѣдство* (1701—1713), окончившаяся столь плачевно для Франціи. По *Утрехтскому миру* (1713) Франція должна была уступить Англіи Акадію (нынѣ Новая Шотландія), Ньюфаундлэндъ и Лабрадоръ. По тому

же миру за Англіей было формально признано право на занятые ею Малые Антильскіе и Багамскіе острова, а также на земли по западному побережью Африки и на о. Суматрѣ. Большое значеніе для развитія морского могущества Англіи имѣло пріобрѣтеніе ею по тому же миру о. Минорки, давшее ей возможность утвердиться въ Средиземномъ морѣ, отъ котораго одновременно Англія получила въ свои руки и ключъ—въ Гибралтарѣ.

Слѣдующій крупный шагъ въ развитіи колоніальнаго и морского могущества Англіи связанъ былъ съ *семилѣтней войной* (1757—1763). Это было время, когда во главѣ правительства Англіи стоялъ выдающійся государственный дѣятель и знаменитый парламентскій ораторъ **Уильямъ Питтъ (1759—1806).** Онъ былъ поборникомъ энергичнаго расширенія заморскихъ владѣній Англіи. Своею ближайшею цѣлью въ этомъ направленіи ставилъ вытѣсненіе Франціи изъ Америки и Индіи. Въ этихъ видахъ онъ вмѣшался въ семилѣтнюю войну, въ которой поддерживалъ субсидіями Пруссію и Ганноверъ, а съ моря старался бомбардировать французскіе порты, разрушать доки и проч. Одновременно горячая борьба велась въ самыхъ колоніяхъ. Питтъ сумѣлъ послать въ колоніи опытныхъ офицеровъ и моряковъ, которые организовали на мѣстахъ, изъ самихъ колонистовъ, значительную вооруженную силу. Колоніальныя войска были вооружены метрополіей и содержались на ея счетъ; кромѣ того, колоніальнымъ солдатамъ было обѣщано послѣ войны вознагражденіе за произведенныя ими траты. Въ результатѣ Англія оказалась въ состояніи выставить въ колоніяхъ вооруженныя силы, значительно превосходившія французскія. При помощи колоніальныхъ войскъ Англіей была завоевана французская Канада (область по рѣкѣ св. Лаврентія и къ востоку отъ нея до Атлантическаго океана). *Англичанамъ удалось также ослабить французовъ въ Индіи и положить прочное начало овладѣнію этой богатѣйшей страной Азіи.* Объединенная было (съ конца XV в.) потомками Тамерлана, мусульманскими султанами (такъ наз. Великими

Моголами), Индія въ XVIII в. находилась въ состояніи разложенія. Пользуясь этимъ, французы начали въ сороковыхъ годахъ XVIII ст. распространять свои владѣнія въ Индіи, и энергичный французскій губернаторъ **Дюплэ (1697—1763)** задумалъ даже совсѣмъ вытѣснить изъ Индіи англичанъ, какъ главныхъ и наиболѣе опасныхъ соперниковъ Франціи въ Индіи. Но начатое имъ успѣшно дѣло было испорчено неудачнымъ вмѣшательствомъ французскаго правительства; самъ Дюплэ былъ отозванъ и даже отданъ подъ судъ, благодаря проискамъ своихъ враговъ. Между тѣмъ, встревоженные успѣхами французовъ въ Индіи, англичане вступили съ ними въ рѣшительную борьбу. Преемнику Дюплэ, **Лалли Толандалю (1702—1766)**, пришлось встрѣтиться въ Индіи съ превосходными силами англичанъ; но онъ напрасно слалъ депешу за депешей во Францію о присылкѣ подкрѣпленій, а когда потерпѣлъ пораженіе отъ англичанъ, то его же обвинили въ измѣнѣ и предали смертной казни. Все это дало возможность Остъ-Индской компаніи съ полнымъ успѣхомъ закончить начавшуюся въ Индіи борьбу съ своимъ единственнымъ серьезнымъ соперникомъ въ Индіи, Франціей. Англичане овладѣли важнѣйшими пунктами на обоихъ берегахъ Индостана, Бомбеемъ и Мадрасомъ, а также Калькуттой, въ устьяхъ Ганга. Въ завоеванныхъ областяхъ компанія оставляла ихъ владѣтелямъ, раджамъ и султанамъ, ихъ власть надъ подданными, но забирала въ свои руки всѣ доходныя статьи, и въ частности брала на откупъ сборъ податей, дававшій огромные барыши. *Англійскія побѣды въ Америкѣ и Индіи, закрѣпленныя Парижскимъ миромъ (1763), отдали во владѣніе англичанъ обширныя французскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ—Канаду и Луизіану и испанскую колонію Флориду, а въ Индіи обезпечили за Англіей рѣшительный перевѣсъ надъ соперниками.* Конкурренція португальцевъ, сохранившихъ за собой свое старинное поселеніе въ Гоа, и голландцевъ, имѣвшихъ свои колоніи на Коромандельскомъ берегу, и раньше не были опасны для англичанъ; единственный опасный кон-

куррентъ, Франція, теперь фактически была вытѣснена изъ Индіи: за ней были сохранены лишь Пондишери и нѣкоторые менѣе значительные пункты, имѣвшіе чисто торговое значеніе. Въ 1784 г., по почину **Питта** (см. выше, стр. 213), стоявшаго въ ту пору во главѣ англійскаго правительства, былъ принятъ парламентомъ „индійскій билль", который поставилъ Остъ-Индскую компанію подъ болѣе непосредственный контроль правительства. *Индія изъ владѣнія военно-торговой компаніи превращалась постепенно въ государственное достояніе Англіи.* (Процессъ этотъ завершился окончательно лишь въ XIX в.).

Сѣверо-американская война (1775—1783) и отпаденіе Соединенныхъ Штатовъ нанесли сильный ударъ колоніальному владычеству Англіи въ Америкѣ. По *Версальскому миру* 1783 г., кромѣ той территоріи, которая образовала Соединенныя Штаты, она потеряла Флориду, уступленную Испаніи, и нѣкоторые изъ Антильскихъ острововъ, отошедшихъ къ Соед. Штатамъ. Эта неудача была, впрочемъ, вскорѣ уравновѣшена рѣшительными успѣхами, одержанными англичанами надъ флотами Франціи, Испаніи и Голландіи во время революціонныхъ войнъ. Въ концѣ XVIII в. Англія пріобрѣла нѣсколько новыхъ колоніальныхъ владѣній съ богатымъ будущимъ: въ Австраліи („Новый Южный Уэльсъ"), въ Африкѣ (на Гвинейскомъ берегу), въ Сѣв. Америкѣ (по западному побережью). Былъ также завоеванъ о. Цейлонъ.

Изобрѣтеніе машинъ и промышленный переворотъ въ Англіи. Паровой двигатель, изобрѣтенный французомъ **Папэномъ** (см. выше стр. 182) въ началѣ XVIII в., производилъ лишь толчки и потому нашелъ себѣ очень ограниченное примѣненіе (для выкачиванія воды изъ шахтъ). Для того, чтобы превратиться въ машину, этому двигателю не доставало способности превращать производимые имъ толчки въ кругообразное движеніе. Это было достигнуто шотландцемъ **Уаттомъ** (1736—1819), изобрѣвшимъ шатунъ и придавшимъ паровому двигателю тотъ типъ машины, ко-

торый она и сохраняетъ съ тѣхъ поръ, не смотря на множество позднѣйшихъ усовершенствованій. Поэтому Уатта обыкновенно считаютъ изобрѣтателемъ паровой машины. Изобрѣтенная въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, она первоначально примѣнялась въ томъ же горнозаводскомъ дѣлѣ, что и двигатель Папэна, и лишь лѣтъ 20 спустя (1784) ее стали примѣнять сначала въ бумагопрядильномъ, шерстопрядильномъ, въ ткацкомъ, а затѣмъ и въ другихъ производствахъ.

Примѣненіе паровой машины произвело настоящій переворотъ въ промышленности. Сначала это произошло въ Англіи; на континентѣ тотъ же результатъ сказался позднѣе, уже въ началѣ XIX в. Машина, во-первыхъ, во много разъ увеличивала производительность труда, ускоряя въ то же время производство. Правда, къ нѣкоторымъ отраслямъ промышленности (напримѣръ, къ бумажному производству) и ранѣе примѣнялся механическій двигатель, именно—водяной. Но паръ, въ качествѣ механическаго двигателя, обладалъ огромными преимуществами передъ водой; онъ не былъ связанъ съ опредѣленнымъ мѣстомъ, не зависѣлъ отъ времени года, находился въ полномъ распоряженіи человѣка и могъ быть добываемъ въ любомъ количествѣ. Паровыя машины тѣмъ быстрѣе распространялись въ Англіи, что необходимое для нихъ топливо имѣлось въ изобиліи—въ видѣ неисчерпаемыхъ залежей каменнаго угля; а улучшеніе водныхъ путей и сооруженіе судоходныхъ каналовъ давало возможность легкой и дешевой перевозки минеральнаго топлина на значительныя разстоянія (вліяніе желѣзныхъ дорогъ въ этомъ отношеніи сказалось лишь значительно позднѣе, такъ какъ онѣ появились только въ тридцатыхъ годахъ XIX в.).

Ближайшимъ слѣдствіемъ введенія машинъ было необычайное оживленіе промышленности и небывалый ростъ ея производительности. За 15-лѣтній промежутокъ 1788—1803 г. хлопчатобумажное производство въ Англіи утроилось; желѣзное производство за первые 50 лѣтъ со времени примѣненія машинъ возросло въ восемь разъ. Благодаря

тому, что Англія опередила въ этомъ отношеніи остальную Европу, англійская промышленность стала развиваться настолько ускореннымъ темпомъ, что въ концѣ XVIII в. Англія производила столько желѣзныхъ издѣлій, сколько вся остальная Европа, а хлоплато-бумажныхъ тканей больше, чѣмъ весь остальной міръ. *Англія превратилась въ самую промышленную страну тогдашняго міра.*

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря машинамъ, совершенно измѣнился самый характеръ обрабатывающей промышленности. Паровая машина, замѣняя собою сотни и тысячи паръ рукъ, въ такой степени удешевляла производство, что въ нѣкоторыхъ областяхъ послѣдняго дѣлала совершенно невозможной конкурренцію ручного труда. Какъ только машина овладѣвала извѣстной отраслью производства, ручной трудъ быстро вытѣснялся изъ послѣдней. *Вытѣсняя ручной трудъ, машина тѣмъ самымъ способствовала сосредоточенію производства въ крупныхъ предпріятіяхъ—фабрикахъ.* Фабрика стягивала къ себѣ производство, которое до ея появленія было разсѣяно по многочисленнымъ мануфактурамъ и мастерскимъ. На мѣсто мелкаго производства появляется крупное. А такъ какъ крупное производство, съ дорого стоящими фабричными постройками и машинами, требовало и крупныхъ капиталовъ, то *фабричное производство являлось вмѣстѣ съ тѣмъ и производствомъ капиталистическимъ.*

Оборотной стороной развитія фабричнаго, капиталистическаго производства, былъ *ростъ рабочаго пролетаріата.* Ряды его пополнялись, прежде всего, тѣми ремесленниками, которые не въ состояніи были выдержать конкурренціи съ фабрикой, затѣмъ—тѣми изъ крестьянъ-собственниковъ, которые, вслѣдствіе недостаточности своихъ земельныхъ участковъ, вынуждены были, для поддержанія своего существованія, заниматься разными подсобными домашними (кустарными) промыслами, которые, вслѣдствіе фабричной конкурренціи, сдѣлались убыточными.

Пролетаріатъ, то-есть классъ такихъ рабочихъ, ко-

торые, не имѣя собственной мастерской и собственныхъ инструментовъ, принуждены были работать за плату въ чужихъ мастерскихъ или мануфактурахъ и при помощи инструментовъ, принадлежащихъ предпринимателямъ,—такой пролетаріатъ существовалъ и ранѣе. Но онъ существовалъ въ видѣ сравнительно незначительныхъ и разсѣянныхъ, ничѣмъ взаимно не связанныхъ группъ городскихъ ремесленныхъ и мануфактурныхъ рабочихъ. *Съ развитіемъ же фабрикъ и усиленіемъ притока въ ряды фабричныхъ рабочихъ бывшихъ рабочихъ-собственниковъ, пролетаріатъ постепенно выростаетъ въ значительный классъ, внушительный своею численностью, сгруппированный во многолюдныя скопленія (нѣкоторые фабричные центры уже въ концѣ XVIII в. насчитывали сотни тысячъ рабочихъ), наконецъ—объединенный одинаково необезпеченнымъ положеніемъ.* Положеніе это, естественно, вызывало у рабочихъ чувство недовольства и стремленіе къ улучшенію своей доли. На этой почвѣ возникло такъ наз. *рабочее движеніе*, получившее, впрочемъ, значительное развитіе лишь въ XIX в.

IV. ОСНОВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Умственное вліяніе Франціи въ началѣ XIX в. Реставрація. Время, непосредственно слѣдующее за низложеніемъ Наполеона, носитъ названіе *реставраціи*, такъ какъ оно началось съ *возстановленія*, по крайней мѣрѣ частичнаго, того политическаго порядка, который существовалъ до революціи. Прежде всего, въ самой Франціи была возстановлена королевская власть, а также возстановлена и старая королевская династія Бурбоновъ, въ лицѣ **Людовика XVIII (1814 — 1824)** (брата Людовика XVI). Вмѣстѣ съ королевскимъ домомъ возвратились во Францію и эмигрировавшіе дворяне, духовные и другія лица, вынужденныя почему-либо покинуть родину во время революціи или имперіи. Всѣ эти люди, такъ или иначе пострадавшіе отъ революціи, естественно, были проникнуты враждебнымъ чувствомъ ко всему, что было съ нею связано, и стремились къ возстановленію прежнихъ порядковъ, разрушенныхъ революціей. Отсюда—вполнѣ опредѣленное *реакціонное настроеніе* этихъ общественныхъ круговъ. Настроеніе это, однако, охватило въ эту пору и болѣе широкіе слои французскаго общества. Дѣло въ томъ, что, кромѣ лицъ, интересы которыхъ пострадали отъ революціи, реакціоннымъ настроеніемъ прониклись и многіе изъ прежнихъ приверженцевъ революціи, успѣвшіе разочароваться въ ней. А такое разочарованіе было для многихъ неизбѣжно, въ виду чрезмѣрнаго энтузіазма, съ какимъ она была встрѣчена вначалѣ въ широкихъ кругахъ французскаго общества, а также въ виду тѣхъ чрезмѣрныхъ ожиданій и надеждъ, которыя на нее возлагались, но кото-

рыхъ дѣйствительность не оправдала. Революція была встрѣчена почти всеобщими восторгами; въ ней готовы были видѣть начало новой эры свободы и благополучія не только для Франціи, но и для всего человѣчества. Но когда начались дикія сцены кровавой расправы черни, массовыя казни, терроръ, то вполнѣ естественно наступило рѣзкое разочарованіе, и отъ революціи очень скоро отшатнулись многіе изъ тѣхъ, которые сочувствовали ея „принципамъ". Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый французскій писатель Шатобріанъ, принадлежавшій къ числу людей, привѣтствовавшихъ вначалѣ революцію. „Революція" — писалъ онъ позднѣе—„увлекла бы меня, если бы она не сопровождалась преступленіями; когда я въ первый разъ увидѣлъ, какъ несли на пикѣ отрубленную голову, я отступилъ назадъ". Такимъ образомъ, *реакція противъ революціи,* и при томъ не только среди ея враговъ, но также и среди ея принципіальныхъ друзей, началась еще задолго до реставраціи; но во время революціи реакція эта не могла, по крайней мѣрѣ во Франціи, высказываться свободно въ печати. Только послѣ переворота 18 брюмера (1799) явилась возможность болѣе или менѣе свободной критики революціи и выраженія противореволюціонныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ, *противореволюціонное направленіе во французской литературѣ началось еще до реставраціи, но въ эпоху реставраціи оно получило гораздо болѣе простора для своего выраженія,* такъ какъ политическій режимъ реставраціи былъ проникнутъ болѣе опредѣленно враждебнымъ революціи настроеніемъ, чѣмъ режимъ наполеоновскій, возникшій на почвѣ, подготовленной революціей. Кромѣ того, со времени реставраціи открылось и болѣе широкое поле для вліянія французскихъ противореволюціонныхъ идей на другія страны Европы, изъ которыхъ многія пережили каждая свою домашнюю реставрацію: были возстановлены на своихъ тронахъ Бурбоны испанскіе и итальянскіе (въ Неаполѣ), былъ возстановленъ Савойскій домъ въ Сардиніи, Браганцскій въ Португаліи, Оранскій въ Голландіи, папы въ Церковной области, а также царствую-

щія династіи въ различныхъ нѣмецкихъ княжествахъ. Благодаря этому, *французская литература, съ ея противореволюціонными настроеніями, нашла себѣ почти всюду благопріятную и вполнѣ подготовленную почву.*

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій этого противореволюціоннаго настроенія эпохи реставраціи было рѣзко отрицательное отношеніе къ тѣмъ идеямъ „просвѣщенія" XVIII в., которыя, дѣйствительно, оказали глубокое вліяніе на революцію: въ эпоху реставраціи многіе готовы были даже видѣть въ этой „философіи" XVIII в. главную виновницу революціи. *Поэтому въ идейной области реакція противъ революціи получила характеръ реакціи противъ „философіи" XVIII в.* А такъ какъ послѣдняя, какъ чисто раціоналистическая, была основана на *разумѣ* и была проникнута преклоненіемъ передъ его силой и пренебреженіемъ ко всему, что не основано на немъ, то реакція противъ этой раціоналистической философіи выразилась въ стремленіи принизить разумъ, противопоставивши ему *чувство.* Изъ этого стремленія развилось то умственное направленіе, которое извѣстно подъ названіемъ *романтизма.* Съ другой стороны, такъ какъ „философія" XVIII в., въ силу своего преклоненія передъ разумомъ, относилась пренебрежительно къ вѣрѣ и была проникнута отрицательнымъ отношеніемъ къ религіи вообще и къ христіанству въ частности, то реакція противъ этой философіи получила также форму протеста противъ „философскаго" невѣрія и сопровождалась *возрожденіемъ религіознаго чувства и религіознаго настроенія.*

Возрожденіе религіознаго чувства во Франціи. Шатобріанъ. Невѣріе, которымъ была проникнута литература „просвѣщенія", охватило въ XVIII в. лишь верхи образованнаго общества, но народныя массы продолжали хранить традиціонную религіозность. Преслѣдованія, которымъ подвергалась церковь и духовенство во Франціи во время революціи, лишь оживили и обострили религіозное чувство народа и вмѣстѣ усилили моральный престижъ духовенства

въ глазахъ народныхъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, религіозныя преслѣдованія способствовали очищенію самого духовенства: люди карьеры ушли изъ его рядовъ, остались лишь люди убѣжденія, зачастую проявлявшія высокую степень нравственнаго подъема. Новое духовенство пріобрѣло въ глазахъ образованнаго общества тотъ *моральный авторитетъ*, какимъ прежнее духовенство не пользовалось. *Эта перемѣна подготовила почву для совершенно новаго отношенія общества къ церкви и къ самой религіи.* Потрясенные событіями революціи, одни напуганные ею, другіе разочарованные въ ней, обманутые въ своихъ свѣтлыхъ надеждахъ и розовыхъ мечтахъ, люди, естественно, чувствовали потребность пересмотрѣть и перестроить свое міросозерцаніе; разочарованные въ „просвѣщенной философіи“, съ ея раціоналистическимъ безвѣріемъ, они, естественно, искали опоры въ вѣрѣ и религіи и обращали свои взоры въ сторону той самой церкви, которой „философія“ объявила въ свое время войну не на животъ, а на смерть. Вотъ почему уже въ концѣ XVIII в. многіе изъ образованныхъ французовъ, увлекавшихся въ свое время „философіей“ и выставлявшіе на показъ свое невѣріе, снова „обращаются“ къ вѣрѣ, къ христіанству, къ церкви. Число такихъ „обращеній“ быстро возрастаетъ съ начала XIX в. и принимаетъ массовый характеръ подъ вліяніемъ Шатобріана, который и самъ представлялъ собой одинъ изъ яркихъ примѣровъ подобнаго „обращенія“.

Шатобріанъ (1768—1848) принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые привѣтствовали въ свое время начало революціи, какъ новую эру свободы и счастья, и раздѣлялъ съ своими сверстниками увлеченіе „философіей“. Ужасы революціи вызвали въ немъ отвращеніе къ ней и оттолкнули его отъ „философіи“. Смерть глубоко религіозной и нѣжно любимой матери явилась тѣмъ толчкомъ, который совершилъ „обращеніе“ невѣрующаго сына. „Я заплакалъ“—писалъ потомъ Шатобріанъ—„и увѣровалъ“. Тогда же онъ задумалъ большую книгу о христіанствѣ, надъ которою онъ работалъ въ теченіе около четырехъ лѣтъ. Она вышла въ свѣтъ въ 1802 г.

подъ заглавіемъ *Духъ Христіанства или красоты христіанской религіи.* Это—вдохновенная и краснорѣчивая апологія христіанства, но не догматическая, богословская и резонирующая, а поэтическая, ораторская и эмоціональная. Основная мысль книги та, что „изъ всѣхъ существующихъ религій христіанская—самая поэтическая, самая человѣчная, самая благопріятная для свободы, для изящныхъ искусствъ и наукъ“. „Современный міръ обязанъ ей всѣмъ, отъ земледѣлія до отвлеченныхъ наукъ, отъ скромной богодѣльни до величественнаго храма, воздвигнутаго Микель-Анджело и украшеннаго Рафаэлемъ. Нѣтъ ничего божественнѣе ея нравственнаго ученія, ничего привлекательнѣе и величественнѣе ея догматовъ, ея ученія, ея богослуженія. Она благопріятствуетъ генію, очищаетъ вкусъ, будитъ благородные порывы; мысли она даетъ силу, а писателямъ и художникамъ—прекрасныя формы и совершеннѣйшія модели“. Написанная красивымъ, образнымъ языкомъ, полная красочныхъ, увлекательныхъ картинъ и яркихъ, волнующихъ образовъ, проникнутая глубокимъ лиризмомъ и живымъ религіознымъ чувствомъ, талантливая книга Шатобріана произвела тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на современное образованное общество, какъ во Франціи, такъ и во всей Европѣ, что по своимъ идейнымъ тенденціямъ она какъ нельзя болѣе гармонировала съ успѣвшимъ уже охватить широкіе общественные круги разочарованіемъ въ „просвѣщеніи“ XVIII в.

Тѣмъ же настроеніемъ проникнута и вышедшая черезъ семь лѣтъ послѣ *Духа Христіанства* большая поэма Шатобріана *Мученики* (1809), въ которой онъ далъ поэтическое изображеніе борьбы христіанства съ язычествомъ въ эпоху гоненій (III—IV в.). Въ предисловіи къ своей поэмѣ Шатобріанъ развиваетъ высказанную ранѣе, въ *Духѣ Христіанства,* мысль объ эстетическомъ значеніи христіанства. „Я нашелъ“, — говоритъ онъ — „что христіанство болѣе, чѣмъ язычество, благопріятно развитію характеровъ и игрѣ страстей въ эпопеѣ. Чудеса христіанской религіи могутъ поспорить съ чудесами миѳологіи“. Своей поэмой Шатобріанъ

имѣетъ въ виду положить начало *христіанскому эпосу*, въ противовѣсъ все еще продолжавшему господствовать въ литературѣ эпосу „классическому“, тяготѣвшему къ сюжетамъ изъ классической древности. Поэма Шатобріана, являясь продолженіемъ *Духа христіанства* въ дѣлѣ возрожденія религіозности, означала вмѣстѣ съ тѣмъ и провозглашеніе новаго литературнаго направленія, шедшаго на смѣну господствовавшему до тѣхъ поръ классицизму,—*романтизма*.

Романтизмъ. Какъ новое литературное направленіе, *романтизмъ* противополагается господствовавшему до него *классицизму;* по идейному же содержанію своему, романтизмъ представляетъ собою *реакцію противъ умонастроенія созданнаго раціоналистической философіей „просвѣщенія“*. Поэтому, если послѣдняя придавала исключительное значеніе *разуму*, то романтизмъ выдвигаетъ на первый планъ *чувство*. Въ этомъ отношеніи романтизмъ имѣлъ своего предшественника уже среди современниковъ „философіи“, именно—въ лицѣ Руссо, возстававшаго противъ односторонне-разсудочнаго направленія послѣдней, отстаивавшаго права чувства и относившагося, напротивъ, съ явнымъ пренебреженіемъ ко всему, что создано разумомъ: къ наукѣ, искусствамъ, къ культурѣ и ея прогрессу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ идеализировалъ первобытное или „естественное“ состояніе, съ его простотой отношеній, съ его близостью къ природѣ, съ его „неиспорченностью“. Все это отъ Руссо унаслѣдовали и *романтики*, съ Шатобріаномъ во главѣ. Въ противоположность „философіи“ XVIII в., вѣрившей въ прогрессъ и ставившей идеалы человѣчеству впереди, въ будущемъ, романтизмъ, вслѣдъ за Руссо, ставитъ своимъ идеаломъ *возвращеніе къ прошлому*. Отъ Руссо романтики отличались въ данномъ пунктѣ лишь тѣмъ, что они идеализировали не столько то черезчуръ далекое и неопредѣленное прошлое, къ которому Руссо относилъ „естественное состояніе“ людей, сколько прошлое болѣе опредѣленное и болѣе близкое, именно — *средневѣковье*. Къ среднимъ вѣкамъ, кото-

рыми представители „просвѣщенной философіи" считали ниже своего достоинства серьезно интересоваться, какъ временами мрака, невѣжества, „готическихъ" суевѣрій и варварства,—рамантики, вслѣдъ за Шатобріаномъ, относятся съ живѣйшимъ интересомъ и симпатіей, какъ къ „доброму старому времени", когда были крѣпки и жизненны тѣ силы, которыя разрушила революція и „философія": церковь и религіозное настроеніе, рыцарство съ его благородствомъ и феодализмъ съ его патріархальными отношеніями. Средніе вѣка привлекательны въ глазахъ Шатобріана въ особенности тою всеобъемлющею и господствующею ролью, которую играла въ тѣ времена католическая церковь. Эта преобладающая роль церкви въ ту пору представляетъ въ глазахъ Шатобріана цѣнность не только по связи своей съ господствовавшимъ въ тѣ времена религіознымъ настроеніемъ, но также еще и потому, что христіанство являлось тогда живою связью между поколѣніями и поддерживало въ жизни людей традиціи, шедшія отъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Это *уваженіе къ традиціи* является также одной изъ характерныхъ чертъ романтизма, и это какъ разъ та черта, которая отмежевываетъ романтизмъ столь же рѣзко отъ Руссо, какъ и отъ той „философіи", противъ которой полемизировалъ послѣдній. Уваженіе къ традиціи, въ связи съ интересомъ къ прошлому, въ особенности къ средневѣковой старинѣ, это была совершенно новая идейная струя, которая положила рѣзкую грань между восемнадцатымъ вѣкомъ, относившимся пренебрежительно къ традиціи и презрительно къ средневѣковью, и начинавшимся девятнадцатымъ столѣтіемъ, которое положило начало совершенно иному отношенію къ традиціямъ вообще и къ средневѣковью въ частности. На почвѣ этого идейнаго переворота началось серьезное историческое изученіе средневѣковья, что оказало вліяніе на развитіе исторической науки вообще. Первые историки французскаго средневѣковья (Тьерри, Гизо) находились подъ сильнымъ вліяніемъ Шатобріана, и ихъ труды носятъ на себѣ печать романтизма (особенно у Тьерри). Слѣдуетъ при этомъ

обратить вниманіе еще и на то, что эти историки, какъ и романтики-писатели, обращали свои взоры прежде всего на *родную старину,* на средневѣковое прошлое своей родины. Интересъ къ прошлому — поэтическій у однихъ, историческій у другихъ, — тѣсно соединяясь, такимъ образомъ, съ идеей родины, *будилъ патріотизмъ и углублялъ національное самосознаніе,* пробудившееся во французскомъ обществѣ подъ вліяніемъ борьбы противъ иноземнаго нашествія въ эпоху революціонныхъ войнъ, а у другихъ народовъ— подъ вліяніемъ борьбы противъ завоевательныхъ покушеній со стороны революціонной, а потомъ—наполеоновской Франціи. На романтизмъ поэтому можно смотрѣть отчасти, какъ на національно-историческую реакцію противъ космополитическо-раціоналистическаго направленія „философскаго вѣка".

Реакціонныя ученія. Де-Местръ и Галлеръ. Являясь идейной реакціей противъ умонастроенія, созданнаго раціоналистической философіей „просвѣщенія", романтизмъ, естественно, послужилъ благопріятной почвой для зарожденія и развитія общественно-политическихъ ученій реакціоннаго направленія, развивавшихъ идеи, противоположныя тѣмъ, которыя лежали въ основѣ общественно-политическихъ ученій XVIII в. Наиболѣе яркими представителями этого реакціоннаго теченія въ общественно-политической мысли эпохи реставраціи являются Жозефъ де-Местръ и Людвигъ Галлеръ.

Жозефъ де-Местръ (1754—1821), хотя и савойскій дворянинъ по происхожденію и членъ савойской правящей бюрократіи по своему служебному положенію, былъ, по своему воспитанію, по языку, наконецъ—по своимъ симпатіямъ, истымъ французомъ, но *французомъ стараго порядка,* и его симпатіи были направлены всецѣло именно къ старой Франціи. Къ Франціи революціонной, напротивъ, онъ питалъ ту же антипатію, что и французскіе дворяне-эмигранты, среди которыхъ онъ главнымъ образомъ и вращался сначала въ Швейцаріи, куда заставилъ его эмигрировать за-

хватъ французскими войсками его родины въ 1792 г., а потомъ въ Петроградѣ, гдѣ онъ провелъ около 15 лѣтъ (1802—1817) въ качествѣ представителя сардинскаго правительства. Въ своихъ сочиненіяхъ (*Размышленія о Франціи, Опытъ о творческихъ началахъ политическихъ конституцій и другихъ человѣческихъ учрежденій, Петербургскіе вечера или Бесѣды о правительствѣ Провидѣнія*) де-Местръ, этотъ „Вольтеръ реакціи", какъ его прозвали современники, подвергаетъ безпощадной критикѣ ученіе „философовъ" XVIII в. о народномъ верховенствѣ и зло высмѣиваетъ ихъ вѣру въ возможность быстрой перестройки человѣческихъ обществъ посредствомъ теоретически выработанныхъ конституцій. Онъ доказываетъ, что только то политическое устройство прочно, которое складывается путемъ постепеннаго историческаго развитія и находится въ гармоніи съ народнымъ сознаніемъ. „Конституція 1795 г.",—говоритъ онъ—„какъ и ея предшественницы, была создана для *человѣка*, но такого *человѣка* въ дѣйствительности не существуетъ. Въ своей жизни мнѣ приходилось видать французовъ, итальянцевъ, русскихъ; благодаря Монтескье [1]) я знаю даже, что существуютъ также персіяне; но *человѣка* я, право, никогда въ жизни не встрѣчалъ".

Излюбленнымъ въ XVIII в. идеямъ *народовластія* и *политической свободы* де-Местръ противопоставляетъ идею *власти* и *авторитета*. Политическій идеалъ де-Местра—неограниченная монархія „милостію Божіею", опирающаяся на высшій авторитетъ—церковно-религіозный. Въ противоположность „философіи" XVIII в. и французской революціи, относившимся враждебно къ церкви, де-Местръ выдвигаетъ ея значеніе, какъ высшаго авторитета, необходимаго для установленія порядка и гармоніи въ человѣческомъ общежитіи.

Младшій современникъ де-Местра, **Людвигъ Галлеръ (1768—1854)**, родомъ изъ швейцарскихъ нѣмцевъ, былъ

---

[1]) Намекъ на *Персидскія письма* (см. выше, стр. 169).

профессоромъ исторіи и государственнаго права въ бернскомъ университетѣ и занималъ вліятельное положеніе въ правящихъ кругахъ своего отечества. Но увлеченный идеями Шатобріана о роли и значеніи католической церкви, перешелъ изъ протестанства въ католичество, переселился во Францію и поступилъ на французскую службу, которую, впрочемъ, оставилъ послѣ іюльской революціи (1830 г.), положившей конецъ „реставраціи" и господствовавшему при ней, симпатичному для Галлера, реакціонному направленію. Главный трудъ свой, озаглавленный *Возстановленіе государственной науки* (1816—1826), Галлеръ посвятилъ критикѣ господствовавшихъ въ литературѣ „просвѣщенія" теорій происхожденія государства и государственной власти и изложенію своей теоріи, основанной на противоположныхъ началахъ. Онъ рѣшительно опровергаетъ ученіе о договорномъ происхожденіи государства, какъ исторически невѣрное, практически непримѣнимое и политически опасное (какъ неизбѣжно ведущее къ революціи). Галлеръ доказываетъ, что государство основывается не на договорѣ, а на *естественномъ законѣ*. А естественный законъ въ исторіи и человѣческомъ общежитіи тотъ же, что и въ природѣ: господство сильнѣйшаго. Монархъ является сильнѣйшимъ изъ сильныхъ и потому всѣ ему должны повиноваться. Для его власти нѣтъ и не можетъ быть никакихъ правовыхъ ограниченій; гарантіей же противъ злоупотребленій этой неограниченной властью должна служить *религія* и основанная на ней общественная организація, т. е. *церковь* (католическая). Церковь, являясь воплощеніемъ царства Божія на землѣ, не только не должна зависѣть отъ государства, но должна господствовать надъ нимъ и регулировать государственную власть.

Правда, Галлеръ признаетъ и независимыя отъ государственной власти, неотъемлемыя права подданныхъ, и государь долженъ уважать эти права; но это не тѣ „естественныя права", которыя выдвигала, подчеркивая ихъ „неотъемлемость", „философія" XVIII в., а *права историческія*,

т. е. исторически сложившіяся права сословій, корпорацій, фамилій и т. д.

Изъ этого видно, что въ своихъ взглядахъ на роль католической церкви, Галлеръ, какъ и де-Местръ, желали вернуться дальше, чѣмъ къ до-революціонному „старому порядку“, а именно—къ среднимъ вѣкамъ, когда господствующей формой государства была феодальная монархія, тѣсно связанная съ различными исторически сложившимися сословными и корпоративными привилегіями, а католическая церковь стремилась, и зачастую не безъ успѣха, къ подчиненію государственной власти своему авторитету.

Либеральная буржуазія во Франціи. Первая половина XIX в. была временемъ сильнаго роста буржуазіи во Франціи. Этому росту способствовала, во-первыхъ, великая революція, давшая торжество третьему сословію надъ привилегированными, то-есть главнымъ образомъ *буржуазіи* надъ *дворянствомъ*.

Послѣ революціи буржуазія въ сущности заняла то мѣсто, которое при старомъ порядкѣ занимало дворянство. Обогатившись на счетъ обоихъ привилегированныхъ сословій, завладѣвши, путемъ покупки „національныхъ имуществъ“, значительной частью ихъ прежнихъ земельныхъ богатствъ, буржуазія оказалась самымъ богатымъ и вліятельнымъ въ соціальномъ отношеніи классомъ. Благодаря своему богатству, буржуазія, не смотря на введенное революціей равноправіе, заняла привилегированное положеніе и въ политическомъ строѣ Франціи при реставраціи и позднѣе—при іюльской монархіи. Росту буржуазіи и подъему ея соціальнаго значенія способствовалъ и тотъ промышленный переворотъ, въ полосу котораго, вслѣдъ за Англіей, вступила послѣ революціи и Франція. Франція была одной изъ первыхъ странъ континента, гдѣ распространилось машинное производство. Развитію фабричной промышленности здѣсь дала сильный толчекъ введенная Наполеономъ въ 1806 г. „континентальная система“, устранившая конкурренцію со

стороны англійской промышленности. Отказавшись отъ продуктовъ послѣдней, Франція стала усиленно заводить собственныя фабрики. Дальнѣйшему росту фабричной промышленности способствовалъ наступившій послѣ паденія имперіи продолжительный миръ, а также ограждавшая французскую промышленность отъ англійской конкурренціи высокими пошлинами покровительственная политика правительства. Первая половина XIX в. есть время могучаго промышленнаго развитія Франціи: за 18 лѣтъ іюльской монархіи (1830—1848) помѣщенные въ промышленныя предпріятія капиталы возросли на 50 процентовъ. Соотвѣтственнымъ образомъ развивалась и французская торговля. Отъ этого промышленно-торговаго роста страны выигрывалъ, естественно, прежде всего торгово-промышленный классъ, т. е. буржузія.

Въ противоположность дворянству, которое сильно пострадало отъ революціи и потому было проникнуто реакціонными стремленіями, буржуазія, которая отъ революціи много выиграла, была настроена либерально. Если *реакція* характеризовалась отрицательнымъ отношеніемъ къ „философіи" XVIII в., то *либерализмъ* относился къ ней съ симпатіей. Тѣмъ не менѣе, общая реакція противъ XVIII в. въ первой половинѣ XIX в. не осталась безъ вліянія и на характеръ либерализма. Въ противоположность либерализму XVIII в., выводившему понятіе свободы изъ чисто раціоналистическихъ построеній (естественное состояніе, договоръ), либерализмъ начала слѣдующаго столѣтія ищетъ себѣ обоснованіе въ *историческихъ традиціяхъ*. Воспитанные на идеяхъ романтизма историки родной средневѣковой старины (Гизо, Тьерри), съ особенной любовью останавливаются на развитіи политической свободы и представительныхъ учрежденій въ средневѣковой Франціи (коммунальное движеніе, генеральные штаты); исторія средневѣковой Франціи разсматривается этими историками главнымъ образомъ, какъ исторія борьбы третьяго сословія за свободу противъ феодальнаго дворянства и королевскаго абсолютизма.

Другая особенность либерализма XIX в. сравнительно съ либерализмомъ революціонной эпохи состояла въ слѣдующемъ. Послѣдній отличался *демократическимъ* характеромъ: идея *свободы* соединялась всегда съ идеей *равенства* и съ идеей *народовластія*. Либерализмъ XIX в., настаивая на политической свободѣ, относится довольно равнодушно къ равенству и вполнѣ отрицательно къ народовластію. Объясняется это, съ одной стороны—исчезновеніемъ привилегій, уничтоженныхъ революціей, а съ другой—разочарованіемъ въ народовластіи, такъ какъ попытка примѣненія его во время революціи привела на практикѣ къ демагогіи и послужила опорой для новаго деспотизма. Недовѣріе къ идеѣ народовластія и къ демократіи раздѣляли поэтому въ началѣ XIX в. не только представители реакціи, но также и приверженцы либеральныхъ идей. Послѣ неудачнаго опыта съ народовластіемъ, у нихъ сложилось убѣжденіе, что пріобщеніе къ политической жизни народныхъ массъ, не умѣющихъ пользоваться свободою, легко поддающихся вліянію демагоговъ и способныхъ съ легкимъ сердцемъ пожертвовать пріобрѣтенною свободою въ пользу популярнаго полководца, является гибельнымъ для дѣла политической свободы. Отсюда—стремленіе либеральной буржуазіи отмеживаться отъ народа, устранить его отъ участія въ политической жизни и сдѣлать послѣднюю своимъ исключительнымъ достояніемъ. Изъ политической свободы буржуазія стремится сдѣлать свою монополію. Это стремленіе ей удалось осуществить вполнѣ послѣ іюльской революціи (1830 г.). Іюльская революція была собственно дѣломъ либеральной буржуазіи, которая въ реакціонно-дворянской политикѣ Людовика XVIII и въ особенности его преемника (Карла X) видѣла угрозу не только свободѣ, но и своему положенію, какъ самаго вліятельнаго класса.

Бенжамэнъ Констанъ. Наиболѣе яркимъ выразителемъ стремленій либеральной буржуазіи своего времени и наиболѣе авторитетнымъ теоретикомъ либерализма въ эту

пору является **Бенжамэнъ Констанъ (1767—1830)**, одинъ изъ выдающихся публицистовъ и политическихъ дѣятелей эпохи реставраціи. Собраніе его публицистическихъ статей, вышедшее въ свѣтъ въ 1818—1820 г.г. подъ заглавіемъ *Курса конституціонной политики,* сдѣлалось какъ бы настолько книгой либеральной буржуазіи того времени; недаромъ одинъ изъ позднѣйшихъ издателей назвалъ ее „руководствомъ политической свободы". Основная идея Констана и вмѣстѣ его общественный идеалъ—*свобода личности.* „Цѣлыя сорокъ лѣтъ"—говоритъ онъ—„я защищалъ одно и то же, а именно—свободу, свободу во всемъ: въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ, т. е. торжество личности надъ властью, желающей управлять посредствомъ насилія, и надъ массами, предъявляющими отъ имени большинства право подчиненія себѣ меньшинства". Констанъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ сдѣлавшуюся столь популярной во время революціи теорію Руссо о народовластіи (см. выше, стр. 175), т. е. о „верховенствѣ общей воли надъ всякою личною волею". „Отвлеченное признаніе верховенства народа"—говоритъ онъ—„ничего не прибавляетъ къ полнотѣ свободы отдѣльныхъ личностей, а при широкомъ толкованіи народнаго верховенства, свобода можетъ быть совершенно утрачена, не смотря на этотъ принципъ, или вѣрнѣе—именно въ силу этого принципа". „Несомнѣнно",—продолжаетъ Констанъ—„что въ обществѣ, основанномъ на верховенствѣ народа, ни одно лицо, ни одна группа не имѣетъ права подчинить остальныхъ своей частной волѣ, но, съ другой стороны, совершенно невѣрно, будто общество въ цѣломъ имѣетъ надъ своими членами верховную власть безъ всякихъ границъ. Есть такая сторона въ человѣческой жизни, которая остается безусловно личной и независимой: она не подлежитъ вѣдѣнію общества. Верховная власть существуетъ лишь въ ограниченномъ и относительномъ смыслѣ. Руссо не призналъ этой истины, и плодомъ этой ошибки былъ *Общественный договоръ*: на него часто ссылались въ защиту свободы, на

дѣлѣ же онъ сдѣлался орудіемъ всевозможнаго деспотизма".

Государственная власть, какъ бы она ни была организована, не должна быть властью неограниченной, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, не оставалось бы мѣста для личной свободы, обезпеченіе которой является, по ученію Констана, основною цѣлью государственнаго союза. Личность, по его ученію, обладаетъ извѣстными неотъемлемыми правами, на которыя не должна посягать государственная власть. Такими неотъемлемыми правами онъ считаетъ: личную неприкосновенность, свободу мысли и религіозной совѣсти, свободу слова и печати, свободу школы и воспитанія, свободу союзовъ и собраній, свободу передвиженія, труда и промышленности, наконецъ—неприкосновенность частной собственности. Право частной собственности является въ глазахъ Констана не только однимъ изъ элементовъ независимости личности, но и одной изъ основъ ея политическихъ правъ: послѣднія Констанъ предоставляетъ исключительно обладателямъ земельной или промышленной собственности, такъ какъ она даетъ, вмѣстѣ съ независимостью, средства къ образованію и необходимый досугъ, т. е. всѣ тѣ условія, которыя, по мнѣнію Констана, необходимы для участія въ политической жизни. Въ этомъ пунктѣ Констанъ давалъ лишь теоретическое обоснованіе тому порядку вещей, который въ его время существовалъ въ дѣйствительности (см. выше, стр. 230).

Какъ и у Монтескье (см. выше, стр. 170), политическій идеалъ Констана — конституціонная монархія въ духѣ англійскаго политическаго строя. Но Констанъ понимаетъ послѣдній правильнѣе. У Монтескье отдѣльныя власти (законодательная, исполнительная и судебная) находятся въ постоянной взаимной борьбѣ за преобладаніе, при чемъ король, какъ носитель исполнительной власти, также принимаетъ участіе въ этой борьбѣ. Констанъ видитъ, напротивъ, сущность взаимоотношеній между отдѣльными властями— въ ихъ совмѣстномъ сотрудничествѣ, а роль короля—въ посредничествѣ между ними. „Настоящій интересъ коро-

ля“—говоритъ Констанъ—„совсѣмъ не въ томъ, чтобы одна власть брала верхъ надъ другой, а въ томъ, чтобы всѣ онѣ другъ друга поддерживали и дѣйствовали солидарно. Законодательная власть находится въ представительныхъ собраніяхъ, исполнительная въ рукахъ министровъ, судебная въ рукахъ трибуналовъ. Король среди этихъ властей занимаетъ нейтральное и посредствующее положеніе, безъ всякаго прямого интереса—разстраивать равновѣсіе; напротивъ, онъ имѣетъ интересъ—его поддерживать“.

Февральская революція 1848 года и переворотъ 2-го декабря 1851 года. Возведенный на тронъ іюльскимъ переворотомъ 1830 г. (см. выше, стр. 231), **Луи-Филиппъ (1830—1848)** былъ настоящимъ кандидатомъ и ставленникомъ буржуазіи, и современники съ полнымъ правомъ назвали его „королемъ-буржуа“. Съ такимъ же правомъ *іюльскую монархію* можно назвать царствомъ буржуазіи. *Буржуазія пріобрѣтаетъ значеніе правящаго класса*, такъ какъ, благодаря высокому избирательному цензу, только лица зажиточныя имѣли право участія въ политической жизни страны; такихъ лицъ, то-есть активныхъ гражданъ, насчитывалось около 200 тысячъ въ началѣ іюльской монархіи и около 240 т. въ концѣ; это и было то, что называлось тогда *легальной страной (pays légal). Въ соціальномъ смыслѣ легальная страна приблизительно совпадала съ буржуазіей.* Такимъ образомъ, милліоны французовъ, не принадлежавшихъ къ буржуазіи, то-есть крестьянство, рабочій классъ, наконецъ менѣе состоятельные слои мелкой буржуазіи,—все это оказывалось за предѣлами „легальной страны“ и было исключено изъ всякаго участія въ политической жизни.

Осуществленное въ эпоху іюльской монархіи господство буржуазіи вызвало противъ себя демократическую оппозицію, которая, все болѣе и болѣе усиливаясь, въ концѣ концовъ привела къ такъ называемой февральской революціи (1848). Лозунгомъ этой оппозиціи была *избирательная реформа*, то-есть расширеніе избирательнаго права въ

цѣляхъ привлеченія къ участію въ политической жизни страны болѣе широкихъ круговъ націи. Первоначально эта демократическая оппозиція исходила изъ слоевъ мелкой буржуазіи, остававшейся внѣ „легальной страны“. Но вскорѣ оппозиціонная буржуазія нашла себѣ сильнаго союзника въ *рабочемъ движеніи*. Первыя вспышки рабочаго движенія, имѣвшія мѣсто въ началѣ іюльской монархіи, были вызваны разстройствомъ промышленности вслѣдствіе іюльской революціи и вызванныхъ ею аналогичныхъ революціонныхъ движеній за-границей. Многія фабрики принуждены были сократить, другія совершенно прекратить производство; тысячи рабочихъ остались безъ средствъ къ существованію. На этой почвѣ возникъ цѣлый рядъ рабочихъ безпорядковъ въ различныхъ промышленныхъ центрахъ, въ особенности въ Ліонѣ, гдѣ дѣло дошло до кровопролитія между рабочими и посланными для ихъ усмиренія войсками. Первоначально рабочее движеніе имѣло чисто экономическій характеръ, безъ всякой политической окраски; но вожаки оппозиціонной буржуазіи сумѣли вскорѣ направить его въ русло реформистскаго движенія. Средствомъ для вовлеченія рабочихъ массъ въ политическую борьбу послужилъ *соціализмъ*. Сущность соціализма, который возникъ въ кругахъ интеллигентной буржуазіи еще въ эпоху реставраціи, сводилась къ стремленію разрѣшить созданный машиннымъ, фабричнымъ производствомъ рабочій вопросъ путемъ соотвѣтствующей организаціи производства на основахъ: 1) права коллективной собственности рабочихъ на орудія производства, 2) устраненія частной предпріимчивости въ дѣлѣ промышленности и слѣдовательно—устраненія свободной конкурренціи. Такимъ путемъ теоретики соціализма надѣялись обезпечить рабочихъ отъ эксплоатаціи со стороны капиталистовъ, а также отъ безработицы, связанной съ промышленными кризисами. Рабочимъ указывалось на необходимость бороться за расширеніе избирательнаго права, для того чтобы провести въ парламентъ своихъ представителей въ достаточномъ количествѣ, для осущест-

вленія программы соціализма законодательнымъ путемъ. Впрочемъ, въ сороковыхъ годахъ среди проповѣдниковъ соціализма стала преобладать мысль о насильственномъ захватѣ государственной власти. Самымъ вліятельнымъ изъ теоретиковъ соціализма, стоявшихъ именно на такой революціонной точкѣ зрѣнія, былъ въ послѣднюю пору іюльской монархіи **Луи Бланъ**. Онъ высказывался за то, чтобы государство само взяло на себя организацію производства на началахъ коллективной собственности на орудія труда, а для того чтобы государственная власть взяла на себя эту задачу, рабочимъ необходимо овладѣть ею путемъ насильственнаго захвата.

Проповѣдь соціализма имѣла тѣмъ большій успѣхъ среди рабочихъ, что правящая буржуазія оставалась совершенно глуха къ ихъ нуждамъ. Когда разъ къ Луи Филиппу явилась депутація отъ рабочимъ съ жалобами на свое тяжелое положеніе, то король имъ отвѣтилъ: „Къ сожалѣнію, я могу лишь тяжело вздохнуть вмѣстѣ съ вами“. Когда рабочіе вздумали обратиться съ жалобами на безработицу въ парламентъ, то получили отвѣтъ: „не дѣло палаты заниматься пріисканіемъ работы“. Тогда какъ въ Англіи еще съ начала XIX в. стали издавать законы въ пользу рабочихъ, во Франціи вплоть до 1841 г. не было ничего сдѣлано въ этомъ отношеніи; а первый изданный въ этомъ году законъ, ограничивавшій работу подростковъ на фабрикахъ 12 часами въ сутки, сопровождался оговоркой, что „не слѣдуетъ настаивать на его строгомъ и безусловномъ примѣненіи“. Благодаря поддержкѣ рабочихъ, въ реформистскомъ движеніи получила подъ конецъ перевѣсъ республиканская партія. Реформистское движеніе, направленное первоначально противъ министерства (Гизо), получило подъ конецъ анти-монархическій характеръ и закончилось настоящимъ переворотомъ, такъ наз. февральскою революціей (1848), свергнувшей монархію и установившей вторую республику (1848). *Февральская республика* оказалась, однако, недолговѣчной, такъ какъ она была создана лишь частью буржуа-

зіи (преимущественно мелкой) при поддержкѣ рабочихъ, которые численно въ ту пору составляли лишь незначительный процентъ французскаго народа. Между тѣмъ новый режимъ вызывалъ враждебное къ себѣ отношеніе не только со стороны высшей буржуазіи, но также и со стороны крестьянъ, составлявшихъ главную массу народа. Буржуазія, въ большинствѣ своемъ и ранѣе настроенная анти-демократически, теперь была напугана бурнымъ вмѣшательствомъ рабочихъ массъ въ политическія событія и кровавыми безпорядками, возникшими въ результатѣ неудачной попытки организовать общественныя работы для безработныхъ на счетъ казны (подъ вліяніемъ идей соціализма). Крестьяне также были настроены враждебно къ дѣятелямъ переворота, такъ какъ дорого обошедшійся казнѣ опытъ съ „національными мастерскими" повелъ къ увеличенію податного бремени; кромѣ того, крестьяне, въ большинствѣ собственники, были встревожены слухами о томъ, что республиканцы (соціалисты) собираются отобрать землю у всѣхъ собственниковъ. И вотъ, когда, согласно выработанной учредительнымъ собраніемъ конституціи, было приступлено къ избранію президента республики путемъ непосредственной всеобщей подачи голосовъ, то ни одинъ изъ кандидатовъ республиканцевъ не получилъ большинства голосовъ, а народный выборъ палъ на кандидата немногочисленной партіи бонапартистовъ, принца **Луи Бонапарта**, племянника Наполеона I. Избраніе Луи Бонапарта, притомъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ (пять съ половиною милліоновъ противъ полутора милліона голосовъ въ пользу кандидата республиканской партіи), было тѣмъ знаменательнѣе, что принцъ открыто заявлялъ свои притязанія на императорскую корону, въ качествѣ законнаго наслѣдника великаго императора, и даже сдѣлалъ во время іюльской монархіи двукратную попытку возстановить имперію въ свою пользу. Съ своей стороны Луи Бонапартъ понялъ это избраніе, какъ всенародную санкцію своимъ стремленіямъ, чѣмъ и объясняется та смѣлость и рѣшительность, съ ка-

кими онъ осуществилъ свои давнишнія притязанія спустя два года съ небольшимъ. Кромѣ антиреспубликанскаго настроенія народныхъ массъ, въ избраніи Луи Бонапарта и въ возстановленіи имперіи сыграла роль еще и „наполеоновская традиція", связанная съ представленіемъ о національной славѣ Франціи.

Переворотъ 2 декабря 1851 г. фактически положилъ конецъ „февральской республикѣ", такъ какъ, сохранивши титулъ президента республики, Луи Бонапартъ сталъ фактически почти такимъ же полновластнымъ монархомъ, какъ „первый консулъ" Наполеонъ Бонапартъ послѣ переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.). Переворотъ 2 декабря 1851 года былъ лишь шагомъ къ возстановленію имперіи, которое и было осуществлено ровно годъ спустя: 2 декабря 1852 г. принцъ-президентъ былъ провозглашенъ императоромъ; онъ принялъ имя и титулъ: „Наполеонъ III, Божіею милостію и волею народа императоръ французовъ" [1]). Такъ началась *вторая имперія*, просуществовавшая до начала франко-прусской войны 1870 г.

Національное движеніе въ XIX в. Развитіе національнаго начала составляетъ характерную особенность XIX в., въ противоположность предыдущему столѣтію, съ его „просвѣщеніемъ", проникнутымъ чисто космополитическими идеалами. Предметомъ „просвѣщенной философіи" былъ человѣкъ вообще, независимо отъ его принадлежности къ той или другой націи; „философія" эта интересовалась *человѣчествомъ*, а не отдѣльными *народами* или *націями*. Она искала истинъ и нормъ, пригодныхъ для всѣхъ людей, для всего человѣчества. Идеалъ „просвѣщеннаго человѣка" — быть „другомъ вселенной" и „гражданиномъ міра". Національное самосознаніе, національная гордость совершенно чужды корифеямъ французской литературы „про-

[1]) Наполеономъ II титуловали „бонапартисты" никогда не царствовавшаго въ дѣйствительности сына Наполеона I (носившаго титулъ герцога Рейхштадтскаго).

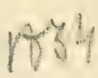
свѣщенія", они чужды всѣмъ „просвѣщеннымъ людямъ" тогдашней Европы. Нѣмецкій поэтъ Шиллеръ званіе человѣка ставитъ выше званія нѣмца, а нѣмецкій философъ Фихте считаетъ своимъ отечествомъ не Германію, а „самую просвѣщенную страну Европы". Космополитическій духъ „просвѣщенія" вполнѣ усвоила и французская революція, провозгласившая „права человѣка и гражданина" и поставившая своею цѣлью — освобожденіе всѣхъ народовъ, всего человѣчества. Однако сама же революція подготовила тотъ переломъ, который выразился въ переходѣ отъ космополитизма XVIII в. къ націонализму XIX в. Именно революція выдвинула идею *націи*, какъ собирательной личности, имѣющей право на свободу и самоопредѣленіе. Призывъ революціонной Франціи къ освобожденію народовъ отъ „тиранніи" былъ понятъ также и въ смыслѣ призыва къ освобожденію отъ всякаго чужеземнаго ига; и когда во внѣшней борьбѣ революціонная Франція перешла отъ обороны къ наступленію и завоеванію, то тѣмъ самымъ она дала новый толчекъ къ пробужденію дремавшаго національнаго самосознанія европейскихъ народовъ и положила начало тому всеобщему національному движенію, которое охватило всю Европу въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Войны противъ наполеоновской Франціи получили въ Испаніи, въ Россіи, въ Германіи характеръ народныхъ, *національныхъ войнъ*, и сами правительства этихъ странъ взывали въ этой борьбѣ съ иноземнымъ завоевателемъ къ національному чувству своихъ подданныхъ. Подъ напоромъ національнаго подъема даже такіе убѣжденные космополиты, какъ философъ **Фихте (1762—1814)**, превращаются въ пламенныхъ защитниковъ національнаго начала. Въ своихъ *Рѣчахъ къ нѣмецкой націи*, въ 1807—1808 г., онъ приглашаетъ своихъ соотечественниковъ проникнуться сознаніемъ національной солидарности и любовью къ своему несчастному отечеству. Разгромъ „великой арміи" подъ обоюдными ударами стихій и народно-патріотическаго подъема Россіи послужилъ сигналомъ къ взрыву всеобщаго національно-патріотическаго движенія—сначала въ Пруссіи и въ другихъ

частяхъ Германіи, а затѣмъ и въ остальной Европѣ. При этомъ народы шли всюду впереди своихъ правительствъ, увлекая ихъ въ своемъ неудержимомъ національно-патріотическомъ порывѣ. Правительства скорѣе уступали напору поднимавшагося изъ народныхъ глубинъ національнаго движенія, чѣмъ руководили имъ. Во всякомъ случаѣ они не сумѣли первое время оцѣнить всей силы и значенія выдвинутаго великой борьбой народовъ новаго національнаго начала. При передѣлкѣ европейской карты на Вѣнскомъ конгрессѣ они заботились лишь о компенсаціяхъ и территоріальныхъ округленіяхъ, но совершенно при этомъ не считались ни съ національнымъ составомъ населенія перекраиваемыхъ областей, ни съ стремленіемъ отдѣльныхъ національностей къ государственному единству. Въ результатѣ, двѣ крупныя націи — нѣмецкая и итальянская—остались, какъ и ранѣе, раздробленными политически, славянскіе народы подѣленными между различными государствами, но большей частью чуждыми имъ въ національномъ и культурномъ отношеніяхъ.

Отсюда—цѣлый рядъ національныхъ движеній, изъ которыхъ одни носятъ преимущественно *объединительный* характеръ, другіе—характеръ *освободительный*.

Объединеніе Германіи. Національное движеніе въ Германіи имѣло объединительный характеръ: цѣлью его было *національно-государственное объединеніе*. Вѣнскій конгрессъ создалъ изъ бывшей Священной Римской имперіи нѣмецкой націи такъ наз. *Германскій союзъ* съ союзнымъ сеймомъ во Франктуртѣ-на-Майнѣ, подъ предсѣдательствомъ Австріи; но въ сущности это внѣшнее единство прикрывало собой фактическую раздробленность Германіи. Раздробленность эта ощущалась все болѣе и болѣе остро, по мѣрѣ развитія объединявшихъ разныя части германскаго народа многочисленныхъ культурныхъ связей и экономическихъ интересовъ. Послѣдніе получили особенное значеніе съ развитіемъ промышленности и торговли въ первой половинѣ XIX в., подъ вліяніемъ новыхъ усовершенствованныхъ спо-

собовъ передвиженія и перевозки товаровъ: съ 1825 г. появляется пароходство, въ тридцатыхъ годахъ—желѣзныя дороги. Неудобства многочисленныхъ границъ и таможенныхъ заставъ сдѣлались еще ощутительнѣе при новыхъ, болѣе дешевыхъ и быстрыхъ путяхъ сообщенія. Первый шагъ къ объединенію Германіи и былъ сдѣланъ на экономической почвѣ. По почину Пруссіи, которая, вслѣдствіе разбросанности и черезполосности своихъ владѣній, особенно страдала отъ многочисленности существующихъ политическихъ границъ, большая часть германскихъ государствъ объединилась въ одинъ такъ наз. *Таможенный союзъ*: внутри этого союза таможенныя заставы были уничтожены (1834). Таможенный союзъ, объединившій почти всю Германію (за исключеніемъ Австріи) въ экономическомъ отношеніи, послужилъ подготовительнымъ шагомъ къ государственному объединенію. Послѣднее постепенно подготовлялось ростомъ національнаго самосознанія въ нѣмецкомъ народѣ. Росту этому въ началѣ сороковыхъ годовъ дало толчекъ то патріотическое возбужденіе, которое было вызвано въ Пруссіи и во всей Германіи шумными манифестаціями во Франціи по поводу ея дипломатическаго столкновенія съ державами, и въ томъ числѣ съ Пруссіей, на почвѣ восточнаго вопроса (1840). При этомъ французы грозили Пруссіи войной и завоеваніемъ лѣваго берега Рейна. Это вызвало въ Пруссіи и во всей Германіи небывалый еще по высотѣ національно-патріотическій подъемъ. Настроеніе это вылилось, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ патріотическихъ пѣсенъ, изъ которыхъ особенную популярность пріобрѣла пѣсня подъ заглавіемъ *Стража на Рейнѣ (Wacht am Rhein)*, которой суждено было сдѣлаться національнымъ гимномъ объединенной Германіи. Съ тѣхъ поръ идея объединенія Германіи становится все болѣе и болѣе популярной среди всѣхъ слоевъ гарманской націи, вплоть до правящихъ круговъ. Въ томъ же 1840 г. была открыта общегерманская національная подписка для окончанія постройки Кельнскаго собора. Начало работъ было открыто въ 1842 г. съ большимъ торжествомъ,

16

носившимъ характеръ общенѣмецкаго національнаго праздника. Прусскій король **Фридрихъ Вильгельмъ IV (1840—1861)**, пригласившій на это торжество другихъ германскихъ государей, подчеркнулъ въ своей рѣчи, что великолѣпный соборъ долженъ быть символомъ національнаго единства Германіи, а присутствовавшій на торжествѣ король Вюртембергскій произнесъ тостъ за Германію, какъ „общее отечество". Нѣсколько лѣтъ спустя профессора нѣмецкихъ университетовъ устроили во Фракфуртѣ-на-Майнѣ общегерманскій съѣздъ „германистовъ", имѣвшій характеръ манифестаціи германскаго единства. На ряду съ вопросами историческими и филологическими на съѣздѣ опредѣленно ставился и обсуждался вопросъ о политическомъ объединеніи Германіи, объ общегерманскомъ парламентѣ и т. п. (1846). Разразившаяся во Франціи февральская революція (1848) выбила начавшееся въ Германіи національно-объединительное движеніе изъ мирной колеи и сообщило ему бурный и отчасти революціонный характеръ. Воспользовавшись растерянностью властей, приверженцы національнаго объединенія, въ большинствѣ настроенные либерально, устроили въ первыхъ числахъ марта того же года съѣздъ въ Гейдельбергѣ. На съѣздѣ было постановлено немедленно созвать *предварительный парламентъ (Vorparlament)* изъ всѣхъ наличныхъ и бывшихъ депутатовъ мѣстныхъ сеймовъ отдѣльныхъ германскихъ княжествъ. Собравшійся 31 марта во Франкфуртѣ-на-Майнѣ „предварительный парламентъ", въ большинствѣ своемъ состоявшій изъ либеральныхъ депутатовъ южныхъ княжествъ (за исключеніемъ Австріи, которая была совсѣмъ не представлена), постановилъ созвать *общегерманское учредительное собраніе* для выработки общегерманской конституціи. Кромѣ областей, входившихъ въ составъ Германскаго союза, къ участію въ выборахъ (на основѣ всеобщаго избирательнаго права) были приглашены Пруссія съ нѣмецкою частью Познани, Шлезвигъ и Чехія, но послѣдняя отказалась отъ участія въ чуждомъ для нея дѣлѣ нѣмецкаго объединенія. Въ маѣ 1848 г. собралось *учре-*

дительное національное собраніе, болѣе извѣстное, впрочемъ, подъ названіемъ *франкфуртскаго парламента.* На немъ обнаружились, какъ и во всей странѣ, два теченія: *мало-германская партія* хотѣла ограничить составъ объединенной Германіи однѣми только нѣмецкими землями и на этомъ основаніи исключала изъ послѣдней Австрію съ ея не-нѣмецкими землями; за включеніе Австріи, напротивъ, стояли приверженцы *велико-германской партіи.* Перевѣсъ въ концѣ концовъ оказался на сторонѣ первой партіи и въ концѣ марта 1849 г. франктунтскій парламентъ избралъ на престолъ объединенной Германіи прусскаго короля **Фридриха-Вильгельма IV (1840—1861)** съ титуломъ „императора нѣмцевъ", но Фридрихъ-Вильгельмъ гордо заявилъ, что приметъ императорскую корону лишь изъ рукъ „равныхъ себѣ", а не отъ собранія подданныхъ. Государи же болѣе крупныхъ германскихъ княжествъ (Баваріи, Вюртемберга, Ганновера, Саксоніи, не говоря уже объ Австріи) были противъ прусской гегемоніи. Попытка революціонно настроеннаго меньшинства парламента заставить германскія правительства революціоннымъ путемъ принять выработанную парламентомъ конституцію объединенной Германіи окончилась полной неудачей. Такимъ образомъ, первая серьезная попытка политическаго объединенія Германіи потерпѣла крушеніе.

Дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи былъ предпринятъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, который, воспользовавшись затрудненіями Австріи, занятой подавленіемъ возстаній въ Сѣв. Италіи, сдѣлалъ попытку образовать федерацію нѣмецкихъ государствъ во главѣ съ Пруссіей. Однако Австріи удалось разстроить планы прусскаго короля, а когда онъ послѣ этого сдѣлалъ попытку организовать, подъ главенствомъ Пруссіи, „унію" изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ княжествъ, то Австрія, угрозой войны, заставила Фридриха-Вильгельма отказаться отъ этой попытки и добилась возстановленія германскаго союза съ сеймомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ прежнемъ видѣ, то-есть подъ

предсѣдательствомъ Австріи (1850). *Послѣ этого Пруссія стала стремиться къ тому, чтобы „выгнать Австрію изъ Германіи“* (слова Бисмарка), *съ тѣмъ чтобы объединить Германію подъ своей гегемоніей.* Поводомъ къ вооруженному столкновенію между Пруссіей и Австріей послужило совмѣстное занятіе ими Шлезвига и Голштиніи въ 1864 г. Послѣ побѣдъ надъ Даніей между обѣими союзными державами начались пререканія изъ-за управленія захваченными герцогствами. Пререканія эти привели къ австро-прусской войнѣ, окончившейся разгромомъ австрійской арміи при Садовой (или Кениггретцѣ), въ Чехіи (1866). Результатомъ прусской побѣды было: 1) уничтоженіе германскаго союза, 2) территоріальное округленіе прусскихъ владѣній (присоединеніемъ королевства Ганноверскаго, герцогства Нассаускаго, Шлезвигъ-Голштиніи и др.) и 3) образованіе *Сѣверо - Германскаго союза* подъ главенствомъ Пруссіи. Хотя государства Южной Германіи и не вошли въ составъ союза, но съ ними Пруссіей были заключены тайные оборонительно-наступательные договоры противъ Франціи. Сѣверо-Германскій союзъ, дополненный отдѣльными договорами съ южно-нѣмецкими государствами, съ исключеніемъ изъ него Австріи, былъ въ сущности рѣшеніемъ вопроса объ объединеніи Германіи въ смыслѣ стремленій малогерманской партіи.

Дальнѣйшимъ шагомъ къ завершенію дѣла германскаго объединенія было расширеніе Сѣверо-Германскаго союза и его превращеніе въ *Германскую имперію.* Этотъ фактъ былъ результатомъ франко-германской войны 1870—1871 г. Война эта, объявленная Наполеономъ III Пруссіи изъ-за кандидатуры одного изъ дальнихъ родственниковъ прусскаго короля Вильгельма I (1861—1888), окончилась разгромомъ Франціи, сдачей французскаго императора со 100-тысячной арміей при Седанѣ (2 сентября 1870 г.) и взятіемъ Парижа (28 января 1871 г.). Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ побѣдныхъ тріумфовъ въ южно-германскихъ государствахъ обнаружилось сильное тяготѣніе къ вступленію

въ Сѣверо-Германскій союзъ. Въ результатѣ Баденъ и Гессенъ вошли въ составъ союза наравнѣ съ прочими членами, а Вюртембергъ и Баварія выговорили себѣ нѣкоторыя особыя права относительно военной организаціи и внутренняго управленія. Расширенный такимъ образомъ союзъ получилъ болѣе пышное названіе *Германской имперіи*, а прусскій король **Вильгельмъ I (1861—1888)**—титулъ *Германскаго императора* (18 января 1871 г.). Отобранныя у Франціи области Эльзасъ и Лотарингія получили особое положеніе въ качествѣ „имперскихъ провинцій". Канцлеръ союза, **кн. Бисмаркъ (1815—1898)**, сдѣлался *канцлеромъ имперіи*.

Германская имперія и европейская война 1914 г. Въ 1888 г. умеръ на 91 году своей жизни Вильгельмъ I, первый „германскій императоръ". Послѣ кратковременнаго царствованія его сына **Фридриха III**, скончавшагося три мѣсяца послѣ своего воцаренія, на престолъ вступилъ 30-лѣтній сынъ послѣдняго, понынѣ царствующій **Вельгельмъ II**. „Желѣзный канцлеръ", какъ прозвали кн. Бисмарка за „желѣзную" непреклонность и безпощадность, съ какою онъ проводилъ свои планы и рѣшенія, не могъ долго ужиться съ своенравнымъ и властолюбивымъ Вильгельмомъ II и въ 1890 г. вышелъ въ отставку. Его преемники, **гр. Каприви (1890—1894)**, **кн. Гогенлоэ (1894—1900)**, **кн. Бюловъ (1900—1909)** и **Бетманъ-Голльвегъ (1909—1915)**, являются ничѣмъ не выдающимися исполнителями личныхъ плановъ императора.

Національно-государственное объединеніе, связанное съ побѣднымъ торжествомъ надъ Франціей, создало Германіи небывало вліятельное международное положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ породило въ правящихъ кругахъ и вліятельныхъ слояхъ германскаго народа стремленіе къ *гегемоніи* надъ всей Европой, то-есть къ преобладающей и руководящей роли въ международной политической жизни Европы и даже за ея предѣлами. Блестящій успѣхъ вооруженнаго насилія надъ Франціей въ 1870—1871 гг. подалъ нѣмцамъ по-

водъ возлагать преувеличенныя надежды на успѣшность подобнаго же насилія въ бо́льшемъ масштабѣ, для осуществленія болѣе широкихъ задачъ. Отсюда—не прекращавшіяся въ теченіе сорока лѣтъ и съ каждымъ годомъ усиливавшіяся вооруженія и военныя приготовленія Германіи, которой въ дѣйствительности ни одна изъ европейскихъ державъ не угрожала. Въ частности Германія, чрезвычайно развившая за послѣднія 20 — 30 лѣтъ свою промышленность, стремилась возможно шире захватить иностранные рынки и расширить свои колоніальныя владѣнія. Отсюда — стремленіе создать могущественный флотъ, съ тѣмъ чтобы оспаривать первенство на водахъ у Англіи, бывшей до сихъ поръ единственной „царицей морей“.

Истинная цѣль всѣхъ этихъ исполинскихъ вооруженій на сушѣ и на водахъ обнаружилась съ полною наглядностью лѣтомъ 1914 г., когда Германія, считая свои вооруженія достаточно законченными, для того чтобы попытаться осуществить свои грандіозные планы силою оружія, добилась того, чтобы изъ австро-сербскаго конфликта, который легко можно было уладить дипломатическимъ путемъ, создать поводъ для объявленія войны Россіи, и тѣмъ положила начало нынѣшней великой войнѣ, превосходящей своимъ размахомъ все, что извѣстно всемірной исторіи.

Объединеніе Италіи. Италія вступила въ новое время раздробленною и вслѣдствіе этого была легкою добычею для болѣе сильныхъ державъ—Франціи и Испаніи. Въ эпоху Наполеона она состояла изъ трехъ частей: одна входила въ составъ Французской имперіи, другая составляла такъ наз. *Италійское королевство* во главѣ съ Наполеономъ, какъ королемъ; третья составляла *Неополитанское королевство,* во главѣ котораго стоялъ сначала одинъ изъ братьевъ Наполеона, потомъ его зять. Вѣнскій конгрессъ возстановилъ папскія владѣнія и нѣкоторыя другія итальянскія княжества, а сѣверную часть Италіи, подъ именемъ *Ломбардо-Венеціанскаго королевства,* отдалъ Австріи. Мысль объ объеди-

неніи Италіи, бродившая въ головахъ итальянскихъ патріотовъ еще въ эпоху гуманизма (Макіавелли), возродилась въ началѣ XIX в., подъ вліяніемъ охватившаго всѣ европейскіе народы національно-патріотическаго подъема въ эпоху освободительныхъ войнъ съ наполеоновской Франціей. Новое оживленіе національно-объединительныхъ и освободительныхъ (отъ австрійскаго ига) стремленій въ Италіи началось въ сороковыхъ годахъ; оно даже получило тогда особое названіе: *Risorgimento* („воскресеніе"). Нѣкоторые изъ итальянскихъ патріотовъ, какъ въ эпоху гуманизма, возлагали свои надежды на папу, какъ на объединителя Италіи; но люди съ болѣе практическимъ складомъ ума связывали подобныя надежды съ личностью **Карла-Альберта (1831—1849)**, короля Сардинскаго, заявившаго себя поборникомъ итальянской независимости противъ иноземнаго (австрійскаго) натиска. И дѣйствительно, Пьемонтъ, то-есть континентальная часть Сардинскаго королевства, становится, начиная съ сороковыхъ годовъ, главнымъ центромъ національно-освободительнаго и объединительнаго движенія въ Италіи. Отсюда же вышелъ и главный дѣятель итальянскаго объединенія **Кавуръ (1810—1861)**. Болѣе умѣренные считали возможнымъ достигнуть объединенія Ителіи съ сохраненіемъ существующихъ итальянскихъ государствъ, которыя составили бы обще-итальянскую федерацію, на подобіе германскаго союза. Но были среди сторонниковъ объединенія и революціонно настроенные республиканцы, которые надѣялись путемъ насильственнаго переворота осуществить свой идеалъ объединенной Италіи въ формѣ демократической республики. Во главѣ этой группы сталъ генуэзскій адвокатъ **Мадзини (1808 — 1872)**, основавшій въ 1831 г. тайное революціонное общество подъ названіемъ *Молодая Италія*, такъ какъ оно состояло почти исключительно изъ молодежи (люди 40 лѣтъ и болѣе въ него даже вовсе не принимались). Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Молодой Италіи былъ 25-лѣтній морякъ **Гарибальди (1807—1882)**. Въ 1834 г. Мадзини, савмѣстно съ Гарибальди, сдѣлали попытку поднять въ

Пьемонтѣ возстаніе въ цѣляхъ осуществленія идеала Молодой Италіи, но эта попытка окончилась неудачей, и ея иниціаторы принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ 1848 г., вслѣдствіе оживленія національно-освободительныхъ идей подъ вліяніемъ февральской революціи (см. выше, стр. 224), началось возстаніе противъ Австріи въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Уступая давленію общественнаго мнѣнія и настойчивымъ совѣтамъ Кавура, король Карлъ-Альбертъ объявилъ войну Австріи. Это выступленіе вызвало небывалый взрывъ патріотическаго одушевленія въ Италіи; въ Сардинскомъ королѣ итальянскіе патріоты готовы были привѣтствовать будущаго короля объединенной Италіи. Солдаты уже встрѣчали его криками: „Да здравствуетъ король Италіи!“ Правительства, колебавшіяся вначалѣ принять участіе въ борьбѣ съ Австріей, вынуждены были уступить напору общественнаго движенія. Папа **Пій IX (1846—1878)**, не желавшій ссориться съ Австріей, кончилъ тѣмъ, что прислалъ на помощь пьемонтской арміи цѣлый корпусъ. Неаполитанскій король, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, опубликовалъ воззваніе, въ которомъ говорилось: „Каждый государь, каждый народъ обязанъ присоединиться къ борьбѣ, долженствующей обезпечить національную независимость, свободу и славу“. Эта первая война за освобожденіе Италіи кончилось полною неудачей; ломбардо-венеціанское возстаніе было подавлено австрійцами, а Карлъ-Альбертъ вынужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего сына **Виктора-Эммануила II (1849—1861)**. Новый король рѣшилъ дѣйствовать осторожнѣе; по совѣту Кавура, онъ заключилъ тайный союзъ съ Наполеономъ III, которому обѣщалъ уступить Савою и Ниццу въ вознагражденіе за объединеніе Сѣверной Италіи подъ властью Сардинскаго короля. Обезпечивши себя могущественнымъ союзомъ, Кавуръ сталъ открыто готовиться къ войнѣ съ Австріей, а когда со стороны императора **Франца-Іосифа (1848—понынѣ)** послѣдовало требованіе прекратить вооруженія, то Сардинія отвѣтила отказомъ. Въ начавшейся войнѣ съ Австріей Сардинія получила поддерж-

ку со стороны Франціи. Австрія потерпѣла пораженіе и принуждена была уступить Ломбардію Наполеону III, который ее передалъ Виктору-Эммануилу. Побѣда Сардиніи надъ Австріей вызвала бурное національное движеніе во всей Италіи. Въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ были свергнуты тамошнія династіи, а временное правительство этихъ областей отдало ихъ подъ покровительство Сардинскаго короля. На югѣ отрядъ добровольцевъ, подъ предводительствомъ Гарибальди изгналъ изъ Неаполя тамошнее правительство, послѣ чего всенароднымъ голосованіемъ Неаполитанское королевство (съ Сициліей) было присоединено къ Сардиніи. Въ февралѣ 1861 г. въ столицѣ Сардинскаго королевства, Туринѣ, собралось учредительное собраніе изъ представителей всѣхъ объединившихся областей, и Викторъ-Эммануилъ былъ провозглашенъ *королемъ Италіи.* Для полнаго объединенія Италіи не хватало еще Венеціанской области, продолжавшей оставаться въ рукахъ Австріи, и папскихъ владѣній, съ г. Римомъ, находившихся подъ охраной французскихъ отрядовъ. Присоединеніе Венеціанской области произошло вскорѣ при содѣйствіи Пруссіи. Собираясь воевать съ Австріей, Пруссія заключила наступательный союзъ съ Италіей, которой обѣщала за это Венеціанскую область. Хотя итальянцы потерпѣли пораженіе отъ австрійцевъ, тѣмъ не менѣе, послѣ ошеломляющей побѣды пруссаковъ при Садовой, Австрія согласилась уступить эту область, только не прямо Италіи, а Наполеону III, въ видѣ вознагражденія за его мирное посредничество, а Наполеонъ передалъ ее Виктору-Эммануилу (1866). Четыре года спустя объединеніе Италіи завершилось присоединеніемъ Рима и прочихъ папскихъ владѣній. Послѣ того какъ, съ началомъ франко-германской войны, Наполеонъ III вывелъ свои отряды изъ Рима, послѣдній безъ всякаго сопротивленія заняли итальянскія войска. Устроенный немедленно плебисцитъ (всенародное голосованіе) далъ почти единогласный отвѣтъ въ пользу присоединенія Рима и всей Церковной области къ итальянскому королевству. Столица королевства была пере-

несена въ Римъ, а папскія владѣнія были оставлены неприкосновенными лишь въ предѣлахъ Ватиканскаго дворца. Папа Пій IX протестовалъ противъ захвата своихъ владѣній и отказался вступать въ какія бы то ни было сношенія съ правительствомъ; онъ рѣшилъ остаться навсегда „ватиканскимъ узникомъ“ и не переступать никогда за порогъ своего дворца.

Болѣе непримиримые изъ итальянскихъ націоналистовъ считали однако и послѣ этого дѣло національнаго объединенія не вполнѣ законченнымъ, такъ какъ за предѣлами Италіи оставались еще области съ преобладающимъ итальянскимъ населеніемъ (Истрія и южный Тироль въ Австріи, часть Савои съ Ниццей и о. Корсика во владѣніяхъ Франціи, южная часть Швейцаріи, о. Мальта — во владѣніяхъ Англіи). Эти области стали называть „невозсоединенной Италіей“—*Italia irredenta*: отсюда — *ирредентистское движеніе*, имѣющее цѣлью возсоединеніе этихъ областей съ коренной Италіей. Въ виду традиціонной антипатіи итальянцевъ къ австрійцамъ и вообще къ нѣмцамъ, ирредентистское движеніе было направлено своимъ остріемъ главнымъ образомъ въ сторону Австріи. Съ возникновеніемъ великой европейской войны въ 1914 г., это движеніе настолько сильно охватило всѣ слои итальянскаго народа, что увлекло за собой и правящіе круги Италіи. Въ результатѣ Италія, входившая съ 1881 г., въ составъ *тройственнаго союза*, потребовала отъ Австріи уступки итальянской части Тироля (Трентино) и Истріи съ Тріестомъ, и получивши отказъ, объявила Австріи войну (1915).

Національное движеніе среди австрійскихъ славянъ. Охватившій Европу въ началѣ XIX в. національный подъемъ коснулся и славянъ, особенно западныхъ, а среди нихъ главнымъ образомъ чеховъ. Разгромъ, которому подверглась Чехія послѣ Бѣлогорской битвы, въ началѣ 30-лѣтней войны (1620), былъ настоящей національной катастрофой для чешскаго народа. Воинствующій и побѣдонос-

ный католицизмъ шелъ здѣсь обруку съ торжествующимъ хищнымъ германизмомъ. Самыя влiятельныя и доходныя мѣста въ чешской церкви были захвачены нѣмцами; нѣмецкiе же пришельцы заняли мѣста частью погибшихъ, частью бѣжавшихъ чешскихъ помѣщиковъ; остальное чешское дворянство быстро онѣмечилось. Лишившись своей нацiональной духовной и свѣтской аристократiи, являвшейся въ то же время и нацiональной интелигенцiей, Чехiя подверглась быстрой германизацiи и нацiональному обезличенiю. Нѣмецкiй языкъ былъ введенъ въ пражскомъ университетѣ, а затѣмъ и въ прочихъ школахъ Чехiи; чешскiй языкъ былъ замѣненъ нѣмецкимъ въ администрацiи и судѣ. Когда-то значительно развитая чешская литература пришла въ полный упадокъ; на чешскомъ языкѣ печатались только Библiя да книги религiознаго содержанiя, предназначавшiяся для простонародья. Даже среди чеховъ многiе, особенно горожане, стали привыкать къ нѣмецкой рѣчи и забывать родной языкъ: по-чешски продолжало говорить только простонародье. Въ такомъ же приблизительно положенiи находились и другiе славянскiе народы Австрiи. Только поляки, не испытавшiе на себѣ такой систематической и настойчивой германизацiи, какъ чехи, сохранили свою нацiональную интеллигенцiю, литературу и культуру; но за-то они сами стремились къ ополяченiю русскаго населенiя Галицiи, доставшейся Австрiи отъ старой Польши; здѣсь поляки издавна занимали положенiе правящаго, господствующаго въ соцiальномъ и культурномъ отношенiи, класса (чиновники, судьи, помѣщики). Въ Далмацiи, которую Австрiя получила по Вѣнскому трактату, славяне (хорваты) находились, со времени венецiанскаго владычества, подъ властью итальянскаго чиновничества и подъ влiянiемъ итальянской культуры. У далматскихъ хорватовъ также въ свое время была довольно развитая нацiональная письменность, но къ началу XIX в. она, какъ и въ Чехiи, почти исчезла, уступивъ мѣсто письменности латинской и итальянской. Въ земляхъ венгерской короны славяне (словаки, сербы, хорваты и угро-

руссы) подверглись сильной мадьяризаціи и точно также были совершенно лишены національной интеллигенціи, литературы и культуры. Мадьяризація здѣсь усилилась, начиная съ тридцатыхъ годовъ XIX в., когда мадьяры стали постепенно вводить, въ качествѣ оффиціальнаго языка управленія и суда, вмѣсто традиціонной латыни, мадьярскій языкъ. Сербо-хорваты, правда, пользовались нѣкоторыми привилегіями, до извѣстной степени ограждавшими ихъ отъ полной мадьяризаціи; за-то послѣднюю въ полной мѣрѣ испытали на себѣ не огражденные никакими привилегіями угроруссы и родственные чехамъ словаки.

Таково было положеніе австрійскихъ славянъ въ началѣ XIX в. Первый толчекъ къ національному пробужденію ихъ, и прежде всего чеховъ, былъ данъ революціонными и наполеоновскими войнами, въ которыхъ Австрія принимала дѣятельное участіе. Въ 1799 г. черезъ Чехію проходили русскія войска, которыя Суворовъ велъ противъ французовъ въ Италію. Непосредственное соприкосновеніе съ русскими солдатами, этими представителями родного и могущественнаго славянскаго народа, не могло не произвести сильнаго о ободряющаго впечатлѣнія на пригнетенныхъ и забитыхъ чеховъ. Не осталась также безъ вліянія на національное пробужденіе чеховъ, какъ и другихъ лишенныхъ политической самостоятельности славянъ, политика Наполеона, создавшаго изъ отобранныхъ у Австріи въ 1809 г. словинскихъ, хорватскихъ и далматскихъ земель маленькое славянское государство, подчиненное Франціи подъ названіемъ *Иллирійскихъ провинцій.* Сильное впечатлѣніе произвело на славянъ также частичное возстановленіе Польши Наполеономъ, подъ названіемъ *герцогства Варшавскаго* (1807). Наполеонъ прекрасно понималъ, какую серьезную угрозу государственному единству разноплеменной державы Габсбурговъ могло представлять пробужденіе національнаго самосознанія и національныхъ стремленій въ подвластныхъ ей славянскихъ народностяхъ. Политика его оказала услугу австрійскимъ славянамъ еще и тѣмъ, что заставила вѣн-

скую бюрократію, изъ простого чувства самосохраненія, остерегаться раздражать своихъ славянскихъ подданныхъ. Такъ, оно отказалось отъ строгаго примѣненія цензурныхъ стѣсненій къ нарождавшимся славянскимъ литературамъ; оно смотрѣло, напримѣръ, сквозь пальцы на появленіе въ чешской печати памфлетовъ и пѣсенъ, направленныхъ къ прославленію былыхъ подвиговъ чеховъ и осмѣянію нѣмцевъ. Начавшійся послѣ неудачнаго похода въ Россію „великой арміи" развалъ наполеоновской имперіи, затѣмъ— вторичное появленіе русскихъ войскъ въ Чехіи на пути въ Парижъ, наконецъ — та первенствующая роль, которую играла въ великихъ событіяхъ этого времени славянская Россія,—все это дало могучій толчекъ дальнѣйшему росту національнаго самосознанія среди славянъ, въ особенности австрійскихъ.

Національно - культурное возрожденіе Чехіи. Національное пробужденіе у австрійскихъ славянъ, и въ частности у чеховъ, имѣло характеръ не столько освободительнаго движенія, сколько *національно-культурнаго возрожденія.* Большинство славянскихъ дѣятелей, при всемъ своемъ нерасположеніи къ нѣмецко-мадьярской бюрократіи, отнюдь, однако, не стремились къ созданію самостоятельнаго чешскаго или „славянскаго" государства; въ политической области ихъ стремленія не шли дальше того, чтобы добиться отъ австрійскаго правительства вступленія на путь славянской политики, т. е. такой, которая бы обезпечивала безпрепятственное развитіе національной чешской и вообще славянской культуры. Дѣятелями славянскаго возрожденія, дѣйствительно, являются не столько политическіе и общественные борцы, сколько кабинетные ученые, писатели и поэты. Это возрожденіе выразилось первоначально главнымъ образомъ въ пробужденіи интереса къ родному языку, къ былой національной литературѣ и вообще къ родной старинѣ. Главнымъ очагомъ національнаго возрожденія въ Чехіи сдѣлался основанный въ 1818 г. *Чешскій музей* въ Прагѣ. При

немъ былъ образованъ изъ добровольныхъ пожертвованій фондъ для изданія книгъ и періодическаго органа на чешскомъ языкѣ (*Лѣтопись Чешскаго музея*). Вокругъ этого учрежденія сосредоточились всѣ, вначалѣ немногочисленныя, литературныя и научныя силы Чехіи. Научный интересъ къ родному языку и родной старинѣ у первыхъ дѣятелей чешскаго національнаго возрожденія былъ проникнутъ живымъ національно-патріотическимъ настроеніемъ, доходившимъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ до экзальтаціи. Одинъ изъ такихъ экзальтированныхъ писателей-поэтовъ **Ганка (1791—1861)**, сочинилъ, въ стилѣ народныхъ былинъ, рядъ эпическихъ и лирическихъ пьесъ, и это свое сочиненіе выдалъ за будто бы найденныя имъ въ одной старинной рукописи (такъ наз. „Краледворской") произведенія чешской народной поэзіи. Поддѣлка была обнаружена позднѣйшими учеными, но въ свое время этотъ патріотическій подлогъ сыгралъ важную роль въ дѣлѣ чешскаго національнаго возрожденія. „Открытіе" Краледворской рукописи, въ подлинности которой долгое время почти никто не сомнѣвался, необычайно подняло интересъ къ родному языку и родной старинѣ и послужило толчкомъ къ дальнѣйшему развитію чешской науки и литературы. Въ создавшейся, такимъ образомъ, атмосферѣ патріотическаго культа родной старины воспиталось и выросло то поколѣніе, изъ котораго въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ вышелъ цѣлый рядъ выдающихся чешскихъ писателей и ученыхъ, оказавшихъ огромное вліяніе на національное возрожденіе своей родины. По ихъ почину, въ 1831 г. было основано новое національно-культурное учрежденіе, такъ наз. *Чешская матица*, ставившая своею спеціальною цѣлью—изданіе научныхъ и литературныхъ произведеній на чешскомъ языкѣ. Въ числѣ первыхъ изданныхъ ею книгъ была обширная, начавшая выходить въ тридцатыхъ годахъ, *Исторія Чехіи* **Палацкаго (1798—1876)**, положившаго своимъ трудомъ начало національной чешской исторіографіи. Около того же времени другой чешскій ученый, **Шафарикъ (1795—1861)**, своими *Славянскими древно-*

стями, положилъ начало наукѣ славяновѣдѣнія. Шафарикъ впервые научно выяснилъ взаимное культурное родство всѣхъ славянскихъ народностей, чѣмъ, съ одной стороны, вызвалъ интересъ чешскихъ ученыхъ также и къ другимъ славянскимъ народамъ, ко всему славянству, а съ другой—способствовалъ развитію идей о славянской взаимности, объ общеслявянской солидарности, о великой „славянской семьѣ“ и т. п. На почвѣ этихъ представленій возникло въ Россіи особое идейно-общественное теченіе, такъ наз. *славянофильство* („славянолюбіе“). Нѣкоторые изъ болѣе увлекавшихся приверженцевъ славянскаго единенія стали даже мечтать о политическомъ объединеніи всѣхъ славянъ въ общеславянскую федерацію (подъ главенствомъ Россіи); но это идейное теченіе, получившее названіе *пансливизма* („всеславянства“), какъ не имѣвшее твердой почвы въ политической дѣйствительности, не получило сколько-нибудь серьезнаго значенія.

На почвѣ чисто культурнаго и мирнаго національнаго возрожденія, подъ вліяніемъ парижской февральской революціи (см. выше, стр. 234), возникло въ Чехіи бурное освободительное движеніе во имя національно-политической свободы. Первоначально дѣло ограничивалось болѣе или менѣе шумными уличными манифестаціями въ Прагѣ; но когда, въ началѣ марта 1848 г., въ Вѣнѣ вспыхнула революція, дѣятели чешскаго національнаго движенія стали дѣйствовать рѣшительнѣе. На многолюдномъ митингѣ 11 марта 1848 г. была выработана петиція о возстановленіи „королевства св. Вячеслава“ съ національнымъ сеймомъ въ Прагѣ и отвѣтственнымъ чешскимъ министерствомъ. Безсильное подавить движеніе, вѣнское правительство согласилось на чешскія требованія. Въ ожиданіи сейма, въ Прагѣ былъ учрежденъ временный національный комитетъ, въ составъ котораго вошли всѣ видные дѣятели чешскаго національнаго движенія (Палацкій, Ригеръ и др.). Въ противовѣсъ объявленному въ то время германскими націоналистами созыву общегерманскаго парламента (см. выше, стр. 242), праж-

скій комитетъ устроилъ *общеславянскій съѣздъ*. Съѣздъ, собравшійся въ іюлѣ того же года въ Прагѣ, состоялъ преимущественно изъ австрійскихъ славянъ, но присутствіе на немъ нѣсколькихъ поляковъ изъ всѣхъ „дѣльницъ" (то-есть, кромѣ австрійской, также изъ русской и прусской) и нѣсколькихъ русскихъ дѣятелей изъ Галиціи придало ему характеръ общеславянскаго съѣзда. Это было первымъ нагляднымъ проявленіемъ славянской солидарности, какъ одновременно собравшійся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ общегерманскій парламентъ былъ первой манифестаціей общенѣмецкаго единенія. На съѣздѣ обсуждалось положеніе славянъ, какъ въ Австріи, такъ и за ея предѣлами, и ихъ отношеніе къ нѣмцамъ и другимъ неславянскимъ національностямъ. Съѣздъ не успѣлъ, однако, закончить своей работы, такъ какъ былъ прерванъ австрійскимъ правительствомъ послѣ возникшихъ въ Прагѣ уличныхъ безпорядковъ, потребовавшихъ вмѣшательства вооруженной силы. Съѣздъ былъ закрытъ, а обѣщанный чехамъ національный сеймъ такъ и не былъ созванъ.

Неудача, постигшая чешское освободительное движеніе въ 1849 г., не остановила, однако, дальнѣйшаго національнаго развитія Чехіи, какъ въ культурномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Чешская наука и литература продолжали быстро развиваться, и Прага сдѣлалась главнымъ средоточіемъ славянской науки и культуры на Западѣ. Одновременно въ политической сферѣ, не прибѣгая болѣе къ насильственнымъ средствамъ, чехи постепенно добились отъ вѣнскаго правительства цѣлаго ряда важныхъ уступокъ, которыя въ общемъ обезпечили чешскому народу свободу его національно-культурнаго развитія. Они добились возстановленія чешскаго сейма, учрежденія одного чешскаго министра безъ портфеля, равноправія чешскаго языка съ нѣмецкимъ въ предѣлахъ Чехіи, основанія національнаго чешскаго университета въ Прагѣ на ряду съ старымъ пражскимъ университетомъ, которымъ совершенно овладѣли нѣмцы; наконецъ, императоръ Францъ-Іосифъ обѣщалъ чехамъ коро-

новаться чешской короной (обѣщаніе это, впрочемъ, не было исполнено).

Національное возрожденіе у хорватовъ. Чешское національное возрожденіе оказало вліяніе и на національное движеніе среди прочихъ славянскихъ народовъ Австріи, въ особенности среди сербо-хорватовъ. У послѣднихъ національныя стремленія вылились главнымъ образомъ въ формѣ такъ наз. *иллиризма* (отъ древняго названія области Иллиріи, обновленнаго Наполеономъ въ названіи образованныхъ имъ Иллирійскихъ провинцій, см. выше, стр. 252). Родоначальникомъ иллиризма былъ хорватскій поэтъ **Гай (1809—1872)**, стремившійся (въ тридцатыхъ годахъ) къ выработкѣ общаго для сербо-хорватовъ литературнаго языка (на основѣ далматскаго нарѣчія, болѣе разработаннаго въ литературномъ отношеніи) и признанія за нимъ правъ языка школы, суда и управленія (мѣстнаго). Мало-по-малу къ этимъ чисто культурнымъ стремленіямъ присоединились также и стремленія къ политическому объединенію сербо-хорватовъ подъ эгидой австрійскихъ Габсбурговъ.

Національное движеніе среди турецкихъ славянъ. Болгары. Всего хуже было положеніе южныхъ или балканскихъ славянъ, болгаръ, и сербовъ, находившихся подъ турецкимъ игомъ. Національное движеніе среди балканскихъ славянъ вылилось главнымъ образомъ въ форму освободительной вооруженной борьбы съ своими поработителями.

Первый толчекъ къ національному пробужденію болгаръ былъ данъ вышедшей въ 1762 г. книгой аѳонскаго іеромонаха **Паисія Хиландарскаго** *Исторія славяно-болгарская*. Предпринятая монахомъ-патріотомъ, какъ онъ самъ говоритъ, „изъ ревности и жалости къ роду своему болгарскому“, и написанная въ національно-патріотическомъ духѣ, эта первая исторія болгарскаго народа произвела глубокое впечатлѣніе на образованныхъ болгаръ; она положила

начало историко-патріотической литературѣ, оказавшей сильное вліяніе на пробужденіе національнаго самосознанія среди болѣе культурныхъ слоевъ болгарскаго народа. Что же касается народной массы, то на нее гораздо болѣе повліяла въ томъ же направленіи русско-турецкая война 1788—1792 г., когда театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ въ Болгарію. Приходъ русскихъ, въ которыхъ болгарамъ не трудно было распознать близкихъ по языку и вѣрѣ родичей, впервые пробудилъ у болгаръ мысль о національномъ освобожденіи. Многочисленныя дружины болгарскихъ добровольцевъ присоединились къ русскимъ войскамъ. Правда, надежды на освобожденіе не осуществились тогда; тѣмъ не менѣе толчекъ національно-освободительному движенію былъ данъ, и остановить его было уже трудно. Болгарскіе націоналисты стремились къ возстановленію былого Болгарскаго царства, а болѣе горячія головы мечтали даже о завоеваніи у турокъ Константинополя и о превращеніи его въ столицу возстановленнаго Болгарскаго царства. Свои стремленія болгарскіе патріоты пытались осуществить путемъ возстанія (въ концѣ XVIII и въ нач. XIX в.). Вначалѣ повстанцы имѣли значительный успѣхъ и овладѣли Адріанополемъ, но, не встрѣчая ниоткуда поддержки, они въ концѣ концовъ были раздавлены превосходными силами турокъ. Однако русско-турецкія войны 1806—1812 г. и 1827—1829 г., во время которыхъ русскія войска снова появились въ Болгаріи, опять пробудили въ болгарахъ стремленіе къ національной независимости и надежду на освобожденіе отъ турецкаго ига. Этотъ національный подъемъ далъ новый толчекъ дальнѣйшему росту національно-культурнаго движенія среди болгарской интеллигенціи. Въ тридцатыхъ годахъ основывается первая болгарская школа въ Габровѣ, послужившая первымъ звеномъ цѣлой сѣти болгарскихъ училищъ; появляется ново-болгарская литература на народномъ языкѣ, а нѣсколько позднѣе и—зачатки періодической печати. Развитіе школъ и печати имѣло своимъ слѣдствіемъ ростъ болгарской интеллигенціи, являвшейся носительницей на-

ціональнаго самосознанія и національно-освободительныхъ идей. Въ 1850 г. болгары сдѣлали новую попытку свергнуть турецкое иго, но и на этотъ разъ потерпѣли неудачу. Дальнѣйшая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана болгарами во время крымской войны (1854—1855). Тогда одной изъ цѣлей войны Россія выставила освобожденіе болгаръ и созданіе независимой Болгаріи, подъ прокровительствомъ Россіи. Русскимъ главнокомандующимъ кн. Паскевичемъ было издано воззваніе къ „единокровнымъ братьямъ, живущимъ въ Турціи", съ призывомъ къ возстанію противъ турецкаго ига. Болгары отозвались на призывъ и образовали четырехтысячный отрядъ добровольцевъ, примкнувшій къ русской арміи. Но злополучный для Россіи конецъ крымской войны отозвался гибельно и на болгарахъ. Турецкій гнетъ усилился. Болгарскіе патріоты подверглись жестокой расправѣ. Съ болгарскимъ населеніемъ турецкое правительство обращалось, какъ съ совершенно безправной массой. У болгарскихъ крестьянъ отбирали землю и раздавали ее туркамъ и переселившимся изъ Россіи крымскимъ татарамъ и черкесамъ.

Тѣмъ не менѣе, къ началу семидесятыхъ годовъ болгарамъ удалось, при содѣйствіи Россіи, сдѣлать очень важное въ національномъ отношеніи культурное пріобрѣтеніе, а именно—*церковную автономію*. Болгарское духовенство находилось въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха (греческаго). Въ 1870 г. русское правительство добилось отъ Турціи разрѣшенія болгарамъ избрать себѣ особаго національнаго главу болгарской церкви съ титуломъ *экзарха*. Пріобрѣтеніе церковной автономіи имѣло тѣмъ болѣе важное значеніе для національнаго дѣла Болгаріи, что, съ освобожденіемъ болгарскаго духовенства изъ-подъ власти константинопольскаго патріархата, относившагося отрицательно къ національнымъ стремленіямъ болгаръ, болгарское духовенство получило возможность болѣе открыто и рѣшительно поддерживать національно-освободительное движеніе среди родного народа.

Начавшееся въ 1875 г. возстаніе противъ турокъ въ Босніи и Герцеговинѣ вызвало усиленное броженіе въ Болгаріи, выразившееся въ нѣсколькихъ мѣстныхъ вспышкахъ. Высланные турецкимъ правительствомъ для подавленія возстанія башибузуки[1]) расправились съ безчеловѣчной жестокостью съ болгарскимъ населеніемъ, не щадя стариковъ, женщинъ и дѣтей. Но эта жестокая расправа вызвала глубокое возмущеніе въ Россіи и въ концѣ концовъ привела къ новой русской-турецкой войнѣ 1877—1878 г., которая, на этотъ разъ, вмѣстѣ съ новой побѣдой русскаго оружія, принесла болгарскому народу давно жданное освобожденіе. По миру въ Санъ-Стефано (въ окрестностяхъ Константинополя), продиктованному побѣдительницей Россіей, Болгарія образовала, въ предѣлахъ этнографическихъ границъ болгарскаго народа, отъ Дуная до Эгейскаго моря и отъ Чернаго моря до Охридскаго озера, *автономное княжество* съ собственнымъ княземъ, но поставленнымъ въ вассальную зависимость отъ турецкаго султана. Однако на созванномъ въ 1878 г. въ Берлинѣ, по настоянію Англіи, Австро-Венгріи и Германіи, международномъ конгрессѣ Санъ-стефанскій договоръ былъ подвергнутъ пересмотру и урѣзкамъ въ ущербъ Россіи и освобожденнымъ ею славянамъ, въ томъ числѣ и болгарамъ. Болгарское княжество по *Берлинскому трактату* (1878) было урѣзано почти на двѣ трети: *Македонія* возвращалась Турціи, а южная часть съ главнымъ городомъ Филиппополемъ, подъ названіемъ *Восточной Румеліи*, образовала *автономную провинцію* подъ управленіемъ генералъ-губернатора, назначаемаго султаномъ съ согласія державъ. Въ февралѣ 1879 г., въ Тырновѣ собралось великое народное собраніе, которое избрало болгарскимъ княземъ принца **Александра Баттенбергскаго (1879—1886)**, приходившагося племянникомъ императору Александру II. Опираясь на стре-

---

[1]) *Баши-бузукъ* по-турецки значитъ „сорви-голова". Это названіе носятъ отряды турецкой иррегулярной пѣхоты, вербуемой среди наиболѣе дикихъ и воинственныхъ племенъ Малой Азіи (а прежде и Албаніи).

мленіе румелійскихъ болгаръ къ соединенію съ автономной Болгаріей, правительство кн. Баттенберга подготовило въ Румеліи переворотъ, результатомъ котораго было присоединеніе послѣдней къ болгарскому княжеству. Турція примирилась съ совершившимся фактомъ, удовольствовавшись фикціей, въ силу которой князь Александръ былъ „утвержденъ" султаномъ въ должности генералъ-губернатора Восточной Румеліи (1886).

Въ 1886 г. князь Александръ отрекся отъ престола, и въ преемники ему болгарскимъ народнымъ собраніемъ былъ выбранъ сначала принцъ Вальдемаръ Датскій, а за отказомъ послѣдняго отъ болгарской короны,—нѣмецкій принцъ **Фердинандъ Кобургскій (1887)**. Воспользовавшись происшедшей въ 1908 г. революціей въ Турціи, князь Фердинандъ объявилъ Болгарію независимымъ королевствомъ или по-болгарски—„царствомъ", а самъ принялъ титулъ короля (по-болгарски—„царя"). Но и сдѣлавшись болгарскимъ царемъ, Фердинандъ не пересталъ быть нѣмецкимъ принцемъ и всячески содѣйствовалъ проникновенію въ Болгарію нѣмецкаго вліянія въ области хозяйственной, культурной и политической. При немъ Болгарія окончательно вошла въ орбиту австро-германской политики, что ярко обнаружилось съ началомъ великой европейской войны (1914), когда болгарское правительство, объявивши строгій нейтралитетъ, фактически не перестаетъ содѣйствовать австро-германской лигѣ и союзной съ нею Турціи, облегчая первой снабженіе пищевыми продуктами, а послѣдней военными припасами и руководящимъ персоналомъ—военнымъ и техническимъ.

Сербы. Стремленіе къ національному освобожденію у сербовъ зародилось подъ вліяніемъ сношеній съ Россіей, завязавшихся еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Позднѣе, когда, съ воцареніемъ Петра Великаго, Россія перешла къ широкой и энергичной европейской политикѣ, въ Сербіи стала принимать болѣе опредѣленную форму надежда на освобожденіе отъ турецкаго ига при помощи великой брат-

ской и единовѣрной славянской державы. Прутскій походъ Петра Великаго (1711) вызываетъ со стороны одного современнаго серба запись на одной дошедшей до насъ старинной рукописи: „Помоги, Господи, нашему царю!“ Съ своей стороны, Петръ Великій старался развить начавшееся культурное воздѣйствіе Россіи на балканскихъ славянъ. Съ этою цѣлью онъ сталъ посылать въ Сербію русскихъ учителей, подъ вліяніемъ которыхъ сербскій литературный языкъ чрезвычайно сблизился съ русскимъ. Русское культурное вліяніе было тѣмъ благодѣтельнѣе для сербскаго народа, что оно облегчало ему борьбу съ германизаторскими стремленіями Австріи.

Прибытіе австрійскихъ войскъ, въ составѣ которыхъ было много славянъ, въ Сербію, во время австро-турецкой войны 1788—1792 г., произвело на сербовъ приблизительно такое же впечатлѣніе, какъ на болгаръ—одновременный приходъ русскихъ. Многіе сербы вступали въ ряды австрійской арміи. Въ теченіе войны турки вынуждены были одно время очистить Сербію, и это, хотя и кратковременное, освобожденіе отъ турецкаго ига оставило неизгладимый слѣдъ въ настроеніи сербовъ: послѣ этого возвратившіеся турки, какъ они сами жаловались, „не узнавали своихъ райя“.

Хотя сербы, какъ и болгары, остались подъ властью турокъ и послѣ войны, тѣмъ не менѣе послѣдніе принуждены были, по Систовскому миру, дать амнистію всѣмъ сербамъ, принимавшимъ въ ней участіе. Престижу турокъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ, и вскорѣ послѣ войны сербы взялись за оружіе съ цѣлью свергнуть турецкое иго (1804). Благодаря поддержкѣ Россіи, которая вскорѣ послѣ начала возстанія также начала войну съ Турціей (1806), сербамъ удалосъ отвоевать себѣ фактическую національную независимость, хотя, правда, и не оформленную какимъ-либо оффиціальнымъ актомъ. По *Бухарестскому миру* (1812) Россія выговорила амнистію сербамъ и нѣкоторыя льготы по внутреннему управленію. Турки, однако, не выполнили своихъ обязательствъ, а сербы пытались продолжать борьбу

собственными силами, но были раздавлены, а ихъ предводитель **Кара-Георгій** бѣжалъ въ Австрію. Тѣмъ не менѣе сербы вскорѣ снова подняли возстаніе, подъ предводительствомъ одного изъ своихъ старшинъ (кнезовъ) **Милоша Обреновича.** Сербамъ удалось на этотъ разъ заставить турокъ сдѣлать серьезныя уступки и признать Милоша Обреновича наслѣдственнымъ княземъ Сербіи (1817). Послѣ новой русско-турецкой войны (1827—1829), по *Адріанопольскому миру* (1829), Россія выговорила въ пользу сербовъ нѣкоторыя новыя льготы, между прочимъ—свободу православнаго богослуженія и право выбирать свое духовенство съ особымъ митрополитомъ во главѣ. Зависимость вассальнаго сербскаго княжества отъ Турціи выражалась отнынѣ въ ежегодной дани и въ занятіи турецкими гарнизонами главныхъ сербскихъ крѣпостей. Послѣднія, впрочемъ, вскорѣ были очищены подъ давленіемъ Россіи и нѣкоторыхъ другихъ державъ, за исключеніемъ Бѣлграда (1834), который продолжалъ заниматься турецкимъ гарнизономъ вплоть до 1867 г. Въ 1875 г. сербы Босніи и Герцеговины (эти области не входили въ составъ сербскаго княжества), выведенные изъ терпѣнія невыносимыми притѣсненіями турокъ, подняли возстаніе. Оно было поддержано и сербскимъ княземъ **Миланомъ** и черногорскимъ **Николаемъ,** объявившими Турціи войну. Однако надежда обоихъ славянскихъ государей на возстаніе всѣхъ балканскихъ славянъ противъ турокъ не оправдалась. Болгары, напуганные кровавой расправой башибузуковъ (см. выше, стр. 260), не только не поднимались противъ турокъ, но даже выдавали имъ оружіе, присланное изъ Сербіи. Турки, на сторонѣ которыхъ, кромѣ подавляющаго численнаго перевѣса, было и рѣшительное превосходство вооруженія, которымъ ихъ щедро снабжали Англія и Австрія, начали жестоко подавлять возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ и тѣснить сербовъ и черногорцовъ. Балканскія событія глубоко взволновали русское общество, и русское правительство нашло необходимымъ вступиться за сербовъ и болгаръ. Слѣдствіемъ этого вмѣшательства была русско-

турецкая война 1877—1878 г., закончившаяся полнымъ пораженіемъ Турціи. По *Санъ-Стефанскому миру*, подтвержденному (съ незначительными относительно Сербіи поправками) *Берлинскимъ трактатомъ* (см. выш, стр. 260), Сербія и Черногорія были признаны независимыми княжествами, а Боснія и Герцеговина, объявленныя *автономными провинціями* Турціи, были отданы въ *оккупацію* Австро-Венгріи, которой въ 1908 г. онѣ были объявлены окончательно присоединенными къ австро-венгерской имперіи.

Сербскій князь **Миланъ**, принявшій въ 1882 г. титулъ *короля*, не смотря на то, что обязанъ былъ Россіи своимъ престоломъ и освобожденіемъ своей страны отъ турецкаго ига, подпалъ всецѣло подъ вліяніе враждебной славянству и Россіи австрійской политики. Въ 1881 г. онъ заключилъ съ Австріей тайный договоръ, которымъ послѣдней предоставлялось право на Боснію и Герцеговину, что было равносильно отказу отъ *великосербской идеи*, т. е. отъ традиціонныхъ стремленій сербскаго народа къ національно-государственному объединенію. Противонародная политика Милана вызвала въ странѣ такое недовольство, что въ 1889 г. онъ нашелъ себя вынужденнымъ отречься отъ престола въ пользу своего несовершеннолѣтнаго сына **Александра** (ему было въ ту пору 13 лѣтъ). Послѣ военнаго переворота, въ которомъ погибли трагическою смертью юный король съ королевой и нѣсколькими приближенными (1903), сербская *скупщина* (народное представительство) избрала королемъ **Петра Карагеоргіевича**, сына сербскаго князя Александра, изгнаннаго 45 лѣтъ тому назадъ, и внука Кара-Георгія, предводителя сербскаго возстанія 1804 г. (см. выше, стр. 263). Король Петръ (нынѣ царствующій) возвратилъ Сербію на путь національной, славянской политики, чѣмъ вызвалъ крайне враждебное отношеніе къ Сербіи со стороны Австро-Венгріи. Опасаясь за свое положеніе на Балканскомъ полуостровѣ вслѣдствіе роста великосербскаго движенія, какъ въ Сербіи, такъ и за ея предѣлами (особенно въ Босніи и Герцеговинѣ), Австро-Венгрія стала стремиться къ тому, чтобы поставить

Сербію подъ свой контроль. Когда въ іюнѣ 1914 г. эргерцогъ Францъ-Фердинандъ былъ убитъ въ Сараевѣ однимъ сербомъ, австрійскимъ подданнымъ, то австро-венгерское правительство предъявило сербскому, въ формѣ ультиматума, рядъ такихъ требованій, которыя, въ случаѣ ихъ исполненія, должны были поставить Сербію, даже во внутреннихъ дѣлахъ, подъ контроль вѣнскихъ властей. Сербія, естественно, не могла принять, безъ всякихъ оговорокъ, подобныхъ требованій и въ результатѣ подверглась вооруженному нападенію со стороны Австро-Венгріи. Этотъ конфликтъ послужилъ поводомъ къ тому, что Германія, не дожидаясь окончанія вызванныхъ австро-сербскимъ конфликтомъ дипломатическихъ переговоровъ между Австріей и Россіей, объявила послѣдней войну (19 іюля 1914 г.), которая и послужила налаломъ продолжающейся на нашахъ глазахъ великой европейской войны, близкой къ тому, чтобы превратиться въ міровую.

Колоніольная политика въ XIX в. Значеніе колоній. Колоніальная дѣятельность европейскихъ державъ принимаетъ въ XIX в. небывалый размахъ и пріобрѣтаетъ къ концу столѣтія характеръ раздѣла остальныхъ частей свѣта между европейскими державами. Эта усиленная колоніальная дѣятельность послѣдняго столѣтія обусловливалась двумя главными фактами: 1) ростомъ значенія колоній для Европы и 2) возможностью ихъ лучшаго использованія, чѣмъ прежде.

Значеніе колоній возрасло, во-первыхъ, вслѣдствіе роста населенія въ Европѣ. Когда началась колонизаціонная дѣятельность, въ концѣ XV и нач. XVI в., Европа еще не страдала отъ избытка населенія; но за три столѣтія ея населеніе увеличилось раза въ три, и въ началѣ XIX в. въ нѣкоторыхъ странахъ сталъ замѣчаться избытокъ населенія, который и сталъ искать себѣ выхода въ колоніяхъ, преимущественно въ мало-населенной Америкѣ, а также въ Австраліи и Африкѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и значеніе колоній, какъ рынковъ для сбыта продуктовъ европейской промышленности. Вплоть до конца XVIII в. европейская промышленность не страдала отъ перепроизводства продуктовъ, почему и значеніе колоній, какъ рынковъ, было не особенно велико; колоніи цѣнились главнымъ образомъ, какъ поставщицы различныхъ „колоніальныхъ“ товаровъ, а нѣкоторыя, кромѣ того, и какъ поставщицы драгоцѣнныхъ металловъ. Но, съ изобрѣтеніемъ паровыхъ машинъ и развитіемъ фабричной промышленности, явилось и перепроизводство товаровъ: ихъ количество значительно превышало европейскій спросъ; отсюда — поиски внѣ-европейскихъ рынковъ, въ числѣ которыхъ, на ряду съ малокультурными странами азіатскаго Востока, стали играть все болѣе и болѣе важную роль и европейскія колоніи, населенность которыхъ, вслѣдствіе усилившейся иммиграціи, быстро увеличивалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и ихъ потребительная сила.

Наконецъ, вмѣстѣ съ развитіемъ европейской промышленности—съ одной стороны, и съ увеличеніемъ ея населенія—съ другой, возросло и значеніе колоній, какъ поставщицъ Европы. Если прежде колоніальный вывозъ ограничивался драгоцѣнными металлами да такъ наз. колоніальными товарами (пряности, сахаръ, кофе), составлявшими предметъ потребленія главнымъ образомъ зажиточныхъ классовъ европейскаго населенія, то въ XIX в., когда Европа оказалась уже не въ состояніи прокормить продуктами собственнаго сельскаго хозяйства все свое населеніе, колоніи получили значеніе ея *житницъ,* поставляющихъ хлѣбъ, а позднѣе также мясо и продукты скотоводства. Къ колоніямъ же все болѣе и болѣе принуждена была обращаться и ростущая европейская промышленность за необходимымъ для нея *сырьемъ*: шерстью, хлопкомъ и т. д. *Вмѣстѣ съ увеличеніемъ цѣнности колоній для Европы, усовершенствовались также и способы ихъ наилучшаго использованія, благодаря прогрессу мореходства и сообщеній.* Изобрѣтеніе паровой машины произвело переворотъ въ промышленности, но нѣсколько

позднѣе не менѣе глубокій переворотъ оно произвело и въ мореходствѣ. Въ двадцатыхъ годахъ появились морскіе пароходы. Паровыя суда, ускоривши торговый обмѣнъ съ колоніями, въ одинаковой мѣрѣ облегчили и отливъ населенія въ колоніи и торговый обмѣнъ между ними и Европой. Переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ, требовавшій во время Колумба шести-недѣльнаго плаванія, сталъ возможенъ въ теченіе одной недѣли (а впослѣдствіи и еще менѣе). Значеніе пароходства еще болѣе увеличилось, когда, около середины XIX в., стали строить морскія суда изъ желѣза; это дало возможность сильно увеличить размѣры и емкость судовъ. Водоизмѣщеніе самаго большого изъ судовъ Колумба въ его первое плаваніе черезъ океанъ было 120 тоннъ; въ началѣ XIX в. уже строили суда до тысячи тоннъ. Желѣзный остовъ позволилъ на первыхъ же порахъ утроить тоннажъ судовъ; къ концу же XIX в. океанскіе пароходы съ водоизмѣщеніемъ въ десять тысячъ тоннъ и болѣе не были уже рѣдкостью. Одинъ такой корабль равнялся своей емкостью цѣлой флотиліи въ сотню „каравеллъ“ эпохи Колумба. Удобства и легкость сношеній съ заморскими странами снова значительно возросли, когда, во второй половинѣ XIX в., онѣ одна за другою были соединены съ Европой подводными телеграфными линіями (кабелями). Усовершенствованіе и ускореніе сношеній съ отдаленными колоніями облегчило притокъ къ нимъ европейскихъ капиталовъ и дало толчекъ хозяйственному развитію колоній, что въ свою очередь, еще болѣе повысило ихъ цѣнность.

Колоніальное соревнованіе между европейскими державами. Все вышеизложенное достаточно объясняетъ, какъ усиленную колоніальную дѣятельность европейскихъ державъ въ теченіе XIX в., такъ и ихъ взаимное соревнованіе на этомъ поприщѣ. Результатомъ этого соревнованія было, кромѣ расширенія площади европейскихъ колоній, также значительное *перемѣщеніе колоніальнаго могущества отъ однѣхъ державъ къ другимъ.* Первыя по времени коло-

ніальныя державы, *Испанія* и *Португалія*, оттѣсненныя на второй планъ въ XVII—XVIII в. Англіей, Голландіей, а затѣмъ и Франціей, въ XIX в. еще болѣе теряютъ свое былое колоніальное значеніе. Американскія колоніи Испаніи, въ началѣ XIX в., отложились отъ своей метрополіи и образовали послѣдовательно 15 самостоятельныхъ республикъ (изъ нихъ важнѣйшія Аргентина и Мексика). Къ концу XIX в. у ней оставались еще о. Куба и Порторико въ Вестъ-Индіи, затѣмъ Филиппинскіе острова и двѣ группы островъ Полинезіи (Маріанскіе и Каролинскіе); но въ 1898 г., послѣ неудачной войны съ Соединенными Штатами, Испанія принуждена была уступить имъ Кубу, Порторико и Филиппины, послѣ чего Маріанскіе и Каролинскіе острова были ею проданы Германіи (1899). Португалія также потеряла въ началѣ XIX в. свои владѣнія въ Южной Америкѣ, Бразилію, которая отложилась отъ метрополіи и образовала самостоятельную имперію, потомъ превратившуюся въ республику подъ названіемъ Соединенныхъ Штатовъ Бразиліи (1889). Португальцамъ удалось, однако, сохранить свои владѣнія въ Африкѣ и на Зондскихъ островахъ, а также свои старинныя факторіи въ Индіи (Гоа) и Китаѣ (Макао),

Голландія имѣла въ XVII в. довольно обширныя колоніи въ Южной Африкѣ, а позднѣе завела также свои поселенія въ Австраліи; но всѣ эти владѣнія она должна была уступить Англіи послѣ неудачныхъ войнъ съ послѣдней; за-то она прочно основалась на богатыхъ Остъ-Индскихъ островахъ (Молукксихъ и Зондскихъ).

Что касается *Франціи*, то большую часть своихъ колоніальныхъ владѣній она еще въ теченіе XVIII в., потеряла, какъ и Голландія, въ пользу Англіи (Канада, Индія). Къ началу XIX в. въ рукахъ французовъ оставались лишь жалкіе остатки когда-то обширнаго и богатаго колоніальнаго „домена“ (какъ они выражались) въ видѣ нѣсколькихъ прибрежныхъ пунктовъ и островов.

Такимъ образомъ, изъ прежнихъ колоніальныхъ державъ одна лишь *Англія* не только удержала разъ пріобрѣ-

тенное (въ XVII в.) могущество, но и чрезвычайно расширила и упрочила свои колоніальныя владѣнія, и продолжала ихъ расширять и укрѣплять въ теченіе всего XIX в., въ полномъ соотвѣтствіи съ мощнымъ развитіемъ своей промышленности, а также и ростомъ населенія метрополіи. Особенно важны были пріобрѣтенія Англіи въ Индіи. Вытѣснивши оттуда французовъ еще въ XVIII в., англичане постепенно прибрали къ рукамъ мелкія туземныя княжества Индіи и къ серединѣ XIX в. распространили свои владѣнія на весь Индостанъ и на значительную часть сосѣдняго Индокитая. Въ 1858 г. была упразднена Остъ-Индская компанія (см. выше, стр. 136), послѣ чего Индія была поставлена подъ непосредственное управленіе Англіи, а королева Викторія приняла титулъ „императрицы Индіи". Еще ранѣе англичане овладѣли всѣмъ материкомъ Австраліи и нѣкоторыми изъ прилегающихъ къ нему острововъ. Въ теченіе всего столѣтія Англія продолжаетъ систематически работать надъ расширеніемъ своихъ африканскихъ владѣній, отобранныхъ ею у Голландіи (Капская земля). Въ 1840 г. былъ присоединенъ Наталь, затѣмъ были завоеваны земли сосѣднихъ туземныхъ племенъ Базуто, Зулу, Кафровъ (въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ), а въ самомъ концѣ XIX в. англичане принялись за покореніе двухъ сосѣднихъ съ Капской землей маленькихъ „бурскихъ" республикъ, Оранжевой и Трансваальской, населенныхъ потомками голландскихъ колонистовъ (война окончилась въ 1902 г. присоединеніемъ обѣихъ республикъ къ англійскимъ владѣніямъ).

Утвердивши свои владѣнія во всѣхъ частяхъ земного шара, англичане въ теченіе всего XIX в. систематически работали надъ обезпеченіемъ своего господства надъ міровыми путями, и въ этихъ видахъ послѣдовательно овладѣли наиболѣе важными морскими проливами. Ключъ къ Средиземному морю, Гибралтарскій проливъ, былъ въ ихъ рукахъ еще съ начала XVIII в. Въ теченіе XIX в. они укрѣпляются при входахъ въ Красное море и Персидскій заливъ, въ Малаккскомъ проливѣ (Сингапуръ); въ Гонконгѣ они держатъ

въ своихъ рукахъ ключъ къ устьямъ Сикіанга и къ важнѣйшему порту Южнаго Китая, Кантону. Этими же заботами объ обезпеченіи себѣ міровыхъ путей, особенно пути въ Индію, этому важнѣйшему изъ владѣній британской короны, обусловливается и то особое положеніе, котораго добились англичане въ Египтѣ. Къ обладанію Египтомъ они стали настойчиво стремиться послѣ того, какъ, съ прорытіемъ Суэцкаго канала (1869), здѣсь пролегъ кратчайшій морской путь въ Индію. Добившись въ 1878 г. отъ Турціи уступки о. Кипра, Англія стала твердою ногою у порога Египта, а четыре года спустя, воспользовавшись возникшими въ Египтѣ внутренними неурядицами и избіеніемъ европейцевъ въ Александріи (1882), она, подъ предлогомъ водворенія порядка, заняла Египетъ своими войсками. Съ тѣхъ поръ англичане остались въ Египтѣ, который фактически превратили въ свою колонію, хотя формально онъ продолжалъ вплоть до настоящей европейской войны считаться вассальнымъ владѣніемъ турецкаго султана.

Изъ другихъ странъ на путь колоніальнаго расширенія вступила въ XIX в., прежде всего, *Франція*, послѣ того какъ, къ концу эпохи реставраціи, она успѣла оправиться отъ тяжелыхъ для себя послѣдствій наполеоновской „эпопеи“. Первымъ серьезнымъ шагомъ французовъ на этомъ пути было завоеваніе Алжира (1830). Дальнѣйшее колоніальное расширеніе Франціи, во время іюльской монархіи, шло довольно медленно, и лишь при второй имперіи (при Наполеонѣ III, 1852—1870) Франція значительно расширила свои колоніальныя владѣнія (въ Индокитаѣ—Камбоджа, въ Африкѣ—Сенегамбія и Обокъ). Неудачная война 1870—1871 г. пріостановила на цѣлое десятилѣтіе дальнѣйшій колоніальный прогрессъ Франціи, и только съ начала восьмидесятыхъ годовъ она снова вступаетъ на путь болѣе дѣятельной колоніальной политики. Владѣнія въ Индокитаѣ были расширены присоединеніемъ Тонкина и части Сіама, африканскія—присоединеніемъ Туниса, расширеніемъ сенегальскихъ владѣній и созданіемъ новой обширной колоніаль-

ной области къ сѣверу отъ рѣки Конго. Въ концѣ XIX в. Францiя завладѣла обширнымъ и богатымъ по своей природѣ о. Мадагаскаромъ. Вообще, главнымъ поприщемъ колонiальной дѣятельности Францiи, какъ, впрочемъ, и другихъ европейскихъ державъ, сдѣлалась въ XIX в. Африка, гдѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта, осталось незанятыхъ земель.

Сюда же, какъ по линiи наименьшаго сопротивленiя, направили свою колонiальную энергiю во второй половинѣ XIX в. двѣ вновь сформировавшiяся великiя державы — *Германiя* и *Италiя*.

Германская колонiальная политика началась занятiемъ въ 1884 г. двухъ пунктовъ на Гвинейскомъ побережьи (Того и Камерунъ). Путемъ постепеннаго расширенiя этихъ владѣнiй, въ особенности Камеруна, Германiя къ концу XIX в. создала себѣ здѣсь обширную колонiальную область. Нѣсколько позднѣе Германiя утвердилась также и на восточномъ берегу Африки, гдѣ постепенно захватила еще болѣе обширную территорiю, ограниченную съ сѣвера англiйскими владѣнiями, съ юга португальскими, а съ запада озерами Ньянца, Танганьика и Ньясса. Кромѣ того, ею были заняты въ Океанiи сѣверо-восточное побережье Новой Гвинеи съ прилегающими къ нему островами, архипелагъ Маршальскихъ острововъ и часть архипелага Самоа, а въ концѣ XIX в. были куплены у Испанiи Марiанскiе и Каролинскiе острова. Такимъ образомъ, въ теченiе какихъ-нибудь 15 лѣтъ Германiей была создана колонiальная область во много разъ превышавшая пространствомъ метрополiю. Впрочемъ цѣнность этихъ территорiй, въ виду ихъ дикости, малонаселенности и неблагопрiятнаго климата, не велика, и какъ поставщиковъ „колонiальныхъ“ товаровъ, и какъ рынковъ сбыта для продуктовъ нѣмецкой промышленности, и какъ мѣстъ иммиграцiи для избытка населенiя метрополiи (избытокъ германскаго населенiя направляется все-таки главнымъ образомъ въ Америку).

Италiя, вступившая почти одновременно съ Германiей

на путь колоніальной политики, ограничила свою предпріимчивость въ этой области африканскимъ материкомъ. Послѣ того, какъ ея виды на Тунисъ, куда, вслѣдствіе его близости къ Италіи, уже ранѣе направлялась большая часть итальянскихъ эмигрантовъ, не осуществились (этой областью раньше ея успѣла овладѣть Франція, въ 1881 г.), итальянское правительство заняло въ 1885 г. побережье Африки между Краснымъ моремъ и Абиссиніей. Но попытки итальянцевъ расширить на счетъ Абиссиніи занятую ими область, получившую названіе Эритреи, привела ихъ къ войнѣ съ абиссинцами, окончившейся для итальянцевъ рѣшительной неудачей (1896). Послѣ этого Италія заняла Сомалійское побережье. Обѣ африканскія колоніи Италіи оказались, однако, малоцѣнными и не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ (уже въ началѣ нашего столѣтія Италія захватила у Турціи Триполитанію, между Египтомъ и Тунисомъ).

Изъ всѣхъ великихъ европейскихъ державъ совершенно въ сторонѣ отъ колоніальнаго движенія осталась *Россія*, имѣющая достаточно земли въ собственныхъ своихъ предѣлахъ для избытка своего населенія и мало нуждающаяся въ колоніальномъ сырьѣ для своей промышленности, питающейся въ значительной степени также продуктами собственной территоріи.

За-то одно изъ самыхъ маленькихъ европейскихъ государствъ, *Бельгія*, также вступила къ концу XIX в. на путь колоніальнаго расширенія. Въ восьмидесятыхъ годахъ образовалось частное международное общество капиталистовъ, которое, путемъ договоровъ съ предводителями туземныхъ племенъ, пріобрѣло обширную территорію въ бассейнѣ рѣки Конго. Эта колоніальная область получила особую организацію подъ названіемъ „государства Конго“, во главѣ котораго сталъ бельгійскій король Леопольдъ II. Впослѣдствіи Конго было передано королемъ—Бельгіи, какъ государству, и стало по отношенію къ нему въ положеніе колоніи, хотя и сохранило свой титулъ „государства“, признанный державами, гарантировавшими ему нейтралитетъ.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки, какъ колоніальная держава. Конецъ XIX в. ознаменовался вступленіемъ на путь колоніальной политики также одной изъ бывшихъ европейскихъ колоній—*Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.*

Фактъ этотъ объясняется необычайнымъ, безпримѣрнымъ во всемірной исторіи по быстротѣ и размаху ростомъ этого молодого государста. Въ моментъ, когда отложившіяся сѣверо-американскія колоніи Англіи образовали самостоятельную республику Соединенныхъ Штатовъ (1783), ихъ территорія ограничивалась сравнительно небольшой побережной полосой (отъ 300 до 400 верстъ шириной), которая тянулась вдоль Атлантическаго океана отъ нынѣшней границы Канады до полуострова Флориды. Двадцать лѣтъ спустя С. Штаты разомъ учетверяютъ свою территорію пріобрѣтеніемъ (путемъ покупки) французской Луизіаны (бассейнъ Миссисипи) (1803). Около 15 лѣтъ спустя была пріобрѣтена отъ Испаніи Флорида съ прилегающей къ ней областью къ востоку отъ нижняго теченія Миссисипи (1817—1819). Въ 1845 г. къ С. Штатамъ присоединилась отложившаяся отъ Мексики обширная область Техасъ, а послѣ неудачной для Мексики войны съ С. Штатами, вызванной этимъ присоединеніемъ, къ послѣднимъ отошла обширная область Калифорнія, округленная затѣмъ путемъ покупки прилегающихъ земель Мексики (1847—1853). Съ этимъ пріобрѣтеніемъ территорія С. Штатовъ достигла Тихаго океана. Послѣднимъ крупнымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ С. Штатовъ была покупка у Россіи, въ 1867 г., территоріи Аляски (открытой русскими моряками Чичаговымъ и Берингомъ въ сороковыхъ годахъ XVIII в. и въ 1768 г. оффиціально объявленной владѣніемъ Россіи). Этимъ пріобрѣтеніемъ закончилось территоріальное „собираніе" С. Штатовъ въ тѣхъ государственныхъ границахъ, которыя остаются по настоящее время. *За 85 лѣтъ, съ 1783 г. до 1867 г., государственная территорія С. Штатовъ увеличилась приблизительно въ пятнадцать разъ.* Что касается населенія, то

въ моментъ основанія самостоятельнаго государства С. Штаты насчитывали всего около четырехъ милліоновъ населенія. Вначалѣ приростъ населенія былъ довольно незначителенъ, и къ началу XIX в. оно не превышало пяти милліоновъ. Ростъ населенія получилъ ускоренный темпъ съ середины XIX в., когда, благодаря пріобрѣтенію обширныхъ дѣвственныхъ территорій, очень слабо населенныхъ полудикими туземными племенами, и благодаря начавшемуся въ то время быстрому развитію океанскаго парового судоходства, въ Америку хлынула увеличивавшаяся съ каждымъ годомъ переселенческая волна изъ Европы. Къ концу XIX в. населеніе С. Штатовъ возросло до 80 милліоновъ (въ томъ числѣ около 10 милліоновъ туземцевъ и потомковъ вывезенныхъ изъ Африки негровъ). *Въ общемъ за сто съ небольшимъ лѣтъ населеніе С. Штатовъ увеличилось въ 20 разъ* (въ настоящее время оно близко къ 100 милліонамъ).

Такимъ образомъ, изъ небольшого колоніальнаго государства С. Штаты, за сто лѣтъ, выросли въ первоклассную великую державу. У этой державы явилось вполнѣ естественное стремленіе къ дѣятельному участію въ міровой политикѣ и въ частности — къ пріобрѣтенію колоніальныхъ владѣній. Кромѣ чисто политическихъ побужденій, а именно—великодержавныхъ стремленій чувствующаго свою силу молодого и могущественнаго государства, это стремленіе подсказывалось и хозяйственными условіями, а именно—*потребностью въ новыхъ рынкахъ для необычайно развившейся, въ особенности за послѣднія три десятилѣтія, промышленности С. Штатовъ.*

На путь великодержавной политики и колоніальныхъ пріобрѣтеній С. Штаты вступили, однако, лишь въ самомъ концѣ XIX в. Первымъ шагомъ великой американской республики на этомъ пути было занятіе въ 1898 г. С. Штатами Гавайскихъ острововъ, имѣющихъ, по своему положенію, какъ станціи на главнѣйшихъ путяхъ въ Тихомъ океанѣ, большое торговое и стратегическое значеніе. Въ томъ же году, когда на о. Кубѣ вспыхнуло возстаніе противъ испан-

скаго владычества, С. Штаты оказали повстанцамъ моральную поддержку, а когда одно изъ посланныхъ въ кубанскія воды американскихъ военныхъ судовъ потонуло въ порту Гаванны отъ взрыва (происхожденіе котораго такъ и осталось не выясненнымъ), то С. Штаты, возложившіе отвѣтственность за эту катастрофу на Испанію, начали съ ней войну (безъ предварительнаго объявленія). Война эта, исключительно морская, быстро окончилась разгромомъ испанскаго флота, послѣ чего Испанія уступила С. Штатамъ о. Кубу, Порторико и Филиппинскіе острова. Куба образовала автономную республику подъ протектратомъ Штатовъ, а Порторико и Филиппины были объявлены колоніями (1898). Въ слѣдующемъ году С. Штаты подѣлили съ Герменіей небольшой архипелагъ Самоа въ Полинезіи (1899).

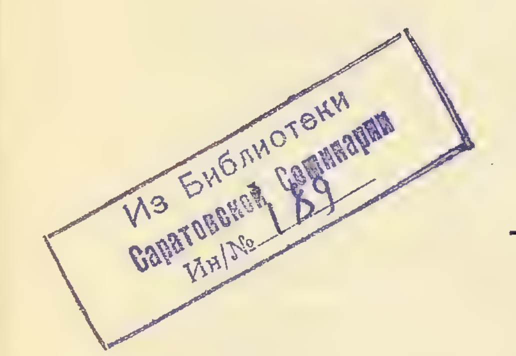
Пріобрѣтенныя въ Тихомъ океанѣ владѣнія, въ особенности Филиппины, поставили великую заатлантическую республику въ непосредственное сосѣдство съ дальне-восточной Азіей, сдѣлавшейся съ конца прошлаго столѣтія однимъ изъ важнѣйшихъ узловъ міровой политики, такъ какъ здѣсь взаимно перекрещиваются и частью враждебно сталкиваются политическіе и экономическіе интересы самыхъ крупныхъ міровыхъ державъ: Россіи и Англіи, Франціи и Германіи, Китая и Японіи, наконецъ — С. Штатовъ Сѣв. Америки.

Приверженцы энергичной и размашистой внѣшней политики получили въ Америкѣ названіе *имперіалистовъ* [1]). Главной задачей этой политики, по истолкованію самихъ имперіалистовъ, является въ ближайшемъ будущемъ—утвержденіе политическаго и экономическаго преобладанія С. Штатовъ въ Тихомъ океанѣ,—превращеніе послѣдняго въ „американское озеро“, по нѣсколько гиперболическому выраже-

---

[1]) Отсюда — *имперіализмъ.* Это выраженіе впослѣдствіи стали употреблять для обозначенія вообще размашистой политики, направленной къ расширенію владѣній и усиленію международнаго вліянія государства.

нію одного изъ наиболѣе яркихъ представителей новѣйшаго американскаго имперіализма, бывшаго президента Рузвельта. Однако на этомъ пути имперіалистскимъ стремленіямъ С. Штатовъ приходится встрѣчаться съ подобными же стремленіями другой могущественной тихоокеанской державы—Японіи.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Двойныя цифры при именахъ государей и папъ означаютъ начало и конецъ царствованія или понтификата, при именахъ остальныхъ лицъ—годы рожденія и смерти. Цифры, заключенныя въ скобки, указываютъ на соотвѣтствующія страницы курса.

XIII в. Изобрѣтеніе пороха (106). Изобрѣтеніе компаса (108).

1265—1321 Данте, предшественникъ итальянскихъ гуманистовъ (10)

1266—1337 Джотто, родоначальникъ искусства возрожденія (47).

1286—1345 Де-Бьюри, родоначальникъ англійскаго гуманизма (89).

Нач. XIV в. Изобрѣтеніе тряпичной бумаги (103). Усовершенствованіе компаса (109). Начало примѣненія пороха въ военномъ дѣлѣ (106).

1304—1374 Петрарка, родоначальникъ итальянскаго гуманизма (16).

1309—1378 Папы въ Авиньонѣ (40).

1313—1375 Боккачіо, итальянскій гуманистъ (21).

1340—1384 Гергартъ Гроотъ, предшественникъ нѣмецкихъ гуманистовъ (57).

1340—1400 Чосеръ, англійскій гуманистъ (81).

1353 *Декамеронъ* Боккачіо (23).

1368 Начало дома Фуггеровъ въ Аугсбургѣ (140).

1369—1444 Бруни, итальянскій гуманистъ (30, 42).

1377—1446 Брунеллески, итальянскій зодчій (48).

1380—1459 Поджіо, итальянскій гуманистъ (30, 42).

1381—1455 Гиберти, итальянскій ваятель (48).

1386—1466 Донателло, итальянскій ваятель-портретистъ (48).

1391—1447 Принципатъ Филиппа Висконти въ Миланѣ (38).

1394—1471 Беккаделли, итальянскій гуманистъ (40).

1397 Византіецъ Хризолоръ во Флоренціи (25).

Ок. 1400—1468 Гутенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія (104).

Нач. XV в. Изобрѣтеніе живописи масляными красками (106).

1401—1464 Николай Кузанскій, предшественникъ нѣмецкаго гуманизма (58).

1405—1464 Эней-Сильвій Пикколомини, гуманистъ, онъ же папа Пій II (43).

1407—1457 Валла, итальянскій гуманистъ (40).

1407—1472 Альберти, представитель національнаго возрожденія въ Италіи (36).

1409—1449 Эпоха великихъ соборовъ (72).

Ок. 1420 Изобрѣтеніе гравюры по дереву (104).

1431—1449 Базельскій соборъ (56).

1433—1499 Фичино, итальянскій гуманистъ-платоникъ (33).

1436—1506 Колумбъ (111).

1439 Византійцы Плетонъ и Виссаріонъ во Флоренціи (26).

1440 Изобрѣтеніе книгопечатанія (104). Диссертація Валлы *О дареніи Константина* (40).

1443—1485 Рудольфъ Агрикола, нѣмецкій гуманистъ (58).

1444—1510 Боттичелли, флорентійскій художникъ (48).

1444—1515 Браманте, строитель собора св. Петра въ Римѣ (48).

1447—1455 Николай V, папа-меценатъ (42).

1450—1466 Принципатъ Франческо Сфорцы въ Миланѣ (38).

1450—1528 Вимфелингъ, нѣмецкій гуманистъ (60).

1452 Изобрѣтеніе гравюры по металлу (106).

1452—1516 Фердинандъ Католикъ (49).

1452—1519 Леонардо да-Винчи, итальянскій художникъ и писатель (48).

1453 Завоеваніе Константинополя турками (26).

1455 Первопечатная латинская Библія Гутенберга (104)

1455—1522 Рейхлинъ, нѣмецкій гуманистъ (61).

1455—1337 Лефевръ д'Этапль, первый французскій гуманистъ (74).

1458—1464 Пій II, папа-гуманистъ (Эней-Сильвій Пикколомини) (42).

1460 Учрежденіе Платоновской академіи во Флоренціи (27).

1461—1483 Людовикъ XI, король-меценатъ (73).

1462—1495 Пико делла-Мирандола, итальянскій гуманистъ-философъ (34).

1466—1519 Колетъ, англійскій гуманистъ (83).

1467—1536 Эразмъ Роттердамскій, германскій гуманистъ (63).

1467—1540 Бюде, французскій гуманистъ (75).

1469—1494 Принципатъ Лоренцо Великолѣпнаго (31).

1469—1527 Макіавелли (40, 52).
1471 Португалецъ Діэго Камъ доходитъ до экватора (110).
1471—1528 Дюреръ, гермаскій художникъ (106).
1473—1543 Коперникъ, астрономъ (147).
1474—1564 Микель Анджело, итальянскій художникъ (48).
1482—1540 Гвиччардини, флорентійскій художникъ (46).
1483—1498 Карлъ VIII (51).
1483—1520 Рафаэль Санціо, римскій художникъ (49).
1483—1546 Лютеръ, нѣмецкій реформаторъ (70, 71, 96).
1484—1531 Цвингли, швейцарскій реформаторъ.
1485—1535 Томасъ Моръ, англійскій гуманистъ (84)
1485—1603 Тюдоры въ Англіи (82).
1486 Мысъ Доброй Надежды (Діацъ) (110). Собраніе ученыхъ въ Саламанкѣ обсуждаетъ проектъ Колумба (112).
1488—1523 Гуттенъ, нѣмецкій гуманистъ младшаго поколѣнія (69).
1492 Открытіе Америки (111).
1492—1503 Папа Александръ VI Борджіа (91).
1492—1549 Маргарита Наваррская, меценатка и гуманистка (76).
1493—1519 Императоръ Максимильянъ I (142).
1495—1544 Маро, французскій поэтъ-гуманистъ (76).
Ок. 1495—1553 Рабле, французскій гуманистъ (77).
1497 Экспедиція Кабота: открытіе Лабрадора (120).
1497—1560 Меланхтонъ, нѣмецкій реформаторъ-гуманистъ (96).
1498 Открытіе морского пути въ Индію (118).
1498—1515 Людовикъ XII (52).
1500 Открытіе Бразиліи (120). *Adagia* Эразма (74).
1502 Экспедія Кабраля: первыя европейскія (португальскія) факторіи въ Индіи (119). *Руководство для христіанскаго воина* Эразма Роттердамскаго (65).
1503 *Моисей* Микель Анджело (48).
1503—1513 Юлій II, папа-меценатъ (44, 91).
1506 Начало постройки собора св. Петра въ Римѣ (45). Смерть Колумба (118).
1509 *Похвала Глупости* Эразма Роттердамскаго (66).
1509—1547 Генрихъ VIII, король-меценатъ (82).
1509—1564 Кальвинъ, французскій реформаторъ (97).
1510 *Жалобы нѣмецкой націи противъ папской куріи* Вимфелинга (60).
1513 *О Государѣ* Макіавелли (54). Открытіе тихоокеанскаго побережья Америки (Центральной) (исп. Бальбоа).

1513—1521 Левъ X, папа-меценатъ (45, 91).

1515—1517 *Письма темныхъ людей* (62).

1515—1547 Франциск I, король-меценатъ (74).

1516 *Утопія* Томаса Мора (86). Критическое изданіе Новаго Завѣта Эразмомъ (65). Смерть Фердинанда Католика и вступленіе на престолъ Карла I (съ 1519 г. импер. Карла V).

1517 Тезисы Лютера (71).

1519 Лейпцигскій диспутъ.

1519—1521 Завоеваніе Мексики Кортецомъ (124).

1519—1522 Первое кругосвѣтное плаваніе (Магелланъ) (121).

1519—1530 *Дружескія бесѣды* Эразма Роттердамскаго (66).

1519—1556 Императоръ Карлъ V (142).

1520 Отлученіе Лютера отъ церкви (71).

1521 Первая торговая экспедиція португальцевъ на Молуккскіе острова (132).

1524—1525 Крестьянское возстаніе въ Германіи (98).

1525 Женитьба Лютера.

1526 Мадридскій миръ (Карлъ V и Францискъ I). Битва при Могачѣ (Чехія и Венгрія переходятъ къ Габсбургамъ).

1530 Аугсбургское исповѣданіе (96). *О вращеніи небесныхъ тѣлъ* Коперника (147).

1531 Первая фондовая биржа (въ Антверпенѣ) (145).

1531—1532 Завоеваніе Перу (Пизарро) (124).

1532 Отпаденіе англійской церкви отъ папства. Начало реформаторской дѣятельности Кальвина.

1533 *Гаргантуа и Пантагрюэль* Рабле (77).

1536 Смерть Эразма (64).

1539—1542 Первые крупные труды по ботаникѣ (147).

1540 Учрежденіе ордена Іезуитовъ.

1541 Реформація въ Женевѣ (Кальвинъ) и въ Шотландіи (Ноксъ).

1542 *Index librorum prohibitorum.*

1543 *Лабораторія человѣческаго тѣла* Везаля (начало научной анатоміи).

1545 Открытіе серебряныхъ рудниковъ въ Потози (139).

1545—1563 Тридентскій соборъ.

1546 Смерть Лютера.

1547 Смерть Франциска I и Генриха VIII.

1551 Первый капитальный трудъ по зоологіи (147).

1553 Сожженіе д-ра Серве по приговору Кальвина (97).
1554 Первый капитальный трудъ по ихтіологіи (147).
1555 Аугсбургскій религіозный миръ: „cujus regio, ejus religio“.
1558 Смерть Карла V и Маріи Англійской. Бракъ Франциска II съ Маріей Стюартъ.
1561—1626 Бэконъ Веруламскій, англійскій ученый и философъ (151).
1562—1596 Религіозныя войны во Франціи (98).
1564 Смерть Кальвина и Микель Анджело. Рожденіе Галилея и Шекспира.
1566 Гёзы; начало возстанія Нидерландовъ (98).
1571—1630 Кеплеръ, созидатель науки астрономіи (153).
1572 Варѳоломеевская ночь.
1576 Разгромъ Антверпена испанцами (145).
1579 Утрехтская унія: принципъ религіозной свободы (149).
1581—1648 Гербертъ, англійскій философъ-деистъ (163).
1583—1645 Гроцій, голландскій философъ-правовѣдъ (155).
1588 Гибель „Непобѣдимой Армады“ (136).
1588—1679 Гоббсъ, англійскій политическій мыслитель (157).
1595 Начало голландскихъ колоній въ Индіи.
1596—1650 Декартъ, французскій ученый и философъ (153).
1598 Нантскій эдиктъ: принципъ религіозной свободы (149).
1600 Остъ-Индская компанія въ Англіи (136).
1602 Остъ-Индская компанія въ Голландіи (134).
1603—1649 Стюарты въ Англіи (159).
1605 *О достоинствѣ наукъ* Бэкона Веруламскаго (151).
1606 Начало англійскихъ колоній въ С. Америкѣ.
1608 Основаніе іезуитской республики въ Парагваѣ.
1609 Изобрѣтеніе телескопа Галилеемъ (152).
1614 Прекращеніе генеральныхъ штатовъ во Франціи (197).
1618—1648 30-лѣтняя война (98).
1620 Битва при Бѣлой горѣ (національная катастрофа Чехіи) (250). *Новый Органонъ* Бэкона (151).
1621 Вестъ-Индская компанія въ Голландіи (134).
1624—1642 Правленіе Ришелье во Франціи.
1625 *О правѣ войны и мира* Гроція (155). Занятіе французами Антильскихъ острововъ (Мартиники и Гваделупы).
1625—1649 Карлъ I Стюартъ (159).
1628 *О движеніи сердца и крови* Гарвея (начало науки физіологіи).

1632 Галилей передъ судомъ инквизиціи (152).
1632—1704 Джонъ Локкъ, англійскій философъ и политическій мыслитель (159).
1635 Основаніе Французской Академіи.
1637 *Философскіе опыты* Декарта (153).
1640—1688 Великій Курфюрстъ.
1642 Смерть Галилея. Рожденіе Ньютона. *О гражданинѣ* Гоббса (157). *О религіи язычниковъ* Герберта (163).
1642—1649 Первая англійская революція (159).
1643—1715 Людовикъ XIV.
1648 Вестфальскій миръ.
1651 *Левіаѳанъ* Гоббса (157). Навигаціонный актъ Кромвеля (13).
1652 Начало колонизаціи Капской земли голландцами.
1652—1654 Англо-голландская война (переходъ морской гегемоніи отъ Голландіи къ Англіи) (136).
1660—1688 Стюарты въ Англіи (реставрація) (159).
1669—1722 Толэндъ, англійскій деистъ (163).
1679 *Habeas Corpus Act.*
1680 Открытіе закона тяготѣнія Ньютономъ (154).
1685 Отмѣна Нантскаго эдикта.
1685—1688 Яковъ II Стюартъ (160).
1687 *Математическія основы философіи природы* Ньютона [(154).
1688 Вторая англійская революція (160).
1689 *О Правительствѣ* Локка (160).
1689—1755 Монтескье, французскій политическій мыслитель (166).
1690 *Письма о вѣротерпимости* Локка (162).
1694—1774 Д-ръ Кене, основатель школы физіократовъ (180).
1694—1778 Вольтеръ, главный представитель литературы „просвѣщенія“ (164).
1695 *О разумности христіанства* Локка (164).
1696 *Христіанство безъ тайнъ* Толэнда (164).
1701—1713 Война за испанское наслѣдство.
1702 Объединенная Остъ-Индская компанія въ Англіи (137).
1704 *О свѣтѣ и цвѣтахъ* Ньютона (154).
1707 Паровой двигатель Папэна (182).
1707—1788 Бюффонъ, французскій естествоиспытатель (182).
1712—1778 Руссо, французскій писатель, философъ и политическій мыслитель (173).
1713 Утрехтскій миръ.

1714—1727 Георгъ I: начало Ганноверской династіи въ Англіи (208).

1715—1774 Людовикъ XV,

1721 *Персидскія письма* Монтескье (169).

1721—1742 Министерство Уольполя (210).

1724 Декларація Людовика XV противъ протестантовъ (166).

1726 Вольтеръ въ Англіи (165).

1727 Смерть Ньютона. Рожденіе Тюрго.

1727—1760 Георгъ II; образованіе кабинета министровъ въ Англіи (209).

1731 *Англійскія письма* Вольтера (165).

1740—1786 Фридрихъ II Прусскій.

1743—1794 Лавуазье, основатель научной химіи (182).

1748 *О духѣ законовъ* Монтескье (170).

1749 Первое разсужденіе Руссо *(О наукахъ и искусствахъ)* (173).

1750—1772 *Энциклопедія* (172).

1754 Второе разсужденіе Руссо *(О неравенствѣ)* (174).

1754—1821 Жозефъ де-Местръ, публицистъ и теоретикъ реакціи (226).

1756—1763 Семилѣтняя война (192).

1762 *Общественный договоръ* Руссо (174). *Исторія славяно-болгарская* Паисія Хиландарскаго (257). Послѣдній случай казни протестантскаго пастора во Франціи. Дѣло Каласовъ (166).

1763 Парижскій миръ: Франція уступаетъ Канаду и часть Антильскихъ острововъ Англіи.

1765—1790 Іосифъ II.

1768 *Физіократія* Кепе (180).

1768—1848 Шатобріанъ, французскій писатель, главный представитель романтизма (222).

1769 Рожденіе Наполеона.

1771 Упраздненіе парламентовъ во Франціи (Мопу) (193).

1774—1792 Людовикъ XVI (193).

1775 Отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній отъ Англіи (215).

1775—1776 Реформы Тюрго (193).

1776—1781 Реформы Неккера (195).

1778—1783 Франко-англійская война (195).

1781 Смерть Тюрго (193). Отставка Неккера (195).

1783—1788 Калоннъ—министръ (195).

1783 Версальскій миръ; признаніе независимости С. Штатовъ С. Америки (273).

1783—1806 Питтъ Младшій (213).

1784 Индійскій билль (215). Первая фабричная паровая машина (216).

1787 Собраніе нотаблей въ Версалѣ (196).

1788 Парламентскій переворотъ во Франціи (197).

1789 Созывъ генеральныхъ штатовъ во Франціи (197). *Декларація правъ человѣка и гражданина* (199).

1789—1791 Учредительное собраніе во Франціи (199).

1790 *Положеніе о гражданскомъ устройствѣ духовенства* (200).

1791 *Конституція 1791 г.* Начало контръ-революціоннаго движенія во Франціи (200).

1791—1861 Чешскій поэтъ Ганка (254).

1792 Провозглашеніе республики во Франціи (200). Начало революціонныхъ войнъ (204):

1792—1796 Національный Конвентъ (200).

1793 Казнь Людовика XVI (200).

1794 Переворотъ 9 термидора (201).

1795—1861 Шафарикъ, чешскій ученый-патріотъ (254).

1796—1799 Директорія. Ростъ монархическаго движенія (201).

1798—1876 Палацкій, чешскій историкъ (254).

1799 Переворотъ 18 брюмера: учрежденіе консульства (202). Русскія войска въ Чехіи (252).

1801 Конкордатъ между Франціей и папской куріей (207).

1802 *Духъ христіанства* Шатобріана (223). Наполеонъ—пожизненный консулъ (206).

1804 Наполеонъ—императоръ (206). Смерть Неккера (195).

1806 Континентальная система Наполеона (229).

1807 Тильзитскій миръ. Герцогство Варшавское (252).

1807—1808 *Рѣчи къ нѣмецкой націи* Фихте (239).

1807—1882 Гарибальди, итальянскій патріотъ (247).

1808—1872 Мадзини, итальянскій патріотъ, основатель „Молодой Италіи“ (247).

1809 *Мученики* Шатобріана (223). *Опытъ о творческихъ началахъ политическихъ конституцій* Ж. де-Местра (227). „Иллирійскія провинціи“ (252).

1810—1861 Кавуръ, сардинскій министръ и итальянскій патріотъ.

1814 Крушеніе имперіи Наполеона. Вѣнскій конгрессъ.

1814—1830 Эпоха Реставраціи (219).

1815 Возвращеніе Наполеона съ о. Эльбы. Рожденіе Бисмарка.

1816—1826 *Возстановленіе государственной науки* Галлера (228).

1818 Чешскій музей въ Прагѣ (253).

1818—1820 *Курсъ конституціонной политики* Бенжамэна Констана (232).

1819 Краледворская рукопись (254).

1821 Смерть Наполеона на о. св. Елены.

1825 Начало морского пароходства (241).

1830 Іюльская революція: смѣна династіи и торжество буржуазіи (231).

1830—1848 Іюльская монархія (230).

1831 Чешская матица въ Прагѣ (254). „Молодая Италія" (Мадзини) (247).

1833 Начало завоеванія Алжира французами (270).

1834 Германскій Таможенный союзъ (241).

1837 Изобрѣтеніе телеграфа Морзе.

1840 Начало регулярнаго пароходнаго сообщенія между Европой (Англіей) и Америкой (Сѣверной). Начало англійскихъ колоній въ Ю. Африкѣ (Наталь). Нѣмецкая патріотическая пѣсня: „*Стража на Рейнѣ*" (241).

1841 Начало рабочаго законодательства во Франціи (236). Начало французской оккупаціи о. Мадагаскара (271).

1842 Торжество въ Кельнѣ (начало работъ по достройкѣ собора) (242).

1846 Съѣздъ „германистовъ" во Франкфуртѣ-на-Майнѣ (242).

1846—1878 Папа Пій IX (248).

1848 Февральская революція (234). Франкфуртскій парламентъ (242). Славянскій съѣздъ въ Прагѣ (256).

1848—1852 Февральская республика (236).

1848—1915 Францъ-Іосифъ II (248).

1849 Неудачная попытка объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи (243).

1850 Возстановленіе Германскаго союза съ Австріей во главѣ (244).

185 Переворотъ 2 декабря (238).

1852—1870 Вторая имперія во Франціи (238). Начало возстановленія колоніальнаго домена Франціи (270).

1854 Начало оккупацiи Сенегала французами (270).
1854—1856 Крымская война (259).
1858 Упраздненiе англiйской Остъ-Индской компанiи: Индiя поставлена подъ государственное управленiе (269).
1859 Начало постройки Суэцскаго канала (270).
1861 Провозглашенiе королевства Италiи (249).
1862 Прiобрѣтенiе Францiей Кохинхины и Камбоджи (270).
1863 Датская война (244),
1865 Прiобрѣтенiе гамбургскимъ торговымъ домомъ Годфруа земельныхъ владѣнiй на о. Самоа.
1866 Битва при Садовой; образованiе Сѣверо-Германскаго союза подъ главенствомъ Пруссiи (244). Присоединенiе Венецiанской области къ Италiи (249).
1867 Прiобрѣтенiе русской Аляски С. Штатами (273). Первый имперскiй сеймъ Сѣверо-Германскаго союза (244).
1869 Открытiе Суэцскаго канала (270).
1870 Болгарскiй экзархатъ: церковная автономiя Болгарiи (259).
1870—1871 Франко-германская война; объединенiе Италiи и Германiи (244, 250).
1874 Всемiрный почтовый союзъ.
1875—1876 Возстанiе сербовъ и болгаръ противъ турокъ (260, 263).
1876 Принятiе англiйской королевой титула „императрицы Индiи“ (269).
1877—1878 Русско-турецкая война за освобожденiе балканскихъ славянъ (260).
1878 Санъ-Стефанскiй и Берлинскiй трактаты (260, 264).
1879—1886 Александръ Баттенбергскiй, первый князь Болгарскiй (260).
1879 Занятiе о. Кипра Англiей (270).
1880 Прiобрѣтенiе Францiей владѣнiй въ области Конго (271).
1881 Протекторатъ Францiи надъ Тунисомъ (270).
1882 Занятiе Англiей Египта (270). Учрежденiе чешскаго университета въ Прагѣ (256).
1883 Прiобрѣтенiе Францiей Тонкина и Аннама (270).
1884 Начало германскихъ колонiй (Того, Камерунъ) (271).
1885 Возсоединенiе Восточной Румелiи съ Болгарiей (261).
1886 Занятiе Англiей Бирмы.
1886—1887 Переворотъ въ Болгарiи; отреченiе Александра Баттенбергскаго и избранiе Фердинанда Кобургскаго (261).

1888 Смерть имп. Вильгельма I и Фридриха III; вступленіе на престолъ Вильгельма II (245).

1889 Отреченіе Милана Обреновича въ пользу малолѣтняго сына Александра (264).

1890 Отставка Бисмарка (245).

1896 Мадагаскаръ—французская колонія (271).

1898 Испано-американская война. Начало колоніальнаго расширенія С. Штатовъ С. Америки (Гавайскіе острова, Куба, Порторико, Филиппинны) (274). Смерть Бисмарка.

1899 Германія покупаетъ у Испаніи Маріанскіе и Каролинскіе острова и дѣлитъ съ Соединенными Штатами С. А. архипелагъ Самоа (271). Начало англо-бурской войны (268).

1902 Расширеніе южно-африканскихъ колоній Англіи присоединеніемъ бурскихъ республикъ (269).

1903 Военный переворотъ въ Сербіи: конецъ династіи Обреновичей и возстановленіе Карагеоргіевичей (264).

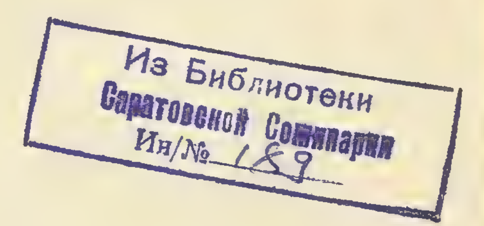
1908 Объявленіе Болгаріи независимымъ королевствомъ (261). Аннексія Босніи и Герцеговины Австро-Венгріей (264).

1912 Балканскій союзъ (Болгарія, Сербія, Черногорія, Греція). Побѣдоносная война съ Турціей.

1913 Распаденіе Балканскаго союза: болгаро-сербская война.

1914 Покушеніе Австріи на независимость Сербіи. Начало великой европейской войны (246).

1915 Италія выходитъ изъ тройственнаго союза и объявляетъ войну Австро-Венгріи (250).

КНИГИ И БРОШЮРЫ

проф. П. Н. АРДАШЕВА,

имѣющіяся въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина (Кіевъ, Крещатикъ, 33) и Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29):

Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. Москва, 1890. Цѣна 2 р.

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Провинціальные интенданты. Томъ I. Спб., 1900. Цѣна 2 р. 50 к.— Томъ II. Кіевъ, 1906. Цѣна 2 р. 75 к. (Удостоено Московскимъ Университетомъ преміи С. М. Соловьева и Императорской Академіей Наукъ преміи митрополита Макарія; включено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ число пособій для преподавателей исторіи въ мужскихъ гимназіяхъ по новымъ программамъ, утвержденнымъ 13 іюля 1913 г.).

Абсолютная монархія на Западѣ. Спб., 1902. Цѣна 1 р.

Мѣсяцъ во французской провинціи. Изъ дневника П. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1903. Цѣна 50 к.

О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Вступительная лекція. Кіевъ, 1904. Цѣна 35 к.

Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ, 1905. Цѣна 75 к.

Разборъ книги А. Ону: „Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія“. Спб., 1909. Цѣна 40 к.

Исторія Западной Европы въ новѣйшее время. Отъ конвента до нашихъ дней. (Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. Петрова). Часть I. Спб., 1910. Цѣна 1 р. 40 к.—Часть II. Спб., 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Нѣсколько словъ по поводу книги проф. Олара о Тэнѣ. Кіевъ, 1910. Цѣна 10 к.

Французскій Bailli и его римскіе и византійскіе предки. Кіевъ, 1910. Цѣна 20 к.

Націонализмъ на Западѣ. Его историческое происхожденіе и главнѣйшіе моменты его развитія. Кіевъ, 1911. Цѣна 25 к.

Третій международный историческій конгрессъ въ Лондонѣ. Спб., 1913. Ц. 50 к.

Французская революція въ изложеніи римскихъ историковъ. (Ученая шутка). Одесса, 1914. Цѣна 15 к.

Конецъ Лангдокскаго интендантства. Харьковъ, 1914. Цѣна 20 к.

Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Часть I. Эпоха гуманизма и реформаціи. Кіевъ, 1914. Цѣна 1 руб. Часть II. Эпоха абсолютизма и революціи. Кіевъ, 1915. Цѣна 1 р. 25 к. (Допущена Министерствомъ Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній). — Часть III. Девятнадцатый вѣкъ (печатается).

Les Intendants de province sous Louis XVI. Traduit du russe, sous la direction de l'auteur, par Louis Jousserandot. Paris, Félix Alcan, 1909. Prix 10 fr.

ПЕРЕВОДЫ И СОЧИНЕНІЯ

составленныя подъ редакціей **проф. П. Н. АРДАШЕВА:**

Эразмъ Роттердамскій. Похвала Глупости. Переводъ съ латинскаго. Изданіе третье, исправленное. Кіевъ, 1910. Цѣна 50 к.

Наказы третьяго сословія Аррасскаго бальяжа въ 1789 г. Сочиненіе студентовъ Императорскаго Университета св. Владиміра Н. И. Никифорова, Н. П. Руткевича и В. Н. Евстафьева, подъ ред. проф. П. Н. Ардашева. Кіевъ, 1911. Цѣна 1 р.

Критико-библіографическій обзоръ учебной литературы по исторіи на русскомъ языкѣ съ 1890 по 1912 г. Учебники по Русской Исторіи. Составлено группой слушательницъ Историко-филологическаго отдѣленія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ, подъ ред. проф. П. Н. Ардашева. Кіевъ, 1913. Цѣна 1 р.

Судъ во Франціи при старомъ порядкѣ по наказамъ третьяго сословія Сансскаго бальяжа. Сочиненіе слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ И. К. Григорьевой, подъ ред. проф. П. Н. Ардашева. Кіевъ, 1914. Цѣна 70 к.
